
К 6 10/224

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIV, выпускъ 1.

ОЧЕРКЪ
ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА МОРДВЫ.

Владиміра Майнова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1885.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIV, выпускъ 1.

ОЧЕРКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА МОРДВЫ

Владиміра Майнова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1885.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Первый выпускъ XIV тома Имп. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію Этнографіи изданъ подъ редакціею дѣйствительнаго члена П. А. Соколовскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію читателя трудъ составляетъ второй отдѣлъ результатовъ поѣздки дѣйствительнаго члена В. Н. Майнова, совершенной имъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1877 году *). За руководство при наблюденіяхъ г. Майновымъ была принята программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, изданная Географическимъ Обществомъ въ 1877 г.

Изслѣдованіе г. Майнова вноситъ въ литературу народовѣдѣнія множество новыхъ свѣдѣній относительно наиболѣе важныхъ сторонъ быта Мордвы, до сихъ поръ недостаточно изученнаго, не смотря на то, что племя это по своей численности **) и по культурѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только между финскими племенами, но и вообще между инородцами Россіи. Особенно подробно изслѣдованы г. Майновымъ вопросы о семейныхъ отношеніяхъ. Не задаваясь цѣлію составить сводъ юридическихъ обычаевъ Мордвы, авторъ сосредоточилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на выясненіи различныхъ особенностей въ воззрѣніяхъ этого племени на правовыя отношенія, сложившихся въ теченіе его исторической

---

*) Первый отдѣлъ наблюденій г. Майнова: «Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы - Эрзи» помѣщенъ въ т. XI Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію Этнографіи. С.-Петербургъ. 1883.

**) По изслѣдованіямъ А. Ѳ. Риттиха численность Мордвы достигаетъ 800.000 (791.954) чел. По губерніямъ Мордва распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Самарской ея насчитывается 173.003 чел., въ Симбирской—134.908, въ Пензенской 123.973, въ Нижегородской 112,179, въ Тамбовской 101.884, въ Саратовской 100.546, въ Казанской 18.473, въ Оренбурской 9.917, въ Астраханской 4.496 и, наконецъ, въ Харьковской 50.

жизни, независимо отъ вліянія сосѣднихъ народностей, и отчасти на изслѣдованіи тѣхъ перемѣнъ, какія совершаются во взглядахъ названнаго племени подъ вліяніемъ русскаго населенія. Трудность и обширность самого предмета, скудость историческихъ данныхъ о прежнихъ судьбахъ Мордвы, вслѣдствіе чего представляется въ большинствѣ случаевъ невозможнымъ выдѣлить явленія самобытныя отъ внесенныхъ извнѣ, наконецъ, недостаточность самаго матеріала были причинами, почему въ изслѣдованіи автора замѣчается нѣкоторая неполнота и непропорціональность частей. Наибольшее вниманіе удѣлено имъ свадебнымъ обрядамъ, большая часть которыхъ или не имѣла никогда, или уже потеряла прежнее юридическое значеніе; напротивъ того, отдѣлы о наслѣдствѣ и вещномъ правѣ разработаны въ болѣе сжатомъ видѣ; о способахъ пользованія мірской землей говорится особенно мало. Наблюденія надъ жизнью Мордвы въ мѣстностяхъ, не посѣщенныхъ авторомъ, и обработка почти не затронутаго имъ матеріала, заключающагося въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, можетъ быть, ослабятъ значеніе нѣкоторыхъ обобщеній и выводовъ г. Майнова, иногда основанныхъ на двухъ-трехъ фактахъ и даже пословицахъ, соотвѣтствіе которыхъ съ существующими условіями жизни требуетъ еще доказательствъ. Далѣе, представляется не совсѣмъ обоснованнымъ мнѣніе автора о деморализующемъ вліяніи русскаго крестьянскаго населенія на Мордву, выражающемся, по утвержденію его, «вездѣ и во всемъ не смягченіемъ, а, напротивъ, нѣкоторымъ ожесточеніемъ нравовъ» (стр. 131) Чтобы показать односторонность такого утвержденія, приведемъ одинъ примѣръ. Свидѣтельствуя (стр. 35), что въ послѣднее время у Эрзи браки стали чаще совершаться по волѣ однихъ родителей помимо согласія дѣтей, авторъ объясняетъ такое усиленіе родительской власти русскимъ вліяніемъ. Вѣрнѣе было бы, кажется, искать объясненія этой перемѣны въ исторіи самой Мордвы. По вѣрному замѣчанію Кавелина *), въ историческомъ разви-

*) Сочиненія К. Кавелина, т. IV, стр. 156 и слѣд.

тіи брака первобытныя формы его, похищеніе и покупка, смѣняются обыкновенно договоромъ двухъ семей безъ участія вступающихъ въ бракъ. Мордва лишь позднѣе своихъ сосѣдей вступила въ этотъ фазисъ, и въ то время, какъ договоръ родителей среди русскаго населенія представляется преобладающею формой брака, у Мордвы онъ только теперь начинаетъ вытѣснять прежнія формы. Но среди русскаго населенія, какъ видно изъ многочисленныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ *), уже зарождается новая форма брака, по непринужденному согласію брачущихся, и въ виду этого слѣдовало бы ожидать, что русское вліяніе должно ослаблять, а не усиливать самовластіе родителей при заключеніи браковъ у Мордвы.

Указанные пробѣлы впрочемъ нисколько не уменьшаютъ важнаго значенія труда г. Майнова, представляющаго первый опытъ систематическаго описанія быта Мордвы.

Для облегченія пользованія матеріаломъ, заключающимся въ этомъ изслѣдованіи, мы сочли полезнымъ составить подробное оглавленіе.

П. Соколовскій.

---

*) Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, т. II, стр. 45; Оршанскій, И. Г., Изслѣдованія по русскому праву, обычному и брачному, стр. 41 и слѣд.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА МОРДВЫ.

Обособившись отъ русскаго человѣка и складомъ физическимъ, и складомъ своего ума и нѣкоторыми особенностями характера, обусловливающими довольно значительную разницу и во всемъ жизненномъ строѣ, Мордвинъ, потомокъ тѣхъ финновъ, которые не прельстившись сѣвернымъ просторомъ, облюбили мѣста приволжскія въ отношеніяхъ къ своимъ односемьянамъ, односельчанамъ и согражданамъ выработалъ многое такое, что рѣзко отличаетъ его отъ русскаго крестьянина; но вмѣстѣ съ тѣмъ безобидное съ обѣихъ сторонъ, даже обоюдовыгодное сосѣдское сожительство съ новыми инородными насельниками стародавней мордовской территоріи — «Эрзянъ мастырь» (страна живыхъ), не могло оставаться безъ вліянія на складъ жизни и на запасъ семейнообщественныхъ воззрѣній Мордвина, а въ виду его способности къ уживчивости и къ переимчивости, скоро и въ воззрѣніяхъ этихъ, и въ его семейномъ, а затѣмъ и общественномъ быту сдѣлалось возможнымъ наблюдать цѣлый рядъ наслоеній, которыя отчасти приняты были имъ потому, что такъ жить ему полюбилось, а отчасти вошли въ житейскую его мудрость незавѣдомо для него самого, просто лишь въ силу частаго и непротивнаго ему примѣра.

Привела судьба Мордвина столкнуться въ жизни съ татарами и, всматриваясь въ житье-бытье послѣднихъ, онъ услѣдилъ многое такое, до чего самъ прежде того не додумался, что не только не противорѣчило его вкусамъ, не претило ему само по себѣ и не шло въ разрѣзъ съ его привычками, но казалось ему болѣе удобнымъ и вполнѣ достойнымъ подражанія, а вслѣдствіе того и явился

цѣлый рядъ заимствованій у татаръ, которыя весьма легко услѣдить, если изслѣдователь хотя сколько нибудь знакомъ съ житьемъ-бытьемъ того татарина, который въ силу обстоятельствъ утерялъ чисто мусульманскую обособленность и зажилъ простою, разумною, торговоземледѣльческою жизнію всякаго культурнаго народа.

Но гораздо болѣе наслоеній въ бытѣ Мордовскомъ носятъ на на себѣ то несомнѣнные, то угадываемые и предполагаемые слѣды заимствованій у русскихъ, такъ какъ совершенно подобный складъ отношеній можно наблюдать среди того русскаго крестьянства, которое частью по своей волѣ, частью по неволѣ попало въ центръ мордовской территоріи, или же живетъ сосѣдственно съ Мордвою, мало по малу ассимилируя ее при посредствѣ школы, торговли и моды. Тутъ и представляется для изслѣдователя громадная трудность распознать, что именно переняла Мордва у русскихъ сосѣдей и какъ переработала она перенятое, и напротивъ того не русскіе-ли переняли то или другое у Мордвы, какъ облюбили кое гдѣ татарское омовеніе, заговорили на какомъ-то новомъ ломанномъ языкѣ съ манзами, очеркесились на Кавказской линіи и объякутились въ Якутской области. Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ разрѣшеніе этого интереснаго до крайности вопроса, такъ какъ разрѣшеніе его могло бы быть самостоятельнымъ предметомъ обширнаго изслѣдованія, а также и въ виду печальнаго отсутствія полной картины «русскаго» юридическаго быта, и представимъ здѣсь лишь возможно полную картину юридическаго быта Мордовскаго народа, дозволяя себѣ лишь иногда намѣчать тѣ общія черты этого быта, которыя можно наблюдать и среди русскаго крестьянства.

Когда потребовалось переводчикамъ священнаго писанія на Мордовскій языкъ переводить первый стихъ первой главы евангелія отъ Матѳея, то пришлось по неволѣ стать въ тупикъ, такъ какъ подходящаго Мордовскаго слова для «родословія», также точно какъ и для слова «родня» въ томъ смыслѣ, какъ понимается оно у насъ, не оказалось вовсе въ сокровищницѣ языка Мордовскаго народа, и пришлось изворачиваться для того, чтобы передавать его языкомъ то понятіе, до котораго не додумался еще просвѣщаемый народъ. Мордвинъ знаетъ родню въ самомъ тѣсномъ

смыслѣ «рода-племени» и называетъ ее то «*тевксъ*», если онъ Эрзянинъ, то «*тевъ*», если онъ говоритъ на Мокшанскомъ нарѣчіи, а оба эти слова перевести можно чрезъ «порожденіе», «порода» [1]) какъ продуктъ порожденія, на что указываютъ и самыя окончанія *в* и *вксъ*, которыя составляютъ признакъ существительнаго, означающаго продуктъ дѣйствія, выражаемаго данною глагольною формою [2]) «*Сембэ тевинди, аш-мезивыкв илэнди*» (все роду, ничего чужому), говоритъ Мордвинъ и знаетъ при этомъ очень хорошо, что «*тевинди работанъ, естинэ работанъ*», т. е. на родню работать—на себя работать и что «*озалъ муйи тевъ*», т. е. что горе находитъ родню. Слово «*тевъ*» никогда однако не имѣетъ значенія родоваго участка, клана, tribus или чего либо подобнаго, изъ чего бы можно было вывести заключеніе, что въ прежнее время сѐмьи, принадлежавшія къ одному и тому же роду составляли одно цѣлое въ соціальномъ отношеніи. Подобное явленіе рѣшительно не могло имѣть мѣста уже и потому, что каждая семья, ради охоты и иныхъ удобствъ, старалась поселиться какъ можно далѣе отъ мѣста сельбищъ другой семьи, дабы имѣть болѣе простора, а слѣдовательно и болѣе средствъ къ пропитанію. Въ настоящее время можно услыхать въ Мордовской деревнѣ горькую пословицу, привнесенную въ мудрость народную горькимъ многолѣтнимъ опытомъ: «*тятъ йота теви, йотакь шабери озалне*», т. е. не ходи къ роднѣ, ходи къ сосѣду въ горѣ; все это несомнѣнно идетъ въ разрѣзъ съ стародавнею повидимому пословицею, что горе заставитъ найти родню, хотя бы въ счастіи человѣкъ и чуждался ея. Все это заставляетъ предполагать, что Мордва не знала родни въ широкомъ смыслѣ этого слова и считала родными лишь одноутробниковъ, или вѣрнѣе однокровниковъ, что видно изъ самаго уже слова «*тевъ*»; быть можетъ впослѣдствіи уже, хотя сравнительно и рано, Мордва стала различать лицъ, происшедшихъ отъ одного производителя, какъ бы далеко отъ живущихъ и считающихся роднею послѣдній ни стоялъ, и, въ виду того обстоятельства, что оба нарѣчія Мордовскаго языка обладаютъ большимъ запасомъ словъ для обозначенія различныхъ родственныхъ отношеній, мы можемъ почти безошибочно сказать, что

---

[1]) Отъ «*тейанъ*» производить, рождать, творить.

[2]) См. Ahlquist. Vers. ein. Mokscha Mord. Gram. стр. 13 § 51.

въ моментъ встрѣчи съ русскими Мордва знала уже роднюю въ смыслѣ лицъ имѣющихъ общаго, хотя бы и отдаленнаго родоначальника или производителя.

Ясно, что понятіе о свойствѣ привнесено въ Мордовское міровоззрѣніе русскими, такъ какъ никакихъ намековъ на его существованіе въ древности мы въ языкѣ не находимъ, и родъ невѣсты не переставалъ быть для рода жениха все-таки «*иленнэ*»—чужимъ, а иногда «*шаберв*», т. е. сосѣдомъ, что, быть можетъ, указываетъ на обычай брать невѣсту изъ сосѣдняго рода; никогда невѣстинъ родъ не дѣлается «*тевв*» въ виду разности производителей обоихъ родовъ, которые по всѣмъ вѣроятіямъ и послѣ свойства не переставали враждовать между собою и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ краше и лучше была отбитая невѣста, чѣмъ молодцоватѣе она взята съ бою.

Подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, а также, быть можетъ, отчасти и вслѣдствіе сосѣдственнаго сожительства съ русскими, Мордва, и при томъ въ особенности болѣе склонная къ руссификаціи Эрзя, стала привыкать мало по малу къ тому, чтобы, расширяя кругъ лицъ, входящихъ въ составъ «*тевв*», считать роднею всѣхъ тѣхъ, кого причисляетъ къ ея числу русскій человѣкъ, а наконецъ и свойственниковъ перестала считать чужеродцами и даетъ имъ то равное значеніе съ сородичами, [1]) то продолжаетъ все-таки ставить ихъ или вовсе чужаками, или чѣмъ-то нисшимъ противъ сородичей равныхъ степеней, и помѣщаетъ ихъ тотчасъ за троюродными въ порядкѣ почета за почетными столами во время семейныхъ праздниковъ и семейныхъ моленныхъ дней [2]). Многіе объясняютъ извѣстный Мордовскій обычай при громѣ кричать: «Пургине-Пасъ! ты чай нашъ!» тѣмъ, что Пургине-Пасъ женился на дѣвушкѣ Сыржѣ и съ той будто бы поры сталъ «нашимъ» для Мордвы; но все заставляетъ предполагать, что этотъ богъ грома всегда и притомъ по преимуществу передъ другими считался Мордвою «своимъ», такъ какъ онъ, а не кто либо иной, является народнымъ героемъ Мордовской эпической поэзіи то подъ собственнымъ своимъ

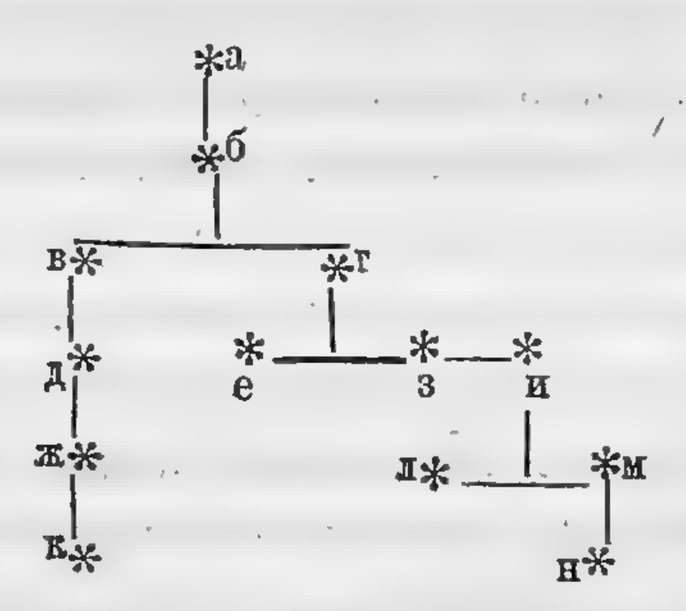
---

[1]) с. Сарлеи, Нижегор. уѣздъ, Марья Данилова; с. Семейкино, Самарскій уѣздъ, Антонъ Мосѣевъ; Пичилеи, Городищенскій уѣздъ, Дарья Евреинова.

[2]) с. Мамалаево, Краснослободскій уѣздъ, Тихонъ Ивановъ Васильчикинъ; с. Эваслеи на р. Эвасъ, Темниковскаго уѣзда, Елена Кузнецова; с. Верхисъ, Инсарскаго уѣзда, Николай Мурзайкинъ.

именемъ, а то подъ именемъ «Пургаса», извѣстнаго и нашимъ лѣтописямъ; такимъ образомъ формула чисто заклинательнаго характера: «Пургине Пазъ! ты чай нашъ» отнюдь не имѣетъ въ виду указать, что богъ сдѣлался своимъ человѣкомъ для Мордвы только вслѣдствіе сожительства съ Сыржею, а лишь то, что «ты, Пургине-пазъ, нашъ, народный богъ! за что же ты сердишься и гнѣваешься»?

Въ общей массѣ родни, конечно, не всякій пользуется одинаковымъ почетомъ и въ этомъ отношеніи оцѣнкою важности и почетности сородича принимается сравнительное его отстояніе отъ общаго производителя, и въ силу этого младшій дядя является иногда ниже племянника, такъ какъ въ разсчетъ принимается число рожденій; изъ прилагаемой таблицы видно, что дѣдъ *и* будетъ равенъ

въ семейномъ почетѣ внуку *к*, а послѣдній будетъ на 4 ступени выше въ семейномъ почетѣ противъ четвероюднаго брата своего *н*, такъ какъ каждое отдѣльное рожденіе считается за новую ступень; и, въ самомъ дѣлѣ, отъ *а* до *к* мы насчитываемъ только 6 рожденій, тогда какъ отъ *а* до *н* цѣлыхъ 9. Ясно, что въ силу такого счета двоюродное родство должно считаться ближайшимъ противъ троюроднаго и т. д., но нигдѣ мы не находимъ какихъ либо намековъ на то, чтобы даже двоюродное родство считалось препятствіемъ къ браку, а въ виду того, что боги мордовскіе не стѣснялись жениться на своихъ дочеряхъ, мы можемъ съ основаніемъ предполагать, что даже и болѣе близкое родство не служило помѣхою къ браку и только за недостаткомъ женщинъ Мордва обратилась къ чужеродцамъ съ искательствомъ женъ; еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе полное отсутствіе у Мордвы чего либо подобнаго нашему сказочно-эпическому мотиву о сынѣ-мужѣ,

братѣ-мужѣ и т. п. Только цивилизуясь и, быть можетъ, только лишь при встрѣчѣ своей съ татарскими пришельцами Мордва отчуралась отъ браковъ между ближайшими сородичами, а нынѣшними родственными помѣхами она несомнѣнно обязана христіанству и, слѣдовательно, исключительно русскому элементу. Въ обычаяхъ Мордвы есть даже намеки на стародавнее существованіе свальнаго грѣха, а при этомъ всеконечно не обращалось вниманія на обоюдородственное отношеніе тѣхъ, кто подъ вліяніемъ религіознаго экстаза приходилъ служить богинѣ.

По отношенію къ духовному родству, какъ и слѣдовало ожидать, Мордва относится не съ одинаковою строгостью и по мѣрѣ того, какъ мы станемъ подвигаться къ сплошнымъ русскимъ поселеніямъ, мы будемъ замѣчать, что духовному родству населеніе придаетъ все большое и большее значеніе; нечего и говорить, что въ чисто Мордовскихъ центрахъ, какъ напримѣръ у ясачной Мордвы на р. Пьянѣ, по р. Дикому Сатису, по р. Сивини и вообще тамъ, куда русскія воззрѣнія не успѣли еще проникнуть, духовное родство не имѣетъ ровно никакого значенія и считается лишь лишнимъ средствомъ къ поборамъ со стороны мѣстнаго духовенства. Въ Краснослободскомъ уѣздѣ, въ с. Мамалаевѣ, никто не рѣшится выдать свою дочь за кумова сына, хотя и не задумается заключить условіе о бракѣ съ молодымъ человѣкомъ, находящимся съ невѣстою въ третьей степени духовнаго родства [1]) и только препятствія, дѣлаемыя подобнымъ бракамъ со стороны духовенства, не допускаютъ ихъ учащенія, такъ какъ народъ не можетъ никакимъ образомъ понять ихъ неестественности. Намъ случалось попадать на браки даже и дѣтей покумившихся лицъ, но подобные случаи возможны только тамъ, гдѣ Мордва не утеряла еще своего своеобразнаго типа и характера [2]). Едва обратимся мы однако къ изслѣдованію тѣхъ мѣстъ, гдѣ Мордва издавна живетъ сосѣдственно съ русскими, какъ увидимъ, что русское народное воззрѣніе на грѣховность браковъ лицъ, находящихся между собою въ духовномъ родствѣ, успѣло значительно усвоиться Мордовскимъ народомъ и даже вкорениться

[1]) с. Мамалаево, Краснослоб. уѣздъ, Тихонъ Васильчикинъ.

[2]) Напримѣръ въ Лукоянов. уѣздѣ, въ сел. Ревезень, на р. Пьянѣ, крестьянинъ Кирила Зайцевъ женатъ на дочери своего крестнаго отца Татьянѣ.

до такой степени въ убѣжденія его, что онъ зачастую въ этомъ отношеніи идетъ далѣе тѣхъ, кто научилъ его этому и сторонится, напримѣръ, отъ брака дочери кума и племянника кумы [1]).

Въ большинствѣ случаевъ и опять таки преимущественно среди Эрзи мы наблюдаемъ громадное значеніе духовнаго родства, которое до такой степени служитъ помѣхою къ бракамъ, что иногда [2]) бракъ не допускается даже и между лицами, находящимися между собою въ 6 степени духовнаго родства. Въ другихъ мѣстахъ, населенныхъ болѣе или менѣе обрусѣлою Эрзею мы наблюдаемъ, что духовное родство служитъ помѣхою въ 4, иногда только во 2 степени, [3]) причемъ только изрѣдка родители обращаются къ мѣстному духовенству за разрѣшеніемъ ихъ сомнѣній, такъ какъ въ большей части случаевъ они не устраиваютъ подобныхъ браковъ по собственному побужденію.

О самомъ фактѣ усыновленія и объ отношеніи къ нему народа мы будемъ имѣть случай говорить ниже и здѣсь считаемъ лишь полезнымъ замѣтить, что Мордва отнюдь не чурается усыновленія, а скорѣе даже относится къ такому дѣйствію хорошо, такъ какъ при посредствѣ усыновленія въ домъ является новая рабочая сила, которою трудолюбивый Мордвинъ дорожитъ сильно и спросъ на которую заставилъ его даже смотрѣть сквозь пальцы на шалости его дочерей до замужества. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что усыновленіе вовсе не играетъ роли ни въ имущественныхъ отношеніяхъ семьи, ни въ видѣ помѣхи къ браку у Эрзи, которая, слѣдуетъ замѣтить вообще, охотнѣе Мокши идетъ на усыновленіе въ юридическомъ значеніи этого слова [4]). Мокшанинъ наоборотъ считаетъ невозможнымъ усыновить кого либо юридически, т. е. съ надѣленіемъ усыновляемаго всѣми или нѣкоторыми правами сына,

---

[1]) Такой примѣръ былъ мною наблюдаемъ въ с. Кужуткѣ — Нижегород. уѣзда, въ бассейнѣ р. Пичесы.

[2]) с. Сарлеи, Нижегор. уѣздъ, Марья Данилова.

[3]) Лебежайка, Хвалынскій уѣздъ, Наталья Ананьева и с. Пермисъ Корсунскій уѣздъ Марья Гудкова, Саранскій уѣздъ с. Кочкурово Миронъ Асякаевъ.

[4]) Сарлеи, Нижег. уѣздъ, Марья Данилова; с. Лебежайка, Хвалынскій уѣздъ, Наталья Ананьева; Ардатов. уѣздъ, Нижег. губ., с. Макателемъ, Наталья Ревингина.

такъ какъ онъ полагаетъ, что «для передачи какихъ бы то ни было правъ въ семьѣ требуется, чтобы лицо было непремѣнно однихъ кровей» [1]). Конечно это не мѣшаетъ при смерти отца семейства послѣднему распорядиться своимъ имуществомъ, какъ ему угодно и отдать даже все своему пріемышу, но это распоряженіе возможно лишь вслѣдствіе безграничности имущественныхъ и иныхъ правъ, принадлежащихъ у Мордвы отцу семейства, который, въ случаѣ непокорности дѣтей, можетъ даже отдать помимо ихъ свое имущество чужому человѣку. При всемъ томъ случаи принятія въ домъ пріемышей часты и среди Мокши, но никогда подобнаго рода пріемышъ не можетъ разсчитывать на какую либо часть изъ общесемейнаго имущества, такъ какъ все зависитъ отъ отца семейства, отъ главы дома. Пріемышъ пользуется семейнымъ достаткомъ, ѣстъ, пьетъ и одѣвается на общесемейный счетъ, но при раздѣлѣ онъ получаетъ часть лишь изъ милости, только потому, что угодилъ особенно отцу семейства. Если отецъ умирая никакого распоряженія не сдѣлалъ, то пріемышъ зачастую безъ всего удаляется изъ пріютившаго дома, и если и получаетъ что либо на первое время, то опять таки вслѣдствіе особеннаго расположенія дѣлящихся наслѣдниковъ; если же онъ жилъ съ ними не въ ладахъ, то онъ удаляется изъ дома ни съ чѣмъ и даже не идетъ жаловаться старикамъ и волостному суду, вполнѣ признавая правильность дѣйствій изгнавшихъ его наслѣдниковъ. Бываютъ однако не рѣдко случаи перепринятія такого пріемыша однимъ изъ наслѣдниковъ, но тогда первый вступаетъ въ домъ уже почти на правахъ работника, хотя ему и дѣлаются противъ простыхъ работниковъ нѣкоторыя поблажки и онъ обладаетъ нѣкоторыми правами на имущество принявшей его семьи, т. е. обшивается семейскими женщинами, если онъ не женатъ, а въ противномъ случаѣ жена его пользуется правами младшей невѣстки. [2])

---

[1]) с. Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Тихонъ Васильчикинъ, а въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратов. губерніи, въ с. Мордовскомъ Кемешкерѣ намъ удалось слышать пословицу: *«мезара вертъ—тенара йавафтъ»*, т. е. сколько кровей (кровныхъ) столько частей, причемъ говорившій прибавилъ: *«йавафъ душаса алянь»*, т. е. а часть (или, вѣрнѣе, размѣръ ея) въ душѣ отца.—

[2]) С. Семейкино, Самар. уѣздъ, Антонъ Мостѣевъ; Петровскій уѣздъ, Саратов. губ., с. Мечкасы, Ѳедосья Голяшкина.

Побратимство можно встрѣтить какъ у Мордвы Эрзи, такъ и у Мордвы Мокши, тогда какъ никто не могъ намъ представить ни одного случая посестримства; бабы даже не понимали для какихъ цѣлей и при какихъ обстоятельствахъ могло бы заключиться между двумя женщинами посестримство, такъ какъ и мужики-то братаются больше безцѣльно и притомъ или сидя въ кабакѣ, или вообще угощаясь виномъ по тому или другому случаю. Побратимство мордовское не влечетъ за собою никакихъ обязанностей и никакихъ правъ для побратившихся между собою лицъ и повидимому вполнѣ соотвѣтсвуетъ нашей «выпивкѣ на ты» или чему либо подобному. Конечно, побратимы стоятъ ближе другъ къ другу, нежели всѣ остальные односельцы, но зачастую побратимъ откажетъ въ помощи побратиму и послѣднiй получитъ ее отъ «шабра», а иногда даже и отъ сторонняго односельчанина. Но если побратимство само по себѣ не играетъ большой роли, то связанное съ «шаберствомъ» (а обыкновенно съ шабрами-то и братаются) оно и получаетъ нѣкоторое значенiе. Алквистъ [1]) полагаетъ, что Финны не имѣли понятiя о сосѣдствѣ, о сосѣдѣ и о правахъ и обязанностяхъ, вытекающихъ изъ сосѣдственнаго сожительства, при чемъ онъ утверждаетъ, что западнофинскiе народы научились различать и называть сосѣда отъ арiйцевъ; далѣе онъ говоритъ, что восточные Финны переняли русское слово «сосѣдъ», но смѣю завѣрить, что этого слова у Мордвы мнѣ не пришлось слышать ни разу и повсюду я записывалъ только «шаберъ», происхожденiе котораго несомнѣнно татарское. Къ «шабру», иногда къ «шабрамъ», идетъ всякая Мордовка за посудою, за молокомъ, за хлѣбомъ, будучи вполнѣ увѣрена, что отказа ей не будетъ; у шабровъ заимствуется Мордвинъ и лошадью, и сохою, и другими понадобившимися ему предметами, зная, что шабры къ шабрамъ пойдутъ, а ужъ просьбу его уважутъ. Уже самая возможность существованiя такихъ пословицъ, какъ: «*шабера максафтэрэи — кать мезара максафтэрэй*» (если не дастъ шаберъ — никто не дастъ) [2]), «*шаберенди атказындэрэлетъ — эститъ аварьданъ*» (если шабру откажешь, самъ запла-

[1]) Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen 1875 стр. 220. s. verb. Nachbar.

[2]) с. Адашево, Инсарскаго уѣзда, Пензенск. губ., Ѳедоръ Эртовъ.

чешь), [1] «*шаберненэ — тонстненэ*» [2] (къ шабрамъ — къ себѣ) и наконецъ «*паро тейатэ шаберненэ — тонстненэ тейатэ*» [3] (шабру сдѣлаешь хорошее — себѣ сдѣлаешь) показываютъ чрезвычайно ясно, какъ глянулъ народъ Мордовскій на сосѣдство, на права и обязанности сосѣдей. Живя сосѣдями, люди конечно и сходятся чаще и стараются отплачивать другъ другу угощеніемъ за взаимныя услуги, оказанныя въ разное время, а отсюда и частые случаи побратимства, которое является уже скорѣе лишь слѣдствіемъ «шаберства» и цѣлаго ряда одолженій; побратимы даже и не называютъ другъ друга братьями, а продолжаютъ обращаться другъ къ другу съ эпитетомъ шабра.

Духовное родство, привнесенное въ міровоззрѣнія Мордовскаго народа извнѣ, конечно, не могло повліять на внутренній строй жизни Мордвы; какъ привитыя вмѣстѣ съ христіанствомъ, духовная сторона котораго какъ-то плохо сама по себѣ понимается народомъ, связи духовнаго родства не только не понимаются, но прямо даже игнорируются Мордвою, которая конечно не можетъ понять, чтобы, напр., кумъ и кума не могли вступить между собою въ супружество; прежде за частую даже были случаи женитьбы на крестныхъ дочеряхъ и браковъ между лицами, связанными между собою духовнымъ родствомъ. На разспросы въ Нижегородской даже губерніи, гдѣ руссификація дѣйствуетъ весьма сильно, намъ просто не умѣли отвѣтить и сказали только разъ: «коли попъ разрѣшитъ, аль просто вѣнчать станетъ, такъ говорить ему не полѣзутъ, что покумлены». [4] Такимъ образомъ, мы видимъ, что бракъ покумившихся лицъ вовсе и не думаетъ зазрить народу. Ясно, что если въ сознаніе народное не проникло признаніе значенія духовнаго родства, то нельзя ожидать, чтобы оно играло какую нибудь роль въ семейныхъ отношеніяхъ и жизни Мордвы, да и на самомъ дѣлѣ мы замѣчаемъ, что ни между самими покумившимися, ни между ними съ одной стороны и крестными дѣтьми съ другой, а

---

[1]) с. Эваслеи, на рѣкѣ Эвасѣ, Темниковскаго уѣзда, Тамб. губ., Елена Кузнецова.

[2]) Лукоян. уѣздъ, Нижег. губ., на р. Пьянѣ.с. Ревезень, Кирила Зайцевъ.

[3]) Ардат. уѣздъ, Симб. губ., с. Пичкасы, Матвей Драдышевъ.

[4]) С. Сарлеи, Нижегор. уѣздъ, Марья Данилова.

тѣмъ болѣе между крестовыми братьями и сестрами никакихъ особенныхъ отношеній не возникаетъ и не наблюдается, никакимъ особеннымъ почетомъ крестные родители не пользуются и даже, если бы сирота выходила замужъ, она никогда не обратится за помощью, совѣтомъ, а тѣмъ больше за спросомъ къ своимъ крестнымъ отцу и матери, [1]) что всегда почти неизмѣнно наблюдается среди русскихъ людей. Тѣмъ не менѣе къ Мордвѣ закрался одинъ обычай, который конечно не имѣетъ въ ней прочныхъ историческихъ корней, а перенятъ вслѣдствіе долгаго общенія съ русскими; обычай этотъ — приглашенье крестить перваго встрѣчнаго. Но интересенъ тотъ фактъ, что обычай этотъ мы находимъ именно тамъ, гдѣ можно бы было менѣе всего ожидать съ нимъ встрѣтиться. Изъ долгаго общенія съ Мордвою обоихъ нарѣчій невольно выведешь общее заключеніе, что Эрзя охотнѣе и легче поддается руссификаціи, тогда какъ Мокша обыкновенно устойчивѣе въ своихъ обычаяхъ, воззрѣніяхъ и одеждѣ; здѣсь однако мы видимъ, что Мокша, въ случаѣ если бы было замѣчено, что дѣти не живутъ въ той или другой семьѣ, считаетъ необходимымъ пригласить въ крестные отцы и матери непремѣнно лицъ первыхъ попавшихся имъ на встрѣчу. [2]) Напротивъ того у Эрзи мы не встрѣчаемъ подобнаго обычая и чуть ли не находимъ обычай исконно народный, успѣвшій утеряться у Мокши. Въ той же почти обрусѣлой Нижегородчинѣ мы узнали, что для того, чтобы дитя было живо, надо дать ему имя отца или матери [3]). Почти тоже дѣлается и въ Инсарскомъ уѣздѣ у Мокши, съ тою лишь разницею, что Мордвинъ здѣсь выходитъ на улицу и даетъ новорожденному имя перваго встрѣтившагося ему человѣка [4]). Оба обычая истолковываются самимъ народомъ очень просто; отецъ, мать, первый встрѣчный—люди въ данный моментъ живые, находящіеся подъ покровительствомъ бога — значитъ, давши младенцу ихъ имя, можно об-

---

[1]) Мамалаево, Краснослобод. уѣзда, Пенз. губ., Василій Васильчикинъ.

[2]) Мамалаи Васильчикинъ, Эваслеи (Темник уѣздъ) Елена Кузнецова; Пичилеи (Городищ. уѣздъ) Дарья Евреинова; Каратаи (Тетюшскій уѣздъ) Петръ Казымбаевъ.

[3]) Сарлеи (Нижегор. уѣздъ) Марья Данилова, Кириллъ Зайцевъ въ Ревезени (Лукоян. уѣздъ); Арзам. уѣздъ, с. Кардавеле, Өедоръ Ильцовъ.

[4]) с. Адашево (Инсарскаго уѣзда)..... Өедоръ Эртовъ.

мануть шайтана — онъ не тронетъ новорожденнаго, думая, что это самъ его отецъ, мать или первый встрѣчный; такое объясненіе давали мнѣ и въ Нижегородчинѣ и въ Пензенщинѣ. Здѣсь между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что нареканіе имени младенцу у Мордвы производилось, да въ видѣ переживанія производится еще въ иныхъ мѣстахъ и теперь, особеннымъ образомъ. Прежде, когда Мордва сохраняла еще вполнѣ свою самостоятельность, а также и во времена владычества Татаръ, которые никогда не только не навязывали своихъ религіозныхъ воззрѣній покореннымъ народамъ, но еще относились съ уваженіемъ къ мѣстнымъ религіямъ и религіознымъ учрежденіямъ, — въ тѣ-то времена нареченіе имени было дѣломъ весьма важнымъ, такъ какъ непремѣнно надо было избрать имя такое, которое было бы счастливымъ. Изстари еще повелось у Мордвы, что отецъ выходилъ изъ дверей своего жилища и первый предметъ или существо, которое бросалось ему въ глаза, давало ему искомое имя для новорожденнаго. Логическое основаніе такого обычая весьма просто: я вижу предметъ или существо — значитъ оно здравствуетъ, существуетъ въ мірѣ Шкай-Паза, а не находится во власти шайтана, слѣдовательно, пусть таковымъ же будетъ и новорожденный. Отсюда, часто случалось, что Мордвины носили такія странныя имена, какъ: щепка, листъ, трава и т. п. «Разъ отецъ вышелъ за именемъ и увидалъ, ползетъ гадъ — онъ и назвалъ сына гадомъ. Это былъ самъ Шайтанъ; онъ напружился чтобы лопнуть — хотѣлъ чтобы новорожденный умеръ, а Шкай не допустилъ, вогналъ его между двухъ каменьевъ — поневолѣ пришлось опять тонкимъ сдѣлаться.» [1]) Этотъ разсказъ ясно показываетъ, какое громадное значеніе придавалось выбору имени, когда отъ удачнаго выбора зависѣла жизнь ребенка. Въ настоящее время обычай этотъ остался лишь въ видѣ переживанія, такъ какъ христіанство не могло не повліять на обычай нареченія имени при посредствѣ таинства крещенія; но и до сей поры мы можемъ еще наблюдать въ нѣкоторыхъ нетронутыхъ еще руссификаціею мордовскихъ мѣстностяхъ существованіе такъ называемаго «уличнаго прозвища» или же прозвища «по уличному», которое зачастую переходитъ даже въ фамилію. Когда приходилось всту-

---

[1]) Петров. уѣздъ, Саратовской губ., Мечкасы, Ѳедосья Голяшкина.

пать въ сношенія въ такихъ мѣстностяхъ съ Мордвою, то на вопросъ какъ звать, намъ отвѣчали: «Иванъ Кириловичъ» или иначе; далѣе говорили фамилію «Зайцевъ» или иную, а когда мы добивались уличнаго прозвища, то получали въ первомъ случаѣ отвѣтъ: *номоло* т. е. заяцъ. Зачастую встрѣчались Кузнецовы, названные такъ вслѣдствіе встрѣчи съ кузнецомъ (я вовсе не отрицаю этимъ существованія прозвищъ по занятіямъ и по особенностямъ строенія и т. п.) и Гудковы вслѣдствіе того, что гудокъ попалъ на глаза отцу, искавшему имени. Часто случается также, что первымъ попадется на глаза Елисей — ясно, что прозвище Елисея не останется за новорожденнымъ, а онъ получитъ прозвище того Елисея. Иногда случалось намъ наблюдать, что дѣвушки и бабы получаютъ особыя имена, [1]) происходящія отъ ихъ красоты, полноты, ловкости и т. п., а одна за дебелость заслужила даже прозвище «дубовая нога» (туманъ пильге).

Среди Эрзи существуетъ обычай кумиться женщинамъ подъ Троицынъ день, но отсутствіе этого обычая у Мокши и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Эрзя живетъ далеко отъ русскихъ, даетъ намъ право предположить, что обычай кумленья перенятъ у русскихъ; кое гдѣ между Эрзею такія кумы даже не вѣнчаютъ своихъ дѣтей, что уже безспорно должно считаться русскимъ вліяніемъ. Въ Нижегородчинѣ, въ Терюшевской волости дѣлается это такъ: вечеромъ на Троицынъ день желающія покумиться сходятся и младшая говоритъ старшей: «полюби меня», причемъ ударяетъ будущую куму по плечу рукою. Ясно, что отказа не бываетъ. [2]) Ничего подобнаго, какъ мы уже сказали, у Мокши нѣтъ и на наши разспросы намъ отвѣчали, что не видятъ причины, для чего бы требовалось такое кумленье. Напротивъ того, обычай братанья между мужчинами существуетъ вездѣ у Мордвы, хотя братство это ровно ни къ чему братающихся не обязываетъ. Обыкновенно братающіеся мѣняются крестами, но въ одномъ мѣстѣ намъ удалось записать до нельзя интересный способъ братанья при по-

---

[1]) Темник. уѣздъ, Эваслеи, Елена Кузнецова; Хвалынскій уѣздъ, Лебежайка. Наталья Ананьева; Петров. уѣздъ, Мечкасы, Өедосья Голяшкина, Инсарскій уѣздъ, с. Верхисъ, Николай Мурзайкинъ.

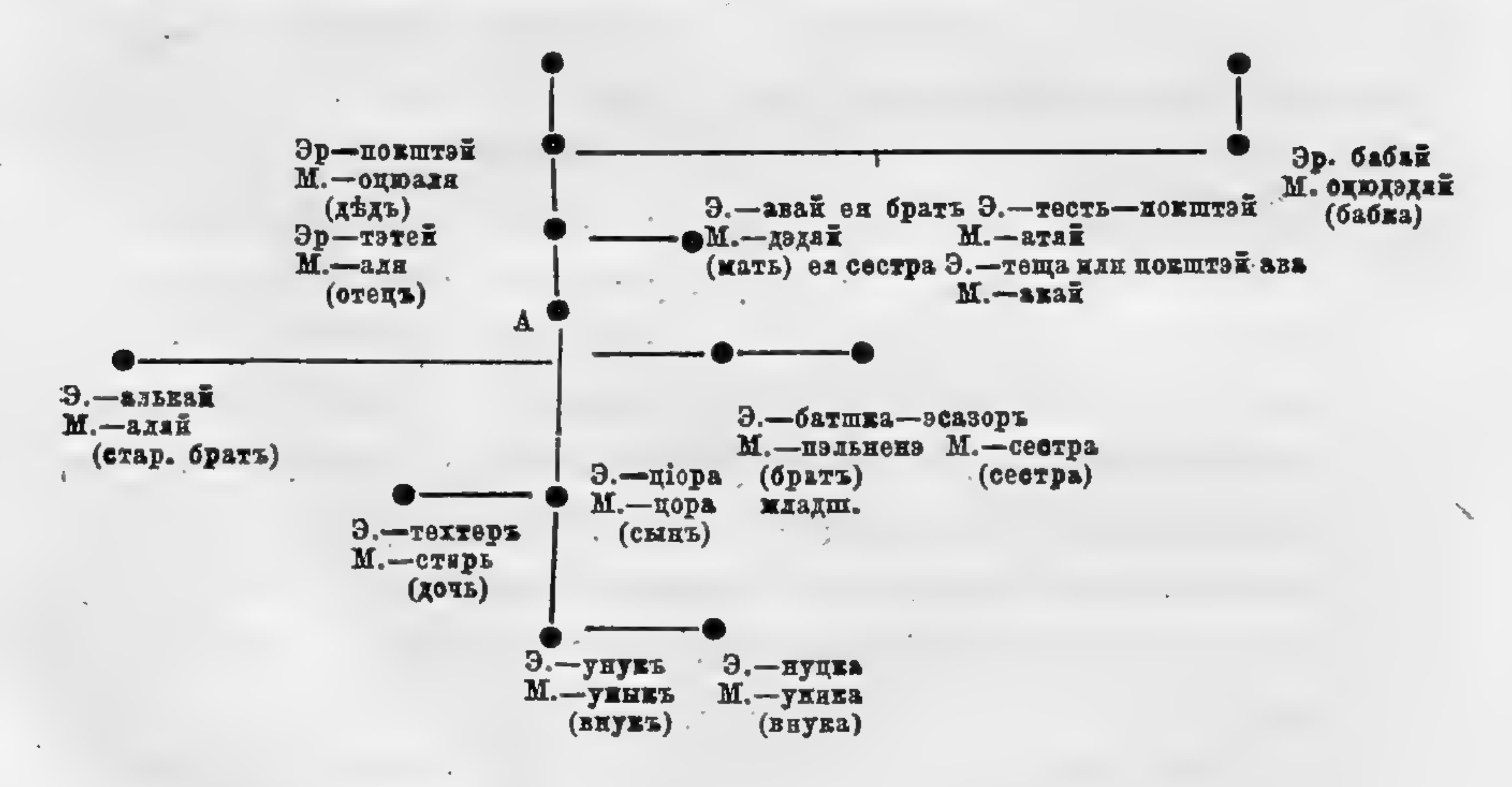
[2]) Сарлеи, Марья Данилова.

средствѣ обмѣна пчелинаго роя или прямо улья съ маткою; [1]) намъ кажется, что этотъ способъ братанья по всѣмъ вѣроятіямъ существовалъ у Мордвы до того времени, какъ стала она христіанскою и стала брататься обмѣномъ крестовъ. Въ настоящее время братанье только у Терюшевской Эрзи служитъ иногда по волѣ самихъ побратавшихся препятствіемъ къ браку между ихъ потомками, а по большей части, когда мы спрашивали, что слѣдуетъ послѣ братанья, намъ стереотипно отвѣчали: «ну, понятно младшій братъ долженъ поднести старшему»; иныхъ правъ и обязанностей братанье не даетъ и не налагаетъ. Посестрія нигдѣ не оказалось и слѣдовъ и опять на наши искательства намъ приходилось слышать вопросъ: «къ чему это бабамъ?» Такимъ образомъ мы видимъ, что такъ облюбленныя русскимъ человѣкомъ и такъ ревниво имъ охраняемыя кумовство, побратимство и посестріе вовсе не имѣютъ глубокихъ корней въ мордовской жизни и, только въ одномъ случаѣ пришлось заключить о существованіи чего-то подобнаго нашему побратимству у Мордвы раньше знакомства съ русскими; но въ виду именно единичности этого факта, рѣшительно нѣтъ возможности основываться на немъ и скорѣе всего слѣдуетъ предположить, что всѣ эти три рода отношеній между людьми привнесены Мордвѣ русскими насельниками, частью благодаря принятію христіанства, а частію и простою передачею обычая безъ возникающихъ изъ него послѣдствій.

Когда приходилось разспрашивать Мордву о томъ, какъ понимаетъ она то, что мы называемъ степенью, линіей и колѣномъ, чаще всего спрашиваемые становились въ тупикъ и не могли ровно ничего сказать объ интересовавшемъ насъ предметѣ; изрѣдка попадались такіе субъекты, которые понаторѣли въ сношеніяхъ съ русскими, представляли собою людей бывалыхъ и потому старались опредѣлить все это согласно съ тѣмъ, какъ слышали отъ русскихъ. Мордвинъ же, истый коренной Мордвинъ, ничего въ этихъ опредѣленіяхъ не понимаетъ и знаетъ только одно старшинство рожденія, которое доставляетъ въ семьѣ извѣстный почетъ, права и даже власть. Мордвинъ имѣетъ понятіе о

[1]) Хвалынскій уѣздъ, Лебежайка, Наталья Ананьева, которая однако увѣряла, что и послѣ этого побратавшіеся не иначе зовутъ другъ друга какъ «шаберъ».

родѣ лишь въ смыслѣ семьи въ тѣсномъ смыслѣ и говоритъ, что «одни роды — одинъ [1]) родъ» или же «*фкэ шачыма—фкэ пирфз*», [2]) т. е. одни роды — одинъ дворъ, причемъ дворъ принимается въ смыслѣ живущихъ подъ одною кровлею, преимущественно дѣтей одного и того же производителя. Конечно при этомъ вездѣ и всюду, гдѣ только живетъ Мордва, отцово племя (алянь шачыма) считается старше дядьевыхъ, но не потому, чтобы отецъ признавался всѣми односемьянами, какъ родоначальникъ, старшимъ, а лишь потому, что онъ обыкновенно бываетъ старше годами, нежели живущіе съ нимъ его братья, т. е. «шачыма» его старше; точно тоже слѣдуетъ сказать и про племя старшаго брата, племя старшаго деверя и т. п. Всегда старшинство и почетъ принадлежали тому, кто раньше родился. Мордва, такимъ образомъ только, и знаетъ «*пирфз*» (мокш.) или «*пирявксз*» (эрз.) ограда, дворъ, а въ переносномъ смыслѣ всѣ. кто живетъ подъ одною крышею и «*тевз*» (мокш.), т. е. родня; для свойства же народъ не выработалъ своего собственнаго слова и свободно склоняетъ на всѣ 14 ладовъ русское слово «свойство», Мы приводимъ здѣсь таблицу родства, которая весьма обширна, хотя и слѣдуетъ замѣтить, что только изрѣдка встрѣчаются случаи, когда вся родня находится между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, сознавая свое родство

1) Сарлеи, Марья Данилова; Кардавеле, Өедоръ Ильцовъ.

2) Шингарино (Красносл. уѣздъ) Степанъ Атяшкинъ и Пичилеи (Городищ. уѣздъ) Дарья Евреинова.

Таково ближайшее родство мордовское, но этимъ вовсе не исчерпывается масса выработанныхъ языкомъ словъ для обозначенія различныхъ степеней родства и родственныхъ отношеній. Надо долго прожить въ мордовской семьѣ, чтобы привыкнуть къ безчисленному количеству разныхъ наименованій, которыя даютъ другъ другу односемьяне и плохо взглянутъ на того изъ членовъ семьи, который не съумѣетъ назвать какъ слѣдуетъ по его рожденію того или другаго родственника, такъ какъ каждое прозвище непремѣнно намекаетъ на то мѣсто, которое родственникъ занимаетъ по своему старшинству въ семьѣ или родѣ. Вотъ довольно полная таблица родни:

	Эрзянскій	Мокшанскій
своячина	свойка [1])	палдась
своякъ	своякъ	палдяй
золовка	парея	акляй
свекоръ	титяй	атяй
сноха	сноха	ервэнэ
свекровь	авай	авай
тесть	тесть	атявсь
теща	низаня	ававсь
зять	содамо	овъ
невѣстка	урва	ервэнэ
жена брата называется	уряшъ	ервэнэ
	(старшаго)	мазаи
сестра мужа »	патингея	іолмастырь
старшій деверь »	шитце	атяй
мужъ сестры »	ляляй	атяй
меньшой деверь »	парачъ	іолмаатяй
сноха называетъ сноху старшую	патяй	акляй
сноха называетъ сноху младшую	никакъ	никакъ
братъ называетъ старшаго брата	оцюляляй	батяй
братъ называетъ старшую сестру	патяй	дэдяй или акай
братъ жены	—	бажай
младшій братъ	—	пэльненэ

---

[1]) По словамъ Лепехина I, 173 своячина по Эрзянски,—«*энай*», но мы позволимъ себѣ замѣтить, что не слыхали такого слова и думаемъ, что оно есть нечто иное, какъ непорченное «*ервэняй*».

Изъ приведеннаго нами списка слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ названіяхъ въ виду того обстоятельства, что названія эти могутъ намъ иногда объяснить взаимное отношеніе членовъ семьи, а это опредѣлитъ намъ въ свою очередь мѣсто ихъ и тотъ почетъ, которымъ они въ семьѣ пользуются. Для большаго удобства такого подробнаго изслѣдованія мы обратимся прежде всего къ Эрзянскимъ наименованіямъ родственниковъ и посмотримъ что именно, какія понятія легли въ основаніе этихъ наименованій. Мы видимъ прежде всего, что «*покштэй*» — дѣдъ обозначаетъ просто «большой отецъ» (покшъ тэтэй), а «*бабай*» — бабка прямо заимствовано изъ русскаго языка. Отецъ по эрзянски «*тэтей*» и происхожденіе его наименованія понятно; мать же «*авай*» явно получила начало изъ понятія о женщинѣ, женѣ, самкѣ (ава). «*Покштэй*» и «*покштэй-ава*» употребляются также для обозначенія дяди и тетки по матери, что несомнѣнно указываетъ на то, что народъ по значенію и почету приравниваетъ ихъ къ дѣду или большому отцу. Младшій братъ («*батюка*») называется также точно, какъ и братъ жены и племянникъ и мордовское названіе его по всѣмъ вѣроятіямъ утеряно народомъ, почему Мордва и заимствовала русское слово «батюшка», просто какъ слово ласкательное, не вникая въ его прямое значеніе. Сестра, по Эрзянски «*сазоръ*» указываетъ на происхожденіе ея названія отъ «*сазамсъ*» — внести, достичь, добыть, пріобрѣсти, прижить. Старшій братъ (*алькай*) просто выражаетъ понятіе о послѣдовательности рожденія и означаетъ—нижній, слѣдующій непосредственно за... «*Техтерь*» или «*тейтерь*» (дочь) безспорно происходитъ отъ глагола «*тейемсъ*» — дѣлать, работать, трудиться и указываетъ на то, что дочь считалась главною или, вѣрнѣе, по преимуществу работницею въ домѣ. «*Цора*» (сынъ) напоминаетъ о старинномъ словѣ, форма котораго неизвѣстна, но слѣды котораго сохранились въ составномъ глаголѣ «*цокадемсъ*»— бить палкою; вѣрнѣе всего, что старинное утерянное слово означало—вѣтвь, а впослѣдствіи приняло значеніе «палки», подобно нашему «батогу», происшедшему отъ «батѣть», «батиться» — вѣтвиться, развѣтвляться; подобный же намекъ на это утерянное слово мы находимъ въ «*сіоравтъ*», что означаетъ боковыя женскія косицы. Для внука и внучки въ Эрзянскомъ нарѣчіи не существуетъ особыхъ словъ, причемъ трудно рѣшить позабыла ли Эрзя народ-

ныя наименованія или никогда ихъ не имѣла. Для свояка и своячины Эрзя заимствовала названія изъ русскаго языка, вѣроятно, по неимѣнію таковыхъ въ своемъ собственномъ; золовку всѣ семьяне называютъ «*парея*», желая этимъ поощрить ее, такъ какъ слово это происходитъ отъ «*паро*»—хорошо, добродѣтельно, пріятно, прекрасно; свекоръ и свекровь приравниваются Эрзею къ настоящимъ родителямъ; а тестя и сноху называетъ Эрзя по русски, хотя и слѣдуетъ предполагать, по крайней мѣрѣ, для тестя существованіе особаго народнаго наименованія, утеряннаго съ теченіемъ времени, такъ какъ для тещи мы находимъ слово, «*низаня*» означающее ту женщину, у которой взята жена (отъ «*ни*»—жена и «*занялтамсъ*»—брать). Зять по Эрзянски «*содамо*», т. е. узнанный, знакомый, знаемый (отъ «*содамсъ*» — знать, узнавать), а невѣстка — «*урва*» или просто замужняя («*урвáкстомсъ*» — жениться, выйти замужъ). Интересно, что жена брата носитъ названіе «*уряшъ*», что прямо указываетъ на «*ура*»—рабъ и «*урень*»—раба и, слѣдовательно, намекаетъ на то положеніе, которое прежде, по всѣмъ вѣроятіямъ, занимала эта женщина въ семьѣ. Сестру мужа односемьяне зовутъ «*патингея*», что значитъ госпожа по годамъ и можетъ быть въ свою очередь противупоставлено по значенію женѣ брата. Старшій деверь— «*шитце*» называется такъ въ ласкательномъ смыслѣ, какъ бы русскій человѣкъ сказалъ «свѣтикъ», а мужъ сестры — «*ляляй*» (отъ «*лядьямсъ*»—соединиться, сдружиться) называется такъ, чтобы указать на то, что онъ, женившись, дѣлается другомъ семьи. Меньшій деверь — «*парачъ*» имѣетъ одно происхожденіе съ «парея» и значитъ — милый. Старшая сноха для младшей «*патэй*», т. е. госпожа, а старшая иначе не называетъ младшую какъ по имени, прибавляя къ нему или «*мазай*» или «*парэй*», т. е. красавица или милая. Не менѣе интересно прослѣдить всѣ эти родственныя названія въ Мокшанскомъ нарѣчіи. И здѣсь дѣдъ и бабка просто — большой отецъ и большая мать, а отецъ—«*аля*» значитъ человѣкъ, мужъ. Мать—«*дэдяй*» есть ничто иное какъ подобное нашему тятя и мама. «*Атяй*» — братъ матери происходитъ отъ «*атя*» и значитъ старикъ, а «*акай*»—сестра матери указываетъ на «*ака*» старинное слово, которое значитъ — сѣдая. Старшій братъ — «*аляй*» приравнивается по почету отцу и считается по отношенію къ младшему мужемъ; младшій братъ — «*пэльнэнэ*» считается половиною,

вторымъ я, на что указываетъ его названіе, происходящее отъ «*пэлъ*»—половина. Для наименованія сестры Мокшанинъ не придумалъ своего собственнаго слова. Сынъ называется по Мокшански «*цора*», т. е. юноша, а дочь — «*стирь*», т. е. дѣвушка; для внука и внучки Мокша также не создала чего либо въ своемъ языкѣ. Своячина по Мокшански «*палдасъ*», а своякъ «*палдяй*» и оба наименованія указываютъ на то, что они непремѣнные члены семьи (отъ «*палъ*»—половина). Золовка—«*акляй*» говорится только про ту, которая старше мужа и потому прозвище сѣдой и убѣленной ей весьма подходитъ. Свекоръ и свекровь «*атяй*» и «*авай*» прямо указываютъ на то, что первый старикъ, а вторая женщина извѣстныхъ лѣтъ. Сноха и невѣстка «ервэнэ» есть уменьшительное отъ «*ервэ*» и можетъ быть переведено нашимъ «женушка». Тесть и теща—«*атявсь*» и «*ававсь*» понятны уже сами по себѣ изъ выше нами сказаннаго. Зять по Мокшански «*овъ*» и слово это Алквистъ сближаетъ съ однозначущимъ финскимъ «*вэви*»; но при всемъ нашемъ стараніи ни въ финскомъ, ни въ мордовскомъ языкахъ мы не нашли слова, которымъ можно бы было объяснить эти названія. Жену младшаго брата и невѣстку Мокша одинаково называетъ «*ервэнэ*»—женушка, а жену старшаго брата «*мазаи*» отъ «*мазы*», что значитъ красный, прекрасный, красивый. Сестра мужа по Мокшански «*іолмастирь*», т. е. маленькая дѣвушка; старшій деверь и мужъ сестры носятъ одинаковое названіе «*атяй*», т. е. старикъ, старшій, а меньшой деверь въ отличіе отъ старшаго называется малымъ старикомъ—«*іолма атяй*». Младшая сноха зоветъ старшую «*акляй*»—убѣленною, а старшая, обращаясь къ младшей, называетъ ее по имени напр. Като, Одо, Лукко (Катя, Дуня, Луша) и присовокупляетъ эпитетъ «*мазаи*». Старшій братъ для младшаго представляется какъ бы отцомъ и называется «*батяй*», точно какъ и старшая сестра играетъ для него роль матери, что слышится и въ ея названіи «*дэдяй*» или «*акай*». Брата жены Мокша называетъ «*бажа*», что конечно взято съ русскаго и означаетъ нѣчто въ родѣ нашего «желанный» (отъ слова «бажить, баженый»). Для наименованія «влазня» Мордва не выработала особаго слова, точно также какъ она никакъ не можетъ назвать двоюродныхъ, троюродныхъ и другихъ родственниковъ.

Брачное сожительство по мнѣнію Мордвы заканчивается смертью супруговъ или даже только одною изъ нихъ и народъ не знаетъ, соединяются ли любившіе другъ друга въ этомъ мірѣ тамъ, на небѣ или же остаются на вѣкъ разъединенными. Эрзя даже не знаетъ или вѣрнѣе вѣроятно забыла кто изъ боговъ занимается соединеніемъ любящихъ сердецъ и кто вѣдаетъ брачныя дѣла и только у Мокши находимъ мы убѣжденіе, что старуха «*Ведьава*» или «*Ведынь-азырь-ава*» (водяная баба или баба — хозяйка воды) плететъ посконныя нити человѣческой судьбы въ смыслѣ брака и сватаетъ людей [1]). «Като—дѣвка красивая, такая красивая, что во всемъ околодкѣ найти такой нельзя. Полюбила Като Ивана, а Иванъ Кату не любитъ, а ходитъ въ кабакъ да къ солдаткѣ, что у нихъ была на селѣ. И пошла Като топиться въ рѣку и увидала—сидитъ на берегу старуха и держитъ въ рукѣ нитку и чего то на берегу ищетъ. «Чего ты, акай, ищешь?» спросила Като. «Да вотъ нитка, Като-мазан, упала изъ рукъ въ воду и уплыла куда-то!» сказала старуха. «Да вотъ не она ли?» сказала Като и подала нитку съ камушка старухѣ. «Теперь нельзя узнать» сказала старуха и сплела двѣ нитки вмѣстѣ. И полюбилъ Иванъ солдатку еще больше; такъ полюбилъ, что женился на ней — сама Като подала старухѣ Ведьавѣ нитку солдаткину, сама свою судьбу погубила и бросилась въ рѣку» [2]). Конечно человѣкъ можетъ упросить старуху Ведьаву, задобрить ее моляномъ или бросить ей въ рѣку готовую нитку и тогда можетъ быть спокойнымъ — старуха сдѣлаетъ свое дѣло и свяжетъ его нитку съ ниткою его милой. Дѣ-

---

[1]) Темник. у. Эваслеи, Елена Кузнецова; Кузнецкій уѣздъ, Мордовскій Кемешкерь, Степанида Пятаева; Петровскій уѣздъ, Мечкасы, Ѳедосья Голяшкина.

Като эрясть мазы, тенара мазы—афъ эрясть тенара мазы стирь губерніяза. Келгазэ Като Иванъ, афъ Иванъ келгазы, Като, йакан кабаксъ, солдатынь аву йакаи, кона эрясть велэза. И йакась Като цопафнянъ леисъ и вапась — озадан берэга сирэ ава и кирдязы сюрэ и кать-мезама берэга вешазы. — «Мезь вешазакъ, акай?» кизифтась Като. «Да, сюрэ вайась, Като Мазан и уйась козывыкъ!» кизифтась сирэ ава. — «Да еза афъ ерясть соньтсъ?» кизифтась Като и максазы сюрэ кевдэ. «Тэни афъ маштаи соданъ!» Кизивтась сирэава и киштиндазя кафта сюрэтъ марса. И келгазэ Иванъ солдатынь ава сада лама, тенара келгазэ, што эрвейазэ — Като синтсь максазэ Ведьаванди сюрэ солдатынь аванъ, синьтсь сонъ павасъ кадазэ и йафыдязэ сонъ ветсъ.

[2]) Кузнецкій уѣздъ, Морд. Кемешкерь, Степанида Пятаева.

вушки, которыя хотятъ поскорѣе выйти замужъ и парни, которые хотятъ поскорѣе жениться, бездѣтныя матери семействъ — всѣ они прибѣгаютъ къ помощи старухи Ведьавы, которой они никогда не забудутъ бросить въ рѣку то нитку, а то и цѣлую пасму. Ни Эрзя, ни Мокша ничего не знаетъ о томъ, какая судьба постигаетъ любовниковъ, если смерть унесетъ одного изъ нихъ прежде нежели они сочетаются бракомъ, и намъ не приходилось ни разу слышать о томъ, чтобы напримѣръ рано умершему юношѣ избиралась невѣста для того свѣта; какъ кажется вообще и брачное сожительство и страсти оканчиваются могилою, за которою наступаетъ время совершенно безстрастнаго существованія. Хотя Мордвинъ и считаетъ, что всякій мужчина долженъ со временемъ сдѣлаться домохозяиномъ и завести свою семью, тѣмъ не менѣе случается, хотя и очень рѣдко, что мужчина налагаетъ на себя обѣтъ безбрачія; такихъ случаевъ привелось видѣть намъ всего два; одинъ разъ мужчина 45 лѣтъ явился неженатымъ по идіотизму. Между женщинами Эрзянками незамужнія встрѣчаются довольно часто, благодаря проникнувшему къ нимъ обычаю дѣлаться черничками или же вслѣдствіе нездоровья; между Мокшанками случаи безбрачія рѣдки, да и тѣ, которые намъ приходилось встрѣчать проистекали изъ обѣтовъ, наложенныхъ ими на себя добровольно; случаи эти мы наблюдали въ Темниковскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи и въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, т. е. именно тамъ, гдѣ русское вліяніе сказалось наиболѣе сильно и гдѣ Мокша подверглась наибольшей руссификаціи.—Какъ и между русскимъ населеніемъ между Мордвою рѣдко приходится наблюдать такіе браки, въ основѣ которыхъ лежало бы только взаимное влеченіе; самый строй жизни заставляетъ Мордвина прежде всего подумать о прiисканіи себѣ доброй помощницы, на которую безстрашно можно было бы возложить всѣ тягости домоводства, а также и такой женщины, которая дала бы ему новыхъ работниковъ, будучи способна и къ дѣторожденію. Изрѣдка, въ особенности рѣдко у Эрзи (и притомъ въ мѣстностяхъ обрусѣлыхъ) приходится слышать свидѣтельства о бракахъ вслѣдствіе взаимной привязанности; такіе случаи бываютъ, когда принужденія невозможны за неимѣніемъ у того или другого изъ любящихъ родителей. У Эрзи зачастую можно услышать въ оправданіе принудительныхъ браковъ — «такъ рѣшили старые люди» и сынъ,

какъ и дочь, не могутъ послѣ приговора родителей не согласиться на ихъ выборъ, хотя бы избранное помимо ихъ участія лицо и было имъ не по нраву [1]). Иначе нѣсколько улаживается дѣло у Мокши; конечно, и здѣсь не обходится безъ хозяйственныхъ соображеній и разсчетовъ, но взаимное влеченіе и въ крайнемъ случаѣ согласіе требуется среди Мокши для брака [2]). Не слѣдуетъ конечно предполагать, чтобы вслѣдствіе этого среди Мокши не попадались случаи несчастныхъ сожительствъ именно вслѣдствіе равнодушія другъ къ другу супруговъ и подчиненія ихъ приказу родителей, но тутъ обыкновенно хорошіе люди хулятъ такихъ самовластныхъ родителей и безхарактерныхъ дѣтей.

Въ дѣлѣ отысканія подходящей подруги жизни у Мордвы нѣтъ никакихъ общепризнанныхъ качествъ, обладаніе которыми дѣлало бы дѣвушку желательною для всякаго; весьма понятно, что каждый ищетъ въ будущей подругѣ то, что ему нравится; кто ищетъ разума, кто миловидности, кто душевныхъ качествъ, а кто богатства. Конечно невѣста изъ богатаго дома составляетъ въ особенности предметъ исканій деревенскихъ жениховъ, но зажиточность не составляетъ conditio sine qua non. Вслѣдствіе особенности вкуса, Мордвинъ любитъ, чтобы у дѣвушки были толстыя ноги; но дебелость и дородство никогда не нравятся ему, особенно въ женщинѣ, тѣмъ болѣе, что Мордовки ею и не отличаются. Не бѣда если дѣвушка не смогла уберечь себя, такъ какъ вѣнецъ все покрываетъ. Мордвинъ смотритъ на дѣтопроизведеніе, какъ на доброе подспорье по хозяйству; любезна ему жена, которая дастъ ему много сыновей, не дурна и та, что дочерей нарожаетъ — все таки помощницы будутъ. Дѣвушка, которая увлеклась и родила, только доказала этимъ, что она не будетъ бездѣтна, а стыда въ этомъ нѣтъ — виноватъ тотъ, кто *«крандаша айдясь — пильгеки кадась»* [3]), т. е. на телѣгѣ проѣхалъ — слѣды оставилъ. Въ большинствѣ случаевъ Мордвинъ цѣнитъ въ дѣвкѣ именно ея крѣпкое сложеніе и ея способность къ

---

[1]) Сарлеи, Марья Денилова, Самарскій уѣздъ, с. Семейкино, Антонъ Мосѣевъ; Ардат. уѣздъ, Симб. губ., с. Пичкасы, Матвей Дробышевъ.

[2]) Мамалаи, Краснослоб. уѣзд., Васильчикинъ; Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь Степанида Пятаева; Темников. уѣздъ, Эваслеи, Елена Кузнецова.

[3]) Инсар. уѣздъ, Верхисъ, Николай Мурзайкинъ.

дѣторожденію; «*алашаса пеитъ — стырьса келинтъ пакархтъ*» [1]) (въ лошади — зубы, а въ дѣвкѣ широкія кости), говоритъ Мокшанинъ, а Эрзянинъ только приспособилъ ту же пословицу къ своему нарѣчію и тоже полагаетъ, что «*литмесъ певтъ — техтерьсъ келевъ пакарстъ*» [2]). Это не великая бѣда, если дѣвушка увлечется до замужества и принесетъ въ домъ нагульнаго ребенка: новая рабочая сила — дому подспорье, а стыда ей ничуть нѣтъ, такъ какъ всякій охотно на ней женится. «*Траксъ арды — вазась кудьазырти*» [3]), подсмѣивается Мокшанинъ по своему (корова гуляетъ — теленокъ хозяину); Эрзянинъ переняль на этотъ предметъ поговорку у русскаго человѣка и заодно съ нимъ увѣряетъ, что «чей бы бычекъ ни скакалъ, а теленочекъ нашъ». Еще положительнѣе высказывается практическій взглядъ Мордвина на беременность дѣвушки въ другихъ двухъ пословицахъ, гдѣ народъ, извиняя и даже одобряя несоблюденіе невинности дѣвушкою, а противъ того не оправдываетъ невѣрность мужа женѣ, но не съ нравственной стороны, а просто съ точки зрѣнія произведенія новой рабочей силы не у себя, а въ чужомъ домѣ. *Стырь тійаи еднэ — аляти эряви, ава-ломанти, ломань-шаберти*» [4]), т. е. дѣвка сдѣлаетъ ребенка — отцу на пользу, жена — мужу, а мужъ — чужимъ, говоритъ Мокшанинъ, а Эрзянинъ въ одинъ голосъ съ нимъ повторяетъ: *техтерь тейаса едь — тетяненъ эряви, ава — мирдененъ, мирде — шаберненъ* [5]).

По отношенію къ запретности браковъ христіанство не осталось безъ вліянія на народныя воззрѣнія Мордвы, хотя и не оказало вліянія такого сильнаго, какое приходится наблюдать въ быту русскаго народа. Чѣмъ сильнѣе обрусѣла Мордва, тѣмъ строже она относится къ бракамъ между родственниками; но и тутъ все таки стараются уклониться отъ священническаго запрета, хотя и не могутъ, по самой силѣ вещей, устраивать браки даже между троюродными. Вся Нижегородчина убѣждена, что если нѣтъ крови между

---

[1]) Городищ. уѣздъ, Пичелеи, Дарья Евреинова.
[2]) Ардат. уѣздъ, Нижег. губ., Макателемъ, Наталья Ревинчина.
[3]) Кузнец. уѣздъ, Кемешкерь, Степанида Пятаева.
[4]) Инсар. уѣздъ, Верхисъ, Ник. Мурзайкинъ.
[5]) Саранскій уѣздъ, Кочкурово, Миронъ Азякаевъ.

брачущимися, то бракъ между ними возможенъ [1]), а Мокша полагаетъ, что отъ браковъ между близкими родственниками дѣти будутъ уродами [2]), но не смотря на всѣ наши старанія узнать, откуда явилось такое убѣжденіе, мы ничего не могли добиться, такъ какъ вездѣ намъ говорили: «старики говорятъ; это не у насъ случилось, а тамъ то»... Кое гдѣ прямо и безповоротно говорили любимую Мордовскую поговорку: «*ки содаты?*», т. е. кто знаетъ. Да и дѣйствительно, кажется, никто не знаетъ, почему именно браки между близкими родственниками не могутъ быть допущены, а просто такой взглядъ перенятъ у русскихъ [3]), и если можно считать, что въ этомъ запретѣ чисто народнымъ, то только развѣ бракъ или вѣрнѣе совокупленіе брата съ сестрою, на что имѣется даже у Арзамасской Эрзи преданіе. «*Эрязть братъ и сазоръ. Тэтя сайизе братъ ошосъ и эрязть тозо кэменъ йетъ. И аказь сазоръ ошосъ и работазь вейкезе кудозо. Сынь ветикызе, вень-перть удазьтъ, вейзе и сазоръ чачтызе песъ. Сынь песекстъ удазьтъ, сексъ и чачазь песъ*». (Жили братъ и сестра. Отецъ взялъ брата въ городъ и жили тамъ 10 лѣтъ. Пришла сестра въ городъ и работала въ одномъ домѣ (съ братомъ). Они полюбились, ночь на пролетъ спали вмѣстѣ и сестра родила

---

[1]) Сарлеи, Нижег. уѣздъ, Марья Данилова; Лукоян. уѣздъ, Ревезень, Кириллъ Зайцевъ; Арзам. уѣздъ, Кардавеле, Өедоръ Ильцоӯъ.

[2]) Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Тихонъ Васильчикинъ; Красносл. уѣздъ, Шингарино, Степанъ Ашашкинъ; Город. уѣздъ, Пичилеи, Дарья Евреинова.

[3]) Крайне интересно слидѣтельство Лепехина (ч. I, стр. 173), что когда Мордва была языческою, то брали столько женъ, сколько были въ состояніи содержать. Двухъ родныхъ сестеръ взять въ жены одновременно почиталось у Мордвы неудобнымъ, но если жена умирала, то мужчина могъ жениться на сестрѣ покойной. Сватанье происходило слѣдующимъ образомъ: зять является къ тестю и требуетъ выдачи своячины. Въ случаѣ несогласія тестя, зять употребляетъ особую уловку: «отдай за меня своячину», говорилъ онъ. «Не отдамъ», отвѣчаетъ тесть. Зять незамѣтно долженъ былъ вынуть изъ подъ полы заранѣе и съ цѣлью спрятанный тамъ каравай хлѣба и положить его на столъ такъ, чтобы тесть не увидалъ, ибо въ противномъ случаѣ послѣдній сталъ бы всячески противиться этому. Едва удалось положить на столъ коровай, какъ зять долженъ бѣжать безъ оглядки. успѣвъ только проговорить: «вотъ хлѣбъ-соль, береги мою энай!» такъ какъ если бы его поймали, то побили бы его сильно. Съ этой минуты тесть уже не можетъ отказать ему въ рукѣ своячины. Смыслъ этого обряда тотъ вѣроятно, что вражда родовъ, возбужденная смертью жены, должна прекратиться, едва поднесена будетъ хлѣбъ-соль—символъ мира.

собаку. Они какъ собаки спали, оттого и родилася собака [1]). Духовное родство, какъ сказано выше, отнюдь не вліяетъ по народнымъ воззрѣніямъ на возможность брака и только въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ обрусѣлой Терюшевской волости намъ говорили: «есть крестъ — нѣтъ брака» [2]) Мокша не станетъ сватать только дѣтей побратимовъ, да и то дѣлается лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ русское вліяніе замѣчается довольно сильно [3]). Пріемыши и у Эрзи и у Мокши могутъ вступать въ бракъ со всѣми односемьянами пріемныхъ отцовъ, такъ какъ между ними нѣтъ «крови», которая соединяла бы ихъ; пріемышъ, просто взятый изъ практическихъ цѣлей въ домъ работникъ и ничего общаго съ призрѣвшей его семьей не имѣетъ. Точно также среди Мордвы никогда не приходится наблюдать, чтобы запрещеніе браковъ распространялось, напримѣръ, на всѣхъ односельчанъ, а также и на тѣхъ, кто случайно носитъ одну фамилію; послѣднее обстоятельство, въ виду нареканія прозвища по первому попавшемуся на глаза предмету, можетъ случаться весьма часто, хотя между однофамильцами и нѣтъ вовсе «крови». Конечно браки между Мордвою и Татарами запрещаются и тщательно избѣгаются народомъ, но тутъ вліяетъ разница въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а вовсе не то, чтобы Мордва, напримѣръ, относилась свысока къ татарской національности; напротивъ того, намъ всюду приходилось лишь слышать похвальные о татарахъ отзывы за ихъ рачительность, хозяйственность, трезвость и трудолюбіе; въ Тетюшскомъ уѣздѣ нѣкоторая часть Мордвы, извѣстная подъ названіемъ Каратаевъ, по всѣмъ вѣроятіямъ только съ принятіемъ христіанства (въ первой четверти нынѣшняго столѣтія) отказалась отъ смѣшанныхъ браковъ съ татарами, вліяніе крови которыхъ чрезвычайно ясно замѣтно даже во внѣшнемъ видѣ Каратаевъ, не говоря уже о заимствованномъ у татаръ разговорномъ языкѣ. Браки съ раскольниками и въ особенности съ тѣми, которые принадлежатъ не къ догматическимъ, а къ такъ называемымъ буквеннымъ сектамъ, очень желательны Мордвѣ, по той простой причинѣ, что раскольники живутъ очень зажиточно

---

1) Арз. уѣздъ, Кордовеле, Ѳедоръ Ильцовъ.
2) Сескино.
3) Инсар. уѣздъ, Адашево, Ѳедоръ Эртовъ.

и во всякомъ случаѣ гораздо зажиточнѣе православныхъ; съ своей стороны и раскольники довольно охотно выдаютъ своихъ дочерей и женятъ сыновей среди Мордвы, какъ вслѣдствіе того, что Мордва очень склонна къ прозелитизму, такъ и потому, что раскольники весьма цѣнятъ мордовскую охоту къ труду. Намъ не случалось наблюдать поголовнаго молоканскаго или хлыстовскаго мордовскаго населенія; но за то села поморскаго толка попадались зачастую. Вообще Мордва и не думаетъ чуждаться національности или, напримѣръ, обособляться отъ сосѣдей; парни одной деревни смѣло ходятъ въ другую веселиться и даже «играть» съ дѣвушками и у Эрзи, напримѣръ, мы видимъ, что такія посѣщенія бываютъ сплошь и рядомъ; чужедеревенская дѣвка никому не заказана и всякій воленъ «играть» съ дѣвками, гдѣ ему угодно, если только сами дѣвушки допустятъ его въ свой кружокъ и не заняты доморощенными кавалерами. Мокша страннымъ образомъ отличается въ этомъ отношеніи отъ Эрзи; здѣсь, напротивъ того, чужой парень никогда не отважится идти гулять съ дѣвушками иной деревни, такъ какъ это было бы сочтено за оскорбленіе парнями послѣдней, какъ будто они такъ плохи, что ими дѣвушка не могла заняться, а нашла себѣ любовника на сторонѣ; на этотъ случай есть и пословица: «*соньтстынза пеньшаза илэсв сяканэсв тятв-йака*» (со своею ложкою по чужимъ горшкамъ не ходи), которая говорится парню, который зачастилъ въ сосѣднюю деревню, такъ равно и тому, кто отбиваетъ чужую жену. [1])

Про возрастъ, требуемый для признанія за лицомъ способности ко вступленію въ бракъ, трудно сказать что либо опредѣленное, да и сама Мордва врядъ ли разъ на всегда опредѣлила, что такое опредѣленіе возраста для брачной способности необходимо; существуетъ одна пословица или, вѣрнѣе, поговорка, которая указываетъ, что возрастъ этотъ зависитъ, по возрѣніямъ народнымъ, чисто отъ физическаго развитія лица; слѣдуетъ однако замѣтить, что такая же поговорка слышится и среди русскихъ, у которыхъ тоже врядъ ли когда былъ опредѣленъ возрастъ для вступленія въ бракъ. «*Дугаксв серяи — пара ервэйанв*» [2]) (дугою сц. . ъ—женить пора), гово-

---

[1]) Мамалаево, Краснослободскаго уѣзда, Васильчикинъ; Кемешкерь, Кузнецкій уѣздъ, Степанида Пятаева; Каратаи, Тетюшск. уѣздъ, Петръ Козымбаевъ.

[2]) Верхисъ, Инсарск. уѣздъ Николай Мурзайкинъ.

ритъ Мокшанинъ, а Эрзянинъ остритъ, что если «*кирдема влизе жаранз — машты кирдемсъ ава*»[1]) (если держитъ ведро — можетъ сдержать бабу). Тѣмъ не менѣе, хотя повидимому по понятіямъ Мордовскаго народа физическое развитіе лица и опредѣляетъ его способность ко вступленію въ брачное сожительство, тѣмъ не менѣе легко замѣтить, что повелся обычай считать извѣстные года достаточными, какъ для парня, такъ и для дѣвушки; такъ, напр., среди Эрзи считается достаточнымъ, чтобы женихъ достигъ 19-ти лѣтняго возраста и дозволительнымъ даже сватать его на 19-мъ году, тогда какъ невѣстѣ долженъ быть 17-й годъ; по большей части бываетъ вслѣдствіе этого, что женихъ старше своей невѣсты— обычай, замѣчаемый равно и среди русскаго населенія;[2]) иначе посмотрѣла на дѣло Мокша и узаконила, чтобы, напротивъ того женщина была старше мужчины, такъ какъ, дескать, мужчина скорѣе старится; сомнѣваемся однако, чтобы такова была дѣйствительная причина этого обычая, такъ какъ иначе слѣдовало бы установить большую разницу между годами брачущихся; тѣмъ не менѣе, въ виду существованія его у Мокши, т. е. у наименѣе руссифицированной отрасли Мордовскаго народа, мы можемъ признать этотъ обычай за чисто народный и предположить, что вѣроятно прежде требуемая разница въ годахъ была больше и уменьшеніе ея есть плодъ вліянія другихъ народностей, окружающихъ Мокшанскія сельбища. У Мокши полагается достаточнымъ, чтобы жениху было 18—19 лѣтъ, но тогда ставится непремѣннымъ условіемъ, чтобы невѣстѣ было 20 и даже 21 годъ; иногда, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Мокша сильно обрусѣла, какъ, напр., Мокша Шацкая и Спасская, случается, что выдаютъ замужъ и 18-ти лѣтнихъ дѣвушекъ, но тогда и женихи таковымъ избираются по 17-му и 18-му году; такимъ образомъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ хотя и сдѣлана подъ вліяніемъ русскихъ обычаевъ уступка въ годахъ невѣсты, но за то типичная народная черта обычая все таки сохранена въ цѣло-

---

[1]) Городищ. уѣздъ, Катмисъ, Елена Гордѣева и Кардовеле, Арзам. уѣздъ, Өедоръ Ильцовъ.

[2]) Сарлеи, Данилова; Макателемъ, Ардат. уѣздъ, Нижег. губ., Наталья Ревингина; Семейкино, Самар. уѣздъ, Антонъ Мосѣевъ; Лебежайка, Хвалыл. уѣздъ, Наталья Ананьева.

сти[1]). Выдача дѣвушки за мужъ отнюдь не зависитъ отъ какихъ либо стороннихъ причинъ, и у Мордвы вовсе не замѣчается обычая выдерживать въ домѣ извѣстное время дѣвушку съ тою цѣлію, чтобы она отработала на семью стоимость того, что она семьѣ стоила. Только въ одномъ случаѣ дѣлается исключеніе, да и то не въ силу отработыванія стоимости содержанія, а въ силу какъ бы богоугоднаго обѣта: нѣсколько задерживаются въ семьѣ браки, если семью посѣтитъ какое либо особенное несчастье, напримѣръ хлѣбъ побьетъ градомъ и т. п. Этотъ обычай замѣчается равно у Эрзи и у Мокши, несмотря на то, что окрестные русскіе подсмѣиваются надъ такими дѣвушками и увѣряютъ, что онѣ «подъ градъ попали»—оттого и замужъ не вышли; ихъ такъ и называютъ «царяградовы жены», что при всей случайности своего происхожденія можетъ однако имѣть и глубокое миѳическое значеніе, конечно незавѣдомое для тѣхъ, кто трунитъ такъ надъ Мордвою. Преданій о томъ, чтобы прежде соединяли бракомъ малолѣтнихъ не сохранилось, и до сихъ поръ у чистой, не подвергшейся руссификаціи Мордвы не бываетъ ничего такого, что давало бы возможность предположить существованіе подобнаго обычая въ древности. Оно и понятно: Мордва до сихъ поръ продолжаетъ смотрѣть на бракъ, какъ на средство къ воспроизведенію себѣ подобныхъ работниковъ; прямою цѣлію брака считаетъ дѣтопроизведеніе и, слѣдовательно, поступали бы нелогично, брача или обручая тѣхъ, кто къ дѣтопроизведенію неспособенъ. Тѣмъ не менѣе и, напримѣръ, въ Нижегородчинѣ мы видимъ, что родители обручаютъ иногда и малолѣтнихъ, [2]) но въ большинствѣ случаевъ такое обрученіе ровно ни къ чему не обязываетъ самихъ обрученныхъ и они могутъ избрать себѣ другихъ спутниковъ жизни. Лепехинъ (ч. I, стр. 172) говоритъ, что «обрученіе или помолвка у Мордвы бываетъ еще во время малолѣтства дѣтей. Когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтніе дѣти и мѣстами и имуществомъ между собою равны, то во время народнаго сонмища мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрите,

---

[1]) Адашево, Инсар. уѣздъ, Ѳедоръ Эртовъ; Эваслеи, Темников. уѣздъ, Елена Кузнецова; Мечкасы, Петров. уѣздъ, Ѳедосья Голяшкина; Пичилеи, Городищ. уѣздъ, Дарья Евреинова.

[2]) Сарлеи, Нижег. уѣздъ; Макателемъ, Ардат. уѣздъ, Наталія Ревингина; Кардовеле, Ардат. уѣздъ, Ѳедоръ Ильцовъ.

добрые люди, что мы между собою сватовья; а какъ сіи засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называются сватовьями до возраста своихъ дѣтей. Если же по возрастѣ которому нибудь изъ отцовъ бывшій договоръ не понравится, напримѣръ, если женихову отцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣстинъ отецъ отдаетъ свою дочь за другого; напротивъ того, если невѣстину отцу не понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ отъ 6 до 12 рублевъ.»

О подобныхъ бракахъ упоминаетъ и Мельковичъ и замѣчаетъ, что «дѣвку помолвленіе сіе не обязываетъ, но молодецъ долженъ, буде вздумаетъ, жениться на другой, заплатить за обходъ нѣсколько рублей. (См. Симб. Г. В. 1851 г., № 32, Опис. Симб. намѣстнич. 1783 года.) По всѣмъ вѣроятіямъ, въ выдачѣ дочерей замужъ соблюдался возрастный порядокъ, который долженъ былъ прямо вытекать изъ того обстоятельства, что старшая дочь въ семьѣ раньше пріобрѣтала способность къ дѣтопроизведенію, а слѣдовательно и раньше должна была выйти замужъ. Порядокъ этотъ совершенно утратился у Эрзи, исключая той части Эрзи, которая живетъ по р. Пьянѣ [1]) и которая болѣе соблюла свои характерныя черты вслѣдствіе своего исключительнаго положенія; у Мокши порядокъ выхода замужъ соблюдается весьма сильно, и младшая сестра ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти замужъ раньше своей старшей сестры, хотя бы она и полюбила кого либо и родители ничего не имѣли противъ ея брака; особенной тяжести однако обычай этотъ не представляетъ въ виду того обстоятельства, что на беременность дѣвушки и на то, что она производитъ на свѣтъ, смотрятъ снисходительно, а потому вѣнецъ покрываетъ всѣхъ дѣтей—нѣтъ нужды въ томъ, что они прижиты до брака [2]).

Безъ родительскаго благословенія бракъ считается немыслимымъ, невозможнымъ; такъ или иначе, но надо добиться ихъ благословенія, хотя уже самое существованіе самокрутокъ доказываетъ, что необходимость родительскаго согласія уже позднѣе заявилась въ Мордовскомъ обиходѣ, а прежде требовалась одна только добрая

---

[1]) Ревезень, Княгин. уѣздъ, Кирилъ Зайцевъ.

[2]) Эваслеи, Темн. уѣздъ, Елена Кузнецова; Мечкасы, Петров. уѣздъ, Ѳедосья Голяшкина; Верхисъ, Инсар. уѣздъ. Николай Мурзайкинъ; Шингарино, Краснослоб. уѣздъ, Степанъ Атяшкинъ.

воля вступающихъ въ бракъ. Даже и теперь и у Эрзи и у Мокши считается возможнымъ повѣнчаться, не испросивши родительскаго благословенія, но за то послѣ совершенія брака необходимо явиться къ родителямъ съ повинною головою, а родители въ свою очередь посердятся для вида, а затѣмъ въ концѣ концовъ должны простить провинившихся. Если бы случилось, что родители захотѣли настоять на своемъ, то такого брака Богъ не благословитъ. Если бы въ домѣ не было ни отца, ни матери, то должны благословить брачущихся или старшій братъ, или старшая сестра; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ спросить у старшаго, который, конечно, не замедлитъ дать свое согласіе. Если бы вздумалось кому нибудь изъ парней взять дѣвушку изъ завѣдомо бѣднаго дома, или же еслибы богатая дѣвушка полюбила бѣдняка, то въ такомъ случаѣ требуется уже не только родительское согласіе, но и спросъ у всей родни, которая представляетъ доводы противъ такого неравнаго брака, но въ концѣ концовъ все же таки даетъ согласіе, въ особенности если видитъ, что родители ничего не имѣютъ противъ подобнаго брака.

Отличительною чертою Мордовской жизни являются браки увозомъ, «самокрутки», какъ называютъ ихъ окрестные русскіе, и «*лисезь*», какъ называетъ ихъ сама Мордва. Лисезь, какъ ни старалось начальство искоренить ихъ, до сихъ поръ не покинуты народомъ, и послѣдній до такой степени облюбилъ этотъ способъ сочетаться бракомъ, что платитъ огромныя сравнительно деньги за то, чтобы священникъ согласился повѣнчать самокрутку. Прежде, во времена оны, конечно женихъ ночью подбирался къ дому своей возлюбленной, заставалъ ее въ расплохъ, схватывалъ ее и увозилъ къ себѣ въ домъ; дѣвушка вѣроятно не давалась, отбивалась, кричала, звала на помощь, къ ней на выручку являлись ея родственники и только съ бою удавалось влюбленному взять подругу своей жизни. Что все это было именно такъ мы находимъ намеки въ тѣхъ обрядахъ, которые считаются необходимыми при нынѣшнихъ самокруткахъ, хотя и утеряли свое стародавнее значеніе и исполняются безъ отдаванія себѣ отчета въ томъ, что всѣ они не имѣютъ уже теперь никакого смысла. Теперь парень любится, положимъ, съ дѣвушкою и сговариваются они повѣнчаться; вопросъ о томъ, говорить ли о ихъ рѣшеніи родителямъ, рѣшается тутъ же между ними и въ большей части случаевъ въ томъ смыслѣ, чтобы предупредить

стариковъ, что, конечно, указываетъ уже на порчу обычая, на его «переживаніе», какъ говоритъ Тайлоръ. Парень, или отецъ его (а этого послѣдняго уже во всякомъ случаѣ предупреждаютъ, такъ какъ иначе молодымъ некуда было бы послѣ вѣнца пріѣхать) отправляются къ священнику на переговоры. Обыкновенно является Мордвинъ и топчется на мѣстѣ, не рѣшаясь напрямки объявить, для чего онъ пришелъ. Если священникъ нерьяный то дѣло рѣшается очень скоро и просто; въ противномъ случаѣ Мордвинъ изгоняется и отправляется искать священника попроще, а таковые извѣстны по всей округѣ. Иногда случается и теперь (а прежде вѣроятно было всегда) что дѣвушка несогласна на бракъ «лисезь», но такіе случаи до такой степени рѣдки, что ихъ знаютъ на перечетъ. Тѣмъ не менѣе, въ доказательство того, что «лисезь» совершался прежде безъ согласія дѣвушки, можно привести то, что послѣдняя во время ѣзды употребляетъ всѣ средства, чтобы отбиться отъ увозящаго ее парня. Ввечеру въ хатѣ у жениха все прибрано и готово къ принятію поздней, но желанной гостьи; со священникомъ переговорили и въ цѣнѣ сошлись. Часамъ къ 12 ночи на дворѣ у жениха собрались его друзья въ числѣ 10—15 человѣкъ на трехъ или четырехъ тройкахъ и ждутъ первыхъ пѣтуховъ, съ крикомъ которыхъ вся компанія ударяетъ по лошадямъ и скачетъ: пѣтушій крикъ—добрый знакъ: Мастыръ-Пазъ, богъ земли Мордовской, мужъ оплодотворитель Ведынь-азыръ-авы, проснулся и идетъ къ своей супругѣ. Похитители ѣдутъ въ невѣстину деревню, женихъ идетъ за своей зазнобой, хватаетъ ее поперегъ тѣла и бѣжитъ со своею ношею къ тому мѣсту, гдѣ оставлены товарищи и кони, а невѣста все это время щиплется, плюется, царапается, щекочетъ своего суженаго и чѣмъ болѣе она старается, тѣмъ желаннѣе она дѣлается для будущаго ея обладателя, тѣмъ сильнѣе прижимаетъ онъ къ своей груди драгоцѣнную ношу. Наконецъ женихъ у телѣгъ, при помощи пріятелей онъ набрасываетъ невѣстѣ на голову наметку, сажаетъ въ одну изъ телѣгъ и тутъ начинается съумасшедшая скачка; дома между тѣмъ, быть можетъ, хватились дѣвушки, поискали и порѣшили, что дѣло не ладно — навѣрное дѣвку увезли. Собирается погоня, наскоро сзываютъ шабровъ, и чѣмъ лучше дѣвка, тѣмъ больше является защитниковъ; съ своей стороны и женихъ, если дѣвка особенно хороша, набираетъ съ собою побольше пріятелей.

Погоня или не успѣваетъ нагнать похитителей и тогда возвращается домой ни съ чѣмъ, или же, напротивъ того, настигаетъ жениховъ поѣздъ и тогда случается нѣчто въ родѣ побоища, которое заканчивается иногда несовсѣмъ счастливо для принявшихъ въ немъ участіе; фонари, ломка зубовъ, а иногда и порча реберъ — вещи весьма обыкновенныя. Наконецъ запасливый женихъ, вѣрно разсчитавшій сколько народа надо взять, чтобы отбиться отъ погони, и дѣйствительно отъ нея отбившійся, является къ церкви; товарищи берегутъ невѣсту гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ, а женихъ идетъ за священникомъ; бракъ совершается и самокрутка обвѣнчана. Благодаря значительности русскаго вліянія у Эрзи рѣже и рѣже приходится наблюдать самокрутки, но конечно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обрусѣніе еще не сказалось въ сильной степени, самокрутки бываютъ и у Эрзи; такъ, напр., въ селѣ Борцовѣ (Нижег. уѣздъ) послѣдняя самокрутка справлена въ 1866 году, а въ Арманихѣ того же уѣзда — въ 1873 году, тогда какъ въ Сескиной (того же уѣзда) еще на Красную горку 1877 г. вѣнчалась самокрутка, но не у мѣстнаго священника; въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ Чувахлеи самокрутку помнятъ въ 1874 году, а въ Лукояновскомъ, на р. Пьянѣ они до сихъ поръ практикуются и при томъ гораздо чаще браковъ обыкновенныхъ; Самарская Эрзя увѣряла, что старики ихъ вѣнчались еще самокрутками, а сами они — «какъ и всѣ прочіе христіане». Вотъ въ этой то фразѣ и заключается объясненіе, почему Эрзя оставляетъ этотъ самобытный обычай; русскіе смѣются надъ самокрутками, считая ихъ безбожными, совершаемыми «не по христіанской, а по Мордовской вѣрѣ», а Эрзя хочетъ казаться христіанами, на вопросъ: что за люди? отвѣчаетъ: Русины и чурается своей «мордовской вѣры», къ которой прибѣгаетъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Напротивъ того, Мокша чаще всего брачится самокруткою, причемъ наиболѣе часто случается, что со стороны невѣсты согласія нѣтъ, и дѣвушку берутъ силою [1]); чѣмъ обособленнѣе живетъ Мокша, чѣмъ менѣе въ ея сосѣдствѣ русскихъ, тѣмъ чаще встрѣчаются самокрутки и до такой степени, что обычай этотъ распространенъ и среди той Эрзи, которая поселилась о-бокъ съ Мокшею, какъ это случилось, напр., въ Городищенскомъ

---

[1]) Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Тихонъ Васильчикинъ.

уѣздѣ, Пензенской губерніи, гдѣ представители обѣихъ отраслей Мордовскаго народа живутъ смежно. Причину самокрутокъ опредѣлить довольно трудно, такъ какъ существованіе оныхъ нельзя объяснить ни экономическими, ни настоящими религіозными требованіями; за самокрутку приходится заплатить священнику гораздо дороже, нежели за обыкновенную свадьбу, а затѣмъ по совершеніи обряда на пропой уходитъ опять таки болѣе денегъ, такъ какъ родители молодой артачатся и спаиваются весьма старательно; слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что самокрутки идутъ прямо наперекоръ установившимся церковнымъ обычаямъ и начинаютъ соблюдаться въ настоящее время съ большими трудностями, такъ какъ число священниковъ, соглашающихся вѣнчать подобные браки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшается. На этомъ основаніи начало и причину самокрутокъ слѣдуетъ искать въ глубокой древности, въ былыхъ миѳологическихъ воззрѣніяхъ Мордовскаго народа. Самокрутка вовсе не влечетъ за собою какихъ либо особенныхъ послѣдствій и все дѣло ограничивается колоссальною попойкою, которая устраивается въ домѣ молодаго для родителей и родственниковъ молодой. Сначала отецъ дѣлаетъ видъ, что не хочетъ входить въ избу своего свата, ломается, шумитъ и требуетъ обратной выдачи своей дочери; съ поклонами, съ уговорами выходитъ къ нему на встрѣчу отецъ молодаго, упрашиваетъ его не сердиться, хвалитъ свою невѣстку и говоритъ, что тѣмъ она, значитъ, лучше, если сама, безъ чьей либо помощи, нашла себѣ мужа. Тутъ же у вереи выпиваютъ, мало по малу отецъ похищенной смягчается и его подъ руки уводятъ въ избу. Тоже самое повторяется и съ матерью молодой, которую впрочемъ уговорить окончательно по обычаю нельзя и ее силой вносятъ въ избу или братья, или пріятели молодаго [1]). Жалобъ никто не запомнитъ, да некому и жаловаться, такъ какъ первая инстанція—старики и слушать не станутъ жалобщиковъ, находя самокрутку вполнѣ естественною и даже желательною для своихъ дочерей.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ни у жениха, ни у невѣсты нѣтъ родителей, когда они круглые сироты, они обращаются (если только

---

[1]) Мамалаево, Красносл. уѣздъ, Пензенской губ.; Верхисъ, Инсар. уѣздъ, Пензенской губ; Кемешкерь, Кузнец. уѣздъ, Сарат. губ.

не думаютъ устроить самокрутку) къ сосѣду, который обыкновенно благословитъ ихъ и научитъ житейской мудрости. У Эрзи такой благословившій бракъ сосѣдъ почитается замѣсто роднаго отца, что встрѣчается часто и у Мокши, хотя и съ исключеніями [1]).

Только у Нижегородской Эрзи находимъ мы обычай созывать тогда семейные или родственные совѣты для рѣшенія дѣлъ о вступленіи въ бракъ того или другаго лица; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не знаютъ о существованіи подобнаго обычая и сомнѣваются въ его цѣлесообразности, такъ какъ молодой человѣкъ даже и при существованіи этого обычая могъ бы всегда обдѣлать самокрутку— благо никто изъ парней не откажется помочь ему въ такомъ дѣлѣ.

Въ послѣдние время, однако, при посредствѣ русскаго вліянія на бытъ Мордвы, стали въ народное міровоззрѣніе проникать русскіе взгляды на родительскую власть, которая по всѣмъ вѣроятіямъ станетъ и у Мордвы на степень полнаго самовластія и деспотизма. И теперь уже довольно часты (и въ особенности въ Нижегородчинѣ) у Эрзи случаи насильныхъ браковъ, устраиваемыхъ родителями или прямо противъ воли дѣтей или безъ спроса на то ихъ согласія; Мокша и въ этомъ случаѣ крѣпче держится старины и среди мокшанскаго населенія (въ особенности у Инсарской, Городищенской и Кузнецкой Мокши) такіе случаи встрѣчаются рѣже. Дѣти, конечно, не могутъ относиться спокойно къ такому беззастѣнчивому распоряженію ихъ судьбой, не соглашаются, если имъ родители сообщатъ о своемъ рѣшеніи, выражаютъ всячески свое неудовольствіе, но не рѣшаются на что либо серіозное и въ большинствѣ случаевъ въ концѣ концовъ подчиняются родительской волѣ. Единственное, что остается, напримѣръ, парню, котораго родители обженили на нелюбимой имъ дѣвушкѣ, это вымѣстить свое неудовольствіе и злобу на той, которую ему навязали; начинается битье жены, истязанія и въ концѣ концовъ супруги глядятъ въ разныя стороны; никакихъ жалобъ однако они ни кому не приносятъ на принудительный бракъ и не только не жалуются міру, какъ иногда бываетъ у русскихъ, но даже и священнику при со-

[1]) Напр. Кузнецкая Мокша и Городищенская Мокша не знаютъ ничего о томъ, что такой благословившій бракъ сосѣдъ долженъ уважаться наравнѣ съ роднымъ отцомъ.

вершеніи самого таинства не заявляютъ о принужденіи. Что касается до того случая, что бы кто либо, помимо родителей, или въ случаѣ ихъ смерти, принудилъ молодыхъ людей ко вступленію въ бракъ, то Мордва не можетъ даже и понять, какъ это можетъ случиться, такъ какъ никто въ судьбѣ людей не властенъ; не имѣя тѣхъ воззрѣній на міръ (сельскій), какими отличаются русскіе крестьяне, Мордвинъ и ему никогда не позволитъ вмѣшиваться въ дѣла по вступленіи въ бракъ.

II.

Предъ вступленіемъ въ бракъ молодыхъ людей, между стариками идутъ продолжительные переговоры, которые вовсе не исключаются даже и послѣ совершенія брака самокруткою, съ тою лишь разницею, что въ послѣднемъ случаѣ переговоры совершаются по необходимости послѣ обряда и бываютъ съ обѣихъ сторонъ менѣе продолжительными вслѣдствіе необходимости такъ или иначе покончить дѣло. Тѣмъ не менѣе у Эрзи и Мокши переговоры эти ведутся съ нѣкоторою разницею, которая весьма отчетливо характеризуетъ принадлежность условливающихся къ той или другой отрасли Мордовскаго народа. Письменныхъ условій не совершается ни въ какомъ случаѣ, какъ отчасти по безграмотности договаривающихся, такъ еще и потому, что *«корхтась ервэйаизъ — корхтась кулаизъ»* (сказалъ во время свадьбы—сказалъ во время смерти) т. е. что договоръ свадебный также важенъ и непреложенъ, какъ и послѣдняя воля умирающаго. Эрзя прежде всего старается выговорить то, что дадутъ на столъ; родители невѣсты стараются конечно взять больше, но всѣ эти переговоры оканчиваются обыкновенно полюбовно и «на столъ» даются вѣнецъ, сустугъ и другія части женскаго туалета; о пропоѣ не уговариваются вовсе, и количество вина, а также и роскошное справленіе пропоя, предоставляется вполнѣ на волю родителей невѣсты, которые никогда не ударятъ по этой части въ грязь лицомъ и, какая бы ихъ дочь ни была, всегда сдѣлаютъ все возможное для того, что бы пропить ее на славу. Еще болѣе сложные и притомъ продолжительные переговоры идутъ о приданомъ (приданой), причемъ опредѣляется

даже добротность каждой получаемой невѣстою вещи. Того, что называется у насъ «кладкою», а у иныхъ народовъ калымомъ, Эрзя не знаетъ, если не видѣть нѣкотораго намека на выкупъ, платимый за невѣсту, въ дачѣ «на столъ». Если замужъ выходитъ вдова, то она обыкновенно договаривается съ будущимъ своимъ мужемъ насчетъ содержанія ея дѣтей отъ перваго мужа, а также и объ имуществѣ, оставшемся послѣ покойнаго; чаще всего вотчимъ обязуется кормить и доводить дѣтей до разума и отнюдь не вступаться въ имущество перваго мужа, которое и передается вдовою своимъ дѣтямъ по достиженіи ими совершеннолѣтія [1]).

Нѣсколько иначе отнеслась къ добрачнымъ переговорамъ Мокша; здѣсь договариваются обо всемъ до малѣйшихъ подробностей, а именно о настольныхъ подаркахъ, о количествѣ предстоящаго пропоя, даже иногда о приданомъ, которое однако не было по всѣмъ вѣроятіямъ стародавнимъ учрежденіемъ у Мордвы и перенято, какъ увидимъ по его случайности и зависимости отъ доброй воли, родителей, у русскихъ; вдовы непремѣнно должны выговорить «спокой и хлѣбъ» своимъ дѣтямъ отъ перваго мужа. [2]) Прежде во времена крѣпостнаго права, когда каждый человѣкъ представлялъ извѣстную стоимость, нельзя было не поплатившись взять въ жены себѣ дѣвушку изъ другого села; приходилось уплачивать владѣльцу дѣвушки выводныя деньги, которыя отнюдь не носили характера калыма извѣстному сельскому обществу, а просто лишь были вознагражденіемъ помѣщику за убытокъ, наносимый ему уводомъ отъ него извѣстной рабочей и производительной силы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никогда не было помѣщичьей власти, Мордва никогда и не слыхивала о выводныхъ деньгахъ и потому мы въ правѣ полагать, что плата за выводъ не составляетъ кореннаго мордовскаго обычая и притомъ тѣмъ болѣе, что теперь не полагается никакихъ выводныхъ денегъ.

У Эрзи, равно какъ и у Мокши, женихъ или, вѣрнѣе, его родители обязуются уплатить извѣстную сумму денегъ, которая,

---

[1]) Нѣтъ надобности указывать здѣсь мѣстности, гдѣ эти обычаи записаны, такъ какъ наблюдать ихъ можно у всей Мордвы.

[2]) У всей Мокши, гдѣ бы она ни жила.

какъ показываетъ самое ея названіе, представляла собою нѣчто подобное калыму, вносимому мужчиною за пріобрѣтеніе имъ жены; слово «*питнэ*», т. е. цѣна, цѣнность, и по эрзянски и по мокшански означаетъ тоже самое и употребляется именно для обозначенія выкупа, платимаго жениховою роднею за невѣсту. Деньги эти, въ размѣрѣ 25—100 р., вносятся всегда у Эрзи на руки отцу невѣсты, который и распоряжается ими по своему усмотрѣнію; чаще всего онъ оставляетъ ихъ у себя въ видѣ вознагражденія за понесенные имъ расходы на снаряженіе невѣсты, на ея приданое [1]) У Мокши «питнэ» выдается невѣстѣ и изъ него она дѣлаетъ себѣ постель, шубу и болѣе цѣнныя вещи изъ носильнаго платья; въ одномъ мѣстѣ намъ удалось встрѣтить даже такой обычай, что «питнэ» выдается мужемъ женѣ по прошествіи первой ночи [2]). Отъ русскихъ переняла Мордва слова: «приданой» и «коробъ», причемъ между ними не дѣлается никакой разницы и оба означаютъ ту рухлядь, которую невѣста получаетъ изъ дома родительскаго. Коробъ бываетъ иногда весьма цѣнный, въ особенности, если въ него войдетъ наголовникъ съ монетами, монисты и т. п., но въ послѣднемъ случаѣ онъ находится у молодой только въ пользованіи и долженъ быть переданъ ею ея дочери. Пропой цѣликомъ лежитъ на обязанности семьи жениха и достигаетъ зачастую значительной суммы въ 50—60 р;, о количествѣ пропоя Мокша уговаривается раньше и онъ составляетъ какъ бы непремѣнную часть «питнэ», которая платится не однимъ родителямъ невѣсты, а всей ея роднѣ (тевъ). Эта сумма конечно есть не что иное, какъ остатки выкупа, платившагося роду за невѣсту [3]).

Не всегда однако дѣло со свадьбою идетъ безпрепятственно ко взаимному удовольствію; стороннія обстоятельства, то независящія, то самими договарившимися сторонами поставленныя могутъ окончательно заставить ту или другую сторону отказаться отъ

---

[1]) У всей Эрзи.

[2]) Кузнец. уѣздъ, Кемешкерь, Степаинда Пятаева.

[3]) Петров. уѣздъ, Мечкасы, Федосья Голяшкина; Инсар. уѣздъ, Верхисъ и Адашево, Николай Мурзайкинъ и Ѳедоръ Эртовъ; Город. уѣздъ, Пичилеи, Дарья Евреинова; Краснослоб. уѣздъ, Мамалаево и Шингарино, Васильчикинъ и Степанъ Атяшкинъ

вступленія въ бракъ. Вопросъ о вознагражденіи пострадавшей стороны зависитъ отъ того момента, въ который произошелъ разрывъ, такъ какъ если сторона не успѣла еще изубыточиться, то не можетъ быть и вопроса о какомъ либо удовлетвореніи и, если не нанесено еще безчестья семьѣ и невѣстѣ, то не можетъ быть и необходимости для жениха поплатиться чѣмъ либо за безчестье, которое признается совершившимся лишь тогда, когда свадьба ославлена въ селѣ и округѣ. У Эрзи повелось изстари такъ, что въ случаѣ нарушенія одною изъ сторонъ условія о бракѣ эта сторона обязуется возвратить тѣ деньги, которыя выданы были «на столъ» и кромѣ того уплатить другой сторонѣ всѣ убытки, которые повлекло за собою нарушеніе слова; если «коробъ» стали уже накупать и нашивать, то и за него долженъ уплатить женихъ деньги по оцѣнкѣ по взаимному соглашенію или чрезъ шабровъ [1]) За безчестье цѣна бываетъ разная, смотря по положенію, занимаемому родителями на селѣ; такъ что напр. отъ волостнаго старшины «и четвертною бумажкою не отдѣлаешься». [2]) Нѣсколько иначе поступаетъ въ случаѣ разрыва Мокша, у которой нѣтъ разъ навсегда опредѣленныхъ границъ удовлетворенія и вознагражденія, какъ, напримѣръ, возврата настольныхъ денегъ и т. п.; Мокша обыкновенно полагаетъ необходимымъ, что бы стороны добровольно уговорились о размѣрахъ вознагражденія. Въ случаѣ, еслибы стороны не пришли къ миролюбивому окончанію дѣла, повелось идти на волостной судъ, который и рѣшаетъ несогласіе безапелляціонно; по большей части судъ приговариваетъ къ возврату уже полученныхъ вещей и денегъ, къ уплатѣ сдѣланныхъ на снаряженіе невѣсты или жениха расходовъ и къ особой пенѣ за безчестье, которая въ одномъ изъ разсказанныхъ намъ случаевъ достигала

[1]) Лепехинъ (Записки. ч. I, стр. 170—177) свидѣтельствуетъ, что послѣ того, какъ отцы помѣнялись тавлинками въ знакъ сватовства, отецъ жениха могъ еще отказаться отъ даннаго слова, тогда какъ отецъ невѣсты не могъ сдѣлать этого безнаказанно и долженъ былъ платить штрафъ. Теперь ничего подобнаго на р. Пьянѣ уже не замѣтно, точно также какъ не слышно и о многоженствѣ, о которомъ свидѣтельствовалъ всего 100 лѣтъ тому назадъ Лепехинъ.

[2]) Сарлеи, Нижег. уѣздъ, Павелъ Туртановъ; Ревегень, Лукоян. уѣздъ, Кирилъ Зайцевъ; Семейкино, Самарскій уѣздъ, Антонъ Мосѣевъ; Пичкасы, Ардат. уѣздъ, Сим. губ., Матвѣй Дробышевъ.

5 р. с. [1]). Разъ въ Кемешкерѣ былъ слѣдующій случай: только было сговорились о свадьбѣ и стали готовиться, какъ вдругъ женихъ заболѣлъ и долженъ былъ поступить въ домъ умалишенныхъ; отецъ невѣсты сталъ требовать уплаты ему убытковъ, дѣло миромъ не окончилось, дошло до волостнаго суда, который освободилъ отца жениха отъ какой бы то ни было уплаты убытковъ. Прослышалъ разъ въ Верхисѣ, Инсарскаго уѣзда, женихъ, что невѣста его гуляетъ съ мѣстнымъ фельдшеромъ изъ села Иссы, и отказался отъ брака; дѣло дошло опять таки до волостнаго суда, который постановилъ присудить жениха къ уплатѣ проторей и убытковъ, «а за безчестную славу на дѣвку имъ пущенную взыскать съ него 10 р, въ ея пользу и наказать при волости розгами десятью ударами [2]) съ наущеніемъ, чтобы впередъ дѣвку не срамилъ». Въ томъ же году и въ томъ же Верхисѣ отецъ невѣсты, отказавшійся отъ выдачи дочери своей за парня вслѣдствіе прошедшихъ слуховъ, что будто бы тотъ боленъ дурною болѣзнію, принужденъ былъ заплатить жениху убытковъ 20 р. да безчестья 10 руб., а «болѣзнь», сказано въ приговорѣ, «его совѣсти дѣло» [3]).

Женится Мордвинъ, да и Мордовка замужъ выходитъ въ такое время, которое или почему либо считается болѣе счастливымъ, или же удобно вслѣдствіе чисто хозяйственныхъ соображеній. Охотнѣе всего Эрзя заключаетъ брачные союзы передъ масляницею (киракшъ тиси) и послѣ Радуницы, а именно въ то время, когда приходятся праздники Ведьявѣ, богинѣ воды и совокупленія; въ особенности часты свадьбы передъ масляницей, такъ какъ Эрзя вѣритъ, что богиня въ это время особенно заботится о людской судьбѣ, не будучи еще сама оплодотворена; это и есть моментъ ея оплодотворенія Мастыръ-Пазомъ; она покоится непробуднымъ сномъ, она полна силъ и похоти—является тучный земной богъ, видитъ ее спящею и оплодотворяетъ ее во снѣ; она и рада, что сдѣлается матерью—какъ же не поможетъ она тѣмъ женщинамъ, которыя хотятъ слѣдовать ея примѣру, выполнять то призваніе, которое

---

1) Мамалаево, Краснослоб. уѣздъ.
2) Приговоры 1875 г.
3) Все сказанное про Мокшу относится ко всѣмъ помѣщеннымъ уѣздамъ.

предназначено выполнить ей по преимуществу. Не дѣло носить ей плодъ и послѣ Радуницы празднуютъ ей въ честь разрѣшенія ея отъ бремени—опять таки самое время заключать браки, такъ какъ она сама, сдѣлавшись матерью, навѣрное охотно займется устройствомъ судьбы той женщины, которая идетъ къ выполненію своего призванія. Послѣ Петрова дня настаетъ снова удобное и счастливое для браковъ время, такъ какъ тутъ празднуютъ Велень-Пазу, или Чимъ-Пазу, богу солнца, зиждителю міра, строителю счастья и порядка на землѣ; кто же, какъ не этотъ великій богъ позаботится объ устройствѣ семейнаго счастья брачущихся. Конечно все это забыто давнымъ давно Эрзею, которая забыла основныя причины, но знаетъ все таки, что Ведьява устраиваетъ браки, что ей слѣдуетъ молиться о счастьи въ брачной жизни, что на ея молянъ жениться и выйти за мужъ всего безопаснѣе и выгоднѣе; ни одинъ изъ періодовъ заключенія браковъ нельзя объяснить хозяйственными соображеніями, такъ какъ въ это время у земледѣльца Мордвина денегъ бываетъ меньше всего и казалось бы лучшимъ избрать для заключенія брачныхъ союзовъ Покровъ или иное какое болѣе сподручное время. [1]) Мокша въ этомъ случаѣ словно отчуралась отъ своей миѳической старины и въ избраніи времени для браковъ руководствуется по большей части чисто хозяйственными соображеніями, предпочитая пировать свадьбы въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда въ домѣ больше всего бываетъ достатка; водится однако и здѣсь обычай вѣнчать мясоѣдомъ передъ масляною недѣлею, и при томъ конечно по той же причинѣ, почему и Эрзя облюбила для свадебъ это время. Одно только правило соблюдаетъ Мокша и при томъ соблюдаетъ его крайне строго, а именно: ни одна свадьба не можетъ быть обвѣнчана въ день рожденія жениха или невѣсты, а не то молодой и за себя при родахъ достанется, да и за мать. [2])

---

[1]) Лебежайка, Хвалынск. уѣздъ, Наталья Ананьева; Ревезень, Лукоян. уѣздъ, К. Зайцевъ; Катмисъ, Городищ. уѣздъ, Елена Гордѣева; Пермисъ, Карсун. уѣздъ, Марья Гудкова; Кочкурово, Саран. уѣздъ, Миронъ Азякаевъ.

[2]) Мамалаи, Красносл. уѣздъ; Каратаи, Тетюшск. уѣздъ, Петръ Казымбаевъ; Верхисъ, Инсар. уѣздъ, Николай Мурзайкинъ; Пичилеи, Городищ. уѣздъ, Дарья Евреинова.

III.

Жениться, устроить свадьбу Мордовскую и хлопотно, да неумѣлому человѣку и не справить дѣло такъ, какъ слѣдуетъ по изстари заведенному обычаю, а потому и берутся за это дѣло особыя лица, которымъ свадьбу устраивать не впервые, которыя знаютъ всѣ обычаи доподлинно, которыхъ не даромъ Мордвинъ ставитъ въ примѣръ, когда хочетъ заявить о знаніяхъ человѣка и объ его умѣньи жить; «онъ, какъ сваха и дружко, знаетъ гдѣ поклониться, гдѣ помолиться», говоритъ Мордвинъ про такого человѣка («*сонъ улы кода эрвидей и торонганды: содаза козо сюкунямсъ, козо молямсъ*»- Въ самой свадьбѣ слѣдуетъ различать нѣсколько моментовъ, которые соотвѣтствуютъ разнымъ пирамъ и столованьямъ, устраиваемымъ тою или другою изъ сторонъ; число этихъ моментовъ брака различно у Эрзи и Мокши, хотя значеніе ихъ и отношеніе къ правамъ и обязанностямъ брачущихся у обѣихъ отраслей Мордовскаго народа одно и тоже. Въ виду сложности обрядовъ, сопровождающихъ всякую свадьбу у Мордвы, мы опишемъ Эрзянскую и Мокшанскую сватьбы вмѣстѣ, отмѣчая при этомъ, какія именно черты не общи обѣимъ отраслямъ и которыя, напротивъ того, ведутъ свое начало со временъ самой отдаленной старины, такъ какъ встрѣчаются одинаково у Эрзи и у Мокши.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенный среди Мордвы способъ брачиться есть самокрутка, которая, какъ было уже раньше сказано, хотя и начинаетъ изчезать, тѣмъ не менѣе однако практикуется охотно Мордвою и послѣдняя лишь съ большою неохотой отказывается отъ этого стародавняго способа вступать въ семейную жизнь. Во всякомъ случаѣ, даже если бы свадьба устроилась и самокруткою, свадебный пиръ устраивается точно также, какъ еслибы бракъ совершился съ согласія родителей и рознится отъ послѣдняго лишь тѣмъ, что для устройства его требуется гораздо болѣе значительное количество вина и «*пурэ*» (сыченое пиво), такъ какъ жениховой роднѣ приходится задабривать родню невѣсты и въ особенности ея отца и мать. Прежде, но очень уже давно, какъ говорили намъ, лѣтъ 50 тому назадъ, дѣло обходилось и вовсе безъ всякого пира, такъ какъ самокрутка совершалась зачастую такъ, что и невѣста сама ничего не подо-

зрѣвала о томъ, что она понравилась парню и что онъ порѣшилъ сдѣлать ее своею женою; передъ зорькою наскакивалъ влюбленный съ товарищами, схватывалъ свою кралю, увозилъ въ свой домъ и дѣло этимъ и оканчивалось; злые языки конечно прибавляютъ что въ большинствѣ случаевъ красавицы только какъ бы нехотя защищались, царапаясь слегка и кусаясь. Лепехинъ, а за нимъ и Палласъ сообщаютъ нѣкоторыя крайне интересныя данныя о Пьяненской Мордвѣ, показывающія какъ сильно устойчивы нѣкоторые народные обычаи; въ виду значительнаго интереса описанія свадебныхъ обрядовъ у Лепехина, [1]) Палласа и Георги, мы считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь небольшой сводъ ихъ извѣстій, который дастъ возможность всякому составить себѣ болѣе полное и точное понятіе о воззрѣніяхъ Мордовскаго народа на брачное сожительство, бракъ и женщину. Если свадьба не совершалась самокруткою, то переговоры объ условіяхъ брака совершались при Лепехинѣ родителями и на ихъ умѣнье вполнѣ полагались дѣти. Ничиналось дѣло съ подсыла къ отцу дѣвушки постороннихъ людей, которые должны были стороною вывѣзать, намѣренъ ли онъ отдать свою дочь замужъ за такого то? Если отвѣтъ получался удовлетворительный, то отцы и матери сходились для переговоровъ о калымѣ, пропоѣ и т. п. Калымъ (Лепехинъ не слыхалъ слова «питнэ») простирался на тогдашнія деньги отъ 8—10 рублей и болѣе, смотря по состоянію жениховой семьи. Когда эти переговоры оканчивались къ обоюдному удовольствію, то жениховы отецъ и мать приглашали всю невѣстину родню въ домъ невѣсты на пиръ (пропой), причемъ всѣ расходы по этому пиру принимали на себя. Лепехинъ говоритъ, что женихъ и невѣста зачастую до самаго дня свадьбы не знали, что рѣшается ихъ судьба, но мы смѣемъ предполагать, что почтенный академикъ введенъ былъ въ ошибку именно тѣмъ, что записалъ Эрзянскій свадебный обрядъ на р. Черемшанѣ, гдѣ въ настоящее время жители давно забыли, что они когда то были Мордвою, а въ его время вѣроятно сильно обрусѣли, такъ какъ гдѣ бы ни приводилось намъ сталкиваться съ чистою Мордвою, вездѣ дѣти знаютъ раньше родителей

---

[1]) Записаны въ с. Черемшанѣ, Ставроп. уѣзда Самарск. губерніи, у Эрзи, которая теперь совершенно обрусѣла.

о вступленіи въ бракъ и сговариваются между собою прежде, нежели доведутъ до свѣдѣнія родителей о прнятомъ ими рѣшеніи. Въ самый день свадьбы, по словамъ Лепехина, родители объявляли жениху и невѣстѣ, что у нихъ будетъ свадьба, и отправлялись къ невѣстинымъ родителямъ съ почетнымъ гощеніемъ (визитомъ); невѣста въ это время была обыкновенно уже вполнѣ снаряжена къ бракосочетанію. Весь обрядъ состоялъ въ томъ, что невѣстинъ отецъ, взявъ свою дочь за руку, а мать хлѣбъ-соль со стола, вручають и невѣсту и хлѣбъ-соль свекру и свекрови. Невѣста благодарила родителей своихъ за попеченія ихъ, оплакивала всѣхъ своихъ ближнихъ и накрывалась бѣлымъ холстомъ, ниспадающимъ съ плечь ея до пояса; братъ ея бралъ ее за руку и выводилъ изъ отеческаго дома къ санямъ или телѣгѣ. Родня невѣсты усаживалась по экипажамъ и отправлялась сопровождать ее до полпути, гдѣ ее встрѣчала уже родня женихова; въ воспоминаніе о самокруткахъ требовалось и тогда, чтобы никто изъ невѣстиной родни не присутствовалъ на свадьбѣ. Когда поѣздъ пріѣзжаетъ къ женихову двору, то жениховъ братъ или ближайшій его сродственникъ беретъ невѣсту за руку и, введя ее въ избу, сажаетъ ее за столъ. Потомъ зовутъ жениха, а онъ, нахлобучивъ на глаза шапку такъ, чтобы не могъ ничего видѣть, садится подлѣ невѣсты. Жениховъ отецъ бралъ тогда поставленный на столъ длинный, аршина въ полтора пирогъ за конецъ и другимъ концомъ поднималъ съ головы невѣсты покрывало со словами «вотъ тебѣ свѣтъ, будь счастлива къ хлѣбу, животу и къ размноженію семьи». По исполненіи этого обряда свекоръ нарекалъ невѣсткѣ своей новое имя и называлъ ее, какъ говоритъ Лепехинъ, «Мезява—большая, если женится старшій сынъ; Сернява, средняя; Вежава, меньшая по старшинству ихъ мужей». [1]) Только послѣ нареченія имени могъ женихъ уже публично увидать свою невѣсту, а затѣмъ начинается уже пиръ, причемъ продолжительность его зависитъ отъ достатковъ роднящихся между собою семей

---

[1]) Мы позволимъ себѣ замѣтить, что Лепехинъ былъ вѣроятно введенъ въ ошибку переводчикомъ; Мезява—ничего не значитъ, тогда какъ «*Метшава*» случалось и намъ слышать и слово это соотвѣтствуетъ нашему—голубка; «*Сырнява*» означаетъ просто золотая, а «вежава» или вѣрнѣе «*ветшава*» соотвѣтствуетъ нашему «любезная».

Крайне интересенъ обрядъ сватанья, записанный у Лепехина; обрядъ этотъ носитъ несомнѣнные признаки руссификаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и нѣсколько чисто народно-мордовскихъ чертъ. Въ день свадьбы, говоритъ Лепехинъ, невѣсту одѣваютъ въ красное кумачное платье, красную рубаху и красные сапоги; [1]) на всѣхъ пальцахъ обѣихъ рукъ надѣваютъ перстни разныхъ цвѣтовъ съ привѣшенными къ нимъ небольшими цѣпочками; къ этимъ цѣпочкамъ прикрѣплены на иныхъ серебряныя, на другихъ мѣдныя копейки и даже полушки; голову ей покрываютъ красною фатою и притомъ такъ, чтобы лица ея не было видно; передъ нею ставятъ скамейку, на которой поставлены коровай хлѣба, ведро пива и солоница съ солью; подлѣ нея садится пожилой мужикъ съ образомъ, а передъ нимъ мальчикъ держитъ свѣчу. Въ это время къ ней подходятъ родственники и подлѣзаютъ головою подъ ея фату; каждаго въ особину невѣста должна оплакать особеннымъ образомъ, припоминая его или ея благодѣянія, ей будто бы оказанныя и выражая сожалѣніе о томъ, что не придется ей болѣе пользоваться ихъ расположеніемъ. Пока идетъ оплакиваніе, гудошникъ играетъ на гудкѣ, а присутствующіе приплясываютъ и подпѣваютъ припѣвъ: «вой, вой«! Послѣ этого всѣхъ обносятъ медомъ или пивомъ по нѣскольку разъ, такъ что головы затуманиваются. Съ жениховой стороны на оплачкѣ никто не присутствуетъ, кромѣ отца или старшаго брата, свахи и двухъ дружекъ. Сваха и одинъ изъ дружекъ обязаны все время плясать и не переставать угощать гостей, а другой дружка, стоя безмолвно передъ невѣстою, держитъ въ рукахъ обнаженную саблю, помахиваетъ ею по временамъ надъ головою и ударяетъ въ потолокъ или матицу. У печки на столѣ складываютъ постель и все приданое невѣсты; на немъ садится или невѣстина сестра, или другая какая нибудь подруга, у которыхъ дружки должны выкупить приданое. Когда невѣста оплачетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, дружка съ саблею въ рукахъ выходитъ изъ избы, за нимъ слѣдомъ идетъ отецъ невѣстинъ или ближайшій ея родственникъ съ образомъ, а за нимъ мать или бабка

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что красный цвѣтъ отнюдь нельзя считать по преимуществу облюбленнымъ русскими; онъ одинъ изъ любимыхъ мордовскихъ цвѣтовъ, хотя и не играетъ роли праздничнаго цвѣта.

со свѣчею. Двое изъ поѣзжанъ берутъ невѣсту подъ поясъ, а третій (главный дружка) за ноги и выносятъ ее на дворъ. Между тѣмъ невѣста, какъ бы неохотно оставляя домъ своихъ родителей, хватается руками за матицу и держится за нее насколько хватитъ у нея силъ; отецъ, мать и родственники стараются разнять ея руки и помогаютъ несущимъ; въ самыхъ дверяхъ снова хватается она уже за косякъ, причемъ происходитъ такая же борьба. Когда вынесутъ невѣсту на дворъ, то дружка съ саблею кричитъ всѣмъ, чтобы всѣ стояли въ рядъ и никто не попадался бы невѣстѣ на встрѣчу, такъ какъ при этомъ всякая встрѣча дурной знакъ. Между тѣмъ запираютъ избныя двери и никого изъ избы не выпускаютъ, пока невѣсту не посадятъ въ сани или телѣгу и не покроютъ бѣлою скатертью съ бахромою. Въ поѣздѣ передъ невѣстою ѣдетъ отецъ или братъ жениха, за нимъ невѣста, сваха и дружка въ одномъ и томъ же экипажѣ; за невѣстиною упряжкою слѣдуютъ ея подруги и поѣзжане, которые сопровождаютъ ее лишь до полупути. Невѣсту привозятъ наконецъ въ церковь, гдѣ ее ожидаетъ уже женихъ. Послѣ совершенія таинства женихъ ѣдетъ напередъ, невѣста за нимъ, а за невѣстою поѣзжане. По пріѣздѣ домой женихъ принимаетъ невѣсту и ведетъ въ избу; но прежде нежели входятъ въ избу, оба становятся одною ногою на порогъ во входныхъ дверяхъ, гдѣ имъ, сперва жениху, ставятъ на ногу горячую сковороду съ хмѣлемъ; онъ долженъ сбросить эту сковороду съ ноги какъ можно дальше отъ себя; затѣмъ ставятъ ту же сковороду и на ногу невѣстѣ и послѣдняя продѣлываетъ тоже самое; при этомъ бывалые люди примѣчаютъ, какъ далеко отбросила она сковороду и если разстояніе велико, то полагаютъ, что она будетъ сварлива и непокорлива. Послѣ этой церемоніи всѣ входятъ въ избу, садятся за столъ и пируютъ. При этомъ пиршествѣ никто изъ невѣстиной родни не бываетъ и молодая надѣваетъ свое дѣвичье платье, заплетаетъ косу и повязывается повязкою. Невѣстины отецъ и мать и другіе родственники до тѣхъ поръ съ нею и съ ея мужемъ не видятся пока она не пришлетъ звать ихъ къ себѣ, а это случается иногда черезъ полгода и даже черезъ годъ. Это дѣлается потому, что пока она не видится со своими, она можетъ пользоваться своею дѣвичьею красою, уборомъ и т. п., а увидавшись съ ними облекается уже въ одежду женщины.

Мильковичъ [1]) свидѣтельствуетъ, что въ его время (1783 г.) Мордва рѣдко пользовалась отсутствіемъ запрещенія многоженства. Когда умирала жена, то Мордва охотно женилась на свояченицахъ (вѣроятно, ради поддержанія сѣмени); «если же кто получитъ въ томъ отказъ, то кладетъ тихонько на столъ маленькій хлѣбецъ и говоритъ: «промысли мнѣ свояченицу», послѣ сего обращается онъ въ бѣгъ и ежели его настигнутъ, то бьютъ немилосердно; если же уйдетъ, то выдаютъ безпрекословно за него помянутую свояченицу. Нѣкоторые изъ нихъ, дабы удачливѣе могли произвести свое намѣреніе въ дѣйство и остаться безъ вреда, стараются тайно навѣдаться о отлучкѣ своей свояченицы отъ отца и матери изъ дома въ другое жительство, и, воспользуясь онымъ, призываетъ женихъ той деревни изъ мірскихъ начальниковъ старосту или десятскаго, кладетъ при нихъ хлѣбъ на ворота и безъ большой опасности возвращается въ свой домъ, а потомъ получается и желаемое». Кромѣ этихъ намековъ на право ужичества, общій ходъ брачныхъ церемоній, описываемый Мильковичемъ, почти схожъ съ тѣмъ, который помѣщенъ выше, и мы укажемъ лишь то, что совершается въ этомъ случаѣ, по его словамъ, нѣсколько иначе.

«Дѣвокъ, говоритъ Мильковичъ, они высватываютъ и рядятся также, какъ и чуваши; цѣна невѣсты, калымъ, простирается обыкновенно отъ 8—20 и до 30 р.; сосватавъ невѣсту и уговорясь о калымѣ съ невѣстинымъ отцомъ, родственникъ жениха назначаетъ день сговора, о чемъ увѣдомляетъ тотъ родственникъ женихова отца. При наступленіи того дня отправляетъ жениховъ отецъ своихъ родственниковъ и сваху; въ то время невѣста, хватаясь руками за подвѣшанное кверху за печной брусъ (матица) сукно, при собраніи своихъ подругъ, воетъ; по пріѣздѣ же того поѣзда, невѣсту и находящихся при ней дѣвокъ, связавъ одну съ другой, вносятъ на рукахъ въ другой сродниковъ домъ, гдѣ подруги невѣстины, довольно подвеселясь отъ большаго употребленія пива, съ молодыми мужчинами при играніи музыки попарно пляшутъ; и такъ какъ Мордва имѣютъ привычку дочерей своихъ отдавать замужъ не моложе лѣтъ тридцати или сорока, а притомъ онѣ у нихъ и выростаютъ въ необузданномъ своеволіи, то молодыхъ мужчинъ по

[1]) Симб. Вѣдом., 1851, № 32.

пригожѣе лицомъ за хорошую пляску многими поцѣлуями дѣвки безъ всякаго зазрѣнія награждать стараются; невѣстина родственница, вынеся хлѣбъ, соль и пиво, встрѣчаетъ поѣздъ и вводитъ въ домъ къ невѣстину отцу, гдѣ бываетъ собраніе родственниковъ и веселіе тогда, заплатя нѣкоторую часть калыма, назначаютъ и день свадьбы; послѣ чего входитъ къ невѣстѣ сваха, относитъ ей отъ жениха подарокъ, напротиву чего невѣста сваху даритъ; свадьба жъ не прежде у нихъ бываетъ, какъ черезъ годъ или черезъ два, а между тѣмъ женихъ съ невѣстою никогда свиданія не имѣютъ».

По наступленіи назначеннаго дня свадьбы пріѣзжаетъ тотъ же поѣздъ и встрѣченъ бываетъ такимъ же образомъ; при семъ подруги невѣстины поютъ оскорбительныя поѣзжанамъ пѣсни, упоминая, что у нихъ платье, лошади и все чужое, выпрошенное у сосѣдей только на свадьбу и они столь бѣдны, что умираютъ съ голоду; оное ими выражается съ такою грубостью и презрѣніемъ, что иные старѣе и именитѣе другихъ люди, не снеся того, плачутъ, за что подруги невѣстины болѣе ихъ укорять стараются».

«Входитъ прежде всѣхъ поѣзжанъ», продолжаетъ Мильковичъ, «дружко, относитъ послѣднюю часть калыма, а потомъ входятъ и поѣзжане; отецъ и мать невѣстины, тогда сидящіе за столомъ, вставъ съ своихъ мѣстъ сажаютъ поѣзжанъ, причемъ бываетъ веселіе и играніе музыки; невѣста даритъ свою родню, невѣсту напослѣдокъ отводятъ къ отцу; онъ, взявъ ее за руку, препоручаетъ дочь свекру, а мать даетъ ему немного соли и хлѣба; надѣля жъ невѣсту платьемъ и скотиной и пожелавъ благополучной жизни, даютъ ей на дорогу хлѣбъ; причемъ поѣзжане благодарятъ ихъ за воспитаніе невѣсты; она, плачучи, съ своимъ отцомъ и матерью прощается и закрывъ лицо, пускается въ путь.

«При въѣздѣ невѣсты съ поѣздомъ къ жениху въ домъ, его отецъ и мать, выворотя шубы и шапки, со всѣми домашними и роднею встрѣчаютъ, и вынеся на дворъ сковороду, насыпаютъ на нее хмѣлю, зажигаютъ его и заставляютъ невѣсту пнуть ногою, которую сама невѣста пинаетъ (?); тогда братъ невѣстинъ подъ ноги ея подкладываетъ свою шапку и рукавицы; если пнетъ она не сильно, то примѣчаютъ, что невѣста будетъ смирна, а если сильно и сковорода опрокинется—то сердита: при этомъ дѣвки поютъ.

и невѣстѣ такія жъ укорительныя пѣсни, называя ее не ткахою, не пряхою, лѣнивицею».

«По входѣ невѣсты въ домъ, дружка, поставя жениха и ее спинами къ печи и держа передъ ними хлѣбъ и соль, при всемъ собраніи дѣлаетъ имъ о сохраненіи супружескаго союза вопросы, которые, отвѣчая ему на оные, клянутся другъ другу наивсегдашнею вѣрностью; послѣ чего женихъ съ невѣстою садятся за столъ, первый крѣпко нахлобучиваетъ на глаза свою шапку, на столѣ стоитъ длиною около $1^1/_2$ аршина пирогъ, который жениховъ отецъ, пододвинувъ однимъ концомъ невѣстѣ подъ покрывало, говоритъ: «взгляни на свѣтъ, будь счастлива къ наживу хлѣба и дѣтей». Тутъ-то впервые видитъ женихъ въ лицо свою невѣсту, которую высваталъ за него отецъ; послѣ сего пируютъ они съ пріятелями своими и веселятся пляскою пѣснями, игрою, а больше всего подчиваніемъ. Пляшутъ же они собственною своею пляскою и соображаются игрѣ на гусляхъ, скрипкахъ, волынкѣ и органѣ (варганчикъ-инструментъ нынѣ вышедшій изъ употребленія, состоявшій изъ согнутой подковою желѣзной пластинки съ гибкимъ желѣзнымъ тычкомъ по срединѣ;концы подковы ставились въ зубы, а пальцемъ музыкантъ трогалъ за тычекъ, причемъ то раскрывалъ, то закрывалъ ротъ).

«Когда придетъ пора укладывать молодыхъ спать, то невѣста такъ упрямится, что, посадя ее насильно на рогожу, относятъ къ жениху въ подклѣтъ и говорятъ: «вотъ тебѣ, волкъ, овечка»! На другой день дружко тотъ хлѣбъ, предъ которымъ молодымъ дѣлалъ присягу при собраніи гостей, кладетъ невѣстѣ за пазуху; потомъ поѣзжане, изъ-за пазухи вынувъ, втыкаютъ въ него грошъ мѣдныхъ денегъ, который при играніи музыки, дружко, вытянувъ зубами, беретъ себѣ. Напослѣдокъ разрываютъ хлѣбъ на четыре части, изъ коего часть даютъ дружкѣ, а послѣднія оставляютъ въ домѣ отца; дружко, замахиваясь топоромъ, у каждаго изъ собранія спрашиваетъ, какъ зовутъ невѣсту, и если кто скажетъ настоящее ея имя, то онъ, поднявъ топоръ высоко, грозитъ и велитъ называть даннымъ ей отъ него новымъ именемъ (намекъ на укрывательство послѣ брака уводомъ); послѣ чего сродницы жениховы переряжаютъ уже молодую изъ дѣвичьяго въ женское платье, которую какъ

свекоръ, свекровь, такъ и сродники дарятъ, а молодые подходятъ тогда и кланяются имъ въ ноги».

Изъ этого описанія Мордовской свадьбы мы видимъ, что въ его время въ свадьбѣ различались, собственно говоря, четыре момента, а именно: сговоръ, оплачка, самая свадьба и послѣсвадебный пиръ. Кромѣ того заслуживаютъ вниманія обряды, выполняемые дружкою, представляющимъ собою, такъ сказать, интересы жениха въ чужомъ родѣ, почему онъ и является вооруженнымъ, и сковорода съ хмѣлемъ, посвященнымъ Ведявѣ, богинѣ плодородія и плодовитости, и служившимъ символомъ всякаго благополучія, а по легкости своей предзнаменовывавшемъ и легкость дѣторожденія. Мы видимъ, наконецъ, что послѣднимъ рѣшительнымъ моментомъ въ бракѣ Мордва во времена Лепехина признавала послѣсвадебный пиръ, бывавшій иногда черезъ годъ послѣ вѣнчанія и означавшій въ старину полное примиреніе родовъ между собою; въ самомъ дѣлѣ: дѣвушку увозили, что доказывается ея хватаньемъ за матицу и конякъ, сопротивленіемъ и наконецъ уносомъ ея на рукахъ; хотя она и вѣнчалась, но въ глазахъ не признававшей ея брака родни она не переставала еще быть дѣвушкою и только примирясь съ женихомъ и его роднею, родня невѣсты признавала ее женщиною и она могла облечься въ одежду женщины.[1])

IV.

Посмотримъ теперь какъ совершается Мордовская свадьба въ настоящее время и много ли чертъ, указанныхъ Лепехинымъ, осталось и теперь. Прежде всего, если женихъ не знаетъ, на комъ именно остановить свой выборъ, то въ Пензенской губерніи посылаются на смотрины сваты, которыхъ дѣвушка угощаетъ по заведенному обычаю «пурэ»; въ это время сваты смотрятъ на невѣсту и оцѣниваютъ ея достоинства; женихъ можетъ присутствовать при этихъ смотринахъ, но не долженъ показывать и вида, для какой именно цѣли онъ явился; сваты между тѣмъ, если имъ дѣ-

[1]) Павелъ Ив. Мельниковъ (Симб. губ. Вѣдом. 1851 года № 25) свидѣтельствуетъ почти слово въ слово тоже, что мы находимъ у Лепехина про былыя Мордовскія свадьбы.

вушка пришлась по вкусу, переговариваютъ съ отцомъ ея, старшимъ братомъ или дядею о томъ, намѣревается-ли родня выдать ее замужъ и чѣмъ думаетъ наградить ее при замужествѣ, а затѣмъ идутъ осматривать домъ и дворъ жениха, дабы узнать, богато-ли онъ живетъ и не будутъ-ли молодые послѣ свадьбы нуждаться [1]. Г. Барминскій [2]) также свидѣтельствуетъ о томъ, что сватовство совершается всенепремѣнно по волѣ самой молодежи и притомъ говоритъ, что родители не могутъ не согласиться на бракъ. Наконецъ, архимандритъ Макарій, говоря о Мокшѣ нижегородской, утверждаетъ, что прежде всего справляется «*сватнэ*», которая состоитъ въ томъ, что желающій взять за своего сына чью нибудь дѣвушку засылаетъ къ ея родителямъ особаго хожалаго свата, который проситъ позволенія явиться отцу жениха и начать дѣло («*ушыданз тевз цебэрз*»). Затѣмъ отецъ жениха является къ отцу невѣсты и его сажаютъ на переднюю лавку подъ самою матицею; тутъ начинаются переговоры, торгъ о выкупѣ, о количествѣ пурэ и вина и о невѣстиной одеждѣ: за одно тутъ же назначатъ и время для сговора и свадьбы, а затѣмъ установятъ на столъ свѣчу и помолятся Богу, какъ слѣдуетъ при починѣ всякаго дѣла, а затѣмъ помолятся и постаринному съ поклонами и поднятіемъ рукъ отъ себя вверхъ, чтобы Юртазырава, Кудязырава и умершіе предки благословили вступающихъ въ бракъ, ради чего и приносятъ имъ жертву, состоящую изъ хлѣба и соли, которые ставятъ подъ порогъ, гдѣ помѣщаются мордовскіе пенаты [3]). Мы лично при изслѣдованіи быта Мордвы постоянно могли замѣтить, что бракъ затѣвался (въ случаѣ если свадьба не происходитъ самокруткою) всегда самою молодежью, которая заявляла о своемъ рѣшеніи родителямъ; затѣмъ уже шло сватовство по заведенному обычаю, т. е. родители жениха отправлялись смотрѣть невѣсту, договориться о тратахъ, выкупѣ и т. п.; въ свою очередь родители невѣсты ходили смотрѣть жениховo житье-бытье; тутъ же рѣшалось, когда должно быть формальное рукобитье или пропой. Моленье на сватаньѣ производится

---

[1]) Пенз. Губ. Вѣдомости 1865 г., №№ 39 и 40. Картины мордовскаго быта Прозина; Инсар. уѣздъ, село Верхисъ, Никол. Мурзайкинъ.

[2]) Сарат. Справ. Листокъ 1869 г. №№ 63 и 64, ст. Барминскаго.

[3]) Этнограф. замѣтки о Мордвѣ—Мокшанахъ въ Нижегород. губерніи, рукопись хранится въ Архивѣ Имп. Русскаго Географ. Общества, папка—«Инородцы».

именно такъ, какъ описываетъ его архимандритъ Макарій, а самое моленье носитъ названіе «*молянь ервэнянь симама*», т. е. моленье свадебнаго пьянства, а иносказательно—пира. И у Эрзи и у Мокши отецъ жениха и мать его отправляются въ домъ избранной ихъ сыномъ дѣвушки въ будничномъ нарядѣ и притомъ употребляютъ всѣ средства, чтобы никто не догадался о цѣли ихъ прихода; если бы они встрѣтили, идучи, кого-либо, кто сказалъ бы имъ: «знаю зачѣмъ вы идете», или «вы идете сына сватать», то лучше вернуться домой и избрать иной день для сватовства, такъ какъ человѣкъ этотъ посланъ и дѣйствуетъ отъ шайтана. Входятъ родители въ избу, а тамъ ихъ встрѣчаютъ точно и не подозрѣваютъ, зачѣмъ они пришли, хотя и относятся съ полнымъ почтеніемъ и радушіемъ. Со стороны и издалека заводитъ отецъ жениха рѣчь о томъ, что не дурно было бы имъ породниться; едва только узнается такимъ образомъ цѣль прихода, какъ родителей жениха пересаживаютъ на самое почетное въ избѣ мѣсто, которое помѣщается не въ переднемъ углу, какъ у русскихъ, а на передней скамейкѣ какъ разъ подъ матицею. Долго идетъ торгъ и договариваются обо всѣхъ мелочахъ; тутъ же назначаютъ день пропоя «*проксиммэ*» (отъ «*симанъ*»—пить, вмѣсто «*симама*»). Когда порѣшатъ все, то призываютъ и дѣвушку, которая угощаетъ своихъ будущихъ свекра и свекровь виномъ и пурэ, но прежде того дѣлаютъ молянъ, чтобы испросить благословеніе на начатое дѣло; кое-гдѣ молятся на образа, но часто просто прилѣпляютъ восковую свѣчу къ столу и молятся пенатамъ, говоря: «*Юртазырава матушка! Кудязырава кормилица! кулатъ! благословасьтэ минь тевъ! іолматненди максасьтэ павасъ, козэма, лама цоратненъ!*» т. е. Юртазырова матушка! Кудязырава кормилица! предки (мертвецы)! благословите наше дѣло! молодымъ дайте счастье, богатство, больше дѣтей! Въ видѣ жертвы этимъ добрымъ богамъ-хранителямъ отецъ невѣсты вырѣзаетъ изъ коровая хлѣба тремя ударами ножа «*озондамъ палъ*» или божій кусокъ и, посоливъ его, кладетъ подъ порогъ, гдѣ по воззрѣніямъ Мордвы пребываютъ домашніе боги-хранители.

V.

Вторымъ моментомъ брака является рукобитье или пропой («*проксиммэ*»). Прозинъ упоминаетъ, что на пропоѣ обязательно

должны быть поданы соленые лещи и блины [1]), что станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнимъ, что рыба почти вездѣ и всегда считалась символомъ плодородія, а блинъ изображаетъ и прообразуетъ собою солнце, которое замѣнило самого бога-солнца, занимающагося, по мордовскимъ воззрѣніямъ, устроеніемъ брачныхъ союзовъ между смертными. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ сватанье успѣло уже слиться съ пропоемъ, вѣроятно вслѣдствіе довольно стѣсненнаго положенія крестьянъ, которые порѣшили, что гораздо выгоднѣе справлять обѣ пирушки въ одно время, чтобы сберечь хоть нѣсколько рублей. У бугульминской Мордвы жениховы отецъ и мать, а также и ближайшіе ихъ родственники отправляются въ домъ невѣсты и, войдя въ горницу прямо спрашиваютъ, согласны ли родители отдать замужъ за ихъ сына и требуютъ безповоротнаго отвѣта, до полученія которого они не садятся даже на лавку. Между тѣмъ женщины пришедшія изъ дома жениха, ставятъ на столъ хлѣбъ, соль и водку, количество которой соразмѣряется какъ съ зажиточностью женихова двора, такъ и съ выгодностью для жениха брака. Пока отецъ невѣсты не выразитъ своего согласія на выдачу замужъ дочери, никто не прикасается къ угощенію, но едва только отецъ садится за столъ, и этимъ даетъ понять, что онъ согласенъ на бракъ, какъ всѣ присутствующіе садятся тоже и родня жениха начинаетъ угощать родителей невѣсты. Если бы отецъ и мать невѣсты не согласились на предложеніе имъ сдѣланное, то водка и хлѣбъ-соль, принесенныя роднею жениха, остаются на столѣ впродолженіе трехъ дней, которые полагаются по всѣмъ вѣроятіямъ на обдумыванье рѣшенія. Въ случаѣ согласія отецъ невѣсты отправляется тотчасъ же сзывать родню и шабровъ на сватнино вино. Когда созванные сойдутся къ нему въ избу, выходитъ и невѣста, но садится куда нибудь въ уголъ такъ, чтобы ея не было видно. Тутъ же приступаютъ къ переговорамъ о калымѣ, состоящемъ изъ водки и денегъ (водки покупается отъ 3—5 ведеръ, а деньгами уплачивается отъ 20—30 руб.) Уговорившись окончательно, отецъ невѣсты беретъ отца жениха, мать его и его самого за руки и ведетъ къ невѣстѣ, за поглядъ на которую полагается особая плата, идущая на угощенье подругамъ невѣсты, которыя до уплаты заслоняютъ ее отъ

---

[1]) Пенз. Губ. Вѣд. 1865, №№ 39 и 40.

любопытствующихъ и не даютъ поглядѣть на нее никому. Посмотрѣвши на невѣсту, обращаются къ ней съ вопросомъ о ея согласіи на вступленіе въ бракъ съ такимъ-то; она въ большинствѣ случаевъ выражаетъ согласіе, такъ какъ давно уговорилась обо всемъ съ женихомъ, и даритъ присутствующихъ и жениха полотенцами своей вышивки, кому получше, а кому похуже, смотря по близости лица къ жениху; свекоръ отдариваетъ невѣсту деньгами [1]). Архимандритъ Макарій свидѣтельствуетъ, что въ его время у нижегородской Эрзи былъ обычай засватывать за 2—3 года до брака и что все это время невѣста на свою семью не работаетъ, а трудится лишь на составленіе себѣ приданаго. На сватнѣ будущій свекоръ долженъ поднести ей собственноручно стаканъ вина, а самый пропой совершается обычнымъ порядкомъ за три дня до свадьбы [2]). Тотъ же наблюдатель разсказываетъ о нижегородской Мокшѣ, что переговоры о количествѣ калыма ведутся до торжественнаго пропоя; калымъ простирается отъ 60—70 до 100 руб. асс. и до 3 ведеръ водки, а въ пользу самой невѣсты выговариваютъ обыкновенно новую овчинную шубу, черный суконный кафтанъ и сапоги. Отецъ жениха созываетъ прежде всего свою родню къ себѣ въ домъ и справляетъ домашній молянъ богамъ-охранятелямъ очага; въ жертву приносятъ «озондамъ-палъ» и туда же подъ порогъ льютъ немного водки; забираютъ съ собою сколько хватитъ достатковъ, хлѣба, соли, меда и вина и отправляются всею толпою въ домъ невѣсты; здѣсь опять справляется молянъ Кудязыравѣ, Юртазыравѣ, Ведявѣ и Шкаю, бьютъ по рукамъ и отецъ жениха уплачиваетъ часть денегъ изъ калымной суммы. Затѣмъ начинается угощенье, которое продолжается, пока хватитъ принесеннаго вина и припасовъ; веселятся далеко за полночь. Интересенъ тотъ фактъ, что архимандритъ Макарій свидѣтельствуетъ о томъ, что рѣшительный моментъ брака есть именно пропой, такъ какъ послѣ него женихъ каждую ночь начинаетъ ходить спать къ невѣстѣ [3]).

Г. Мордовцевъ свидѣтельствуетъ также о существованіи про-

---

1) Самарскія Губ. Вѣд. 1866 года, № 26, ст. Кронтовскаго.

2) Арх. Макарія Этн. замѣтки о Мордвѣ-Эрзянахъ въ Нижегород. губерніи. Архивъ Имп. Р. Геогр. Общ., папка—«Инородцы».

3) Jbidem, рукопись арх. Макарія; Этн. зам. о Мордвѣ-Мокшанахъ въ Нижегор. губерніи.

пойнаго пира въ Саратовской губерніи [1]); тутъ же идутъ переговоры окдадкѣ, сумма которой возрастаетъ или уменьшается сообразно съ возрастомъ дѣвушки; обыкновенно за невѣсту отъ 20 до 25 лѣтъ платятъ 75—100 рублей, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что ранѣе 20 лѣтъ никто свою дочь замужъ не выдаетъ, да и она не пойдетъ. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губ., по свидѣтельству Фукса [2]), на другой день послѣ сватовства съ отцомъ, съ матерью и съ ближними родными, приходитъ и женихъ. Приносятъ ½ ведра вина, распиваютъ и уговариваются насчетъ свадьбы: сколько звать гостей, кого ставить въ церемонію, сколько понадобится подводъ, лошадей, какія дѣлать подарки и проч. Священникъ Архангельскій [3]) говоритъ, что, когда изъявлено бываетъ согласіе со стороны отца невѣсты, дѣлается тутъ же и ряда о кладкѣ, т. е. другими словами, сватанье сливается со сговоромъ. Кладка эта состоитъ изъ денегъ отъ 30—80 руб., двухъ или трехъ ведеръ вина, вари, пива, хлѣба, мяса и проч.; послѣ ряды просватанная дѣвушка цѣлый годъ остается въ домѣ отца.

Въ Симбирской губерніи, какъ утверждаетъ г. Орловъ [4]), послѣ первоначальнаго сватовства, родственники жениха и невѣсты начинаютъ приготовляться къ главному пиршеству сватовства «проксиммэ» или пропою. Воспитатели невѣсты приготовляютъ на пропой блины, лапшу, щи и кашу, а воспитатели жениха должны поставить, по крайней мѣрѣ, половинную часть выряженнаго при первомъ сватовствѣ вина. На пропой отправляются торжественно, во всю дорогу поютъ пѣсни, причемъ пожилыя женщины часто читаютъ на распѣвъ молитвы, въ родѣ слѣдующей: «Дай, Богъ, добрый часъ, добрый путь! сярко кормилецъ!» Если родственники жениха везутъ съ собою въ домъ невѣсты вина не столько, сколько требовалось по условію, то должны заранѣе запасаться терпѣніемъ, потому что въ домѣ невѣсты они немедленно услышатъ жестокую брань. И въ самомъ дѣлѣ непріятна бываетъ для нихъ сцена на этомъ «проксиммэ». Отецъ невѣсты горячится, хочетъ разбить посуду и разлить привезенное вино. Воспитатель жениха всячески

---

[1]) Памят. книжка Саратов. губ. 1858 г.

[2]) Ж. М. В. Д. 1839 г., часть XXXIV.

[3]) Сарат. Губ. Вѣд. 1845 г., № 52.

[4]) Матер. для ист. и стат. Симб. губ. 1866 г., вып. II.

старается увѣрить свата, что вина привезено почти столько, сколько требовалось по условію: немного, говоритъ, не достаетъ — полуштофа только и не изъ-за чего браниться! и въ тоже время упрашиваетъ, чтобы къ нему всѣ были снисходительны и добры. При семъ нѣкоторые умѣренные въ требованіяхъ родственники невѣсты стараются склонить дѣло къ миру и часто брань скоро оканчивается. Послѣ замиренія часть привезеннаго вина ставится на столъ, передъ образами ставится свѣча и всѣ присутствующіе начинаютъ молиться такъ: «Дай Богъ благополучно свадьбу проводить, съ честью, съ радостью! спаси Богъ отъ лихаго человѣка!» т. е. отъ сельскаго знахаря, который умѣетъ портить здоровье новобрачныхъ и другихъ вредныхъ лицъ, участвующихъ въ брачныхъ торжествахъ. Послѣ молитвы начинаютъ ѣсть, пить и веселиться. Между тѣмъ, невѣста въ это время съ подругами сидитъ въ чуланѣ или гдѣ нибудь у родныхъ. Чтобы завесть съ нею знакомство, воспитатели жениха являются къ ней въ чуланъ и здѣсь заключается между ними первое родственное знакомство; знакомство это необходимо, потому что нерѣдко случается, что до сего времени воспитатели жениха не знаютъ въ лицо невѣсты. При этомъ невѣста даритъ имъ нижнее бѣлье, портянки, льняной платокъ, обшитый позументомъ, посылаетъ и жениху бумажный базарный платокъ или самотканый, обшитый лентою изъ кумача. За эти подарки, съ свою очередь, она получаетъ подарки отъ воспитателей жениха. Въ пѣсняхъ старуха-мать жениха расхваливаетъ не только красоту и разумъ невѣсты, но и дары ея.

Если женихъ живетъ въ томъ же селеніи, въ которомъ живетъ и невѣста, то родственники жениха, по окончаніи запоя, должны взять родственниковъ невѣсты къ себѣ въ домъ и угостить ихъ. Погулявши, они расходятся въ ожиданіи дня, въ который назначена свадьба.

По свидѣтельству П. И. Мельникова, у терюшевской Мордвы [1]), сильно обрусѣвшей и многое въ свадебныхъ обычаяхъ перенявшей у русскихъ, въ день, назначенный для запоя, женихъ съ отцомъ своимъ идетъ въ домъ невѣсты и несетъ все договоренное. Придя въ избу, онъ, не говоря ни слова, никому не поклонившись, кла-

---

[1]) Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 25.

детъ на столъ хлѣбъ и узелокъ съ солью, а на хлѣбъ кладетъ деньги. Отецъ жениха приноситъ вино и непремѣнно боченокъ пива. Если же невѣста изъ другой деревни, то женихъ туда не ѣздитъ, а только одинъ отецъ, и во всякомъ случаѣ женихъ съ невѣстою не видятся до самаго вѣнца. На запоѣ женихъ садится въ уголъ и во все время не говоритъ ни полслова. Отецъ его, помолясь Богу, разноситъ собраннымъ невѣстинымъ сродникамъ вино и пиво. Потомъ начинается «ряда на столъ». Тутъ идетъ чистая торговля: невѣстинъ отецъ запрашиваетъ, потомъ уступаетъ цѣну и, наконецъ, дѣло слаживается. На столъ невѣстѣ платится отъ 20—40 руб. ассигн., но никогда не больше. Послѣ этой ряды начинается другая,—ряда на вѣнецъ, которая достигаетъ 60 р. асс. Потомъ рядятся о шубѣ, балахонахъ, сермягѣ, дарахъ, платкахъ и пр. Въ заключеніе всего отецъ невѣсты требуетъ «пироговъ», съ которыми жениховъ отецъ обязанъ привезти ведро вина, боченокъ пива (пурэ), дѣвкамъ большую лепешку съ пареною грушею и лопатку вареной говядины. Сама невѣста на запой не выходитъ. Пиръ, извѣстный подъ названіемъ: «озоритыхъ пироговъ», собственно говоря, составляетъ непремѣнную часть запоя, а вовсе не является отдѣльнымъ самостоятельнымъ моментомъ брачнаго торжества. Въ назначенный на пироги день съѣзжаются въ домъ жениха его родственники, выпьютъ порядочно вина и пива и потомъ ѣдутъ длиннымъ поѣздомъ къ невѣстину двору. Жениха тутъ не бываетъ. Въ телѣги кладутъ вино, пиво и пироги «озоритые», чуть не во всю печь печеные, безъ всякой начинки — каждый аршина въ полтора длиною и въ поларшина шириною. Въ ту же телѣгу кладутъ пять ситныхъ короваевъ и дѣвичью лепешку съ грушей. Когда телѣга подъѣхала ко двору, всѣ родственники невѣсты выходятъ на улицу, встрѣчаютъ гостей и, изломавъ озоритые пироги, кладутъ куски въ мучное корыто и несутъ его всемеромъ въ избу. Коровай несутъ на рукахъ и кладутъ на столъ. Если пироги приняты, то уже, по мордовскимъ обычаямъ, дѣвка никакъ не можетъ выйти за другого замужъ, какія бы ни встрѣтились впослѣдствіи обстоятельства. Отецъ и мать невѣсты съ этой минуты не называютъ дочь своею, а «ихой», т. е. жениховой роднѣ принадлежащею. Внеся въ избу пироги, зажигаютъ передъ иконами свѣчу и всѣ начинаютъ молиться, а потомъ пировать, пѣть пѣсни, играть

въ дуду, но не плясать. Въ то время жениховы родственники выходятъ на дворъ и тамъ вынимаютъ изъ телѣги дѣвичью лепешку; жениховъ братъ или же другой ближайшій родственникъ поднимаетъ ее вверхъ, дѣвки обступаютъ его, съ крикомъ и хохотомъ прыгаютъ, чтобы достать рукою привезенный имъ подарокъ. Когда жениховы родственники начнутъ собираться домой, дѣвки начинаютъ пѣть сватамъ пѣсню: «Ище-де сваты прожорливы, кещь (?) еде сумирадо калма кеи узелетные (? вѣроятно П. И. Мельниковъ, не зная мордовскаго языка, невѣрно записалъ эту фразу, потому что она ровно ничего не значитъ); наорали поле стоялые кони, пріобротанные, пріосѣдланные. На коняхъ то сидятъ въ красныхъ шапкахъ, въ сафьянныхъ козлиныхъ сапожкахъ». Потомъ дѣвки начинаютъ тормошить свата со словами: «Сватушка, сватушка! ты хвалился, ты хвалился—тороватъ; у тѣ не два дома, а одинъ домишка, въ томъ домишкѣ одинъ амбаришка, въ томъ амбаришкѣ одинъ сусѣчишка, въ томъ сусѣчишкѣ одинъ коробишка; стуки-буки въ лукошкѣ—нѣтъ муки ни крошки; мука не молота (я слыхалъ: зерно не молочено, снопы не вязаны, рожь не кошена, поле не сѣяно, кони не рожалися, соха въ кузнѣ, коса въ лавкѣ, а шишъ въ карманѣ, щелкъ въ брюхѣ), вода на болотѣ, квашенка на липкѣ, мутовка на соснѣ, порхунчики-голубчики по гумнамъ порхали (зернышка искали, съ голоду пропадали), по зернышку съ міра сбирали, да къ сватушкѣ въ домъ носили, сквозь уголь мололи, сквозь вѣники просѣвали, въ г . . . ѣ пиво варили, въ г . . . ѣ пироги пекли, да и къ намъ привезли: по кукишу пироги, грошевы лепешки. Ѣшьте-поѣшьте нашихъ пироговъ! наши-те пироги — что муромски калачи? а ваши-те пироги—что у бабъ-те кочерги!» Когда сватъ въ сѣняхъ, дѣвки не даютъ ему дороги; обступаютъ его, дергаютъ за полы, вертятъ его и поютъ опять совершенно русскую свадебную, шуточную надъ сватомъ, пѣсню. На другой или на третій день озоритыхъ пироговъ отецъ жениха съ полуштофомъ вина и боченкомъ пива идетъ въ невѣстѣ одинъ; тутъ назначается день свадьбы.

По словамъ того же П. И. Мельникова [1], еще недавно у нижегородской Мокши «Инятя» (жрецъ при общественныхъ моленьяхъ)

---

[1]) Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 26.

и «Имбабя» (жрица) назначали за невѣсту плату, которую долженъ былъ заплатить отецъ жениха ея отцу, а кромѣ этой платы, назначаемой жрецомъ и жрицей, отецъ невѣсты, получалъ отъ жениха вино, пиво и мясо по условію.

Что касается до нашихъ собственныхъ наблюденій, то намъ придется вполнѣ подтвердить свидѣтельства выше упомянутыхъ наблюдателей и прибавить лишь нѣкоторыя черты, которыя ускользнули отъ ихъ вниманія, такъ какъ они не имѣли въ рукахъ ни вопросныхъ пунктовъ, составленныхъ при Отдѣленіи Этнографіи, ни какихъ либо иныхъ программъ по этому вопросу. У Эрзянъ, какъ и у Мокшанъ повсюду пришлось констатировать существованіе пропоя, который какъ бы считается Мордвою чуть ли не самымъ важнымъ и рѣшительнымъ моментомъ сватовства и брака; все заставляетъ предполагать, что проксиммэ было актомъ, которымъ договоръ о бракѣ окончательно санктифировался, такъ какъ въ обрядахъ, сопровождающихъ этотъ пиръ, мы находимъ постоянно намеки на основательность такого предположенія. Обыкновенно отецъ жениха или, за смертью его, старшой въ домѣ (по эрзянски «*атяй*», а по мокшански «*аляй*») собираетъ ближайшихъ родственниковъ къ себѣ въ избу и тутъ объясняетъ имъ, съ какою цѣлію онъ потребовалъ ихъ присутствія и содѣйствія; никто изъ позванныхъ родственниковъ не можетъ отказаться отъ предложенной ему чести, такъ какъ отказъ въ этотъ моментъ служилъ бы признакомъ полной враждебности; даже, если бы кто нибудь изъ позванныхъ былъ во враждѣ съ отцомъ жениха, то и въ такомъ случаѣ онъ, по укоренившемуся обычаю, долженъ согласиться на приглашеніе, такъ какъ приглашеніе въ этомъ случаѣ равносильно желанію примириться, сознанію своей вины; поэтому то и существуетъ у Эрзи пословица [1]), которая гласитъ про поссорившихся сильно людей: «*шолнажтъ микъ проксиммэ*» т. е. поссорились до пропоя, когда поневолѣ придется помириться. Когда сойдутся всѣ приглашенные, отецъ жениха, занимающій почетное мѣсто подъ матицею, объявляетъ имъ, что предъ начатіемъ дѣла слѣдуетъ помолиться; тутъ обыкновенно совершается моланъ Чимпазу—богу солнца, который благословляетъ браки. «*Чимпазъ* (иногда испорченноЦипазъ и Отецъ-Пазъ) *батюшка! благо-*

---

[1]) Ардат. уѣзда, Нижег. губ., с. Макателемъ, Наталья Ревинчина.

словымакз паро теве! максамакз учаска! максамакз эйкакшне лама!» [1]) т. е. богъ солнца батюшка! благослови доброе дѣло! дай счастья! дай дѣтей много! Послѣ совершеннаго такимъ образомъ моляна, передъ которымъ совершается обычное жертвоприношеніе, которое будетъ описано въ подробности нѣсколько ниже, всѣ выходятъ изъ избы и направляются въ домъ, принадлежащій отцу избранной невѣсты. Если родители невѣсты и сама она не прочь отъ вступленія въ родство съ идущими, то предупрежденные о приходѣ сватовъ на сговорѣ они или выгоняютъ приходящимъ на встрѣчу изъ воротъ лошадь [2]) (слѣдуетъ замѣтить, что лошадь приносила во времена оны Мордва въ жертву Чимъ-Пазу и Шкаю) или же просто встрѣчаютъ гостей съ поклонами, держа коровай хлѣба и закрытую солоницу въ рукахъ [3]). Затѣмъ входятъ всѣ въ избу, причемъ родня невѣсты идетъ впередъ, дабы этимъ показать, что приходъ ихъ любъ; отца жениха или старшого изъ его дома сажаютъ опять-таки подъ матицу на почетное мѣсто и приступаютъ къ рукобитью, но прежде рядятся о подробностяхъ. Рукобитье происходило въ прежнія времена такитъ образомъ; будущіе сваты хватались лѣвыми руками за матицу и ударяли по рукамъ, выговаривая условную формулу: «*кедз кошкекз*» т. е. отсохни рука; теперь просто ударяютъ по рукамъ, не держась за матицу, хотя въ одномъ Мокшанскомъ селеніи удержался еще этотъ обычай во всей его полнотѣ [4]). Коровай и солоница, съ которыми встрѣчали гостей, мать невѣсты ставитъ на столъ; отецъ невѣсты раскрываетъ ножемъ солоницу и, поднявъ надъ головою ножъ, произноситъ молитву, помѣщенную выше, съ прибавленіемъ имени Шкая: «*Шкай! Оцю-Шкай* (или Пазъ! Чипазъ!) *юртазырава матушка! кудязырава кормилица! кулатз! благословасьтз минз тевз! іолматненди максасьтз павасз, козэма, лама царатненз* (или *юртава, кудява! куложне! благословамызз минз теве! царатнененз максамызз учаска, шупавз-тши, эйкакшне лама!*) [5]). Всѣ присутствующіе мѣрно кланяются

[1]) Арзам. уѣздъ, Кордавеле, Өедоръ Ильцовъ.

[2]) Лукоян. уѣздъ, Ревезень, Кирилла Зайцевъ; Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь, Степанида Пятаева.

[3]) Повсюду въ мѣстностяхъ, населенныхъ Мордвою.

[4]) Городищ. уѣздъ, Пичилеи, Дарья Евреинова.

[5]) Подстрочный переводъ, см. выше.

въ дверь выходную, приподнимая надъ головою руки. Затѣмъ отецъ невѣсты подаетъ отцу жениха ножъ, а самъ беретъ и подноситъ къ нему коровай, стоявшій все это время на столѣ; отецъ жениха съ трехъ ударовъ вырубаетъ въ короваѣ «*озондамъ-палъ*», который и подаетъ на ножѣ жениху, который первымъ долженъ его взять въ руки; послѣ женихъ передаетъ озондамъ-палъ отцу невѣсты, который, посоливъ его изъ солоницы, куда идетъ онъ отнюдь не руками, а ножомъ, несетъ жертву подъ порогъ. Коровай раздѣляется тогда между присутствующими, причемъ первымъ долженъ попробовать его женихъ. Смыслъ всего этого обряда вполнѣ понятенъ; весь символическій мотивъ его сводится къ тому, что отецъ невѣсты «передаетъ ножъ отцу жениха, т. е. разрѣшаетъ ему воткнуть ножъ»—право, которымъ конечно, какъ видно изъ того, что первымъ возьметъ коровай и вкуситъ отъ него женихъ, воспользуется послѣдній; домашніе боги не могутъ безданно, безпошлинно допустить пользованія добромъ принадлежащимъ оберегаемому ими дому, а отсюда отецъ невѣсты и несетъ «озондамъ-палъ» т. е. жертву имъ подъ порогъ. Когда продѣлаютъ все вышеписанное, начинаются подарки — невѣста должна показать, что она не бѣлоручка, а будетъ трудолюбивою, хорошею работницею, если не помощницею мужа. Будущій свекоръ получаетъ обыкновенно отъ нея утиральникъ, вышитый «мордовскимъ шитьемъ», т. е. сплошнымъ, или только краснымъ, или же краснымъ и синимъ; женихъ получаетъ отъ нея рубаху, которую онъ обязанъ обновить въ день свадьбы и которая носитъ поэтому названіе «*ушодксъ*» (начальная) [1]. Конечно и женихъ и его родственники отдариваютъ невѣсту, кто чѣмъ можетъ; чаще всего теперь отдариваютъ деньгами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще до сихъ поръ сохранился обычай, чтобы жениховъ отецъ дарилъ будущей снохѣ лошадь, которую прежде будто бы убивали въ тотъ моментъ, когда молодые шли спать [2]; женихъ же отдариваетъ ужовками, монетами и жетонами, а по несостоятельности такъ и просто солдатскими пуговицами. Родня жениха

---

[1]) У Мокши мы не слыхали этого названія.

[2]) Темник. уѣздъ, Эваслеи, Елена Кузнецова; Городищ. уѣздъ, Катмисъ, Елена Гордѣева; Корсунск. уѣздъ, Пермисъ, Марья Гудкова; Кузнецк. уѣздъ, Камешкерь, Степанида Пятаева.

обязана, идя въ домъ къ невѣстѣ, захватить съ собою нѣсколько пироговъ, которые и ставятся на столъ для угощенія вмѣстѣ съ захваченнымъ кстати виномъ; затѣмъ, когда пироги и водка появятся уже на столѣ, всѣ присутствующіе усаживаются по приглашенію хозяевъ за столъ и начинается угощенье; пиръ продолжается смотря по количеству принесенныхъ припасовъ и по расположенію пирующихъ, такъ какъ зачастую хозяева, разгулявшись, посылаютъ сами за виномъ и торопятся изготовить кое какую ѣду для закуски. Въ случаѣ, если бы бракъ совершался увозомъ (самокрутка), пропой совершается всетаки полнымъ порядкомъ, но только послѣ совершенія самокрутки; вся разница только въ томъ, что въ этомъ случаѣ пропой сливается со сговоромъ.

VI.

Третій моментъ брачнаго періода составляетъ дѣвичникъ (по эрз. «*техтерьнень пиръ*», а помокш. «*стирненъ пиръ*», который однако рѣдко справляется у Мокши и, по всѣмъ вѣроятіямъ, перенятъ Мордвою у русскихъ, такъ какъ даже у Эрзи нѣтъ собственно говоря дѣвишника въ настоящемъ значеніи слова, а просто устраиваются въ промежутокъ времени между пропоемъ и брачнымъ торжествомъ разные пиры, на которые у невѣсты собираются исключительно ея подруги, а у жениха его друзья и пріятели; одинъ изъ такихъ пировъ у невѣсты и называется обыкновенно дѣвишникомъ; устраивается онъ какъ можно ближе къ свадебному дню. У Мокши тоже устраиваются пирушки у невѣсты, во время которыхъ подруги поютъ пѣсни и помогаютъ въ шитьѣ разнаго платья и бѣлья; эти пирушки называются «*пособляма*», что указываетъ на практическую основу этихъ собраній, а не на какой либо старинный мотивъ. Прозинъ свидѣтельствуетъ о существованіи вообще дѣвичьихъ пирушекъ у пензенской мордвы Эрзи, городищенскаго уѣзда, хотя и говоритъ глухо о томъ, что въ промежутокъ времени между пропоемъ и свадьбою къ невѣстѣ приходятъ подруги ея помогать ей работать и веселиться пѣніемъ пѣсенъ [1]. Г. Мартыновъ, описывая нижегородскую Эрзю, сообщаетъ, что наканунѣ

---

[1]) Пенз. губ., В. 1865 года, №№ 39 и 40, ст. Прозина.

свадьбы невѣста отправляется къ знакомымъ и подругамъ и приглашаетъ ихъ къ себѣ на блины; но эта пирушка вовсе не имѣетъ того характера, который имѣетъ дѣвишникъ у русскихъ крестьянъ, такъ какъ на ней присутствуютъ не однѣ только подруги невѣсты, а и вообще знакомые ея родителей. Когда она возвращается домой, то ее долго не впускаютъ и требуютъ, чтобы она заплатила за впускъ; послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ, двери отворяются и ее впускаютъ въ избу. Вернувшись домой, она выбираетъ одну изъ присутствующихъ женщинъ, которую и проситъ снести жениху вышитую рубаху; за приносъ этого подарка женихъ отдариваетъ бабу [1]). Г. Кронтовскій, наблюдавшій Мордву въ Бугульминскомъ уѣздѣ, указываетъ на существованіе обычая собирать у невѣсты ея подругъ для помощи въ шитьѣ приданаго [2]). Онъ же приводитъ крайне интересный обычай, относящійся къ одному и тому же моменту брачнаго періода съ дѣвишникомъ; невѣста передъ свадьбою въ сопровожденіи 2 братьевъ отправляется дѣлать прощальные визиты своимъ родственникамъ; сама она никакъ не должна выходить изъ телѣги и входить въ избы; братья подхватываютъ свою сестру подъ руки и вносятъ въ избу; она все это время должна плакать и причитать о потерѣ дѣвичьей воли и о той благодарности, которую она чувствуетъ къ своимъ родственникамъ за ихъ попеченія, за ихъ любовь къ ней и расположеніе. Когда невѣста покончитъ всѣ свои причитанія, братья подхватываютъ ее снова подъ руки и выносятъ вонъ изъ избы; невѣста все время должна держать руки скрещенными на груди въ знакъ того, что она только подчиняется силѣ, а самой ей не до того [3]). Для саратовской Эрзи мы имѣемъ указаніе Г. Барминскаго, который разсказываетъ о томъ, что передъ свадьбою подруги невѣсты собираются въ домѣ ея повеселиться и помочь ей въ заготовкѣ приданаго. Весь вечеръ подруги поютъ хвалебныя пѣсни невѣстѣ и напротивъ того всячески бранятъ въ пѣсняхъ самого жениха, его родителей и родителей невѣсты, которые лишаютъ ихъ подруги. Все время пѣнія невѣста сидитъ въ печномъ углу, обернувшись лицомъ къ печкѣ, и вопитъ и причи-

---

[1]) Нижег. губ., В. 1865 г. № 24, ст. Мартынова.

[2]) Самар. губ., В. 1866 г. № 26, ст. Кронтовскаго.

[3]) Ibidem.

таетъ о посѣтившемъ ее горѣ, о томъ что злые люди отнимутъ у нея скоро ея дѣвичью волю и отдадутъ ее чужимъ людямъ [1]). Арх. Макарій свидѣтельствуетъ о нижегородской Мокшѣ, что наканунѣ свадьбы отецъ жениха ходитъ по своей роднѣ и знакомымъ и приглашаетъ ихъ въ тотъ же день попировать къ себѣ; съ своей стороны отецъ невѣсты отправляется утромъ наканунѣ свадьбы къ подругамъ своей дочери и къ своей роднѣ и сзываетъ ихъ на вечеръ въ свою избу. Подруги приходятъ нарочно пораньше, такъ какъ невѣста въ сопровожденіи ихъ отправляется по своимъ родственникамъ и плачетъ о дѣвической волѣ, которую она скоро должна будетъ потерять. [2]) Тотъ же авторъ не говоритъ однако ничего о существованіи у нижегородской Эрзи дѣвишника, хотя и упоминаетъ о томъ, что все время отъ пропоя до свадьбы невѣста не работаетъ ничего на домъ и на семью, а вмѣстѣ съ подругами работаетъ лично на себя и изготовляетъ себѣ бѣлье и одежду. За три дня до свадьбы будущій свекоръ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты съ запасомъ «*пурэ*» (сыченое пиво) и подаетъ первый ковшъ невѣстѣ, которая выпиваетъ пурэ, сколько бы его налито въ ковшѣ ни было, а затѣмъ начинаетъ вопить, плакать и прощаться со всѣми присутствующими. Наканунѣ дня свадьбы невѣста отправляется въ домъ жениха и отвозитъ ему подарки; женихъ во время визита не можетъ присутствовать и долженъ уйти изъ дому [3]) или къ сосѣду, или въ баню [4]). Г. Мордовцевъ свидѣтельствуетъ о существованіи дѣвишника въ Саратовской губерніи и упоминаетъ о томъ, что подруги въ пѣсняхъ своихъ бранятъ родителей невѣсты за то, что они лишаютъ ихъ подруги, а сама невѣста плачетъ и причитаетъ о дѣвичьей волѣ [5]). Въ Казанской губерніи, по сло-

---

[1]) Сарат. Справ. Листокъ 1869 года, № № 53 и 54 ст. Барминскаго.

[2]) Рукоп. архивъ Имп. Р. Г. Общества, папка «Инородцы», рукоп. «Этногр. замѣтки о Мордвѣ Мокшанахъ въ Нижегор. губерніи», арх. Макарія.

[3]) Видеманъ говоритъ, однако, что зачастую невѣста идетъ на ночь передъ свадьбою спать съ женихомъ и слѣдовательно этимъ какъ бы уничтожаетъ обычай прятаться жениху отъ невѣсты; но дѣло въ томъ, что прячется женихъ для постороннихъ, а что дѣлаетъ онъ одинъ на одинъ съ невѣстою, до того постороннимъ нѣтъ дѣла. Gram. der Ersa-Mordwinischen Sprache; Vorwort, стр. 4.

[4]) О Мордвѣ-Эрзяняхъ въ Нижег. губ., арх. Макарія въ рукописи архива Импер. Русск. Геогр. Общ. папка «Инородцы».

[5]) Памятн. кн. Сарат. губ., 1858 года, ст. Мордовцева.

вамъ Фукса, помолвленная дѣвушка всякій день до свадьбы собираетъ къ себѣ подругъ и съ ними плачетъ, а женихъ со своими товарищами веселится въ послѣдній день; вой и вопли невѣсты бываютъ нестерпимы. По свидѣтельству Архангельскаго [1]), цѣлый годъ полагается дѣвушкѣ на изготовленіе себѣ одежды и иного скарба; за шитьемъ она оплакиваетъ родныхъ своихъ; для помощи въ шитьѣ подругъ приглашать не принято; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ «дѣвишника», въ строгомъ смыслѣ слова, не наблюдается. Причитанья невѣсты и вопленья ея чрезвычайно разнообразны и мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя, дабы дать хотя какое либо понятіе о содержаніи этихъ импровизацій. Такъ, напримѣръ, обращаясь къ отцу и матери, невѣста вопитъ: «*Тятякой совамайтэ!* (или—*авакай совамайтэ!*) *вестэ сускамксэ кшиньста, вестэ коппардама пойланкса! Тятякай! али лама монэ кши ярцань? Тятякай! чьмэ ервэнь молимэ кучама да, тонь путань кудазäтэ куламень пижененe лучи кулалень авазинь акша ловцынэнтсэ марта тюжа войнэнтсэ марта, акша пуланэсэ ашка дамань, одэ котфкаса вельтэлимань равжа модасэ путалимань!*» т. е. батюшка родимый! съѣлъ ты меня какъ кусокъ хлѣба, съѣлъ словно глотокъ пойла! Батюшка! или много я хлѣба поѣла? Батюшка! чѣмъ выдавать меня замужъ, въ твоемъ бы домѣ умерла бы я лучше, лучше умерла бы дитею съ бѣлымъ матушкинымъ молокомъ груднымъ и желтымъ ея маслицемъ, въ бѣлыя пеленочки завернулась бы, новымъ холстомъ бы покрыли, въ черную бы землю зарыли! Къ своему брату невѣста обращается со слѣдующею заплачкою: «*Кормилецкай ляякай! тятэ кажіафта лангазанэ, лишняй валне монэ таньдеть изэнь мэргиндиипь эзимэ пряса улентсэ вастанезе, а ширалан кса чесмезе; а тэни ломанинди максамасть кода сельмэ ванызь эрцама карманэ, кишнись путсазе пильгинэнинь, дипалу сотсазе кэдненинь!*» т. е. кормилецъ братецъ! не сердись на меня несчастную! лишняго словечка я тебѣ не говорила никогда—вѣдь у меня мѣстечко впереди было (за столомъ сидѣла ниже брата), а хлѣбъ соль на столѣ твоя была; а теперь отдаете вы меня въ чужіе люди — какъ я тамъ съ открытыми глазами стану хлѣбъ-соль ѣсть (почему я не умру?) въ кандалы скуютъ мои рѣзвыя ножки, назадъ свяжутъ бѣ-

---

[1]) «Сарат. Губ. Вѣд.» 1845 года, № 52.

лыя ручки. Замѣтимъ, что мы позволили себѣ здѣсь исправить, насколько было возможно, записанный авторомъ текстъ заплачекъ согласно съ требованіями фонетическими и грамматическими, но нѣкоторыя слова остались все же не исправленными, такъ какъ намъ не удавалось ихъ слышать. Къ сестрѣ невѣста обращается съ тѣми же словами, но называетъ ее «патянэй». Въ Симбирской губерніи, по словамъ г. Орлова [1]), накануиѣ брака семейскіе жениха созываютъ къ себѣ въ домъ дѣвушекъ. Надѣвъ на себя лучшія одежды, дѣвушки берутъ въ руки палки, причемъ приличіе требуетъ, чтобы палки эти сверху были покрыты платками и украшены лентами. Изукрасивъ палки сообразно съ требованіями приличія, дѣвушки являются въ домъ жениха. Здѣсь онѣ становятся въ рядъ передъ старшими членами семьи и поютъ: «Благослови, старикъ, серебряная голова! Благослови и ты, матушка — старуха, звать родныхъ къ себѣ въ гости! Зазвенѣлъ на верху вашего дома колоколъ на серебряной цѣпи; звонъ колокола пронесся вокругъ вашего жилья; этотъ колоколъ вѣщаетъ вамъ счастье!» Старикъ назначаетъ, какихъ именно родственниковъ звать въ гости и, наконецъ, благословивъ ихъ по русски, говоритъ: «ступайте съ Богомъ!» Дѣвушки уходятъ. Каждый, кого онѣ только приходятъ звать, обязанъ подарить ихъ чѣмъ нибудь. По окончаніи зова, дѣвушки являются обратно въ домъ жениха съ пѣснью: «ходили мы, ходили! какая большая родня! Много мы труда видали — по поясъ въ водѣ, по колѣна въ грязи волочились мы; мы не ѣли—не пили, а все дѣло дѣлали — созывали родню въ гости, созывали шабровъ на праздникъ, созывали тѣхъ, кто знаетъ хозяина; шли отъ утра до вечера по шести разъ — позвали всего десятую часть; ходили два года — собрали только половину; пошли еще разъ — исходили сорокъ девять паръ башмаковъ, износили сорокъ девять платьевъ — всѣхъ позвали на веселый пиръ (у г. Орлова конецъ не записанъ, начиная отъ словъ: «мы не ѣли — не пили»). При этомъ воспитательница жениха иногда поетъ: «Сестрицы мои милыя! много вы труда видѣли... а всѣхъ ли вы родныхъ обходили, всѣхъ ли, кто знаетъ насъ, посозвали?» Дѣвушки отвѣчаютъ: «всѣхъ родныхъ мы видѣли, всѣ знакомые отъ насъ радость слышали, всѣ они кланялись и

[1]) Матер. для истор. и стат. Симб. губ. 1866 г., вып. II, село Напольное.

обѣщались прибыть къ вамъ». По окончаніи этой церемоніи дѣвушки закусываютъ и пьютъ пиво. Посидѣвъ нѣсколько времени, онѣ отправляются топить баню для жениха и передъ этимъ опять обращаясь къ старшему члену семейства, испрашиваютъ на распѣвъ разрѣшенія и благословенія, что несомнѣнно указываетъ на священножреческое значеніе главы семьи: «Благослови» говорятъ онѣ, «старикъ, серебряная голова, счастливую баню топить, таланливую». Старикъ отвѣчаетъ имъ по русски: «ступайте съ Богомъ!» Между тѣмъ въ домъ жениха изъ семействъ, приглашенныхъ дѣвушками на бракъ, идутъ женщины съ приносами, какъ то: крупы, масла, яицъ, мяса и проч. Мать жениха встрѣчаетъ этихъ женщинъ привѣтливо, подноситъ имъ по рюмкѣ вина и сажаетъ за столъ. Какъ скоро всѣ званыя женщины сошлись въ домъ жениха, старшая въ семействѣ кладетъ на столъ пирогъ въ аршинъ длины, начиненный слоями каши, яичницы, творога и опять яичницы и каши. Сверху пирогъ этотъ замазывается яйцами, а для красы утыкается стаканами, перстнями и ложками. При появленіи этого пирога женщины начинаютъ молиться: «Дай Богъ», говорятъ онѣ, — «часъ добрый! спаси Господи отъ лихаго человѣка! Дай Богъ, чтобы на долю жениха родился хлѣбъ и велась скотина!» Послѣ этого пирогъ разрѣзывается крестъ на крестъ, на квадратныя части, и женщины начинаютъ ѣсть, пить и веселиться.

У Терюшевской Мордвы, по словамъ П. И. Мельникова [1]), бываетъ наканунѣ вѣнчанія «день плакущій». Еще наканунѣ его, съ вечера, къ невѣстѣ собираются ея подруги; однѣ топятъ для нея баню, другія расплетаютъ ей косу, а сама невѣста сидитъ и горько плачетъ. Послѣ бани, гдѣ подруги моютъ невѣсту, и послѣ расплетанья косы, всѣ ужинаютъ и поютъ свадебные пѣсни; мужчинъ тутъ не бываетъ. Дѣвки съ невѣстой не спятъ всю ночь и подъ пѣсни вышиваютъ красной бумагой полотенца—дары невѣстины. Рано утромъ до свѣту невѣста идетъ къ отцу и къ матери; стоя передъ ними на колѣняхъ, она проситъ у нихъ доброй «басловки». Получивъ благословеніе, невѣста отправляется съ любимою подругою въ заднія вороты въ огородъ, кладетъ пять земныхъ поклоновъ на востокъ и начинаетъ причитанья: «Благослови меня батюшка! Благо-

---

[1]) «Симб. Губ. Вѣд.» 1851 г., № 25.

слови меня матушка! Благослови меня мать сыра земля! Благослови меня небо и земля! Пойду просить себѣ доброй басловки». Идетъ она въ домъ, садится посреди избы и плачетъ, окруженная подругами, которыя поютъ пѣсни и сами плачутъ. Послѣ этого дѣвки уводятъ подъ руки невѣсту въ сосѣдній домъ (въ Арзамасскомъ уѣздѣ ее на войлокѣ уносятъ мужчины). Выйдя за ворота, невѣста опять кладетъ 5 земныхъ поклоновъ, и, смотря на занимающуюся утреннюю зарю, причитаетъ: «Благослови меня, заря матушка — съ краснымъ солнышкомъ и со свѣтлымъ мѣсяцемъ и съ ясными звѣздочками! Зоря зоряетъ — меня батюшка съ двора сгоняетъ, солнце красное всходитъ — моя волюшка отходитъ, звѣздочки звѣздятъ — меня старшіе нудятъ». Послѣ причитанья невѣсты всѣ уходятъ въ сосѣднюю избу, и, когда начнется полный разсвѣтъ, невѣста возвращается съ подругами домой. Мать встрѣчаетъ ихъ, усаживаетъ вокругъ стола и угощаетъ блинами; потомъ невѣста съ подругами идетъ по своимъ родственникамъ (по старшинству), ѣстъ блины, а затѣмъ заходитъ къ каждой изъ своихъ подругъ. Здѣсь, кромѣ блиновъ, подаютъ вино, пиво и яичницу. По улицѣ невѣсту подруги водятъ подъ руки, а она причитаетъ о томъ, что ее просватали далеко въ именитый домъ. Подруги невѣсты, вмѣсто матери, отвѣчаютъ, что она посѣтитъ дитятку, принесетъ ей калачикъ. Обойдя всѣхъ, и притомъ непремѣнно засвѣтло, возвращаются въ домъ невѣсты сряжать ее для «большой басловки» во всю мордовскую сряду — «кутазо», въ настоящее время только при свадьбахъ и употребляемый. Невѣсту дѣвки ведутъ подъ руки, мать встрѣчаетъ ихъ, ставитъ на столъ коровай хлѣба, солоницу, горшокъ каши, яичницу, говядины и одно печеное яйцо, зажигаетъ свѣчу передъ иконами и кладетъ передъ ними три земныхъ поклона. Невѣста съ плачемъ подходитъ къ столу, отецъ подноситъ ей ковшъ пурэ, но не полный, приговаривая: «на, дитятко, за твою работу! прими и выпей со всей охотой!» Невѣста со слезами жалуется на то, что ей поднесли не цѣльный ковшъ, выхваляетъ свою работу и угодливость и проситъ угостить подругъ, которыя съ нею «по блинамъ ходили, подъ бѣлыя ручки ее водили». Подносимое матерью пиво невѣста не пьетъ, увѣряя, что пить ея пиво — «свое ретиво раздирати». Отецъ между тѣмъ становится къ столу и, поджавъ руки къ груди, начинаетъ плакать; подруги берутъ невѣсту подъ руки

и подводятъ ее къ отцу. Хотя невѣста причитаетъ въ этомъ случаѣ и по русски, но слѣдуетъ полагать, что нѣкоторыя мѣста причитанья чисто мордовскаго происхожденія, такъ какъ ихъ можно встрѣтить въ любой эпической и даже лирическо-бытовой мордовской пѣснѣ. «Стой, батюшка, стой—меня не убойся! стой, мое красно солнышко — меня не испужайся! Я къ тебѣ подхожу — басловки твоей прошу. Не дома желаю, не на дѣло тебя посылаю: добрую басловку въ чужи люди мнѣ дай, на чужаго отца-мать благословляй! Погляди-ко, батюшка, въ переднее окошко во чисто поле, на красно солнышко: во чистомъ полѣ бѣла береза стоитъ, на небѣ красно солнышко горитъ, камчетныя листья вѣтромъ шевелятся, отъ вѣтра, отъ вихоря, на землю валятся. Стой, батюшка, стой, не гляди, въ красное окошко не смотри: не впрямь красно солнышко горитъ, не впрямь бѣла береза стоитъ! то твое дѣтище передъ тобой стоитъ. Не камчетныя листья шевелятся, отъ вѣтра, отъ вихоря на землю валятся — по лицу твово дѣтища земчуги горючи слезы катятся. Стой, батюшка, стой! меня не убойся, стой, мой голубчикъ, меня не испужайся! За твою хлѣбъ-соль, что поилъ, кормилъ, на работу училъ — паду я въ золотыя твои ноженьки, разцѣлую посеребряны твои рученьки: не пожалѣю своей сряды, всей цвѣтной, нарядной кутазы. Въ ноги къ тебѣ припадаю, басловки твоей испрошаю, руки цѣлую—себя не милую. Благослови-ка меня, батюшка, съ чужимъ людямъ жить, чужимъ людямъ служить». Послѣ этого причитанья невѣста падаетъ отцу въ ноги, кладетъ на нихъ голову и потомъ цѣлуетъ у отца руки. Затѣмъ новое причитанье: «Къ сердцу ретивому свое дѣтище прижми, пожалѣй меня, батюшка, благослови! Смѣть ли мнѣ, батюшка, свои бѣлы руки класть на могучія твои плеча? Смѣть ли, мой родной, твою буйную головушку къ себѣ приклонить?» Отецъ беретъ съ полки икону, ставитъ на голову дочери и говоритъ: «Господь тебя благословляетъ, и я благословляю». Невѣста, приложившись къ иконѣ, поцѣловавъ отца, начинаетъ опять плакать и причитать: «Пойду я теперь, батюшка, ко своей родимой матушкѣ! Пораздвиньтесь, разойдитесь, добрые люди, милыя подруги, пойду я къ печкѣ-маткѣ: у печки у матки все, баютъ, матушки стоятъ». Мать дѣйствительно стоитъ у печки и отвѣчаетъ дочери тоже причитаньемъ: «Поди, дитятко! поди, милое! подойди, моя нѣжница, подойди, моя вольница,

у печки, у матки — твоя матка стоитъ; пойди — я тебя обойму, къ ретивому сердцу подожму». Тогда невѣста повторяетъ вышеприведенное длинное причитаніе матери. Когда мать благословитъ невѣсту, подруги берутъ ее подъ руки и ведутъ въ сосѣдній домъ, а на улицѣ она снова причитаетъ: «Не снадобилась я батюшкѣ, разгнѣвалась на меня матушка, — въ чужіе люди благословили меня жить, чужимъ людямъ служить»! Въ сосѣднемъ домѣ невѣсту подруги раздѣваютъ и, утомленныя денною и ночною ходьбою и пѣснями, ложатся спать.

Какъ я уже сказалъ Мокша не справляетъ дѣвишника, какъ особый установленный обычаемъ пиръ и при разспросахъ всегда оказывалось, что вообще во все время между пропоемъ и свадьбой подруги невѣсты собираются къ ней въ избу и помогаютъ ей шить и приготовлять одежду и бѣлье; кое гдѣ [1]) на эти посидѣлки приходятъ безъ зова или же приглашаются знакомые и родственники, замужнія женщины, парни и женатые [2]) и наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвишникъ справляется подобно тому, какъ и у Эрзи. Что касается до Эрзи, то она по большей части признаетъ дѣвишникъ особеннымъ пиромъ, составляющимъ непремѣнный установленный стародавнимъ обычаемъ моментъ брачныхъ обрядовъ, что доказывается существованіемъ цѣлой серіи отдѣльныхъ символическихъ дѣйствій, сопровождающихъ дѣвичій пиръ; тѣмъ не менѣе, какъ мы могли видѣть изъ вышеприведеннаго, кое гдѣ и Эрзя отказалась признавать дѣвишникъ имѣющимъ особое важное значеніе моментомъ брачныхъ обрядовъ и свело его на степень простой «*пособляма*», т. е. помочи [3]). Тамъ, гдѣ дѣвишникъ не утерялъ своего символически-религіознаго значенія, онъ начинается съ ранняго утра за день до свадьбы; едва вставши и нарядившись въ самое простое платье, преимущественно безъ всякихъ украшеній, составляющихъ неизбѣжную часть даже и будничнаго Мордовскаго женскаго туалета, невѣста отправляется по своимъ подругамъ, ко-

---

[1]) Петров. уѣздъ, Мечкасы, Ѳедосья Голяшкина; Кузнецк. уѣздъ, Кеменскерь, Степанида Пяжоева.

[2]) Краснослоб. уѣздъ, Мамалаево и Ширгарино, Васильчикинъ и Степанъ Атяшкинъ; Инсарскій уѣздъ, Верхисъ, Николай Мурзайкинъ.

[3]) Ардатов. (Нижегор.) уѣздъ, Макателемъ, Наталья Ревинчина и Самарскій уѣздъ, Семейкино, Антонъ Мосѣевъ.

торыхъ она приглашаетъ къ себѣ поработать, помочь ей и раздѣлить съ нею посѣтившее ее горе. Въ томъ случаѣ, когда призываются на дѣвишникъ и знакомые обоихъ половъ, опять таки приглашенія дѣлаются лично невѣстою; если дѣвишникъ сведенъ на степень простой «пособляма», то приглашенія дѣлаются обыкновенно на другой день послѣ пропоя. Подруги дѣлаютъ видъ, что не знаютъ о томъ, что она выходитъ замужъ, разспрашиваютъ ее и обѣщаютъ ее не выдавать злому человѣку во что бы то ни стало; тутъ онѣ каждая надѣваетъ что нибудь изъ принадлежащихъ имъ украшеній на невѣсту въ знакъ связывающей ихъ дружбы; конечно невѣста потомъ возвращаетъ всѣ эти украшенія и навѣски, но все-таки чѣмъ болѣе на нее навѣшаютъ, тѣмъ болѣе ей славы, такъ какъ большое количество украшеній означаетъ, что она съумѣла пріобрѣсти большое количество друзей; въ Тетюшскомъ уѣздѣ, когда она снимаетъ при женихѣ эти украшенія и передаетъ ихъ подругамъ, женихъ долженъ съ своей стороны благодарить подругъ подарками, преимущественно чѣмъ нибудь изъ лакомства, а то и деньгами; деньгами же (3—5 коп.) даритъ подругъ за ихъ дружбу женихъ въ Кузнецкомъ и Ардатовскомъ (Симбирской губ.) уѣздахъ [1]. Что у Тетюшскихъ Каратаевъ обычай этотъ не перенятъ у Татаръ доказывается отсутствіемъ чего либо подобнаго у послѣднихъ. Подруги не идутъ вмѣстѣ съ нею, а каждая отдѣльно наскоро собирается и идетъ прямо въ ея избу, гдѣ онѣ располагаются и караулятъ изъ сѣней, когда невѣста, покончивши обходъ, будетъ подходить къ дому; едва завидятъ онѣ ее, какъ запираютъ двери и не впускаютъ ее домой: она выходитъ замужъ—она имъ измѣняетъ, а потому между дѣвками и невѣстой и происходитъ слѣдующій разговоръ: «*Ки тонъ улятъ?*»—«*Техтерь Като*».—«*Афъ улятъ тонъ Като техтерь, тонъ улятъ Катава*» [2]. — «*Афъ улятъ Катава*».—«*Афъ сода тадизъ, проксиммызе, куловтомызе Катонокъ*», т. е. «Кто ты?»—«Дѣвка Катя».—«Не дѣвка ты Катя, ты баба Катя».— «Я не баба Катя».—«Не знаемъ тебя, пропили, загубили нашу Катю». Послѣ такихъ переговоровъ и послѣ длинныхъ убѣжденій со сто-

---

[1]) Кемешкерь, Степана Пятаева и Пичкасы, Матвей Дробышевъ.

[2]) Такая фраза со стороны подругъ прямо указываетъ, что послѣ пропоя невѣста дѣлалась женою въ дѣйствительности и что пропой долженъ считаться рѣшительнымъ моментомъ брака.

роны невѣсты, что она никто иная, какъ несчастная подруга ихъ Екатерина, которую злые люди противъ ея воли хотятъ отнять ее отъ ея подругъ, послѣднія наконецъ сжаливаются и отворяютъ ей дверь. Едва взойдетъ невѣста въ избу, какъ отправляется въ свой сундукъ и достаетъ оттуда своей работы рубаху, которую и посылаетъ въ даръ жениху съ какою нибудь старухою; рубаху эту женихъ непремѣнно долженъ надѣть въ день свадьбы и притомъ долженъ вознаградить посланную какимъ нибудь подаркомъ, преимущественно же деньгами. Ввечеру начинается работа и славленье невѣсты. Эта послѣдняя садится лицомъ къ печкѣ на лавку, не прикасается вовсе къ работѣ и должна по временамъ всхлипывать и причитать, что она не достойна тѣхъ похвалъ, которыми въ такомъ изобиліи величаютъ ее подруги и что безъ подругъ она вѣроятно изсохнетъ отъ тоски. Въ то же время подруги выхваляютъ физическія и нравственныя прелести своей подруги и всячески стараются превознести ея совершенства. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о томъ, какія похвалы разсыпаютъ невѣстѣ въ этихъ пѣсняхъ мы приводимъ ниже пѣсню весьма распространенную среди Эрзи и записанную нами въ Лукьяновскомъ уѣздѣ [1]). Кое гдѣ не-

---

[1]) Ревезень, Трофимъ Авиловъ.

«Катонокъ вадрэ, кода утсэ,
«Катонокъ мазы, кода тши,
«Катонокъ иря, кода панжъ,
«Катонокъ потетне, кода пандотне,
«Катонокъ пильыетне, кода тумотне,
«Катонокъ кэдетнэ, кода эйкакшонь,
«Катонокъ чере, кода кузъ,
«Кода кузъ а мены есъ—прянзо,
«Кода кузъ а сивы есъ прянзо»,

то-есть:

Наша Катя добра, какъ ягненокъ,
Наша Катя хороша, какъ солнце,
Нашей Кати голова, какъ цвѣтокъ,
Нашей Кати груди, какъ горки,
Нашей Кати ноги, какъ дубы,
Нашей Кати руки, какъ дѣтскія,
Нишей Кати станъ, какъ липа,
Какъ липа не гнется,
Какъ липа не ломается.

вѣста должна непремѣнно въ день, назначенный для справленія дѣвишника, отправиться дѣлать прощальные визиты своей роднѣ и знакомымъ; визиты эти дѣлаются не ею одною, а ее сопровождаетъ или братъ ея или ближайшій парень родственникъ, чаще же всего двое парней изъ ближайшей родни. У невѣсты ноги обмотаны до такой степени, что она едва можетъ двигаться, но платье на ней не праздничное, такъ какъ свадьба, хотя и утеряла прямое значеніе увоза изъ родительскаго дома силою, тѣмъ не менѣе сохранила въ народномъ воспоминаніи отпечатокъ совершавшагося прежде насилія, а слѣдовательно самое понятіе о выходѣ замужъ исключаетъ возможность ходить въ праздничной одеждѣ и радоваться. При выходѣ невѣсты изъ избы своихъ родителей она должна три раза пригнуться къ землѣ со словами: «*мастыръ! мастыръ! кирдямакъ! варма! варма! ускамакъ!*» [1]) (т. е. земля! земля! держи меня! вѣтеръ! вѣтеръ! неси меня). Затѣмъ она беретъ изъ подъ порога щепотку земли и кладетъ ее себѣ за пазуху. Опустивши голову отправляется невѣста по своимъ родственникамъ и знакомымъ и со всѣми прощается, благодаря за выказанное ей ими расположеніе; она объявляетъ имъ, что выходитъ замужъ и плачетъ о своей горькой участи, принуждающей ее покинуть ихъ и начать новую несвободную жизнь; тутъ провожатые подхватываютъ невѣсту подъ мышки и скоро на-скоро выносятъ ее изъ избы, а она идетъ въ слѣдующую и повторяетъ тамъ тоже самое. Роль этихъ провожатыхъ для насъ въ настоящее время совершенно непонятна, хотя сохранившійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [2]) обычай избирать для проводовъ невѣсты братьевъ или ближайшихъ родственниковъ жениха и даетъ намъ возможность предполагать, что выносъ невѣсты какъ бы указываетъ на актъ насилія, лежащій въ основѣ древняго мордовскаго брака. Ввечеру пріѣзжаетъ въ избу родителей невѣсты будущій ея свекоръ съ добрымъ запасомъ «*пурэ*»; онъ угощаетъ этимъ напиткомъ родителей невѣсты изъ яблоноваго ковша, который въ прежнее время игралъ важную роль въ молянахъ и жертвоприношеніяхъ, но первый ковшъ онъ подноситъ не-

---

[1]) Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь, Пятаева.

[2]) Нижегор. губ. Ардат. уѣздъ, Макателемъ, Наталья Ревинчина и Арзам. уѣздъ, Кардавеле, Ѳедоръ Ильцовъ.

вѣстѣ, которая должна выпить весь ковшъ до дна. Будущій свекоръ подаетъ ей ковшъ съ слѣдующими словами: «*Кода пурэ ули цебэрь—цебэрста ерякь! Кода пурэ ули таза—тазаста кельгакь! Кода пурэ рескафтаи — рескафтакь озаль! Кода пурэ ули мани—ульхть мани! Кода комлэ ули козэ лопатнень — ульхть козэ жабатнень! Кода пурэ ули козэ комлэнь—ульхть козэ кильдемень!*» (Какъ пурэ хорошо — живи хорошо! Какъ пурэ крѣпко — люби крѣпко! Какъ пурэ боретъ—бори горе! Какъ пурэ чисто будь чиста! Какъ хмѣль богатъ листьями—будь богата дѣтьми! Какъ пурэ богато хмѣлемъ — будь богата скотомъ!) Проговоривъ эту священную формулу, будущій свекоръ обмачиваетъ пальцы въ пурэ и брызгаетъ съ нихъ на невѣсту; затѣмъ подаетъ ей ковшъ, который она и выпиваетъ сразу. Послѣ выполненія этого обряда дѣвушки усаживаются по лавкамъ и принимаются за работу, или же, если дѣлать уже нечего просто поютъ пѣсни и болтаютъ.

VII.

Наступаетъ, наконецъ, день свадьбы, наступаетъ тотъ моментъ, который въ настоящее время, подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, можетъ быть признанъ рѣшительнымъ моментомъ брака. Всѣ обычаи и обряды, исполняющіеся при свадьбѣ проникнуты отпечатками воспоминанія о совершавшемся прежде насиліи, объ увозѣ невѣсты женихомъ; конечно самая свадьба успѣла уже принять видъ домашняго открытаго праздника и обычай скрывать день свадьбы живетъ только въ преданіи, но тѣмъ не менѣе во всякомъ шагѣ, почти во всякомъ словѣ невѣсты проявляется ея нежеланіе выходить замужъ, а родители ея даже вовсе не должны зачастую присутствовать при вѣнчаніи и свадебномъ пирѣ въ воспоминаніе того, что прежде они при всемъ своемъ желаніи не могли участвовать въ свадебныхъ церемоніяхъ, потому что свадьба происходила увозомъ, безъ ихъ вѣдома и чаще всего противъ ихъ воли. Для Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи мы имѣемъ свидѣтельство г. Прозина [1]) о томъ, что невѣсту везутъ къ вѣнцу подъ бѣлымъ покрываломъ, причемъ замѣтимъ, что бѣлый цвѣтъ не игра-

[1]) «Пензен. Губ. Вѣд.» 1865, №№ 39 и 40.

етъ здѣсь никакой особенной роли и не имѣетъ ровно никакого особеннаго символическаго значенія, а покрывало берется бѣлое только потому, что Мордва вообще до цвѣтнаго не охотница; важно лишь то обстоятельство, что невѣста должна непремѣнно быть покрыта покрываломъ, а это дѣлается ради того, чтобы ее никто не видалъ, не узналъ, не отбилъ. Еще передъ отъѣздомъ изъ дома родителей невѣсты женихъ долженъ одарить всѣхъ ея подругъ, заплатить имъ выкупъ за невѣсту; пока идетъ торгъ между женихомъ и подругами невѣсты, послѣдняя все время сидитъ у печнаго столба, плачетъ, вопитъ и прощается съ родительскимъ домомъ, съ родителями, родственниками и подругами и наконецъ со своею дѣвичьею волею. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, по свидѣтельству г. Кронтовскаго, рано утромъ въ день свадьбы женихова родня отправляется къ нему на парахъ и заготовляетъ почетную кибитку для невѣсты; верхъ кибитки дѣлается изъ бѣлаго холста, а внизъ кладутъ имъ сѣно или цѣлую перину пуховую. Изготовивши кибитку и коней, всѣ отправляются въ избу, гдѣ отецъ зажигаетъ передъ иконами свѣчи и приглашаетъ присутствующихъ помолиться о благополучіи будущей семьи; онъ прочитываетъ нѣсколько разъ уже упомянутую молитвенную формулу, а затѣмъ беретъ икону и хлѣбъ и благословляетъ жениха. Поѣзжане между тѣмъ распоряжаются подлѣ печи и въ чуланахъ, откуда по указаніямъ матери жениха забираютъ коровай, пирогъ съ творогомъ, вина, пива и отправляются въ домъ къ невѣстѣ вмѣстѣ съ родителями жениха; при этомъ поѣздъ составляется такъ, что на передней парѣ ѣдутъ отецъ и мать жениха, на слѣдующей—дружки, на слѣдующей наиболѣе близкіе изъ жениховой родни и товарищей его и т. д. Едва только покажется первая пара поѣзда близь дома невѣсты, какъ находящіеся въ домѣ спѣшатъ запереть ворота, дабы не впустить въ домъ людей, собирающихся отнять у нихъ дорогое ихъ сокровище. Родители и дружки слѣзаютъ съ подводъ и направляются къ воротамъ; «что за люди», спрашиваютъ ихъ со двора; «люди добрые, пришли за добрымъ дѣломъ: отворите!» Не сразу отворяются ворота, такъ какъ ими пользуются какъ придиркою для того, чтобы выпить съ родителей жениха водки; долго идутъ переговоры и обыкновенно за штофъ вина находящіеся во дворѣ отпираютъ, наконецъ, засовъ и впускаютъ жениховъ поѣздъ. Мать

жениха и поѣзжане тотчасъ же приступаютъ къ приборкѣ закуски въ почестномъ мѣстѣ горницы, ставятъ на столъ все, что привезли съ собою и угощаютъ всю невѣстину родню и невѣсту; родня невѣсты послѣ угощенья зазываетъ родителей жениха къ себѣ и начинается хожденіе изъ одной хаты въ другую, причемъ мать жениха въ каждой избѣ обязана оставить по ковригѣ хлѣба, который конечно есть ничто иное, какъ выкупъ за невѣсту. Въ то время, какъ родители жениха ходятъ по родственникамъ невѣсты, эту послѣднюю собираютъ къ вѣнцу; одѣванье продолжается какъ можно дольше, причемъ невѣста должна обязательно не даваться, щипаться и кусаться. Поверхъ всего надѣваютъ на нее сшитый мѣшкомъ шушпанъ, подъ которымъ красуется вышитая разными цвѣтами рубаха; на голову надѣваютъ ей красный гарусный платокъ, а на руки браслеты изъ бѣлой жести и изъ желтой и красной мѣди. Когда, наконецъ, туалетъ невѣсты оконченъ, ее выводятъ въ горницу, ставятъ по серединѣ подъ матицею, совершаютъ обычный молянъ, то вмѣстѣ съ христіанскою молитвою, а то и безъ нея, и затѣмъ благословляютъ невѣсту иконою и ковригою хлѣба. Справивши благословенье, братья невѣсты, а чаще всего жениховы поѣзжане подхватываютъ невѣсту подъ мышки и выносятъ на дворъ къ подводѣ; она не садится, а должна стоять на ногахъ, придерживаемая подругами-дѣвушками. Подъѣхавши къ околицѣ, заправляющій движеніемъ поѣзда дружко кричитъ: «стой!» Всѣ останавливаются; сходятъ съ телѣгъ или саней и подходятъ къ его подводѣ, зная заранѣе, что онъ запасся про этотъ случай и выпивкою и закускою. Пока любители выпиваютъ, невѣста раздаетъ захваченные ею изъ дому подарки своимъ подругамъ; подарки эти состоятъ по большей части изъ платковъ, подавая которые она все время вопитъ и причитаетъ о томъ горѣ, которое она испытываетъ, разставаясь съ подругами своими; каждой дѣвушкѣ должна она причитать что либо особенное. Наконецъ, подходятъ поѣзжане и снимаютъ ее съ экипажа; невѣста бросается въ ноги лошадямъ, проситъ ихъ не помнить зла, сдѣланнаго имъ ею, если она когда нибудь не щадила ихъ и даритъ ихъ платками или лентами, которые тутъ же и вплетаетъ имъ въ холки и гривы. Покончивши причитанье лошадямъ, невѣста спѣшитъ къ той подводѣ, гдѣ сидятъ ея братья, но жениховы поѣзжане подхватываютъ ее подъ мышки

и несутъ въ подводу будущей ея свекрови; невѣста кричитъ, мечется, дерется и царапается, но вырваться ей конечно не удается, всѣ бросаются по экипажамъ и мчатся что есть духу къ церкви. Пока доѣдутъ еще до церкви, невѣста продѣлываетъ еще одну уловку, хотя будущая свекровь и должна стараться всячески ей препятствовать; невѣста срываетъ съ себя фату и выбрасываетъ ее на дорогу; братья ея быстро останавливаютъ свою пару, соскакиваютъ на земь, подхватываютъ фату и отдаютъ ее только съ выкупомъ, который впрочемъ не бываетъ больше полуштофа водки на брата; все дѣло тутъ въ замедленіи и въ воспоминаніи о томъ времени, когда всякое промедленіе вело за собою опасность быть захваченными и выкупъ фаты былъ дѣйствительнымъ выкупомъ вещественнаго доказательства насильственнаго увоза. Если свекровь ловка, то невѣстѣ и не удается иногда снять и бросить фату; вообще какъ только обычай выполненъ, невѣста выдергиваетъ у себя изъ головы нѣсколько волосъ и пересылаетъ ихъ своей матери. Наконецъ, пріѣзжаютъ въ церковь къ заждавшемуся священнику и справляютъ обрядъ вѣнчанія по уставамъ православной церкви. Когда по окончаніи обряда священникъ предлагаетъ молодымъ поцѣловаться, то молодая старается не даться и бьетъ молодаго по лицу, дабы помѣшать ему; на эту борьбу подходитъ свекоръ, держитъ молодую за плечи и помогаетъ такимъ образомъ сыну въ его первой борьбѣ съ женой. Молодой проситъ жену сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, она отказывается, но онъ проситъ только для вида, такъ какъ, наконецъ, схватываетъ ее на руки, сажаетъ къ себѣ и гонитъ лошадей что есть мочи. Подруги невѣсты и дѣвушки изъ жениховой деревни встрѣчаютъ молодыхъ въ воротахъ дома ругательными пѣснями, гдѣ поютъ о всѣхъ закулисныхъ тайнахъ холостой жизни молодаго; это пѣніе не имѣетъ однако оскорбительнаго характера, такъ какъ не спѣть такой пѣсни значитъ оскорбить, напротивъ молодаго, точно у него и грѣшковъ до женитьбы не было, точно никто раньше на него и взглянуть не хотѣлъ, не хотѣлъ полюбить его горемычнаго. Молодой между тѣмъ живо соскакиваетъ съ повозки и бѣжитъ безъ оглядки въ клѣть, гдѣ заблаговременно старухами изготовлено брачное ложе. Молодую вносятъ на рукахъ въ горницу поѣзжане, но здѣсь уже она не борется и не старается помѣшать несущимъ; свекровь встрѣчаетъ ее съ образомъ въ ру-

кахъ, а ближайшая родственница молодаго обсыпаетъ молодую съ головы до ногъ хмѣлемъ; при этомъ несущіе стараются держать молодую такъ, чтобы хмѣль обсыпалъ ее всю. Внеся молодую въ горницу, ее сажаютъ противъ печки, вблизи ея подругъ, которыя не перестаютъ всячески костить молодаго и увѣрять, что у него-то и одна нога короче другой, и бокъ-то кривой, и зубовъ-то нѣтъ, и т. п. Рядомъ съ молодою сидятъ ея братья или же за неимѣніемъ таковыхъ парни изъ ея родни; наконецъ, родня молодаго догадывается почему такъ безконечно тянется ругательная пѣсня дѣвушекъ, подноситъ послѣднимъ водки, но, главнымъ образомъ, угощаетъ братьевъ молодой, которые получаютъ при этомъ даже и незначительные подарки; только этого и ждали: братья бросаются на дѣвушекъ и пинками изгоняютъ ихъ изъ избы. Молодую, по изгнаніи ея подругъ, берутъ подъ руки и ведутъ къ печкѣ, съ тѣмъ, чтобы молодая могла ознакомиться съ нею и войти съ нею въ добрыя отношенія; молодая кланяется печи, проситъ ее не марать, а любить и слушаться; затѣмъ она садится на шестокъ и ей подаютъ на руки ребенка; свекровь подаетъ ей стаканъ пива—пурэ, который молодая выпиваетъ сразу и въ свою очередь подаетъ свекрови ребенка. Смыслъ этого обычая понятенъ вполнѣ безъ всякихъ комментарій. Затѣмъ молодую снова уносятъ въ клѣть къ молодому, который между тѣмъ туда убрался и не смѣетъ показаться оттуда до поры до времени. Невѣста не только не охотно идетъ въ клѣть, но, напротивъ того, всячески старается вырваться изъ рукъ тѣхъ, кто ее несетъ, упрямится; впрочемъ тутъ съ нею не церемонятся, а просто вталкиваютъ въ клѣть и запираютъ двери; черезъ нѣсколько минутъ въ клѣть къ нимъ является сваха со сковородою яичницы и съ виномъ и сама изъ своихъ рукъ кормитъ ихъ и поитъ. Затѣмъ оставляютъ молодыхъ въ покоѣ на полчаса, по прошествіи же этого времени поднимаютъ ихъ съ ложа и выводятъ съ радостью изъ клѣти въ горницу, гдѣ всѣ гости ихъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ; молодой разноситъ всѣмъ вино и всѣхъ угощаетъ съ поклонами, а молодая разноситъ всѣмъ присутствующимъ подарки, преимущественно своихъ трудовъ. При разносѣ подарковъ она кланяется всякому въ ноги и не поднимаетъ головы съ полу до тѣхъ поръ, пока, выпивши и вытерши ротъ ея подаркомъ, гость не положитъ

руку на ея голову; при этомъ гости считаютъ долгомъ, по силѣ возможности, отдарить чѣмъ нибудь невѣсту, напр. деньгами, а иногда въ силу близкаго родства и любви и скотиной или ульями. Послѣ свадьбы цѣлую недѣлю живутъ молодые вмѣстѣ, а потомъ жена отправляется на гостины къ своимъ родителямъ. Цѣлый годъ она живетъ въ свое удовольствіе, не вступаясь въ хозяйство, не грязня своихъ рукъ никакою работою; цѣлую недѣлю послѣ свадьбы дымъ идетъ коромысломъ въ домахъ молодыхъ и пиръ слѣдуетъ за пиромъ. Въ дружки избирается всегда болѣе или менѣе остроумный человѣкъ, котораго обязанность состоитъ въ постоянной болтовнѣ и остротахъ—это «*каштанъ*», которому и лишняя чарка и лишній сладкій кусокъ и лишній почетъ отъ всей деревни. [1]) Въ Нижегородской губерніи, по словамъ г. Мартынова, передъ свадьбою устраивается въ домѣ невѣсты ѣда и угощенье, а невѣста въ это время сама ѣдетъ къ жениху и раздаетъ подарки своей работы всѣмъ, кто ей на пути встрѣтится. Когда она подъѣзжаетъ къ жениховой хатѣ, дружко подскакиваетъ къ ней, хватаетъ ее на руки и вноситъ въ избу. Женихъ между тѣмъ безъ оглядки убѣгаетъ въ церковь, гдѣ вѣнчаются, а за тѣмъ онъ снова покидаетъ молодую и опять таки бѣгомъ же удираетъ домой, гдѣ и прячется лѣтомъ на погребѣ, а зимою въ клѣти. Посреди двора жениха, предъ возвращеніемъ изъ церкви свадебнаго поѣзда, выставляютъ символы богатства и обилія—кашу и пурэ, а молодую обсыпаютъ хмѣлемъ и накладываютъ на нее вывороченную шубу въ прообразъ все того же обилія и богатства [2]). Въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи у Мокшанъ едва только поднимутъ молодую съ брачнаго ложа, какъ въ окровавленной рубахѣ, если только случится, ведутъ ее къ рѣкѣ; за нею тянется цѣлая процессія: впереди двѣ дѣвки изъ бывшихъ ея подругъ несутъ пустой ушатъ; за ними идетъ старуха съ ковригою хлѣба въ рукахъ, потомъ дружки съ ковшами и наконецъ цѣлая толпа дѣвокъ. На головѣ у молодой лежитъ цѣлая масса полотенецъ и утирокъ, а если бы рубаха ея не была окровавлена, то ее кровавятъ куриною кровью; молодая опирается на двухъ своихъ подругъ и всю дорору кланяется на всѣ

---

[1]) Самар. Губ. Вѣд. 1866 г. № 26.

[2]) Нижегор. Губ. Вѣдом. 1865 г. № 24.

четыре стороны; все время пути на тропинку поливаютъ изъ ковша брагу, «чтобы сладко ей въ новой жизни ходилось». Тутъ на рѣкѣ сказываютъ установленный закономъ молянъ, наливаютъ въ ушатъ воды и прежнимъ порядкомъ возвращаются домой. Тутъ уже въ горницѣ съ молодой снимаютъ полотенца и ударяютъ по головѣ ковригою, причемъ свекровь, даетъ ей новое имя, сообразно съ ея достоинствами; послѣ дачи имени молодую опоясываютъ и заставляютъ отправиться къ печкѣ и печь блины, которыми она угощаетъ гостей, а эти послѣдніе ѣдятъ и похваливаютъ умѣлость молодой хозяйки и спористость ея работы. [1]) Когда поѣздъ отправляется въ церковъ, то дружка останавливаетъ его на пути и обходитъ его три раза съ ножемъ въ рукахъ по всѣмъ вѣроятіямъ ради отогнанія отъ участвующихъ нечистой силы. Въ Саратовской губерніи и слѣдовательно среди той же Мокши существуютъ въ свадебномъ обрядѣ нѣкоторыя особенности, которыя имѣютъ важное значеніе или какъ переживанія древнихъ обычаевъ или же какъ символы тѣхъ отношеній, которыя вытекаютъ для брачущихся изъ брака. Въ день свадьбы дружко и родственники собираются въ домъ къ жениху и отсюда уже ѣдутъ за невѣстою; невѣста въ это время уже совершаетъ сборы, т. е. наряжается по праздничному: на нее надѣваютъ лучшій «панаръ» и шушпанъ и совершенно всю обвѣшиваютъ бусами и висючками (намъ случилось разъ свѣсить коллекцію украшеній одной невѣсты и получить вѣсъ въ 23 фунта). Одѣвшись она садится лицомъ къ печкѣ и начинаетъ съ воплемъ и причитаньемъ прощаться съ родительскимъ домомъ и всѣми находящимися въ немъ вещами; впродолженіи невѣстинаго причитанія женщины подходятъ къ ней, надѣваютъ ей на шею кусокъ холста и подаютъ ковшъ пурэ; невѣста пьетъ сама изъ ковша, а затѣмъ подчуетъ присутствующихъ и дѣлаетъ подарки, состоящіе изъ холста, платковъ, бусъ и колецъ. Между тѣмъ выносятъ мало по малу пожитки невѣсты и укладываютъ въ повозку, въ которой она должна ѣхать; дружко съ краснымъ платкомъ— символомъ чистоты — черезъ плечо помогаетъ сначала укладыват вещи, а затѣмъ беретъ въ руки саблю или косу и примащивается къ кибиткѣ невѣсты въ задокъ. Едва успѣютъ отъѣхать съ пол-

---

[1]) Москов. Унив. Извѣстія 1868 № 4, ст. Примѣрова.

версты отъ дома, какъ дружко останавливаетъ коней и обходитъ вокругъ кибитки съ саблею наголо для отогнанія нечисти; черезъ полверсты новая остановка и такъ до пріѣзда къ дому жениха. При входѣ въ домъ жениха невѣсту встрѣчаетъ старшой дома, который останавливаетъ ее въ дверяхъ и дѣлаетъ топоромъ на косякѣ зарубку, которая должна обозначать новаго члена семьи, вступающаго въ оную. Весь первый годъ послѣ замужества молодую называютъ «*одырава*» или молодая хозяйка (авторъ неправильно записалъ «одерва») или «*ветшава*» т. е. любезная и она ходитъ съ открытою головою; только по прошествіи этого срока надѣваетъ она сороку и дѣлается «*паравею*» т. е. доброю бабою или «*мозавою*»—красивою бабою; вмѣстѣ съ тѣмъ старшая передъ нею невѣстка тоже перемѣняетъ тогда кличку и дѣлается «*сирявою*» («сырава», какъ невѣрно записалъ авторъ) т. е. старою или «*покшавою*» т. е. большою, старшею [1]). Анонимный авторъ разсказываетъ про темниковскую Мокшу [2]), что и тамъ невѣсту закрываютъ красною фатою, для того чтобы ее не испортили злые люди и чтобы нечистая сила не вмѣшалась въ свадьбу. Въ Симбирской губерніи свадьба справляется слѣдующимъ образомъ: жениховы поѣзжане съ дружкою во главѣ еще съ вечера пріѣзжаютъ въ ту деревню, гдѣ живетъ невѣста и останавливаются, если дѣло происходитъ зимою, на особо нанятой квартирѣ, а лѣтомъ — за околицей таборомъ. Рано, рано утромъ они являются къ невѣстиной избѣ и стучатся; конечно имъ отворяютъ, только получивши извѣстный могарычъ; всѣ входятъ въ избу, закусываютъ и выпиваютъ, а невѣста во все время столованья сидитъ въ уголку закрытая съ головою краснымъ платкомъ. Наконецъ, невѣстѣ подаютъ знакъ, что она должна идти проститься съ домашними и едва она послѣ прощанья появляется опять на порогѣ, какъ ее подхватываютъ подъ руки и тащатъ въ повозку, чтобы везти въ церковь. Когда окончится обрядъ вѣнчанья и вернутся уже въ женихову избу, то дружко снимаетъ повозку, на которой ѣдетъ невѣста, со шкворня долой, что конечно должно имѣть извѣстное символическое значеніе по отношенію къ правамъ, получаемымъ молодымъ надъ молодою по окончаніи обряда брака,—и обсыпаетъ

---

[1]) «Сарат. Справ. Листокъ» 1869 г., №№ 53 и 54, ст. Барминскаго.
[2]) «Донъ» 1868 г., №№ 39, 40, 45 и 46, Поѣздка въ Тамбовскую губернію.

молодыхъ хмѣлемъ съ пожеланіемъ, чтобы они были также богаты всѣмъ, какъ хмѣль богатъ лепестками. Во время свадебнаго пира дружко и сваха уводятъ молодыхъ на брачное ложе, изготовленное въ задней избѣ или въ амбарѣ и запираютъ ихъ тамъ на замокъ; дружко часто подбѣгаетъ къ дверямъ и подслушиваетъ; когда онъ примѣтитъ, что молодые задумали уже вставать, то онъ зоветъ сваху и опрометью бѣжитъ отворить дверь. Молодыя одѣваются и выходятъ къ гостямъ, причемъ дружко и сваха объявляютъ нашелъ ли молодой то, чего искалъ; но этотъ послѣдній обычай вѣроятно явился у Мордвы вслѣдствіе русскаго вліянія, такъ какъ молодой не только не горюетъ обыкновенно объ отсутствіи дѣвства, но чаще всего даже знаетъ объ этомъ гораздо раньше сватовства и часто самъ тутъ не безъ участія. Затѣмъ дружко ставитъ молодую къ челу печи и ударяетъ ее по головѣ ковригою хлѣба, причемъ даетъ ей новое имя, которое и остается за нею на всю жизнь [1]. Не менѣе подробное и крайне интересное описаніе Мокшанской свадьбы находимъ мы въ рукописяхъ почтеннѣйшаго знатока Мордовскаго быта архимандрита Макарія для Нижегородской Мокши; при провѣркѣ нами свѣдѣній о. Макарія мы замѣтили, что вездѣ и повсюду Мокша справляетъ свадьбу почти такъ, какъ онъ наблюдалъ въ Нижегородской губерніи. По его словамъ, въ день назначенный для свадьбы отецъ жениха и его родня справляютъ свадебный поѣздъ, причемъ зять жениха исполняетъ роль дружки, а тетка—свахи. Попировавъ немного дома, молятся передъ иконами о ниспосланіи младоженамъ счастья и достатка, справляютъ семейный молянъ съ вырѣзкою «*озондамъ-палъ'а*», благословляютъ жениха на новую жизнь ковригою хлѣба, изъ которой вырѣзанъ «Божій кусокъ», и иконою и затѣмъ отправляются всѣмъ поѣздомъ въ домъ невѣсты, но безъ жениха, который на время лишается возможности повидаться съ предметомъ своихъ вожделѣній. Отъѣхавши немного отъ дома, дружко останавливаетъ поѣздъ и сходитъ со своей повозки; онъ беретъ въ руки икону и съ нею три раза обходитъ вокругъ поѣзда, причемъ избираетъ направленіе противъ солнца; покончивши обходъ, онъ останавливается передъ поѣздомъ, чертитъ ножомъ по землѣ взадъ и впередъ, произнося заклинаніе противъ

---

[1]) Памятная книга Симбирской губерніи 1869 г., ст. Ауновскаго.

нечистой силы и пресѣченія сглаза недобраго человѣка. Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому, отецъ невѣсты выходитъ изъ избы и запираетъ ворота, которыя отпираются снова послѣ того, какъ вся родня невѣсты получитъ нѣкоторые подарки, сообразно съ близостью родства своего къ ней. Въѣхавъ въ ворота, родитель и поѣзжане слѣзаютъ съ повозокъ и направляются къ сѣнямъ, но здѣсь ихъ снова задерживаютъ и требуютъ снова уплаты выкупа; уплативъ отъ 30 до 50 коп. жениховцы снова подвигаются впередъ, проходятъ сѣни, но двери въ избу оказываются опять таки запертыми и снова приходится платить копѣекъ 15—20, чтобы родители невѣсты отворили двери и впустили измученныхъ поѣзжанъ въ горницу; какъ сѣнной сборъ, такъ и входной поступаютъ полностью въ пользу отца невѣсты. Взойдя въ горницу и помолясь на иконы, отецъ жениха кладетъ на столъ пудовый хлѣбъ, нарочно для этого случая испеченный, ставитъ вино въ томъ количествѣ, которое раньше было условлено, 2—3 окорока ветчины, горшокъ каши и стопу блиновъ штукъ во сто. Все это хозяйка тотчасъ же убираетъ и помѣщаетъ въ корыто. Затѣмъ всѣ поднимаются и совершаютъ семейный молянъ съ вырѣзкою «озондамъ-палъ'а», который относится подъ порогъ. Послѣ моляна отецъ жениха отдаетъ свату деньги за невѣсту и всѣ садятся за столъ; въ это время въ избу вносятъ большой шестъ, который втыкается однимъ концомъ между матицею и потолкомъ, а на другой конецъ навѣшиваютъ тѣ подарки, которыми будетъ дарить присутствующихъ невѣста. Когда все готово, изъ-за занавѣски появляется невѣста и начинаетъ вопить и причитать о предстоящемъ ей несчастіи; затѣмъ она съ воплями даритъ отца, мать, свекра и сверковь рубахами, а остальныхъ, смотря по близости родства и расположенію, платками и другими подарками, преимущественно своей работы; во время даренья она обрѣтается не во всемъ нарядѣ, а только въ одной бѣлой рубахѣ, безъ пояса, съ платкомъ на головѣ, причемъ концы этого платка откинуты назадъ не завязанными; отдарковъ въ этомъ случаѣ не полагается, такъ какъ цѣль подарковъ состоитъ въ томъ, чтобы показать какую трудолюбивую дѣвушку отдаютъ въ чужой домъ и какого добра лишаются съ нею ея родители. Подаривши всѣхъ, кого полагается по обычаю, невѣста снова удаляется за занавѣску въ хозяйственную половину, а на ея мѣсто

изъ-за занавѣски выходитъ въ невѣстиномъ нарядѣ и въ вывороченной на изнанку шубѣ старуха, которая пляшетъ передъ присутствующими, ломается, отпускаетъ разныя остроты; все это конечно заставляетъ присутствующихъ разсмѣяться, а старухѣ только того и нужно было, такъ какъ она объявляетъ, что желаетъ, чтобы всю жизнь невѣста своимъ появленіемъ между людьми возбуждала радость, чтобы вокругъ нея все смѣялось и чтобы сама она улыбалась и смѣялась всю жизнь. Съ этимъ пожеланіемъ старуха уходитъ. Между тѣмъ за занавѣскою идетъ облаченіе невѣсты; на нее надѣваютъ сверхъ панара три шушпана, причемъ послѣдній не подпоясываютъ; дѣвки пользуются при этомъ случаемъ и несутъ къ гостямъ кисточки, которыя и продаютъ желающимъ украсить свои шапки. Нарядивши невѣсту, выводятъ ее въ горницу покрытою краснымъ шелковымъ платкомъ и сажаютъ между жениховою и ея собственною свахою. Всѣ встаютъ со своихъ мѣстъ и справляютъ новый молянъ рожаницѣ (т. е. ведынъ-азыръ-авѣ), которую просятъ благословить будущую женщину, облегчить ей роды и послать ей большое потомство. Затѣмъ отецъ и мать благословляютъ свою дочь и желаютъ ей счастья. Во все время моляна и благословенья у порога горитъ огромная свѣча на подобіе «мірской свѣчи» или, какъ ее называютъ, «салтанъ-истатолцъ», которую, какъ намъ приводилось слышать, не тушатъ до окончанія свадебнаго пира; арх. Макарій не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Поѣзжане между тѣмъ выносятъ невѣсту на плечахъ и сажаютъ въ спеціально для этой цѣли приготовленную кибитку, покрытую бѣлымъ полотномъ, вышитымъ разными узорами, и посылаютъ за женихомъ; послѣдняго везутъ на парѣ, лежащаго и прикрытаго кожей, а шляпу его дружко держитъ надъ головою. Мы не станемъ утверждать положительно, но думаемъ, что послѣдній обычай можетъ указывать на существованіе брака или увоза черезъ стороннее лицо, причемъ женихъ даже и не присутствовалъ лично, а давалъ лишь этому стороннему лицу свою шапку, какъ признакъ полномочія. Вокругъ повозки, гдѣ лежитъ несчастный женихъ ѣдутъ дѣвки изъ его родни и поютъ пѣсни, смыслъ которыхъ тотъ, что невѣстина родня хуже жениховой, невѣстина родня ѣстъ по собачьи, а женихова родня—по господски. Послѣ вѣнца на порогѣ женихова дома молодыхъ встрѣчаетъ мать молодаго и ставитъ молодой на ногу ско-

вороду съ зажженнымъ хмѣлемъ; невѣстка должна сбросить сковороду три раза сряду, причемъ примѣчають, какъ она ее сбрасываетъ: если она сбрасываетъ ее тихо и спокойно, то и вообще значитъ она обладаетъ тихимъ и спокойнымъ нравомъ; если, напротивъ того, она рѣзко освобождаетъ свою ногу отъ горячей сковороды—будетъ невѣстка не уступчива, строптива и крутаго нрава; если сковорода станетъ на дно — жить младоженамъ счастливо и, наоборотъ, если сковорода хотя разъ перепрокинется, то не быть молодымъ счастливыми. Тутъ то свекровь даетъ невѣсткѣ новое имя и называетъ ее или «Ветшаи» (любезная), или «Мазаи» (красивая), или «Паваи» (счастливая), или «Тазаи» (здоровая), или же иначе какъ нибудь, какъ ей разсудится за благо. Затѣмъ она беретъ невѣстку за руку и отводитъ къ печкѣ, гдѣ она беретъ хлѣбъ и, ударяя этимъ хлѣбомъ невѣстку по головѣ, проговариваетъ «*Мазаиксъ лементсь тернэтэ*» (авторъ невѣрно записалъ: «мазаиксъ леменецъ пуцанъ» — что ровно ничего не значитъ по-мокшански), т. е. «Красивою именемъ нарицаю тебя». Затѣмъ свекровь беретъ невѣстку за руки и подводитъ къ печному шестку; невѣстка кладетъ руки на шестокъ ладонями книзу, а свекровь кормитъ ее изъ своихъ рукъ искрошенными яствами и притомъ такъ, чтобы невѣсткѣ не приходилось сдѣлать ни одного движенія. «Какъ печь изъ избы не выходитъ, приговариваетъ свекровь, такъ чтобы и ты не выходила». На этомъ обыкновеніи рѣзко обрываются свѣдѣнія, сообщаемыя почтеннымъ наблюдателемъ, и онъ прямо переходитъ къ описанію послѣдующихъ за свадьбою пировъ, причемъ начинаетъ свое описаніе съ *«горнихъ»*, т. е. гостинъ родныхъ невѣсты у молодыхъ. Здѣсь отецъ молодаго угощаетъ всѣхъ присутствующихъ виномъ, а молодая—пурэ, причемъ она каждому кланяется въ ноги и не встаетъ съ пола до тѣхъ поръ, пока гость не выпьетъ, не подниметъ ее и взамѣнъ угощенья не поздравитъ ее и не предложитъ ей обычнаго подарка, состоящаго изъ денегъ (коп. 20), сустуга, платка, куска холста или шерстяной матеріи для онучъ. Гости поютъ тѣ пѣсни, что придутъ имъ на умъ, а иногда и пляшутъ. На третій день послѣ свадьбы отцы и матери молодыхъ отправляются на гостины по роднѣ, а молодая справляетъ молянъ «ведьазыравѣ» и «банязыравѣ», принося этимъ богинямъ охранительницамъ жертву. До истеченія шести недѣль со дня свадьбы молодая

ходитъ безъ волосника, а тамъ старшая въ домѣ женщина, будь она свекровь или кто иная, надѣваетъ ей на голову волосникъ и притомъ совершенно особеннымъ образомъ; продѣлавъ подходящій молянъ все той же покровительницѣ женщинъ, старшая въ домѣ влѣзаетъ на крышу, открываетъ хайло, находящееся въ крышѣ для пропуска дыма, черезъ образовавшуюся дыру подаетъ молодой волосникъ со словами: «*бабанике сянь крясыстэ путнезь теть ге путнима мяргезь*», т. е. женщины-предки такіе на свои головы надѣвали и тебѣ приказали надѣть. Слѣдуетъ замѣтить, что почтенный авторъ не такъ записалъ рѣчь старшой, такъ какъ старшая произноситъ слѣдующее: «*бабынкэ сэ преаса путнязэ — тэть путнями мэрьгасьтэ*», т. е. бабочки-предки такую надѣвали — тебѣ надѣть приказали. Авторъ утверждаетъ, что всѣ описанные имъ обряды совершаются даже и при самокруткахъ, такъ какъ всегда въ концѣ концовъ получается прощеніе, а слѣдовательно для породнившихся наступаетъ пора примиренія [1]). Тотъ же авторъ сообщаетъ, что у Нижегородской Эрзи въ день свадьбы тоже совершается столованье въ домѣ жениха и только по окончаніи этого домашняго пира, поѣзжане отправляются за невѣстою. Женихъ и у Эрзи остается дома и пѣшкомъ и тайкомъ долженъ прибѣжать въ церковь. Родители невѣсты встрѣчаютъ пріѣхавшихъ съ хлѣбомъ-солью, а не такъ враждебно, какъ у Мокши, что ясно указываетъ на значительное измѣненіе въ народныхъ воззрѣніяхъ на бракъ, происшедшихъ по всѣмъ вѣроятіямъ подъ сильнымъ великорусскимъ вліяніемъ; и поѣзжане и родные невѣсты кланяются вереѣ, какъ утверждаетъ авторъ, и послѣ того отправляются въ церковь, причемъ невѣста всю дорогу ѣдетъ стоя, лицомъ назадъ для того, чтобы проститься съ родимыми мѣстами; у церкви поѣзжане снимаютъ невѣсту съ повозки и вносятъ ее въ храмъ на рукахъ; точно также вносятъ ее и въ домъ молодаго послѣ бракосочетанія. У Эрзи Нижегородской новое имя дается молодой только на третій день послѣ свадьбы [2]). Г. Мордовцевъ, описывая мордовскую свадьбу,

---

[1]) Рукоп. архивъ Импер. Русск. Геогр. Общ., папка, «Инородцы», сг. арх. Макарія. Этн. замѣтки о Мордвѣ Мокшанахъ въ Нижегородской губерніи.

[2]) Рукоп. архивъ Импер. Русск. Геогр. Общ., папка, «Инородцы», статья арх. Макарія «О Мордвѣ Эрзянахъ въ Нижегородской губерніи».

которую ему случалось наблюдать въ Саратовской губерніи, свидѣтельствуетъ, что, кромѣ дружки-мужчины, при мордовской свадьбѣ бываетъ еще и дружка-женщина; но мы полагаемъ, что онъ принялъ за дружку сваху, которая имѣется у обоихъ брачущихся. Утромъ невѣста садится къ печи и плачетъ о потерѣ воли; какая нибудь женщина изъ близкихъ ея родственницъ вѣшаетъ ей въ это время на шею цѣлую охапку холстовъ, полотенецъ и платковъ, а въ руки даетъ ей деревянный стаканъ и кувшинъ съ брагою; невѣста обходитъ свою родню, подноситъ каждому браги и даритъ при этомъ мужчинъ холстомъ и полотенцами, а женщинъ—мѣдными кольцами, браслетами и платками. По окончаніи этого обряда выносятъ въ повозку пожитки невѣсты и выводятъ невѣсту съ головою покрытою краснымъ платкомъ; дружко примащивается въ невѣстину повозку съ саблей въ рукахъ и съ краснымъ платкомъ на рукахъ. Едва успѣетъ поѣздъ отъѣхать немного отъ дома, какъ дружко останавливаетъ всѣхъ и очерчиваетъ саблею вокругъ поѣзда кругъ; черезъ нѣсколько времени новая остановка и новое очерчиваніе поѣзда. Послѣ свадьбы всѣ отправляются въ домъ жениха и при входѣ молодой старшой дѣлаетъ на косякѣ зарубку топоромъ, означающую вступленіе въ семью новаго члена. Цѣлый годъ молодая ходитъ съ непокрытою головою, а черезъ годъ совершается надъ нею обрядъ надѣванія кички, описываемый архимандритомъ Макаріемъ [1]).

Фуксъ разсказываетъ о чистопольской Мордвѣ [2]), что въ день свадьбы женихъ съ поѣздомъ отправляется за невѣстою. Невѣстины родные и избранныя для церемоніи лица, сидѣвшія до пріѣзда жениха впереди за столомъ, уступаютъ почетныя мѣста жениху съ его поѣздомъ, а сами садятся у дверей. Когда всѣ усядутся, братья, а ежели ихъ нѣтъ, то ближніе родные, но непремѣнно парни, складываютъ руки и, какъ на носилки посадивъ невѣсту, носятъ ее по всему дому и по двору; заносятъ во всякую клѣтушку и амбарушку и даже въ хлѣвы къ скотинѣ. Она, бѣдная, должна на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ углу горько

---

[1]) Памят. книга Сарат. губ. 1858 г., ст. Мордовцева.

[2]) Журналъ Министер. Внутр. Дѣлъ 1839 г., часть 34.

плакать. Послѣ такого необыкновеннаго путешествія вносятъ невѣсту въ избу. Женихъ встаетъ съ своего мѣста, беретъ ее за руку и ведетъ въ кибитку, гдѣ невѣстина сваха давно уже ее ожидала, опасаясь, чтобы женихова сваха не успѣла сѣсть въ невѣстину кибитку, такъ какъ это предвѣщало бы несчастную жизнь молодымъ. Женихъ садится на козлы съ дружкою и беретъ въ руки возжи, завертывая ихъ въ платокъ. Выѣхавши изъ воротъ, оборачиваютъ невѣстину кибитку и всѣ подводы напротивъ воротъ; тогда выходятъ отецъ и мать невѣсты съ виномъ и пивомъ и всѣхъ обносятъ и подчуютъ со слезами. Оборотъ передкомъ къ воротамъ напоминаетъ, конечно, объ утратившемся обычаѣ моленья Кардась-сярко. По пріѣздѣ въ домъ жениха, опять останавливаются передъ воротами, изъ которыхъ отецъ и мать жениховы также выходятъ съ угощеніемъ. Наконецъ, въѣзжаютъ во дворъ жениха; женихова сваха вынимаетъ невѣсту изъ кибитки, а дружко беретъ жениха и оба ведутъ ихъ въ нарочно приготовленный покой, гдѣ читается надъ ними молитва и испрашивается новобрачнымъ благословеніе Божіе, счастіе, богатство, изобиліе въ скотѣ и хлѣбѣ, а также и многочадіе. По окончаніи молитвы молодые кланяются въ землю; совершающій обрядъ становится на колѣни, кладетъ обѣ руки на головы новобрачныхъ и тѣмъ обрядъ вѣнчанія оканчивается. Женихова сваха поднимаетъ новобрачную, а дружко—ея мужа и уводятъ—молодаго въ избу, а молодую въ клѣть; здѣсь снимаютъ съ нея дѣвичью одежду и надѣваютъ женскую, потомъ приводятъ мужа и оставляютъ новобрачныхъ однихъ. Впослѣдствіи вводятъ молодыхъ въ избу, приготовленную для свадебнаго пиршества. Тутъ молодая начинаетъ разносить подарки свекру, свекрови и всѣмъ роднымъ, становясь передъ каждымъ на колѣни, съ чашкою пива, въ которую прихлебывая кладутъ деньги, сколько кому заблагоразсудится. Свадебные пиры продолжаются дня три, четыре, а иногда и цѣлую недѣлю, смотря по богатству новобрачныхъ. Такъ какъ мордовскія свадьбы бываютъ преимущественно въ началѣ іюля предъ сѣнокосомъ, то молодая, проживши нѣсколько дней у мужа, уѣзжаетъ на все рабочее время обратно къ отцу и возвращается къ мужу не прежде, какъ у отца кончитъ даже молотьбу. Мужъ нерѣдко ее посѣщаетъ. Колокольчики, бубенчики и погремушки отличаютъ богатую свадьбу. Обычай таскать невѣсту въ день

свадьбы на рукахъ по всѣмъ угламъ сохранился и у крещеной Мордвы во всей своей чистотѣ.

Въ Саратовской губерніи, по словамъ о. Архангельскаго [1]), послѣ назначенія дня бракосочетанія, въ домѣ жениха обыкновенно собирается поѣздъ, который состоитъ изъ дружка и поѣзжанъ, а въ домѣ отца невѣсты тоже производятся сборы къ вѣнцу. По изготовленіи поѣзда въ домѣ жениха и по снаряженіи дѣвушки къ вѣнцу совершается благословеніе ихъ родителями. Какъ только отецъ невѣсты возьметъ съ божницы образъ, невѣста начинаетъ вопить: «*Тэмакъ басловаданда монь, тятякай, эремсь аштимсь; а басловадандамакъ ровжа модасъ!*» т. е. не благословляй меня, батюшка, жить и быть, а благослови меня въ черную землю. Послѣ этого привѣта дочери отецъ, благословляя ее, говоритъ: «*сырнень стирьней! эрякъ шумбраста кулцынакъ атявизицинь; а мирдицынь сембеда лама и кульцынакъ келькъ кыкъ* (?)», т. е. золотая дочка! живи здорово, повинуйся свекру и свекрови, а мужа больше слушайся, и люби. Образъ, которымъ благословляютъ, остается въ домѣ родителей, а вмѣсто него отпускаютъ ее съ хлѣбомъ-солью, съ двумя только свахами и съ однимъ возничимъ на одной парѣ. Женихъ также, по благословеніи его отцомъ, отправляется съ поѣздомъ въ церковь. Послѣ вѣнца изъ церкви поѣздъ съ женихомъ и невѣстою отправляется въ домъ жениха, гдѣ встрѣчаютъ молодыхъ отецъ и мать съ хлѣбомъ-солью и въ воротахъ обсыпаютъ ихъ хмѣлемъ, а на крыльцѣ кропятъ водою съ чистаго вѣника. Давши побыть молодымъ въ избѣ, отводятъ ихъ въ амбаръ и кормятъ тамъ яичницею (символъ плодовитости) съ одной ложки. Вышедши изъ амбара даютъ имъ въ руки по кувшинчику съ водою и вокругъ нихъ начинаютъ плясать сначала поѣзжане, а потомъ сваха, снявъ съ молодой застежку (сюлгама), бросаетъ ее отъ себя на-отмашъ (снять застежку символически прообразуетъ лишеніе дѣвства) и послѣ привѣтствуетъ ее слѣдующимъ образомъ: «*Адэ, эрвэне, оцю кшинь панима, пси ламинь пидима!*» т. е. иди, невѣстка, большой хлѣбъ печи, горячи щи варити! Затѣмъ, введши молодыхъ въ избу, заставляютъ ихъ подносить всѣмъ брагу; брагу разноситъ молодая, а молодой стоитъ подлѣ нея и, поднеся каждому гостю, до тѣхъ поръ

[1]) «Сарат. Губ. Вѣд.» 1845 г., № 52.

лежитъ въ ногахъ, пока гость не выпьетъ до дна. Тутъ отводятъ ихъ опять въ амбаръ и оставляютъ спать до утра. По утру молодая, вставши раньше всѣхъ, вопитъ, причитая всѣмъ своимъ роднымъ слѣдующимъ образомъ: «*Пора стемсъ лэпэ вастаста, туидань кукусъ кукаи, а ке лувсъ колги; тинь тутада эсь кудазантъ, а монь катсамасть ломанькутсь; азамасть ялганенди авантсти кучаза горянинь монь день афъ ульхтъ корхтань ялгайне!*» или: «пора знать вставать съ мягкой постели; весенняя кукушечка кукуетъ, а бѣлая береза сокъ пускаетъ; вы пойдете домой, а меня покидаете въ домѣ (чужихъ) людей; отошлите горемычные мои колокольчики съ матушкою подружкамъ, а мнѣ не будетъ ужъ подругъ — разговаривать.

Въ Симбирской губерніи, по словамъ г. Орлова [1]), наканунѣ брака являются въ домъ жениха званые поѣзжане, также съ приносами, какъ то: печенаго хлѣба, поросятъ, баранины, свинины и пр. Для того, чтобы жениха не сглазили и не испортили злые люди, каждый изъ поѣзжанъ долженъ воткнуть себѣ подъ кафтанъ иглу, Изъ поѣзжанъ избирается *уредей* (дружко) и *покшъ-кудо* (поддружко). Обязанность дружка - водить жениха подъ руки и беречь отъ порчи; обязанность поддружка раздѣлять въ извѣстное, обычаемъ установленное, время деньги подругамъ невѣсты и женщинамъ, наряжающимъ невѣсту къ вѣнцу. Передъ отъѣздомъ за невѣстою сваха жениха поетъ: «А вы 77 поѣзжанъ, какъ чистые, вы, орѣхи, какъ горохъ, вы хорошіе, подойдите ко мнѣ ближе, обступите меня кругомъ! Давно насъ ждетъ невѣста, глаза ея на дворѣ — однѣ руки остались на окошкѣ; гладкая голова ея, со скуки объ насъ, перепуталась, бѣлая рубаха почернѣла». Вмѣстѣ съ поѣзжанами воспитатели жениха отправляютъ въ домъ невѣсты часть вина и пива, по условію, коровай печенаго хлѣба, два пирога: долгій (той бряка) и круглый, съ рѣшето величиною (луонь кше). Этотъ послѣдній пирогъ начиняется слоями каши, яичницы, творога, картофеля и проч. Поверхъ слоевъ начинки въ пирогъ кладутъ три яйца, а на верхней коркѣ его дѣлается изъ тѣста утка. Эту утку сваха должна украсть въ домѣ невѣсты или, по крайней мѣрѣ, подкупить подругъ невѣсты къ похищенію утки, которая служитъ сим-

---

[1]) Матер. для истор. и стат. Симбир. губ., 1868 г., выпускъ II.

воломъ прогенитаціи. Наконецъ поѣздъ отправляется съ молитвами и крестными знаменіями; оставшіеся же въ домѣ жениха родственники гуляютъ вродолженіи всей ночи. Въ это время въ домѣ невѣсты, если бракъ назначенъ въ день воскресный, то въ полночь въ субботу невѣста должна встать съ постели и вопить. Она, дѣйствительно, встаетъ на зорькѣ, выходитъ на дворъ и причитаетъ: «Авай-пазъ Чангодь, пазъ Чангодь, верь-нишке-пазъ, сярко, покшъ покситяй, покшъ-бабай, благословамысть! Максадо монень московскай баяча войгелъ, ашо кенавъ сильведь!» (Причитаніе это совершенно невѣрно записано, но, возстановляя правописаніе, видно, что она обращается за благословеніемъ къ верховной богинѣ, верховному богу, Инешке пазу, богу семейнаго очага кардась сярко, предкамъ мужескаго и женскаго пола). Послѣ этого она входитъ въ избу, въ которой снова вопитъ и причитаетъ, но уже на иной ладъ: «прежде ходила я по избѣ чинно, даже не кашляла; теперь же начинаю кричать. Пропала дѣвственность! Я начинаю лишаться памяти и разсудка». За этимъ она подходитъ къ отцу и матери, предъ которыми вопитъ и причитаетъ и въ причитаніяхъ вспоминаетъ всѣ труды, понесенные родителями во время ея воспитанія; въ заключеніе всего она благодаритъ родителей и говоритъ: «Больше вы, батюшка и матушка, не будете для меня трудиться». На слезы и причитанья дочери мать отвѣчаетъ слезами же и причитаньями: «Пойдешь, говоритъ она, милая доченька, къ чужому отцу, къ чужой матери. Не станешь ты мнѣ кудели толочь, красновъ ткать, рубашекъ мыть!» Съ разсвѣтомъ невѣста отправляется къ одному изъ родственниковъ и, вставши на крыльцѣ его дома, причитаетъ: «Дядюшка (или братецъ!) пусти ты меня, кормилецъ, на часокъ погрѣться. Носится громовая туча надъ моею головою, перемочитъ мою бѣлевую хорошую рубаху, перемочитъ и шелковый платокъ. Укрой меня, кормилецъ, отъ этой громовой тучи. Не понравилась я батюшкѣ — погналъ онъ меня изъ своего дома!» Ясно, что въ этомъ причитаньѣ сохранился намекъ на стародавній обычай искать защиты у родственниковъ противъ насилія жениха и его родни. Родственникъ обыкновенно принимаетъ ее въ домъ и угощаетъ блинами и яичницею; это указываетъ намъ, что обычай ходить въ гости къ роднымъ имѣлъ въ свое время значеніе зова на защиту отъ насилія, а не простаго гощенія. Посидѣвъ немного въ домѣ

того или другаго родственника, невѣста отправляется обратно къ своему отцу, входитъ въ избу, вопитъ и причитаетъ: «Ходила я къ дядюшкѣ, приготовила себѣ мѣстечко укрыться отъ дождевой тучи и нашла себѣ пристанище. Теперь, если дождь вымочитъ мою бѣлую рубаху и шелковый платокъ, у меня есть мѣсто, гдѣ ихъ высушить». Послѣ этого она ложится и отдыхаетъ; между тѣмъ въ это время родственницы невѣсты приготовляютъ для гостей кашу и салму. Когда встанетъ невѣста, то и ей подаютъ каши. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ волнуемая мыслями о настоящемъ и будущемъ, невѣста представляется лишенною разсудка, и въ причитаніяхъ выражаетъ желаніе себѣ смерти: «Не такъ бы вамъ нести кашу! Надо бы класть кашу на сухомъ блюдѣ, бѣлымъ платкомъ покрывать и брать бы блюдо лѣвою рукою. (Все это такіе три обычая, которые непремѣнно выполняются на похоронахъ при подачѣ на столъ поминальной каши). Собрались у отца моего дяди и братья — въ шесть топоровъ они дѣлаютъ гробъ. Вы слышали стукъ ихъ топоровъ; поминать вы меня хотите, когда подаете кашу». Послѣ этихъ причитаній она беретъ ложку и отвѣдываетъ немного каши. Отвѣдавши, она въ слезахъ благодаритъ приготовившую кашу и вопитъ: «Лопнуть бы мнѣ, какъ яйцу, разорваться бы мнѣ, какъ тройной веревкѣ, отъ этой каши! Поѣла я чужое счастье!» намекая этимъ на то, что съѣвши каши, этого символа плодородія, она съѣла сѣмя, зачатокъ будущаго существа. Послѣ этого она опять ложится и отдыхаетъ. Передъ вечеромъ женщины расплетаютъ невѣстѣ косу и расчесываютъ ее гребнемъ. Съ расплетенною косою она подходитъ къ отцу съ такими воплями и причитаньями: «Благослови, батюшка, въ банѣ париться въ послѣдній разъ, какъ барынѣ; теперь я вольна, а скоро буду въ неволѣ. Хотѣла бы я, чтобы ты призвалъ стариковъ сдѣлать мнѣ гробъ и молодыхъ призови вырыть мнѣ могилу семисаженную....» Обращаясь въ то время къ матери, она отдаетъ ей кисточку, которую обыкновенно носила въ косѣ, и вопитъ: «возьми же ты, матушка, эту кисточку; вмѣсто меня эта кисточка будетъ тебѣ рубашки мыть, холсты ткать, кудель толочь. А теперь благослови ты меня, матушка, въ бани париться въ послѣдній разъ, какъ барынѣ; теперь я вольна, а скоро буду въ неволѣ. Хотѣла бы я, чтобы ты, матушка, призвала послѣ бани старухъ обмыть меня какъ мертвую, призови и молодыхъ

сшить мнѣ саванъ». Послѣ подобныхъ причитаній, поцѣловавши отца и мать и поклонившись имъ до полу, невѣста уходитъ въ баню и тамъ моется. Воротившись изъ бани, она ужинаетъ съ подругами и ложится спать. Въ ночь наканунѣ брака является женихъ съ поѣзжанами. Всѣ они, пріѣхавъ, становятся на дворѣ съ пирогами въ рукахъ. Здѣсь ихъ встрѣчаютъ подруги невѣсты: какъ бы желая отомстить жениху за то, что онъ домогается лишить ихъ самой лучшей подруги, дѣвушки начинаютъ теперь на распѣвъ срамить его: «Пустая ты голова! какой ты женихъ! Лаптей плести не умѣешь, въ деньгахъ счета не знаешь. Ходишь ты, мошенникъ, къ гадкимъ дѣвкамъ, оставляешь тамъ обувки. Отчего ты такъ долго не пріѣзжалъ? Что? Не находилъ своей обуви? Не такова твоя невѣста! Поставь ей кадушку проса, а по другую сторону кадушку маку, да зерна всѣ перечти». Обращаясь къ поѣзжанамъ, дѣвицы кричатъ: «Обманщики верховые. Одежда на васъ верховая, на полушубкахъ по два кармана, и руки вы держите въ карманахъ». Послѣ этого изъ избы выходитъ старшій членъ семейства невѣсты съ образомъ въ рукахъ, а хозяйка-дома съ хлѣбомъ-солью. Обращаясь къ жениху съ поѣзжанами, она говоритъ: «Добро пожаловать, подите, подите! Подруги невѣсты бросаются въ то же время въ избу, за ними идутъ хозяинъ съ хозяйкою, а потомъ и поѣзжане. Подруги невѣсты садятся за столъ. Сваха кладетъ на столъ курникъ, насыпаетъ въ припасенное блюдо орѣшковъ, напеченныхъ изъ сдобнаго тѣста, и этими сластями подчуютъ дѣвокъ. Денежный расходчикъ «покшъ-кудо» кладетъ на столъ копѣекъ 20 мелкой мѣди, ставитъ выряженной вино и пиво, а также, если есть мѣсто на столѣ, кладетъ коровай хлѣба и два большихъ пирога, о которыхъ выше упомянуто. Дѣвицы берутъ со стола деньги, раздѣляютъ между собою орѣшки, выпиваютъ вина — и обольщенныя деньгами, виномъ и орѣшками, уже готовыя выдать подругу-невѣсту, встаютъ изъ-за стола. На мѣста ихъ за столъ садятся женихъ, сваха и дружко. Въ это время невѣста, сидя въ особомъ отдѣленіи избы, причитаетъ: «Ногайцы пріѣхали, башкиры! ихъ полна изба, не могу я съ ними говорить, не знаю ихъ языка... Родимый братецъ! возьми ты лучше свое ружье, прострѣли ихъ ноги... Семьдесятъ семь ножей, какъ бы я желала, чтобы вы кололи того, кто садится за столъ на мое мѣсто; желала бы я, чтобы

тамъ, гдѣ ноги мои стояли, торчала цѣлая горсть иголъ и колола бы ноги того, кто теперь занимаетъ мое мѣсто». Послѣ того, какъ она выразитъ всю свою ненависть къ жениху, родственники увозятъ ее на парѣ лошадей туда, гдѣ наканунѣ она просила мѣста укрыться отъ громовой тучи, и увозятъ собственно для того, чтобы въ домѣ родителей ее кто нибудь не испортилъ. Подъѣзжая къ дому избраннаго родственника, она вопитъ и причитаетъ: «Пусти, дядюшка, посушить рубашку и измоченный шелковый платокъ. Вмѣстѣ съ соромъ отецъ и мать выбросили и меня изъ дома». Вошедъ въ избу, она завтракаетъ. Вскорѣ послѣ невѣсты, и поѣзжане отправляются туда же. Между тѣмъ женихъ съ дружкой, опасаясь порчи, уходитъ изъ дома невѣсты въ баню или въ другое какое нибудь скрытное мѣсто. Поѣзжане пріѣзжаютъ въ домъ избраннаго родственника. Здѣсь сваха начинаетъ дарить невѣстѣ бусы, ленты или что нибудь подобное, кладетъ ей въ пазуху часть орѣшковъ, напеченныхъ изъ сдобнаго тѣста, подноситъ лепешку и стаканъ пива. На это невѣста причитаетъ: «Не проси, боярыня, я не стою твоей просьбы. Видишь, руки мои, какъ соломенки; онѣ не могутъ держать твоего стакана. Измученная, могу ли я пить вино? Не лишиться бы мнѣ памяти и разсудка съ твоего стакана пива». Послѣ свахи подходитъ къ невѣстѣ каждый изъ поѣзжанъ, подноситъ стаканъ пива, на дно котораго въ подарокъ невѣстѣ опускаетъ мелкую монету. Невѣста, принявъ стаканы и хлебнувъ понемногу изъ каждаго, передаетъ ихъ подругамъ. Подруги выпиваютъ оставшееся [1]), а вынутыя деньги передаютъ невѣстѣ. Въ то же время расходчикъ даетъ нѣсколько денегъ тѣмъ женщинамъ, которыя должны наряжать невѣсту къ вѣнцу. Позавтракавъ въ домѣ избраннаго родственника, поѣзжане отправляются обратно въ домъ родителей невѣсты, а невѣста остается въ домѣ этого родственника вмѣстѣ со своими подругами. Вскорѣ послѣ отъѣзда поѣзжанъ, двѣ женщины начинаютъ наряжать невѣсту къ вѣнцу. На нее надѣваютъ три покара, покрываютъ голову шелковымъ платкомъ, даютъ ей лучшую обувь, подпоясываютъ краснымъ кушакомъ, сюда привязываютъ корксъ, на грудь вѣшаютъ бусы и кресты и, наконецъ, кладутъ за пазуху лепешекъ и мыла. Вскорѣ пріѣзжаютъ за ней

[1]) Примѣта къ выходу замужъ.

на парѣ съ колоколомъ урводей и берутъ ее въ родительскій домъ. Пріѣхавъ въ родительскій домъ, она становится на крыльцѣ и причитаетъ: «Встрѣчайте меня, батюшка и матушка, нарядили меня и стѣснили, воднись, батюшка, дѣвичья свобода моя осталась только на головѣ моей, и почти кругомъ обрядились въ одежду женщины, —и тѣсно мнѣ и душно!» Войдя въ избу, она садится въ чуланъ, гдѣ и продолжаетъ вопить. Между тѣмъ наряжавшія ее женщины начинаютъ дарить жениха. Поднося на блюдѣ красный, базарный платокъ, онѣ поютъ: «Коли тебѣ любо—возьми, не любо—не бери». Женихъ беретъ даръ и молча кладетъ въ пазуху. Дарятъ и поѣзжанъ холщевыми платками, обшитыми кумачемъ; свахи вѣшаютъ на кокошку утиральникъ съ кумачемъ на концѣ; послѣ того какъ кончатся подарки, женихъ подходитъ къ невѣстѣ и хочетъ взять ея руку; невѣста отталкиваетъ его, причитая: «Прахъ тебя возьми, не тронь моей руки! Ты шатался по хороводамъ, искалъ хорошей дѣвицы; и какъ же ты теперь возьмешь меня чуть живую? При этомъ родители невѣсты, крестный отецъ ея и мать, взявъ въ руки икону, хлѣбъ и соль, становятся въ рядъ, велятъ жениху съ невѣстою молиться и прощаться съ ними; невѣста въ это время, обращаясь къ родителямъ, говоритъ: «Благословите меня не на вольномъ свѣтѣ жить и провалиться лучше сквозь сырую землю. Жизнь хуже смерти! Умереть мнѣ лучше, чѣмъ жить». Послѣ благословенія, женихъ беретъ невѣсту за руку, и оба выходятъ изъ избы, за ними выходятъ и поѣзжане. На дворѣ невѣста садится со своими родственниками отдѣльно отъ жениха и его родственниковъ на особую телѣгу или сани. Когда всѣ сядутъ на свои мѣста, поѣздъ отправляется въ церковь. Близь церковной ограды брачный поѣздъ останавливается; невѣста становится въ телѣгѣ или саняхъ, надѣваетъ руцку (шушпанъ) и причитаетъ: «Смотрите на меня всѣ, кто хочетъ! Разглядывайте, какъ я одѣта, и не взыщите, если не понравится вамъ моя одежда; я была не ткачиха и не пряха, а занималась игрою въ хороводахъ». Вылѣзши изъ телѣги, она кланяется въ ноги своимъ лошадямъ и благодаритъ ихъ: «Спасибо вамъ, кони добрые, за то, что привезли меня такую тяжелую». Послѣ этого она даритъ лошадей мѣдною монетою, платками и лепешками. Платки подтыкаетъ подъ уздечки, а лепешки и деньги кладетъ къ ихъ ногамъ. Здѣсь на время оканчиваются ея большею

частью притворные вопли и причитанья. Во время совершенія брака невѣста стоитъ спокойно, не проронивъ ни слезинки. Мордовки смотрятъ на нее, особенно въ то время вѣнчанія, когда она вступаетъ на лоскутъ холста, постланнаго заблаговременно свахою. Если она ступаетъ на подножье прежде жениха, то примѣчаютъ, что у нея есть мысль домогаться власти надъ мужемъ, и наоборотъ. Мордва часто требуетъ, чтобы церковнослужители проводили новобрачныхъ домой въ вѣнцахъ. Если они провожаютъ, то на дворѣ уже причитаній не бываетъ. Еще до прихода священно-церковнослужителей, воспитатели новобрачныхъ, его крестный отецъ и крестная мать, съ иконами въ рукахъ, хлѣбомъ и солью, становятся въ рядъ близь крыльца. При появленіи же новобрачныхъ, они ихъ благословляютъ и молча цѣлуютъ. Въ это время родственники осыпаютъ молодыхъ хмѣлемъ. Если же новобрачные являются изъ церкви безъ причта, то сваха на дворѣ новобрачныхъ поетъ: «Встрѣчайте, родные, я привезла вамъ прекрасную молодую! Смотрите, на груди ея серебро (оловянные кресты) тянетъ ее напередъ, а мѣдь (карксъ) тянетъ ее назадъ». Въ отсутствіи причта, Мордва также благословляетъ новобрачныхъ иконами. Старуха, мать жениха, встрѣчаетъ иногда новобрачныхъ въ вывороченныхъ шапкѣ и шубѣ, въ прообразованіе плодородія и богатства. Послѣ этого молодые входятъ въ избу и прямо садятся за столъ. За столомъ молодую тотчасъ начинаютъ убирать въ женскій нарядъ, плетутъ ей косу и надѣваютъ кокошъ. Въ руки новобрачнаго даютъ ребенка, и онъ, поцѣловавъ его, и подаривъ, передаетъ его женѣ. Молодая принявъ ребенка съ улыбкою, также цѣлуетъ его и даритъ. Смыслъ этого обычая понятенъ. Поподчивавъ молодыхъ, дружку и сваху виномъ, родители новобрачныхъ провожаютъ ихъ въ особенную комнату, опасаясь порчи отъ знахарей. Сваха, проводивъ молодыхъ, является обратно и поетъ: «Добрая невѣстина родня! Не бранился ли кто? Встрѣчали и провожали насъ хорошо и хорошій даръ мнѣ дали: шелковой основы платокъ, бумажный утокъ». Въ восторгѣ она бѣгаетъ по избѣ и дѣлитъ орѣшки. Показывая теперь украденную ею утку съ пороса луонъ-кши, она поетъ: «Не оставила я сватьямъ счастья женихова; старалась я, старалась—кое-какъ украла». Затѣмъ мужчины и женщины поютъ пѣсни, пляшутъ. Въ самый день брака, вечеромъ являются въ домъ

новобрачныхъ «горніи»; ихъ угощаютъ также, какъ и всѣхъ званыхъ на пиръ. Для свадебныхъ пировъ Мордва сластей не покупаетъ. На другой день горніи отправляются туда, гдѣ покоятся молодые, и тамъ угощаются; оставивъ молодыхъ наединѣ, горніи возвращаются, пьютъ, пляшутъ и поютъ пѣсни. Вскорѣ являются къ нимъ молодые. Сваха раздаетъ дары отъ молодой. Родственникамъ новобрачнаго дружко подноситъ по стакану пива, сваха подаетъ дары, а молодые при этомъ кланяются до земли. На другой же день свадьбы горніи отправляются домой, а родственники жениха провожаютъ ихъ съ пѣснями, пляскою и даютъ имъ на дорогу пироги. Дней черезъ пять послѣ брака являются въ домъ молодыхъ урводей и 2 или 3 родственниковъ молодой. Родители новобрачнаго опять сзываютъ своихъ родственниковъ, которые сносятъ на пиръ припасы; положивъ ихъ на столъ, дѣлаютъ семейный молянъ: «Дай Богъ, чтобы молодую любили всѣ родственники и шабры; чтобы велась на ея счастье скотина и родился хлѣбъ». Затѣмъ пироги разрѣзываются на четыре части, и всѣ пируютъ. Попировавъ немного, всѣ уѣзжаютъ и берутъ молодую гостить. При прощаньи мужъ назначаетъ ей время, которое должна она провести въ домѣ ея родителей. Черезъ нѣсколько дней семейные жениха берутъ молодую къ себѣ въ домъ.

Г. П. Р. разсказываетъ [1]) о пензенской Мокшѣ, что новобрачную покрываютъ толстою холстяною простынею, вышитою крестами и четыреугольниками и подъ этимъ брачнымъ покрываломъ ведутъ новобрачныхъ въ домъ. При встрѣчѣ ихъ на крыльцѣ или въ воротахъ, мать новобрачнаго кропитъ ихъ вѣникомъ. Дружко въ извѣстное время даетъ новобрачной какія-то имена наприм. Мазаи, Паваи и т. п. Этими именами называютъ новобрачную только односемьяне. Во все продолженіе пира новобрачные, сколько бы гостей ни было, при первомъ подносѣ каждому пива или вина, хотя бы угощаемый былъ и пяти лѣтъ, непремѣнно должны кланяться въ ноги и лежать на землѣ до тѣхъ поръ, пока не выпито будетъ предложенное. На другой день послѣ вѣнчанія, нарядивъ молодую, ведутъ съ прочими дѣвушками на рѣку съ большимъ ушатомъ, съ пѣснями, за водою и, идя оттуда, обливаются этою водою. При-

[1]) «Пензен. Губерн. Вѣдом.» 1847 г., № 25.

шедши въ домъ хозяина, у котораго была свадьба, играютъ въ волынки и скрипки и поютъ пѣсни. По окончаніи пиршества, новобрачные, въ сопровожденіи близкихъ имъ родственниковъ и гостей, выходятъ толпою на улицу; идущій стороною парень играетъ на рожкѣ, и всѣ пляшутъ. Къ косѣ молодой прикрѣпляютъ въ это время мочальный хвостъ. Тутъ дѣлаются толпою визиты знакомымъ, и пиръ продолжается цѣлый день.

По словамъ П. И. Мельникова [1]), у тетюшевской мордвы (Эрзи) утромъ, въ день свадьбы, всѣ мужчины и женщины сряжаются во всю мордовскую сряду. Поверхъ кафтана мужчины надѣваютъ бѣлый балахонъ, называемый шушпаномъ, опоясываютъ его рознякомъ съ красными кистями и къ кушаку назадъ привѣшиваютъ полотенце съ шерстяными бахрами и кистями краснаго, желтаго и голубаго цвѣтовъ. Изъ женщинъ въ полной мордовской срядѣ бываетъ одна невѣста. Сначала надѣваютъ на нее рубашку безъ выемки, которая бываетъ у женскихъ русскихъ рубахъ, на нее надѣвается другая рубашка — «полосконайка», а на нее «супонря» съ широкими рукавами, вышитая по бедрамъ крестами изъ красной шерсти; рукава также вышиты разными узорами въ три, четыре и пять рядовъ. Волосы заплетаются въ 25 косъ каждая въ три пряди; въ каждую косу вплетается голубой шерстяной снурокъ; снурки эти длиною до полу, у концовъ косъ связываются вмѣстѣ; кромѣ того, на затылокъ привязывается разноцвѣтный шерстяной хвостъ, украшенный привѣсками изъ бисера, монетъ, раковинъ, называемыхъ змѣиными головками или уживками — это называется «сералкн» и «лака»; на хвостѣ виситъ вязаная изъ красной шерсти «пологанго». На голову невѣсты надѣваютъ вѣнецъ, состоящій изъ кумачнаго околыша, украшеннаго серебрянными монетами и бисерными «кумбо»; верхъ вѣнца, дѣлаемый въ родѣ кокошника, называется «венялзъ» — на немъ серебряные обручики; къ вѣнцу прикрѣплены шелковыя кисти, которыя спускаются по спинѣ и по правому плечу; въ уши невѣсты вдѣваютъ серебрянные «плетни» (серги), на грудь вѣшаютъ «поковки» изъ монетъ съ колокольчиками, на шею ожерелье (чавко), которое раскладывается по груди, и къ нему привѣшиваютъ мѣдный гребень, пронизи и монеты. Поверхъ всѣхъ

[1]) «Симбир. Губерн. Вѣдом.» 1851 г., № 25.

этихъ принадлежностей мордовской праздничной одежды накидывается вышитый шелками «дудяшникъ», а шерстянымъ съ кистями розникомъ прикрѣпляются сдѣланные изъ шерстяныхъ и шелковыхъ снурковъ «ванегери» которыя, окружая весь станъ, спускаются до пятъ. На рукахъ мѣдныя запястья до самыхъ локтей, на пальцахъ кольца и перстни до 10. На ноги надѣваются «себостры» (бѣлыя вышитыя шерстями портянки) и окутываются ремнями; на нихъ надѣваютъ лапти съ хвостами назади. Между тѣмъ какъ сряжаютъ невѣсту, въ домѣ ея отца собираются всѣ его родственники. Зажигаютъ у оконъ свѣчу, ставятъ на столъ хлѣбъ, соль, говядину, кашу, яичницу, молятся Богу, пьютъ вино и пиво и обѣдаютъ. Въ это время подъѣзжаетъ жениховъ поѣздъ. Мать жениха въ вѣнцѣ со штатоломъ въ рукѣ, ѣдетъ впереди, кругомъ ея нѣсколько мужчинъ въ бѣлыхъ балахонахъ, опоясанные бѣлымъ холстомъ (даръ свекрови), ѣдутъ верхомъ. Отецъ жениха ѣдетъ вторымъ; онъ, выходя изъ дому, передъ тѣмъ какъ садиться въ телѣгу, кланяется въ землю на востокъ и изъ кошеля бросаетъ пригоршнями мѣдныя деньги на четыре стороны; за нимъ ѣдутъ женихъ и поѣзжане. Прежде нежели тронется поѣздъ, его объѣзжаютъ три раза посолонь передовые вершники, изъ которыхъ одинъ играетъ въ это время въ дуду. Со звономъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, съ нестройными звуками дуды, съ гиканіемъ вершниковъ и хлопаньемъ бичами ѣдетъ поѣздъ въ невѣстину деревню. Пріѣхавъ, женихъ отдѣляется отъ поѣзда и отправляется въ церковь, а остальные ѣдутъ къ дому невѣсты; здѣсь вершники опять объѣзжаютъ посолонь весь поѣздъ три раза. Хозяинъ дома — отецъ невѣсты — запираетъ ворота. Вершники просятъ его отпереть, наигрывая въ дуду. Тогда онъ отпираетъ ворота и встрѣчаетъ гостей съ хлѣбомъ, солью и ковщомъ пива. Въ избѣ начинается пиръ, но мать жениха въ немъ не участвуетъ; она уходитъ въ сосѣдній домъ, гдѣ сидитъ сряженная невѣста со своими подругами. Невѣста, завидя будущую свекровь (ававка) начинаетъ причитанья: «Посмотрите-ка, дѣвушки, посмотрите, голубушки, не громъ ли гремитъ, не молонья ли палитъ съ частымъ дождикомъ, со бѣлымъ градомъ?» Свекровь, взойдя въ избу, отвѣчаетъ: «Не убойся меня, не испужайся меня! Не громъ гремитъ, не молонья палитъ, не градъ идетъ, — ававка твоя поѣздъ ведетъ. Хороша ли ты, нарядлива ли? Пригожа ли ты, приборлива

ли? Я, ававка твоя, пришла тебя смотрѣть, весь поѣздъ веду на тебя глядѣть.» Невѣста отвѣчаетъ: «добро жаловать, пріѣзжая сваха, добро жаловать, прихожая гостья! Чаще ступай, рѣже рѣчь говори, не сомни меня съ подругами, а ступай въ московску лавочку дорогаго товару купить: московской товаръ съ шелкомъ, съ золотомъ.» Свекровь беретъ ковшъ пива и подаетъ правой рукой невѣстѣ, приговарирая: «возьми у меня ковшъ съ брагой — изъ руки моей правой! протяни свою правую рученьку — возьми у меня пьяную браженьку!» На это невѣста отвѣчаетъ: правой не возьму — подай лѣвой, такъ приму.» — «А я въ лѣвую не даю,» отвѣчаетъ свекровь. Невѣста задумывается, протягиваетъ правую руку и говоритъ: «ну, давай, такъ и быть; я приму, правой рученькою возьму.» Невѣста беретъ ковшъ правою рукою и отвѣдываетъ три раза браги, — это знакъ ея сговорчивости и покорности свекрови. Свекровь въ это время говоритъ вошедшимъ своимъ поѣзжанамъ: «слава Богу! меня послушалась, обѣщалась со мною пожить, мнѣ послужить.» Заиграла дуда, и поѣзжане пускаются плясать передъ невѣстой. Поплясавши, поѣзжане вмѣстѣ съ свекровью возвращаются въ домъ невѣстина отца, гдѣ остается отецъ жениховъ съ семьей и поѣзжанами невѣсты. Свекровь, войдя въ избу, кланяется хозяину со словами: «спасибо, сватушка, хорошо дочку срядили, во всю мордовску сряду—цвѣтну кутазу нарядили, моего дому она стоитъ». Потомъ, обратившись къ своему мужу, говоритъ: «не пропали наши денежки — хорошо сваты дочку срядили, въ ушкахъ сережки, на головѣ вѣнецъ.» Братья невѣсты или ея родственники, четыре человѣка, отправляются въ сосѣдній домъ за сестрой. Они должны унести ее оттуда. Завидя ихъ, невѣста проситъ постоять за нее, но братья говорятъ, что родители ее продали, а они пропили; два брата берутъ ее подъ мышки, другіе двое — подъ спину; любимая подруга поддерживаетъ ноги. Невѣста обвиваетъ правой рукой шею старшаго брата, и ее несутъ головой впередъ. Когда невѣсту внесутъ въ избу, она справляется у отца, что у него на дворѣ за люди, и снова проситъ у него доброй басловки. Отецъ, отрѣзавъ горбушку хлѣба (кочемка), посоливъ ее, благословляетъ дочь кочемкой, штатоломъ и иконой. Невѣста отдаетъ икону дружкѣ (урвидей-вожа), а кочемку и штатолъ прячетъ себѣ за пазуху. Потомъ мать благословляетъ ее вѣнцомъ мордовскимъ, а крестный отецъ—

образомъ. Послѣ благословенія невѣста съ воплями и слезами подноситъ дары поѣзжанамъ: на однихъ надѣваетъ балахоны, другимъ даритъ рукава (анапацки), третьимъ-вышитые концы рукавовъ, четвертыхъ опоясываетъ холстомъ. По узорамъ вышивки называются: «каяксы, хмугорды, вожапри, кріулки, суксы, мушки и т. п. Послѣ даровъ надѣваютъ «попоняху», покрывало съ рукавами, расшитыми шелкомъ; эту попоняху накидываютъ на голову и закрываютъ всю невѣсту. Ее берутъ дѣвки подъ руки, выводятъ и потомъ кладутъ или ставятъ (Печкусово, Арзам. уѣзда) въ телѣгу. Вершники, объѣхавъ три раза посолонь поѣздъ, возвращаются назадъ. Невѣсту везутъ впереди, съ нею сидитъ свекровь; невѣста плачетъ, свекровь ее уговариваетъ; та даетъ обѣщаніе слушаться, работать, почитать свекра и свекровь. У церкви невѣста поднимается на ноги и проситъ благословенья «уждавъ — прадѣдовъ», Затѣмъ сваха вынимаетъ невѣсту изъ телѣги, и она кланяется въ землю лошадямъ и предкамъ. Покрытую съ головы до ногъ попоняхой, сваха ведетъ ее въ церковь. Урвидей-вожа стоитъ въ дверяхъ, одѣтый въ полную мордовскую сряду, и вводитъ ее въ церковь. Во время совершенія таинства, свекровь, стоя въ телѣгѣ, обдѣляетъ весь народъ символомъ плодородія — красными яйцами. Какъ скоро окончится обрядъ вѣнчанія, молодую тотчасъ снова покрываютъ попоняхой, выводятъ изъ церкви и сажаютъ въ телѣгу съ свекровью, дружкою и свахой. Молодой же, какъ скоро въ церкви накинутъ на его жену попоняху, отходитъ въ сторону, украдкой выходитъ изъ церкви, садится на первую попавшуюся телѣгу, мчится во всю прыть по деревнѣ и прячется у кого нибудь изъ сосѣдей, зарывается въ сѣно или садится въ уголъ курятника; зимой же опрометью вбѣгаетъ къ какому нибудь сосѣду и прямо на печь или на полати, въ самый уголъ. Поѣздъ ѣдетъ къ женихову двору; впереди везутъ молодую, лошадьми правитъ дружко, у двора встрѣчаютъ поѣздъ вершники и снова объѣзжаютъ его по прежнему; когда поѣздъ подъѣдетъ къ воротамъ, невѣста приказываетъ урвидею остановиться и засвѣтить отцово благословеніе — штатолъ, чтобы «со своимъ свѣтомъ войти въ чужой дворъ». Зажигаютъ штатолъ, и молодая, держа его въ рукахъ, идетъ въ домъ; родственница молодаго, въ полной мордовской срядѣ, поверхъ которой надѣта шуба мѣхомъ вверхъ съ вѣнцомъ на головѣ, къ которому привя-

зана мужичья шапка, встрѣчаетъ невѣсту и, держа въ рукахъ шапку съ хмѣлемъ, три раза бросаетъ его горстью въ молодую; поѣзжане ловятъ хмѣль своими шляпами, а молодая проситъ не порвать ея платья и ввести въ домъ посолонь. Молодую обводятъ кругомъ поѣзда посолонь, причемъ въ рукахъ у урвидея зажженный штатолъ, отданный ему молодою. Затѣмъ молодая проситъ урвидея, чтобы онъ позволилъ ей испросить благословенія у чужого отца — матери.» На крыльцѣ благословляютъ ее свекоръ со свекровью, и тогда урвидей со штатоломъ въ рукахъ вводитъ молодую, которая привѣтствуетъ присутствующихъ, кланяется у стола на четыре стороны и обѣщаетъ свекру вознаградить его за всѣ убытки, — работать на пользу дома и т. п. Молодую уводятъ раздѣвать въ амбаръ; выходя изъ избы, она говоритъ: «поди дымокъ, поди на востокъ; ищи дымокъ скота — живота — добра житья». Въ амбарѣ снимаютъ съ нея всю сряду; она возвращается въ избу въ бѣломъ балахонѣ съ полосконайкой, подпоясанная розниякомъ, въ вѣнцѣ на головѣ; запястья и кольца на рукахъ остаются. Покрытую попоняхой молодую ведутъ къ печкѣ — маткѣ. Свекоръ подаетъ ей пиво, а она съ низкими поклонами подаетъ пиво ему первому; онъ въ свою очередь, подчуетъ ее; затѣмъ она подходитъ къ свекрови и ко всѣмъ гостямъ, потчуя ихъ; въ это время стучатъ полѣномъ въ амбаръ, чтобы выгнать оттуда злыхъ духовъ. Послѣ подчиванья пивомъ, свекровь приходитъ съ коровьимъ масломъ и мажетъ молодой волосы, чтобы была ласкова. Затѣмъ слѣдуетъ обрядъ прикармливанья: свекровь стоитъ у печки, на ладоняхъ у нея куски пирога, говядины, яйца, хлѣбъ; молодая наклоняясь, беретъ съ ладоней ртомъ эти куски и ѣстъ. Послѣ того какъ молодую къ дому прикормятъ, пріѣзжаютъ ея родные, и всѣ садятся обѣдать; молодая передъ обѣдомъ обноситъ всѣхъ виномъ изъ чашки и пивомъ изъ ведра. Пьютъ припадкой изъ ея рукъ. Послѣ обѣда начинаются пѣсни, игра въ дуду и пляска. А молодой, не ѣвши, не пивши, все лежитъ въ сѣнѣ, либо на печкѣ у сосѣда. Когда разойдутся гости, вечеромъ его начинаютъ искать, отыскиваютъ и ведутъ въ амбаръ, гдѣ уже ждетъ его молодая. Его вталкиваютъ въ амбаръ, говоря: «вотъ тебѣ волкъ!» Утромъ, по древнему мордовскому обычаю, стучатъ полѣномъ въ дверь амбара и кричатъ: «свыкайтесь, свыкайтесь!» Утромъ молодой съ низкими поклонами подчуетъ

тестя пивомъ; тотъ даритъ его деньгами, не меньше полтинника, на шапку. Затѣмъ молодой подноситъ пива всѣмъ гостямъ, причемъ получаетъ отдарки яйцами и пряниками. Молодая одѣтая нарядно, но не въ полную сряду, роздаетъ дары мужниной роднѣ, а затѣмъ свекоръ ведетъ ее «воду казать»; молодая беретъ ведро и идетъ со свекровью по воду; всякому встрѣчному она низко кланяется, свекровь указываетъ ей воду, она черпаетъ, несетъ домой и ставитъ на лавку, у печки; свекровь благодаритъ ее за послушаніе. Послѣ свадебные пиры продолжаются долго, смотря по зажиточности породнившихся семей.

Отпуская невѣсту изъ дома, говоритъ П. И. Мельниковъ про нижегородскую Мокшу: 1) отецъ давалъ ей на благословеніе штатолъ — подобіе улиткообразной свѣчи Салтана, составляющей главную святыню — палладіумъ Мокши. Въ домъ жениха невѣста вступала со своимъ свѣтомъ и съ этимъ зажженымъ штатоломъ. Мать жениха или, въ случаѣ ея смерти, ближайшая родственница, при встрѣчѣ невѣсты въ дверяхъ своего дома, ставила ей на правую ногу сковородку съ зажженнымъ хмѣлемъ, и невѣста до трехъ разъ сбрасывала съ ноги эту сковородку. Если сковородка скатывалась тихо, то это считали знакомъ, что сноха будетъ послушна; если же съ шумомъ, то это было знакомъ противнаго; если же сковорода упадетъ дномъ вверхъ, то ожидали несчастной жизни для молодыхъ, а если дномъ книзу и притомъ хмѣль не просыпется, то это сулитъ счастливую жизнь новобрачнымъ. Держа въ рукахъ штатолъ, невѣста входила въ домъ, принимаемая женихомъ. Здѣсь Имбаба совершала молитвы и жертвоприношеніе Юртазырявѣ, Курдязырявѣ и предкамъ и потомъ гасила невѣстинъ штатолъ въ стаканѣ вина или пива, въ прообразованіе будущаго гашенія фаллоса въ источникѣ любви и гашенія свѣточа Салтана въ чреслахъ матери — воды. Какъ при зажиганіи штатола, такъ и при тушеніи его, взывали къ Салтану, прося его избавить молодую отъ всякаго зла, отъ шайтана и отъ злыхъ людей — колдуновъ. Свѣча невѣстина сохранялась у нея, и ее клали съ ней въ гробъ. Затѣмъ слѣдовалъ обрядъ нареканія имени и прикармливанія. Имбаба подводила новобрачную къ печкѣ, гдѣ свекровь клала ей на голову коровай хлѣба, а Имбаба поддерживала его, чтобы онъ не упалъ. Свекровь, взявъ другой коровай, ударяла имъ по первому и громко

говорила: «Мазаиксъ лемецень пуцанъ», т. е. нарекаю тебя Мазаи. Это имя и носила новобрачная послѣ своего брака, а тоже называлась и дѣвичьимъ именемъ съ прибавленіемъ — ава, т. е. женщина, напримѣръ, Васинъ превращалась въ Мазаи Васиняву, а Ламака — въ Мазаи Ламакаву. Послѣ того свекровь клала себѣ на ладони говядину, хлѣбъ, соль и яйца, становилась у шестка, Имбаба держала ей руки, и молодая, наклоняясь, ѣла прямо съ рукъ свекрови. На другой день брака, молодая приносила жертву богинямъ Баняцыравѣ и Ведязырявѣ, кладя первой подъ баннымъ полкомъ, а второй кидая въ рѣку — деньги, холстъ, хлѣбъ и соль. Такъ какъ Ведязырява была вмѣстѣ и богинею чадородія, то новобрачные молились ей о дарованіи дѣтей; кромѣ того, оба новобрачные, тайно отъ всѣхъ, даже отъ своихъ семейныхъ, ходили на рѣку и бросали въ жертву Ведязырявѣ хлѣбъ, соль, говядину и холстъ; часть съѣстного они съѣдали, сидя обнявшись на берегу рѣки и призывая добрую Ведязыряву. Новобрачная никогда во всю свою жизнь не должна была показывать голыхъ необутыхъ ногъ своихъ свекру и свекрови. На этомъ основаніи женщина и до сихъ поръ работаетъ обутая, ибо опасается оскорбить предковъ.

Разспросы, которые мы дѣлали въ 22 мѣстахъ вполнѣ подтвердили существованіе тѣхъ свадебныхъ обрядовъ, которые описалъ арх. Макарій; но мы не ограничивались простою провѣркою и добивались какъ объясненія значенія самыхъ обрядовъ, такъ и дословнаго повторенія разсказчиками и разсказчицами тѣхъ моляновъ и заклинаній, о которыхъ мы встрѣчаемъ намеки у арх. Макарія и другихъ наблюдателей. Мы могли замѣтить между прочимъ, что зачастую нѣкоторые обряды забыты Эрзею, но въ тоже время она сохранила многое изъ того, что безвозвратно утеряно Мокшею, и наоборотъ; такимъ образомъ полной картины древне-мордовской свадьбы намъ неудалось получить и здѣсь поневолѣ мы должны передать описаніе Эрзяшской и Мокшанской свадьбы, предоставляя читателю самому увидать, что между ними есть общаго и какія черты сохранились одною лишь отраслью мордовскаго народа. У Эрзи приготовленіе подводы, предназначенной подъ невѣсту, начинается еще съ вечера наканунѣ дня, опредѣленнаго для вѣнчанія; остовъ кибитки обтягивается холстомъ вышитымъ разными цвѣтными узорами или же невышитымъ, смотря по достатку женихова двора, по

количеству живущихъ въ немъ женщинъ и по ихъ рукодѣльности. Намъ случилось видѣть въ Арзамасскомъ уѣздѣ [1]) покрышку на кибитку, вышитую въ 36 широкихъ полосъ весьма замысловатыми узорами, потребовавшими усилій 4 женщинъ впродолженіи 14 мѣсяцевъ. Съ вечера же приготовляютъ въ домѣ жениха и съѣстные припасы, какъ для отвоза въ домъ невѣсты, такъ и для послѣсвадебнаго пира въ домѣ жениха. Конечно, никто въ эту ночь спать не ложится, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жениха нарочито изгоняютъ изъ дому [2])—кто говоритъ, чтобы не мѣшалъ, а кто утверждаетъ что дѣлается это по старинному обычаю, когда жениху предстояло высмотрѣть, какъ бы сподручнѣе увезти невѣсту [3]). Поѣзжане спозаранку собираются у жениха, изготовляютъ все, что потребуется, чистятъ коней, убираютъ все въ домѣ, во дворѣ и на улицѣ передъ домомъ, украшаютъ лентами свои повозки и т. п. Наконецъ отецъ жениха (а за смертью его старшой въ домѣ) подаетъ знакъ, что пора приготовляться. Еще заранѣе приготовлена для этого случая толстая свѣча и нѣсколько болѣе мелкихъ; отецъ затепляетъ мелкія свѣчи передъ образами, а большую, пріотворивши сѣнную дверь, прилѣпляетъ къ порогу; свѣчу эту Эрзя называетъ: «*кудонь кштатолъ*», и во всякомъ домѣ такая свѣча найдется для употребленія при домашнихъ, семейныхъ молянахъ. Отецъ сначала обращается къ иконамъ и проситъ у Бога благословить брачущагося, а затѣмъ, обращаясь лицомъ къ порогу, говоритъ слѣдующее: «*Чимъ-Пазъ! тэтэйнокъ! валдовтомыкъ тсіоратъ! валдовтомыкъ сельметзо вановлизе паро и апаро! тейемыкъ ерямозо улевель валдо! тейемыкъ сэдейзо улевель писи авасьтенъ! тейемыкъ сэдей авасть улевель писи сонензе! максокъ сонензе ламо седетнень и шупалгадма!*» т. е. «Чимъ Пазъ! отецъ нашъ! Освѣти твоего сына! освѣти его глаза да видитъ хорошее и худое! сдѣлай его жизнь, да будетъ свѣтлая! сдѣлай его сердце, да будетъ горячо къ женѣ! сдѣлай сердце жены, да будетъ горячо къ нему! дай ему много дѣтей и богатство!» Тутъ женихъ подаетъ отцу коровай хлѣба и ножъ; отецъ съ трехъ ударовъ вырѣзаетъ въ хлѣбѣ кусокъ, относитъ его на порогъ и кладетъ подлѣ

---

[1]) Селеніе Кардавеле, у крестьянина Ивана Пыжова.

[2]) Пенз. губ., Городищ. уѣздъ, Катмисъ и Симб. губ., Корсун. уѣздъ, с. Пермисъ.

[3]) Сообщено въ Пермисѣ кр. Марьей Гудковою.

свѣчи. Затѣмъ онъ благословляетъ сына хлѣбомъ и иконою и даетъ знакъ, что пора ѣхать. Намъ ни разу не случалось слышать, чтобы мать благословляла когда нибудь сына, да и вообще въ мордовскомъ быту намъ почти не случалось встрѣчать указаній на исключительное положеніе матери при мужѣ или безъ послѣдняго въ томъ состояніи, когда она въ бытѣ русскаго человѣка является матерью-вдовою со всемъ престижемъ ея на домочадцевъ. Когда родители благословятъ сына на новую жизнь, всѣ разсаживаются по повозкамъ и отправляются къ невѣстѣ; здѣсь кстати замѣтимъ, что если невѣста приходится изъ односельчанокъ, то при всѣхъ поѣздкахъ отъ жениха ли къ невѣстѣ или отъ этой послѣдней къ жениху никогда не ѣдутъ по кратчайшему пути, а нарочно ѣдутъ окольною дорогою, заѣзжаютъ преднамѣренно въ лѣсъ, куда нибудь въ поле, что служитъ какъ бы воспоминаніемъ (переживаніе) о томъ времени, когда Мордва жила не деревнями, а отдѣльными дворами или же когда поселки были мелки и приходилось искать себѣ жену непремѣнно далеко, то вслѣдствіе родовыхъ связей съ жителями своего поселка, то вслѣдствіе особенности своего поселенія. Отъѣхавъ нѣсколько отъ дома, поѣздъ останавливается и дружко, размахивая саблею или топоромъ, обходитъ повозки, послѣ чего всѣ опять продолжаютъ путь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [1]) дружко дѣлаетъ видъ, что порубаетъ что-то по сторонамъ, либо кустарникъ, либо траву, что конечно указываетъ на тѣ времена, когда жениху дѣйствительно приходилось расчищать себѣ путь чтобы добраться незамѣченнымъ къ своей любезной. Едва завидятъ въ домѣ невѣсты, что поѣздъ жениха приближается, тотчасъ спѣшатъ затворить ворота. «Кто тамъ?» спрашиваютъ со двора. «Купцы», отвѣчаютъ жениховцы. «За какимъ товаромъ?» «За живымъ.»—«Мы не торгуемъ.» «Мы силой возьмемъ.» — «Попробуйте» Жениховцы пробуютъ, но, послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ усилій отворить ворота, приступаютъ къ переговорамъ и, заплативши копѣекъ 20—30, получаютъ пропускъ. Кое гдѣ тотъ же торгъ происходитъ въ сѣнныхъ дверяхъ и въ дверяхъ, ведущихъ въ самую горницу, но теперь, при всеобщемъ обѣдненіи, сама Мордва сокращаетъ эти препятствія, дорожа каждою лишнею копейкою; намъ случилось [2])

[1]) Краснослоб. уѣздъ, село Мамалаево и Кузнец. уѣздъ, с. Кемешкерь.
[2]) Петров. уѣздъ, Мичкасы, отъ Өедосьи Голяшкиной.

слышать объ одной свадьбѣ, гдѣ родители жениха и невѣсты до малѣйшихъ подробностей договорились впередъ о числѣ разныхъ задержекъ и выкуповъ. Войдя въ избу, мать жениха и другія женщины наскоро собираютъ на столѣ закуску и выпивку, и всѣ выпиваютъ и закусываютъ, отнюдь не садясь, а на ходу; родители жениха, пока всѣ ѣдятъ, отправляются кое гдѣ [1]) дѣлать визиты роднымъ невѣсты, чтобы просить ихъ участвовать въ свадебномъ пирѣ. Въ тоже время невѣсту подруги ея собираютъ къ вѣнцу; понаръ долженъ быть ни разу не надѣванный и разукрашенъ столькими рядами вышивокъ, сколько позволитъ время и достатки невѣсты: на голову надѣвается чаще всего всетаки бѣлый платокъ, хотя кое гдѣ [2]) онъ и сталъ уступать мѣсто покупной, магазинной, кисейной фатѣ; ноги невѣсты до такой степени густо и толсто обкручиваются холстомъ и суконными или ленточными полосками, что она едва можетъ двинуться съ мѣста. На завязкахъ дѣвушки гадаютъ: всякая подруга дѣлаетъ одинъ оборотъ вокругъ ноги невѣсты и та, которой достанется закрѣпить конецъ завязки непремѣнно выйдетъ на слѣдующій годъ замужъ. Руки невѣсты украшаются мѣдными браслетами, а пальцы такими же кольцами. Наконецъ, невѣста готова; подруги берутъ ее подъ руки и ведутъ въ горницу; едва войдетъ она туда, какъ должна упасть родителямъ въ ноги и просить ихъ прощенія и благословенія; какъ мы ни добивались, въ чемъ именно проситъ невѣста прощенія, мы не могли добиться толковаго отвѣта, а потому позволяемъ себѣ думать, что невѣста совершаетъ здѣсь обычай, утерявшій смыслъ и значеніе только теперь, а прежде обусловливавшійся ея уходомъ изъ дома родительскаго, самокруткою, такъ какъ если и теперь совершается самокрутка, то невѣста въ описываемый именно нами моментъ, т. е., предъ благословеніемъ проситъ простить ея самовольство съ тою лишь разницею, что въ такомъ случаѣ благословеніе совершается предъ брачнымъ пиромъ и при томъ въ домѣ у жениха. Отецъ невѣсты беретъ ковригу хлѣба, которою уже благословили жениха его родители и которую они привезли съ собою именно для этой цѣли и, держа ее надъ головою дочери, говоритъ: «*Кода*

[1]) Самарскій уѣздъ, Семейкино; Городищ. уѣздъ, Катмисъ.

[2]) Нижег. уѣздъ, Самарск. уѣздъ.

кшесь ули валаня — ерямотъ улазо валаня! Кода кшесь ули козэ видекстнень-эрякъ козэ! Кода кше рашты ули-эрякъ рашты! Улазо кшесь кшетъ! Ведьвава кулцоньмизъ! милостемъ улымизъ!» т. е., «какъ этотъ хлѣбъ гладокъ—пусть будетъ твоя жизнь гладка! Какъ этотъ хлѣбъ богатъ зернами—будь богата! Какъ этотъ хлѣбъ плодовитъ—будь плодовита! Пусть будетъ этотъ хлѣбъ твоимъ хлѣбомъ! Ведьава услыши насъ! помилуй насъ!» [1]) Между тѣмъ въ ковригѣ хлѣба, которою благословляетъ свою дочь отецъ невѣсты, женихъ дома еще провертѣлъ дырочку на нижней коркѣ; для чего это дѣлается, намъ нигдѣ не съумѣли разъяснить, хотя мы и вправѣ предполагать, что это дѣйствіе должно имѣть символическое значеніе. Наконецъ невѣсту подхватываютъ подъ руки и выносятъ изъ избы; кое гдѣ [2]) несетъ невѣсту кто нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ жениха, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ ее несутъ мужчины изъ ея родни, причемъ тѣмъ не менѣе она всячески отбивается отъ несущихъ, щиплется, царапается, схватывается за что нибудь и т. п. Говорятъ [3]), существовалъ прежде обычай, чтобы невѣста три раза схватывалась за косякъ дверей и только послѣ третьяго захвата дружко подходилъ къ ней съ саблей и ударялъ послѣднею по косяку подлѣ руки уцѣпившейся за косякъ невѣсты; тутъ уже невѣста болѣе не сопротивлялась и ее выносили въ повозку. Въ настоящее время невѣста все таки три раза къ ряду схватывается то за матицу, то за косякъ горничной двери, то, наконецъ, за косякъ двери выходной; дружко и родня жениха отрываютъ ея руки и стараются нести ее такъ, чтобы она не могла болѣе цѣпляться и мѣшать имъ при выносѣ. Тѣмъ не менѣе, дѣвушка которая половчѣе и не три только раза съумѣетъ уцѣпиться за то, что попадется ей на ходу подъ руку и тѣмъ болѣе старается она противиться выносу, что потомъ подруги ея въ хвалебныхъ пѣсняхъ своихъ будутъ, смотря по ея сопротивленію, болѣе или менѣе прославлять ея ловкость, увертливость и любовь къ родительскому дому. Наконецъ невѣста вынесена, но тутъ всѣ останавливаются и «поклоняются вереѣ», какъ утверждаетъ сосѣдъ Мордвина русскій.

---

[1]) Ардат. Нижегор. Макателемъ, Наталья Ревинчина.

[2]) Ардат. уѣздъ Нижег. губ. и Арзам. уѣздъ той же губерніи.

[3]) Нижег. уѣздъ, Сарнай Марья Данилова.

Дѣло въ томъ, что божокъ покровитель двора живетъ, по мнѣнію Мордвы, то въ самыхъ воротахъ, то посрединѣ двора; ему то и покланяется Мордва въ этомъ случаѣ, прося не оставить ту, которая выходитъ замужъ и слѣдовательно изъ прямой непосредственной его власти. «*Кардась-сярко! кормилецъ! Юртынъ-пазъ! Иля сезьтъ соньстензе, кода сонъ сези! Ультъ соньсензе тодеи и тозо кода тезе!*» т. е, Кардась-сярко кормилецъ! богъ двора! не уходи отъ нея, какъ она уходитъ (тоньстензе)! будь съ нею всегда и тамъ, какъ здѣсь! Вѣроятно, именно этотъ обычай и далъ сюжетъ для весьма распространенной у русскаго крестьянина пѣсни о моленьѣ и затѣмъ о проливаніи при свадьбѣ пива. Невѣста не садится въ своей повозкѣ, а держится все время на ногахъ при помощи своихъ подругъ, которыя придерживаетъ ее всячески. Такимъ образомъ поѣздъ доѣзжаетъ до околицы, гдѣ по знаку дружки всѣ останавливаются, сходятъ съ повозокъ и направляются къ дружкѣ, который между тѣмъ успѣлъ достать припасенную имъ посуду съ водкою и угощаетъ ею поѣзжанъ. Пока всѣ пьютъ, невѣста раздаетъ своимъ подругамъ подарки, которые она захватила съ собою изъ дому; отдавая той или другой подругѣ платокъ или браслетъ, невѣста съ воплями восхваляетъ тѣ или другія качества подруги; одной она говоритъ, что никогда та на нее не сердилась, другой, что она всегда въ трудныя минуты приходила ей на помощь и т. д. Между тѣмъ подруги одарены, водка вся выпита и тогда невѣста, вылезши при помощи окружающихъ изъ повозки, бросается въ ноги лошадямъ и начинаетъ умолять ихъ не спѣшить везти ее къ чужимъ людямъ; она обѣщаетъ имъ холю, только бы лошади вернули ее въ родительскій домъ; она вплетаетъ имъ въ холки и гривы ленты и обѣщаетъ, что они всегда будутъ ею такъ изукрашены; не получая отвѣта отъ лошадей, невѣста пробуетъ сама урваться изъ поѣзда, но конечно ее подхватываютъ жениховцы и уносятъ поскорѣе въ повозку; невѣста, конечно, снова начинаетъ вопить, рваться и даже драться, но жениховцы крѣпко держатъ ее и для большей безопасности усаживаютъ ее вмѣстѣ съ будущею свекровью, которая съ этого момента должна не спускать съ нея глазъ, такъ какъ невѣста должна стараться какъ нибудь перехитрить свекровь. Послѣднею уловкою невѣсты, которая уже успѣла сдѣлаться простымъ переживаніемъ, утерявши свое прежнее значеніе, является шві-

рянье ею на дорогу фаты, платка или пояса, что дѣлалось вѣроятно прежде, чтобы указать погонѣ, гдѣ слѣдуетъ искать увезенную дѣвушку, затѣмъ совершалось просто лишь для того, чтобы хотя нѣсколько задержать поѣздъ и дать время погонѣ нагнать потерянное время, а теперь исполняется безсознательно, просто лишь для того, чтобы родственники невѣсты могли привязаться и выпить съ жениха лишній полштофъ водки. Какъ только невѣстѣ, несмотря на старанія будущей свекрови, удастся бросить на дорогу фату, братья ея, которые только этого и ждали, быстро соскакиваютъ на землю, подхватываютъ фату и только послѣ долгаго торга выдаютъ ее жениху, который обязанъ ее выкупить. Иногда, но рѣдко, свекровь не допускаетъ невѣсту до выполненія этого обычая и тогда женихъ угощаетъ свою мать водкою передъ всѣми для того, чтобы прославить передъ всѣми ея ловкость; невѣста же, видя, что приходится такъ или иначе покориться судьбѣ, отрѣзываетъ или же (и при томъ чаще) вырываетъ у себя клочекъ волосъ и пересылаетъ послѣдніе съ дружкою къ своей матери на память. Затѣмъ поѣздъ снова трогается въ путь и благополучно безъ остановокъ доѣзжаютъ до церкви, гдѣ свадьба совершается такъ, какъ предписано уставомъ православной церкви съ тою лишь отличительною чертою, что кое гдѣ [1]) женихъ и дружко невѣсты ставятъ «кубынь-кштатолцы» первый — иконѣ Архангела Гавріила, поражающаго сатану, а второй — Пресвятой Дѣвѣ Маріи; кштатолцы горятъ во все время совершенія таинства, а затѣмъ убираются хозяевами и увозятся домой, такъ какъ они должны горѣть въ домахъ въ теченіи всего того времени, пока длятся свадебные пиры. Наконецъ вѣнчаніе окончено и священникъ предлагаетъ молодымъ поцѣловаться; молодая противится этому первому поцѣлую и всячески старается не даться, причемъ жениху достаются даже побои и щипки, но все это дѣлается лишь для выполненія стариннаго обычая, такъ какъ молодой проходу бы не дали, если бы она безъ сопротивленія дала мужу свой первый на людяхъ поцѣлуй; во время борьбы подходитъ свекоръ, беретъ молодую за плечи, держитъ ее и даетъ сыну возможность поцѣловать жену безнаказанно. Свекоръ говоритъ при этомъ, что онъ не можетъ не

[1]) Корсун. уѣздъ, Пермисъ, Марья Гудкова; Ардатов., Симб. губ., Пичкасы, Матвѣй Дробышевъ.

похвалить свою сноху за то мужество, съ которымъ она защищалась, но что она теперь сынъ его ей уже не чужой и да не сѣтуетъ она на него за то, что онъ помогъ сыну въ его первой борьбѣ съ нею; впередъ онъ помогать сыну не будетъ, такъ какъ навѣрное не будетъ борьбы. По окончаніи этой рѣчи, молодой проситъ молодую сѣсть на обратный путь съ нимъ вмѣстѣ въ повозку, но онъ знаетъ впередъ, что молодая обязана не согласиться, и что ему силкомъ придется нести ее; такъ онъ и дѣлаетъ и весь поѣздъ мчится во весь опоръ къ мужнину дому. Едва поѣздъ подскачетъ къ воротамъ, какъ дѣвушки запираютъ ихъ и начинаютъ пѣть про жениха укорительныя пѣсни: тутъ разсказываются о молодомъ такія вещи, о которыхъ онъ конечно никому никогда не разсказывалъ; всякій чуть-чуть двухсмысленный поступокъ его передается здѣсь со всѣми подробностями, а больше всего обращаютъ дѣвушки вниманіе на холостыя шашни молодаго, причемъ побѣды его исчисляются подробно съ поименованіемъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ жилъ счастливо; молодой, собственно говоря, совершенно доволенъ всѣми этими разсказами, такъ какъ исчисленіе его побѣдъ приноситъ ему честь и если бы его не корили его любовными похожденіями, то онъ обидѣлся бы, такъ какъ это означало бы, что онъ такъ дуренъ, что ни одна дѣвушка до его свадьбы не хотѣла имѣть съ нимъ сношеній. Еще не успѣютъ дѣвушки запѣть, какъ молодой, пользуясь тѣмъ, что всѣ слушаютъ пѣніе и не обращаютъ на него вниманія, соскакиваетъ съ повозки и быстро скрывается въ калитку для того, чтобы спрятаться въ клѣти по издавна заведенному обычаю. Съ этого момента свадебный порядокъ, который мы наблюдали у Эрзи, совершенно схожъ съ тѣмъ, который описанъ уже выше у г. Кронтовскаго. Нѣсколько иначе ведется дѣло среди Мокши. Справленіе свадебнаго поѣзда происходитъ и у Мокши въ жениховомъ домѣ и притомъ кибитка устраивается непремѣнно на жениховъ счетъ, причемъ договоръ о большемъ или меньшемъ убранствѣ кибитки совершается еще во время сговора; если бы родители жениха не выполнили всего такъ, какъ сговорились на сговорѣ, то дѣло доводятъ до суда и судъ приговариваетъ по оцѣнкѣ заплатить молодой за невыполненое украшеніе его стоимость. [1]) Чаще всего млад-

---

[1]) Краснослоб. у., Шигарино; рѣшеніе волостнаго суда 1876 г., № 39 Мая 16.

шій дядя жениха или его старшій братъ или же наконецъ зять-влазень исполняютъ роль дружки, а тетка — свахи. Часу въ восьмомъ утра всѣ родные жениха, которымъ предстоитъ принимать участіе въ свадебномъ пирѣ, собираются въ домъ его и усаживаются вокругъ стола закусить; отецъ жениха встаетъ со своего мѣста и, поднявъ надъ головою корзину хлѣба со вставленною въ нее солоницею и положенною сверху яичницею, говоритъ: «*Оцю Шкай! Вэрдэ Шкай! кули тетъ шари кши и шари алъ! Валдакъ тонъ цора! Валдакъ сонъ сельмэтъ, ваназазъ цебэръ и озалъ! тійакъ сонъ еряфъ улеза валда! тійакъ сонъ седи улеза писи аванди! тійакъ авань седи улеза писи теинза! Минъ максасы тетъ кши и тонъ максакъ теинза кши! Минъ тетъ максасы сарасинъ сіора-тонъ максакъ теинза ломатнень сіора! Максакъ теинза павасъ, козэ и лама жабатнень!*» т. е. Великій Шкай! Высокій Шкай! Вотъ тебѣ круглый хлѣбъ и круглое яйцо! Освѣти твоего сына! Освѣти его глаза, да видятъ доброе и худое! сдѣлай его жизнь, да будетъ свѣтла! сдѣлай его сердце, да будетъ горячо къ женѣ! сдѣлай жены сердце, да будетъ горячо къ нему! Мы даемъ тебѣ хлѣбъ и ты дай ему хлѣбъ! мы даемъ тебѣ куриное сѣмя—ты дай ему человѣческое сѣмя! дай ему счастье, богатство и много дѣтей! Прочтя эту молитву, отецъ беретъ ножъ и подаетъ его жениху, котораго и приглашаетъ впервые въ жизни вырѣзать «озондамъ палъ»; женихъ съ трехъ ударовъ вырѣзаетъ жертвенный кусокъ, откусываетъ отъ него частицу, даетъ укусить своей роднѣ и затѣмъ бросаетъ остатки въ печь, гдѣ бываетъ огонь и гдѣ вслѣдствіе, такъ называемой, позднѣйшей локализаціи полагается жилище бога священнаго, небеснаго огня. Послѣ этого отецъ беретъ ковригу и икону и благословляетъ сына, причемъ послѣдній принужденъ поцѣловать икону, ковригу, соль и яичницу; отецъ желаетъ ему счастья въ новой жизни и дѣлаетъ ему нѣсколько общихъ замѣчаній касательно дальнѣйшаго его обращенія съ будущею женою, ея роднею и своими родственниками, послѣ чего подаютъ знакъ къ отъѣзду, всѣ разсаживаются по повозкамъ, а женихъ остается дома, такъ какъ онъ не можетъ на людяхъ быть со своею невѣстою и обязанъ скрываться въ воспоминаніе о томъ времени, когда такое скрываніе было необходимо. Поѣздъ двигается по знаку дружки, который, предварительно отворивъ ворота и забросивъ на крышу дома деревянный замокъ или

засовъ, кланяется по три раза каждому изъ столбовъ воротъ, приговаривая: «*кода тинг лихтамасть, станэ тинг сувафтамасьтв*» т. е. «какъ насъ выпустили, такъ насъ впустите». Затѣмъ дружко съ саблею на голо (а если не найдется сабли, то и запросто съ отбитою косою, одинъ конецъ которой обдѣланъ въ тряпки въ видѣ ручки) три раза обходитъ кругомъ поѣзда, говоря заговоръ отъ сглазу; при этомъ онъ чертитъ въ четырехъ мѣстахъ вокругъ поѣзда тавро женихова отца съ отмѣткою, принадлежащею уже собственно жениху, для того, чтобы добрыя силы догадались по этому тавру, кому они должны помогать; такъ, напримѣръ, если тавромъ отца была дуга, то къ ней прибавляютъ колокольчикъ и чертятъ дугу съ небольшою чертою, опускающеюся изъ ея вершины внизъ («*йонькся*» и «*йонькся и колокола*»). Наконецъ, поѣздъ подъѣзжаетъ къ дому невѣсты; отецъ невѣсты давно уже видѣлъ приближеніе жениховцевъ, вышелъ изъ хаты и поспѣшилъ затворить ворота; случается однако, что отецъ и прозѣваетъ пріѣздъ жениховцевъ и не затворитъ воротъ—тогда смѣху нѣтъ конца и остротами совершенно засыплютъ недоглядѣвшихъ охранителей. Конечно, начинается разговоръ о томъ, кто и за какимъ дѣломъ пріѣхалъ и, въ концѣ концовъ, разговоръ этотъ завершается торгомъ за впускъ въ ворота; тутъ дѣло оканчивается на 30—35 копѣйкахъ, но едва жениховцы взойдутъ на крылечко и сунутся въ двери, какъ съ нихъ снова требуютъ платы и притомъ уже въ двойномъ размѣрѣ; противъ разъ опредѣленной цѣны жениховцы ничего уже выторговать не могутъ по той простой причинѣ, что у воротъ съ нихъ возьмутъ никакъ не менѣе стоимости полуштофа, и сѣнныхъ дверей—штофа, и наконецъ у дверей входныхъ стребуютъ полуторникъ. Всѣ деньги, полученныя такимъ образомъ, поступаютъ въ пользу отца невѣсты, который и пропиваетъ ихъ послѣ свадьбы дочери, то въ одиночку, то угощая свата. Отецъ жениха, еще выходя изъ повозки, прихватилъ съ собою пудовый хлѣбъ, который служилъ ему для вырѣзки озондамъ-палъ'а дома, каши, сотню, а то и двѣ блиновъ, 2—3 окорока ветчины, яичницъ съ полсотни и вина въ томъ количествѣ, которое выговорено было на сговорѣ; все это расставляется на столѣ и поступаетъ подъ прямое завѣдываніе хозяйки дома, дѣлаясь такимъ образомъ угощеніемъ со стороны родителей невѣсты, а не со стороны жениховцевъ. Яичницы склады-

ваются лепешками въ корыто или же накалываются на жердочку, воткнутую въ одинъ изъ хоронниковъ печки (*«сьопама»* отъ *«сіопанз»*—прятать: ниши въ печи). Когда припасы прибраны, сваты вмѣстѣ съ невѣстою помѣщаются подъ матицу, а поѣзжане окружаютъ ихъ; отецъ невѣсты совершаетъ семейный молянъ, но жертвеннаго куска уже не вырѣзаетъ, а цѣлуетъ только хлѣбъ и иконы; всѣ слѣдуютъ его примѣру и это прикладыванье, смотря по количеству приглашенныхъ, продолжается до часу времени. По окончаніи этого обряда всѣ снова усаживаются за столъ и на лавки, закусываютъ принесенными припасами и выпиваютъ. Тутъ же отецъ жениха вноситъ выговоренныя съ него деньги за невѣсту въ заранѣе опредѣленномъ размѣрѣ. Сваха и мать невѣсты съ своей стороны вносятъ въ горницу огромный шестъ, который однимъ своимъ концемъ втыкается между матицею и потолкомъ, причемъ другой конецъ спускается въ захватъ руки къ полу; на этотъ шестъ навѣшиваютъ онѣ тѣ вещи, которыя наготовила невѣста для подарковъ, т. е. куски холста, полотенца, цѣльныя рубахи, юбки и платки. Всѣ эти вещи по преимуществу должны быть сдѣланы руками невѣсты, потому что во время развѣшиванія подруги невѣсты поютъ пѣсню о золотыхъ рукахъ невѣсты, которая и трудолюбива и умѣла—можетъ сто человѣкъ обшить и не стоитъ такой доброй работницы женихъ, который не далъ имъ даже и на пиво; невѣстѣ приходила помогать Везынь-азыръ-ава, которая любитъ ее и не оставитъ ее своимъ покровительствомъ: «когда пряла и старая пряла, когда ткала и старая ткала, когда вышивала и старая вышивала, когда шила и старая шила» (*«кули киштиндась, тоза ташта киштиндась; кули кодась, тоза ташша кодась; кули стась потмыста, тоза сирэ стась потмыста; кули стась, тоза сирэ стась»*); пусть-ка женихъ найдетъ себѣ другую такую помощницу — не бойсь, поищетъ, да и не найдетъ: ее старая любитъ, ей старая помогаетъ. Дальнѣйшій ходъ свадебныхъ обрядовъ совершенно сходенъ съ тѣмъ ихъ описаніемъ, которое даетъ намъ арх. Макарій въ своей статьѣ о Мокшѣ Нижегородской губерніи, съ тою лишь разницею, что иногда почтенный авторъ не обращалъ должнаго вниманія на нѣкоторыя частности, которыя однако имѣютъ громадное значеніе. Такъ, напримѣръ, когда невѣста отправляется уже изъ церкви, то дружко передъ самымъ отъѣздомъ домой подходитъ къ той повозкѣ, гдѣ

сидитъ молодая и быстрымъ движеніемъ снимаетъ колыбу со шкворня. «Ѣхать нельзя»! объявляетъ онъ молодой, но тутъ подходитъ новоженъ и надѣваетъ снова колыбу на шкворень, со словами: «Кабы не было шкворня—нельзя бы было, а на шкворень надѣлъ—вѣкъ не снимется»; при этомъ онъ ударяетъ дружку слегка вдоль спины,—«чтобы не снималъ молодую со шкворня». Символическое значеніе этого обычая понятно всякому и распространяться о немъ мы считаемъ излишнимъ. Едва успѣютъ сваха съ дружкою поднять молодыхъ отъ брачнаго ложа, какъ молодую начинаютъ собирать «на рѣку». Этого интереснаго обряда мы не нашли только у тетюшскихъ Каратаевъ, да въ с. Шингаринѣ Краснослободскаго уѣзда, тогда какъ вездѣ въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ Мокшею, онъ встрѣчался намъ неизмѣнно. Впереди съ ушатомъ идутъ дѣвушки, бывшія подруги молодой, а за ними слѣдуетъ самая старая старуха, несущая на головѣ ковригу хлѣба, накрытую большою яичницею. За старухой идутъ дружко и сваха съ ковшами браги въ рукахъ и съ запасомъ оной въ ведрѣ, а за ними уже въ одной рубахѣ, съ открытою головою неподпоясанная и босая идетъ молодая; всю дорогу отъ избы до берега дружко и сваха поливаютъ дорогу «пурэ». На головѣ у молодой наложена огромная кипа полотенецъ (изображающихъ въ мордовской и иныхъ символикахъ потоки и рѣки), а въ рукахъ она держитъ курицу, которая послужила уже для доказательства соблюденія ею дѣвственности (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ особенно сильно русское вліяніе), или же живую для принесенія ее въ жертву Ведынъ-азыръ-авѣ. Когда всѣ придутъ на берегъ, невѣста топитъ въ рѣкѣ курицу, бросаетъ въ рѣку ковригу и яичницу, а старуха громко и внятно произноситъ слѣдующій молянъ: «*Ведынъ-азыръ-ава! дэдэкаи! тонъ ули мани — тійакъ сонъ мани! муськакъ сонъ урмада и озалда! максакъ теинза лама шачыматненъ частливай! максакъ теинза ванама жабатнень сонь жабатнень! Ульхтъ теинза дэдяксъ—келгакъ стыртьзэ*»! т. е. Водяная хозяйка! матушка! ты чиста—сдѣлай ее чистою! Омой ее отъ болѣзни и зла! дай ей много родовъ счастливыхъ! дай ей видѣть (супинумъ) дѣтей ея дѣтей! Будь ей какъ мать—люби свою дочь»! Когда окончатъ этотъ молянъ, молодая или вся входитъ въ рѣку или же ее взбрызгиваютъ водою и выливаютъ остатки «пурэ» въ воду, послѣ чего направляются въ прежнемъ порядкѣ домой.

Тамъ снова совершается все то, о чемъ говоритъ въ своей статьѣ арх. Макарій, т. е. свекровь нарекаетъ молодой новое имя, подвязывая ей поясъ и ударяя священною ковригою по головѣ, затѣмъ ведетъ къ печкѣ, кормитъ ее изъ своихъ рукъ, приговаривая: *«Кода пэна-кудз кудста-аф-мэнаи—тода и тонз кудста тят-мэна»!* т. е. «какъ печь изъ избы не выходитъ—такъ и ты изъ избы не выходи». На третій день послѣ свадьбы справляется молянъ банязыравѣ и кудазыравѣ, причемъ первой молодая приноситъ какъ бы въ жертву новую дубовую шайку, а ради второй украшаетъ дверь и печь кусками холста и полотенцами. Черезъ шесть недѣль свекровь надѣваетъ на голову невѣстки волосникъ съ тѣми самыми обрядами, которые описаны выше. Пиры происходятъ, смотря по состоянію родителей молодыхъ, то недѣлю, а то больше; а если они пользуются уваженіемъ своихъ односельчанъ, то послѣдніе тоже не пренебрегутъ случаемъ позвать ихъ къ себѣ и иногда впродолженіи цѣлаго мѣсяца селеніе не успокоивается послѣ справленной въ немъ свадьбы.

VIII.

Случается иногда, что послѣ сговора и вслѣдствіе частыхъ свиданій между собою, женихъ и невѣста не выдержатъ искуса; парень увѣритъ дѣвушку въ своей любви и воспользуется ея довѣріемъ во зло, а затѣмъ вздумаетъ отказаться отъ нея. Одинаково строго взглянули на такой поступокъ и Эрзя и Мокша и считаютъ такого парня заслуживающимъ наказанія. У обѣихъ отраслей мордовскаго народа за такой обманъ полагается большой штрафъ, если только парень не одумается и не покроетъ свадьбою своего дурного поступка; въ послѣднемъ случаѣ, конечно, штрафа не полагается. Мокша нигдѣ не могла привести намъ примѣра подобнаго порицательнаго поведенія парня, тогда какъ у Эрзи подобные случаи бывали. Впрочемъ иногда случается и такъ, что бѣду прикрываетъ бракомъ и другой кто либо, такъ какъ мордовскіе женихи не особенно падки на счетъ дѣвственности ихъ невѣстъ.

Справить мордовскую свадьбу, какъ видно изъ вышесказаннаго, стоитъ далеко не дешево, а справить ее богатому дому, да притомъ еще если и невѣста берется отъ богатыхъ родителей, становится и

очень дорого. Согласно тому, что намъ привелось узнать, свадьба средней руки обходится жениху рублей до 80, а невѣстѣ—до 25; почти тѣ же размѣры расходовъ могутъ быть признаны средними какъ для Эрзи, такъ и для Мокши, такъ какъ хотя у Мокши со стороны жениха и не бываетъ подарковъ невѣстиной роднѣ, но за то съ него гораздо болѣе требуется расходовъ на угощеніе. У Эрзи женихъ даритъ обыкновенно невѣстиной роднѣ холсты и рубахи, которые обходятся ему до 10 рублей, но въ свою очередь не получаетъ особенно цѣнныхъ отдарковъ.

Изъ самого описанія свадьбы, помѣщеннаго выше, можно заключать, что главными дѣйствующими лицами на свадьбѣ, кромѣ брачущихся и ихъ родителей, являются дружко и сваха, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить, чтобы все было исполняемо такъ, какъ повелось изстари; въ моментъ окончанія свадьбы оканчивается и ихъ дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отношенія ихъ къ молодымъ. Имъ довлѣетъ на свадьбѣ почетъ тотчасъ послѣ родителей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и выше того, которымъ пользуются родители брачущихся.

Дѣвственность дѣвушки вовсе не есть conditio sine qua non брака; и Эрзя (кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ вслѣдствіе долгаго и сильнаго русскаго вліянія она успѣла уже нѣсколько измѣнить свои воззрѣнія) и Мокша смотрятъ на это вполнѣ равнодушно, такъ какъ очень часто парень и дѣвушка слюбятся и сойдутся гораздо ранѣе брака. Вслѣдствіе того, что дѣвственность не требуется въ видѣ непремѣннаго условія, несоблюденіе ея и не влечетъ рѣшительно никакихъ послѣдствій какъ для самой невѣсты, такъ и для ея родителей. Непремѣннымъ условіемъ порядочности молодаго Мордва считаетъ то, чтобы онъ скрылъ недѣвственность молодой и вообще намъ рѣшительно нигдѣ не удавалось встрѣтить что-либо похожее на то прославленіе дѣвственности, которое такъ развито въ средѣ русскаго крестьянства и на то дикое и немилосердое мщеніе, которое слѣдуетъ по русскимъ обычаямъ родителямъ молодой въ случаѣ отсутствія невинности, въ родѣ приноса матери рѣшета, дыряваго горшка, выставки въ сѣняхъ пустой, непокрытой квашни и т. п. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [1]) посто-

---

[1]) Нижегор. уѣздъ, с. Сарлеи, Марья Данилова и Самар. уѣздъ, с. Семейкино, Антонъ Мосѣевъ.

янное общеніе съ русскими и въ этомъ случаѣ оказало свое вліяніе на обычаи Мордвы и мы видимъ уже, что въ случаѣ, если молодой нашелъ молодую не утерявшею дѣвственности, гости начинаютъ бить посуду и ломать что попадется подъ руку; такое поведеніе гостей признается знакомъ особаго почтенія и потому весьма цѣнится родителями молодой. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что и въ этихъ сильно обрусѣвшихъ мѣстностяхъ при отсутствіи дѣвственности гости не предпринимаютъ ровно ничего, да имъ и не узнать объ этомъ, если только молодой, выпивши, не проболтается.

Приданаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. какъ выдѣлъ части изъ семейнаго имущества въ пользу дочери, выдаваемой замужъ, совершенно не существуетъ у Мордвы, но тѣмъ не менѣе нѣчто подобное мы находимъ въ томъ, что соотвѣтствуетъ нашей «коробьѣ» и называется у Эрзи *«парькэ»*, а у Мокши *«парчинэ«* или *«парга»*. У Эрзи «парькэ» копится какъ невѣстою, такъ и всѣми домашними, для которыхъ крайне важно, чтобы невѣстина коробья была богаче [1]); напротивъ того, у Мокши накопленіе коробьи лежитъ на обязанности только невѣсты, которая однако вольна употреблять на снабженіе коробьи то, что ей даритъ семья и даже часть своихъ частныхъ стороннихъ заработковъ [2]). Шитьемъ и прилаживаньемъ того, что должно войти въ составъ коробьи, занимается сама невѣста и ея подруги, но отнюдь не на дѣвишникѣ только, а во время посидѣлокъ, которыя собираются преимущественно тѣми дѣвушками, которыя стоятъ на очереди выйти замужъ. Изрѣдка у Эрзи [3]) отецъ невѣсты даетъ ей въ приданое то телку, то 2—3 овцы, но такая дача отнюдь не обязательна и скорѣе имѣетъ характеръ простого свадебнаго подарка, такъ какъ иногда на свадьбѣ и гости дарятъ невѣстѣ на обзаведеніе кто телку, а кто овцу и даже двѣ. У Мокши иногда такой подарокъ упоминается отцомъ невѣсты при самомъ сговорѣ, но опять-таки и здѣсь приданое не есть что либо необходимое и скорѣе можетъ быть названо также свадебнымъ подаркомъ. Ясно, что если Мордва не имѣетъ понятія

---

[1]) Во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Эрзею.

[2]) Краснослоб. уѣздъ, с. Мамалаи, Васильчикинъ.

[3]) Арзамаск. уѣздъ, с. Кардавеле, Ѳедоръ Ильцовъ и Ардат. уѣздъ, Симб. губ., с. Пичкасы, Матвѣй Дробышевъ.

о приданомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, то никогда и не случается, чтобы о немъ бывали какіе либо уговоры, а тѣмъ болѣе, чтобы объ немъ заключались какіе либо письменные акты въ родѣ нашихъ русскихъ рядныхъ записей. Что касается до коробьи, то она и у Эрзи и у Мокши привозится въ домъ жениху вмѣстѣ съ невѣстою и никакихъ споровъ о количествѣ вещей въ коробьѣ и о богатствѣ послѣдней не бываетъ, да и не можетъ быть, такъ какъ семья иногда и не знаетъ о содержаніи коробьи своей дочери, если только на ней не лежитъ обязанность наполнять ее. Во всякомъ случаѣ, какъ до вступленія въ бракъ, такъ и послѣ свадьбы коробья составляетъ непреложную собственность невѣсты и потомъ жены, и никто не имѣетъ права ею распорядиться, хотя и бываютъ, конечно, случаи отклоненія отъ такого воззрѣнія на неприкосновенность коробьи, вслѣдствіе злоупотребленія мужемъ своими правами господина въ домѣ; такого мужа всѣ считаютъ неправымъ и если бы дѣло дошло до суда стариковъ, то его присудили бы возвратить женѣ отнятое, да еще и сдѣлали бы приличное внушеніе при помощи розогъ [1]). Когда жена умираетъ, то коробья у Эрзи поступаетъ въ полную собственность вдовца, несмотря на то, что у него есть дѣти и даже женскаго пола, которымъ вещи изъ коробьи могли пригодиться впослѣдствіи; напротивъ того совершенно иначе взглянула на это дѣло Мокша (и притомъ это воззрѣніе слѣдуетъ признать древнѣйшимъ, а слѣдовательно и болѣе характеристичнымъ для всей Мордвы), которая дѣлаетъ различіе въ томъ, при какихъ условіяхъ умерла жена: если по смерти жены осталась дѣвочка, то материнская коробья цѣликомъ поступаетъ въ ея пользу, если же по смерти матери остался мальчикъ или же она умерла бездѣтною, то коробья поступаетъ въ собственность вдовца и ему предоставляется поступить съ ея содержаніемъ, какъ ему заблагоразсудится. Передача коробьи по смерти жены ея родителямъ никогда не имѣетъ мѣста.

«*Ервэ-цинджиртъ*» [2]), говоритъ Мокша (свадьба—цѣпь), а Эрзя поясняетъ, что «*свадьба тшавазь-кійакъ а амашты ажо тшавомсъ*» [3]),

---

[1]) Рѣшеніе волостнаго суда 1875 г., 19-го іюня, въ Макателемскомъ волостномъ правленіи Ардатов. уѣзда, Нижегор. губерніи.

[2]) Кузнецк. уѣздъ, с. Кемешкерь, Степанида Пятаева.

[3]) Ардатов. уѣздъ Нижегор. губ., с. Макателемъ, Наталья Ревинчина.

т. е. «свадьба сковала — никто не можетъ расковать»; въ этихъ двухъ пословицахъ выражается вполнѣ ясно взглядъ Мордвы на полную невозможность расторженія брака, да и не было случаевъ, чтобы когда нибудь требованіе о расторженіи шло и поддерживалось энергично со стороны одного изъ супруговъ. На вопросы мои какъ у эрзянскихъ, такъ и у мокшанскихъ женщинъ и мужчинъ — что же надо дѣлать, если жить вмѣстѣ супругамъ не представляется никакой возможности, мнѣ отвѣчали, что нужно терпѣть до послѣдней крайности и только при рѣшительной невозможности какъ бы то ни было устроить худой миръ идти на разрывъ. Впрочемъ, вездѣ случаи такого разрыва и слѣдующаго за нимъ расхода крайне рѣдки. Если бы когда нибудь и случилось супругамъ разойтись, то мужъ обязанъ давать женѣ на пропитаніе; дѣти берутся въ этомъ случаѣ по взаимному соглашенію, а если бы таковаго не произошло, то рѣшаютъ этотъ вопросъ старики и притомъ безапелляціонно; старики обыкновенно присуждаютъ дѣтей тому изъ родителей, который представляетъ наиболѣе гарантій для прокормленія ихъ и безбѣднаго впослѣдствіи существованія. Въ Корсунскомъ уѣздѣ въ с. Пермисъ намъ разсказали такой случай: мужъ и жена, имѣя трехъ дѣтей, задумали разойтись; мужъ былъ пьяница, но пользовался душевымъ надѣломъ на двѣ души за смертью его брата; старики вслѣдствіе возбужденнаго между супругами спора о дѣтяхъ порѣшили: отдать мужу одного ребенка, а матери двоихъ, такъ какъ мать представила доказательства, что ее нанимаютъ къ себѣ мѣстные помѣщики съ жалованьемъ въ 8 руб. въ мѣсяцъ, что совершенно обезпечиваетъ существованіе дѣтей; мать была очень рада такому рѣшенію, а отецъ остался недоволенъ, но никуда не жаловался. Ясно, что вслѣдствіе такого взгляда не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы отецъ давалъ деньги на прокормленіе дѣтей, отданныхъ матери, и наоборотъ. Какъ послѣдній выходъ, какъ бѣда, безъ которой однако дальнѣйшее существованіе немыслимо, расходъ между супругами признается Мордвою терпимымъ и даже желаннымъ исходомъ; лучше, по мнѣнію народа, разойтись отъ грѣха, такъ какъ иначе дождешься только убійства и другихъ преступленій.

Шесть недѣль уже непремѣнно должна вдова посвятить памяти умершаго мужа, а затѣмъ у Эрзи ей дозволяется задуматься и о

вторичномъ замужествѣ; Мокша относится строже къ вдовамъ и заставляетъ ихъ вдовствовать впродолженіи цѣлаго года. Напротивъ того, по отношенію къ мѣсту жительства вдовы Эрзя оказалась требовательнѣе Мокши и стѣснила ея свободу, присуждая ее не покидать дома свекра вплоть до выхода ея замужъ, если бы ей вздумалось попытать счастья въ новомъ бракѣ, и до смерти, если бы она рѣшилась навсегда остаться вдовою. Мокша обязываетъ вдову только справить установленныя поминки, а затѣмъ предоставляетъ ей право или остаться у свекра, или же вернуться къ родителямъ [1]). Вступленіе во вторичный бракъ отнюдь не признается Мордвою чѣмъ либо зазорнымъ, хотя участь дѣтей, оставшихся отъ перваго брака и удерживаетъ зачастую вдовъ отъ выхода замужъ; тѣмъ не менѣе если бы новый избранникъ былъ хорошимъ человѣкомъ и если бы она была твердо увѣрена, что онъ не будетъ придираться къ сиротамъ, то ничто и никто не остановитъ ее отъ брака; никакихъ преданій о загробной встрѣчѣ съ первымъ мужемъ у Мордвы не существуетъ, никакого срама передъ сосѣдями нѣтъ въ томъ, что молодая женщина вновь полюбила и идетъ на бракъ вмѣсто того, чтобы жить съ человѣкомъ безъ брака, и вторичные браки случаются довольно часто среди Мордвы.

IX.

Уже изъ вышеприведеннаго нами очерка рода и родныхъ у Мордвы мы видимъ, что хотя родовыя отношенія и не играютъ у этого народа вполнѣ премирующей роли, однако, тѣмъ не менѣе, значеніе ихъ крайне велико. Мордвинъ, и въ особенности Мокшанинъ еще держится родни, но во всякомъ случаѣ шаберство какъ-то поглощаетъ родню и притомъ поглощаетъ видимо потому, что въ началѣ устройства поселковъ, по крайней мѣрѣ, ближайшими шабрами были ближайшіе родственники. Интересно, что ни въ Эрзянскомъ, ни въ Мокшанскомъ нарѣчіи нѣтъ словъ для обозначенія

---

[1]) Темпиков. уѣздъ, Эваслеи, Елена Кузнецова; Городищ. уѣздъ, Пичилеи, Дарья Евреинова; Кузнецк. уѣздъ, Кемешкерь, Степанида Пятаева; Тетюшск. уѣздъ, Каратаи, Петръ Казымбаевъ и Краснослоб. уѣздъ, Шингарина, Степанъ Атяшкинъ.

родни, родственниковъ и рода и для этого употребляются русскія слова или же ставится новосозданное слово, составленное при посредствѣ предложеній формы *мал*, что означаетъ и близь, и близость; но и тутъ наиболѣе сохранившая свою особенность мокшанская вѣтвь не поспѣла еще составить производное въ значеніи «близкихъ» людей и только у Эрзи мы находимъ слово «*малавиксв*», что значитъ вообще «ближній, близкій» и отсюда уже родственникъ; ясно, что здѣсь въ этомъ словѣ понятіе о близости поселенія беретъ верхъ надъ понятіемъ о сродности. Какъ бы то ни было, подъ сильнымъ ли давленіемъ русскаго вліянія, или же, какъ мы полагаемъ, подъ вліяніемъ причинъ чисто экономическихъ и необходимости жить подъ одною кровлею всѣмъ ближайшимъ сородичамъ семья получила нѣкоторое значеніе у Мордвы Эрзи, хотя въ Городищенскомъ уѣздѣ намъ и пришлось слышать пословицу или поговорку, гласящую, что «*малавиксь афв эрэви, а шабраса эрэнв*» т. е. родня (собств. близкіе) не нужна, а съ шабромъ жить. Чаще всего случается встрѣчать дома съ кровными родственниками и лишь въ видѣ исключенія кровныхъ съ некровными, т. е. напримѣръ двоюродными; впрочемъ даже и два родныхъ брата рѣдко живутъ нераздѣльно, такъ какъ нѣтъ того звѣна, которое ихъ соединяетъ. Напротивъ того, при существованіи въ живыхъ связующаго звѣна очень часто случается видѣть живущими въ одномъ домѣ дѣда, двухъ его сыновей и нѣсколькихъ внуковъ; въ этомъ случаѣ даже если одно изъ лицъ, связующищъ между собою лицъ третьяго поколѣнія, т. е. одинъ изъ отцовъ и умретъ, то дѣти его все же продолжаютъ жить въ одномъ домѣ со всею семьею.

Уже самый обычай устраивать свои дворы у Мордвы даетъ возможность этому народу жить такимъ образомъ, что «вѣтви одного и того же дерева—тоже дерево» («*сюрхнэ тякынв шуфтань—тякашуфта*»); тотъ же почти смыслъ имѣетъ и другая поговорка, записанная въ Макателемѣ и гласящая, что «*ламотарадатнень, а тшуфто вейке*», т. е. много вѣтвей, а дерево одно. Въ послѣдствіи мы будемъ имѣть еще вомowность говорить подробнѣе объ устройствѣ у Мордвы дома и двора, а потому здѣсь и не будемъ вдаваться въ частности.

Власть мужа надъ женою въ мордовской семьѣ, собственно говоря, не знаетъ никакихъ границъ, такъ какъ онъ можетъ бить ее,

сколько ему угодно, и за это его никто не осудитъ въ смыслѣ наказанія, но всѣ осудятъ его въ отношеніи нравственномъ, признавъ его такимъ человѣкомъ, который не съумѣлъ добромъ ужиться съ женою. Народная мудрость мордовская весьма опредѣленно высказывается на этотъ счетъ и притомъ совершенно противно правиламъ, принятымъ въ семейномъ быту нашего русскаго человѣка. Эрзянинъ говоритъ прямо и безповоротно, что «*шабрасо рублясо, авасо лэлимосо*», т. е. съ сосѣдомъ (обходись) рублемъ, а съ женою—ласкою, а Мокшанинъ смотритъ на распри между женою и мужемъ еще безнадежнѣе и полагаетъ, что «*коса келгыма афподмогаи, афъ ули тіанъ катьмезъ вешка*», т. е. гдѣ любовь непомогаетъ, не имѣетъ дѣлать что либо палка. Ясное дѣло, что имѣя такія воззрѣнія на семейную жизнь, Мордва не можетъ допустить и мысли и возможности битья и, въ особенности, изувѣчиванія и убійства жены мужемъ; даже въ случаѣ измѣны кулачная расправа допускается лишь на мѣстѣ преступленія, такъ какъ «*максатъ быканди валгындань, позна ведрасъ дубидындань*», т. е. далъ быку слезть, поздно телку бить. На всѣ вопросы наши о повиновеніи жены мужу мы постоянно слышали одно и тоже и вездѣ намъ говорили, что жена обязана во всемъ повиноваться своему мужу, но если жена его неслушается, то, въ большинствѣ случаевъ, это бываетъ вслѣдствіе неумѣнья самого мужа, который не съумѣлъ ее приманить къ себѣ и заставить уважать свое слово и желаніе. «и собаку приманишь, и кошку приманишь, а бабу труднѣе всего», говоритъ Эрзянинъ («*и песъ карматъ манямсъ, и катка карматъ манямсъ, а ава стака манямсъ весемеде*». Хотя это и признается задачею крайне трудною, тѣмъ не менѣе она въ глазахъ большинства весьма достижима и повиновеніе должно вытекать изъ любви и уваженія. На всѣ распросы наши о томъ, не было ли когда заклада или продажи женъ, намъ отвѣчали изумленіемъ и смотрѣли на меня какъ на человѣка, видимо не знающаго, о чемъ еще бы спросить; случалось, конечно, что робкій мужъ уступалъ на время свою жену доброхоту чиновнику ради выгодъ, но такой мужъ подвергался всегда насмѣшкамъ и даже презрѣнію. Ясное дѣло, что противъ бога чоловѣкъ не властенъ и потому случаи отнятія женъ у мужей богами, изъ которыхъ въ особенности отличается въ этомъ отношеніи Пургине-Пазъ или богъ грома, крайне часты, при чемъ

шутливый богъ всегда является къ своей смертной избранницѣ подъ видомъ какого нибудь красиваго парня изъ ея и даже мужниныхъ знакомыхъ.

Какъ ни желательны для Мордвы добрыя отношенія между супругами, однако не всегда достигается подобное положеніе дѣлъ и, беря примѣръ со своихъ русскихъ сосѣдей, Мордвинъ (въ особенности Эрзянинъ) зачастую поколачиваетъ свою жену; иногда, если мужъ, поучившись въ отлучкѣ пить, запиваетъ и дома, битье жены учащается и входитъ въ привычку. Были случаи и въ Краснослободскомъ и въ Инсарскомъ уѣздахъ, что жены, вслѣдствіе побоевъ, уходили изъ дому и спасались въ домѣ своихъ родителей; но являлся мужъ, требовалъ выдачи жены и никто не смѣлъ и не смѣетъ удерживать ее у себя; Атяшевскій волостной судъ именно по подобному дѣлу [1]) постановилъ: взыскать съ родителей жены въ пользу мужа пять руб. 20 коп. проторей и убытковъ, а жену вернуть мужу немедленно; въ протоколѣ тутъ же записано, что судьи «щуняли» мужа и учили его, какъ жить съ женою, чтобы она отъ него въ другой разъ не бѣгала. Случаи обращенія женъ прямо въ волостной судъ крайне рѣдки, такъ какъ никто не захочетъ выносить изъ избы соръ или «хвастаться дырявымъ горшкомъ» (*варяуда сяканэда шнякшнянэ*), какъ говоритъ Мокша; если уже не удалось женѣ устроить свою домашнюю жизнь такимъ образомъ, чтобы ей хорошо жилось, то она прямо сознаетъ или свою вину, или свою безпомощность. Вообще узнать какія нибудь подробности о внутренней семейной жизни того или другого дома крайне трудно; вопросы эти будутъ приняты за недостатокъ благовоспитанности и всякій лишь изумится, какъ спрашивающій можетъ думать, что ему на вопросъ его отвѣтятъ. Надо было употреблять цѣлую систему подходовъ для того, чтобы получить ясную и полную картину домашняго мордовскаго быта и только знаніе мордовскихъ нарѣчій дало намъ возможность ловить разкащиковъ на полусловѣ и заставлять ихъ договаривать. Когда однажды въ Кемешкерѣ одинъ словоохотливый старикъ разговорился, разсказывая мнѣ свои отношенія къ домочадцамъ, послышался сначала шопотъ негодованія, а тамъ запросто закричали ему: «сакмедэ»! (замолчи). Ужъ я объя-

---

[1]) 1873 года, № 39.

снялъ имъ, объяснялъ что это не имѣетъ вовсе вида хвастанья дырявымъ горшкомъ, а и спрашивается, и разсказывается спроста, въ простомъ разговорѣ. Только одинъ разъ удалось мнѣ слышать, что жена удавила своего мужа веревкою, да и то, какъ впослѣдствіи оказалось, она лѣтъ 10 страдала ипохондріей. Вообще, изучая семейносупружескія отношенія Мордвы, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что бракъ у этого народа совершается почти всегда по обоюдному согласію, которое идетъ иногда даже наперекоръ волѣ родительской, а потому и понятно, что слюбившимся по всей своей волѣ, въ случаѣ несчастнаго сожительства, остается пенять лишь на свою же неразборчивость и не подобаетъ искать заступы у родителей, а тѣмъ болѣе у суда.

Если ужъ очень жутко придется одному изъ супруговъ, то онъ отправляется со своимъ горемъ къ старикамъ, т. е. къ дѣду или отцу неудобно-себя ведущаго супруга; тотъ по неволѣ долженъ выслушать эту жалобу и поговорить съ провинившимся по душѣ, совѣтуя ему исправиться, выставляя ему на видъ всю неблаговидность его поведенія и давая ему добрые совѣты, какъ бы исправиться; но чтобы кто нибудь вздумалъ когда бы то ни было пожаловаться на свое житье бытье чужимъ старикамъ, а тѣмъ болѣе «добросовѣстнымъ», т. е. суду, или чтобы когда нибудь семья (не говоря уже о судѣ) рѣшила отнять у обидчика-мужа главенство въ домѣ и передать обиженной-женѣ, то о такихъ невозможныхъ случаяхъ, по самой сущности мордовскаго семейнаго быта, никто не слыхивалъ, да «врядъ или когда и услышимъ», утверждаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

Какъ люди грѣшные, да къ тому же еще и охочіе на походы въ отхожіе промыслы, Мордва не всегда соблюдаетъ супружескую вѣрность; грѣшатъ и мужики, которые зачастую заходятъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ своего мѣстожительства, грѣшатъ и бабы молодки, остающіяся долгое время безъ мужей. Ни мужчины, ни женщины особенно не обижаются, когда узнаютъ объ измѣнахъ своихъ возлюбленныхъ, такъ какъ «на то и соха, чтобы орала, на то и поле, чтобы его орали» (*«сексэ и иза—сокамсэ, сексэ и пакся—сокавомсэ»*); тѣмъ не менѣе однако, такъ какъ *«кигэ — пильгеки, якамагэ афэ ули»*, т. е. на дорогѣ—слѣдъ, на путникѣ—нѣтъ, то конечно жена, приносящая въ домъ чужаго ребека считается го-

раздо болѣе виновною, нежели прегрѣшившій гдѣ нибудь на сторонѣ мужикъ. Какъ бы то ни было, однако и согрѣшившая женщина и замотавшійся мужикъ не подвергаются вовсе общественному презрѣнію, если только дѣло идетъ не о постоянномъ и безстыдномъ развратѣ; бывали стучаи, и при томъ очень часто, что жена пожуритъ завертѣвшагося мужа или наоборотъ, и затѣмъ жизнь ихъ снова войдетъ въ обычную колею. Если женщина преступаетъ противъ вѣрности, но не приноситъ въ домъ мужа чужихъ дѣтей, то чаще всего на такой ничтожный фактъ мужъ не обращаетъ ровно никакого вниманія; иногда дѣло оканчивается простою перебранкою, иногда же, преимущественно у Эрзи, не обойдется и безъ колотьбы; у Мокши битья не существуетъ, такъ какъ тамъ можетъ легко случиться, что женщина отвѣтитъ обидчику тѣмъ же и общія симпатіи будутъ на ея сторонѣ. Интересенъ вообще тотъ фактъ, что никогда подобныя дѣла не выходятъ за стѣны того дома, гдѣ они приключились; рѣшительно не бываетъ случая, чтобы мужъ или жена вынесли соръ изъ избы и передали о своемъ домашнемъ горѣ кому нибудь изъ своихъ односельчанъ. Вообще во всѣхъ своихъ домашнихъ дѣлахъ Мордвинъ и въ особенности Мокшанинъ твердо держится своей исконной поговорки, сущность который онъ проводитъ черезъ всю свою жизнь: «*ардась ужасъ кочкакъ, татъ-тейа сельмэтненъ-эсъ шабратненъ*», т. е. соръ въ углу собирай, не выметай на глаза сосѣдямъ.

Мужъ и жена у себя въ домашнемъ быту являются совершенно ровноправными радѣтелями о своемъ семейномъ благосостояніи; какъ тотъ, такъ и другая работаютъ и подлѣ дома, и въ полѣ, и въ лѣсу за щепеннымъ дѣломъ и даже на отхожихъ промыслахъ; ясно, что женщина легче и скорѣе устаетъ, а потому мужчинѣ и приходится уже по самой природѣ своей работать больше женщины. Такъ какъ дѣти остаются дома и такъ какъ женщинѣ приходится готовить кушанье и т. п., то само собою разумѣется, что ей чаще приходится сидѣть дома и работать преимущественно работу домашнюю, такъ что мужу приходится поневолѣ больше жены работать въ полѣ. Мордовка и жнетъ и пашетъ и исполняетъ всякую полевую работу совершенно наравнѣ съ мужчиною и не было случая, чтобы мужъ наваливалъ на свою жену большую часть трудовъ, а тѣмъ болѣе, всѣ работы домашнія и полевыя. Ясное дѣло, что,

живя въ «добромъ согласѣ между собою», супруги не могутъ поднимать вопроса о томъ, кто кого обязанъ пропитывать, по той простой причинѣ, что въ домашнее благосостояніе оба супруга вкладываютъ одинаковое количество личныхъ трудовъ; ясное дѣло, что если одинъ изъ супруговъ вслѣдствіе болѣзни или иныхъ какихъ либо независящихъ отъ него причинъ, будетъ не въ состояніи раздѣлять съ другимъ супругомъ труды по хозяйству, то этотъ послѣдній долженъ кормить больнаго, но чтобы мужъ былъ обязанъ прокармливать жену и чтобы она въ силу правъ своего пола имѣла право на содержаніе отъ мужа, то Мордва, даже и въ наиболѣе обрусѣвшихъ мѣстностяхъ, не имѣетъ понятія о такомъ странномъ положеніи и всегда потѣшается надъ такими обычаями, подмѣченными ею у русскихъ; *«пэлясэ-кафтава сваива, кудэ-кафтава преава»*, говоритъ Мокшанинъ (т. е. ворота стоятъ или держатся на двухъ вереяхъ, а домъ на двухъ головахъ), полагая, что домъ держится одинаково обоими супругами. При такихъ воззрѣніяхъ на отношенія между супругами понятно, что не можетъ быть и вопроса о томъ, что одинъ изъ нихъ обязанъ кормить другаго или что ничего не дѣлающій и не получающій содержанія супругъ можетъ жаловаться на другаго, не желающаго прокармливать его, дармоѣда. Такъ какъ деньги вездѣ представляютъ собою значительную и несокрушимую въ большинствѣ случаевъ силу, то и у Мордвы богатый супругъ является владыкою другаго—несостоятельнаго; *«авань ярмакэ—алянь озалэ»*, (женины деньги—мужу горе) говоритъ Мокшанинъ, а Эрзянинъ, передѣлавъ пословицу по своему, увѣряетъ, что *«ава шупавэ—аляненэ утшасказо арась»*, т. е. что, коли жена богата—мужу доли нѣтъ (счастья). Въ этихъ случаяхъ, конечно, богатый супругъ играетъ въ домѣ главную роль, распоряжется вполнѣ безконтрольно и если формально не требуетъ, то на дѣлѣ пользуется полнымъ подчиненіемъ другого супруга. Понятно, что неимущій супругъ смотритъ изъ рукъ богатаго, и въ семьѣ является такая подчиненность, которой обыкновенно мы въ мордовской семьѣ не замѣчаемъ.

Такъ какъ имущество супруговъ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, то никому въ голову не приходитъ считать одно своимъ, а другое чужимъ; такое отношеніе къ семейному имуществу господствуетъ совершенно одинаково у Эрзи и у Мокши. Въ особенности ясно сознаетъ это Мокша, которая увѣряетъ, что *«нилэ-граблэтэ*

фкэсэ марсэ кыргайхтэ», т. е., что четверо граблей въ одну кучу гребутъ, указывая этимъ совершенно ясно, что труды обоихъ супруговъ должны быть направлены на наживу единаго, семейнаго имущества. Бываютъ, конечно, случаи, что мужъ заимствуетъ у жены изъ ея «бабьяго добра» кое что для удовлетворенія неотложныхъ домашнихъ потребностей, но всѣ бы сосѣди расхохотались отъ души, если бы онъ далъ или жена отъ него потребовала какой нибудь документъ на занятое имущество; тутъ, опять таки повторяемъ, все зависитъ отъ отношеній супруговъ между собою, а такъ какъ у Мордвы отношенія эти самыя сердечныя, то у нея и не можетъ быть тѣхъ формальностей, которыя встрѣчаются и въ силу обстоятельствъ должны встрѣчаться въ русскомъ крестьянскомъ быту. Иногда жена на собственныя свои средства покупаетъ разныя носильныя вещи, которыя опять таки ни въ какомъ случаѣ не могутъ поступить въ распоряженіе мужа, хотя бы онѣ и состояли въ носильномъ его же платьѣ; носить его онъ можетъ, конечно, когда ему угодно, но ни продать, ни заложить не можетъ. Въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе склонности къ пьянству мужъ станетъ расточать общесемейное или женино имущество, то у Эрзи жена имѣетъ право жаловаться на него лишь одному старшому, который можетъ пожурить, а иногда по «русскому» обычаю и поучить слегка загулявшаго члена семьи; у Мокши дѣло заходитъ въ этомъ случаѣ гораздо дальше: жена жалуется на мотыгу старикамъ и, если эти послѣдніе убѣдятся, что мужъ растрачиваетъ семейное, т. е. дѣтское имущество, то даже и посѣкутъ виновнаго. Никогда никто изъ мущинъ не стоитъ такъ сильно за свое имущество, какъ стоитъ за свое бабье добро Мордовка; обыкновенно бываетъ такъ, что огородный приплодъ, молочина, птица, пряжа и волна принадлежатъ бабамъ, которыя должны изъ всего этого кормить и одѣвать семейскихъ, а избытокъ имѣютъ право безконтрольно продавать и деньги оставлять въ свою пользу. Чаще всего, въ виду отнюдь не горестнаго положенія своего въ семьѣ, баба не откладываетъ эту выручку въ своей собственный сундукъ, а употребляетъ на своихъ дѣтей или на мужа. Интересно, что бабью непреложную собственность составляетъ головной уборъ и ожерелье, которыя передаются по наслѣдству отъ женщины къ женщинѣ, причемъ каждая изъ владѣвшихъ имъ считаетъ своею непремѣнною обязанностью

прибавить, по силѣ возможности, украшеній, прикупить монетъ и ракушекъ и т. п. Въ Атяшевскомъ волостномъ правленіи случилось судить дѣло о продажѣ 5 золотыхъ съ головнаго украшенія жены мужемъ; судъ оцѣнилъ золотыя монеты не покурсовой ихъ стоимости, а въ виду того, что «Арина Трефолева доказала, что тѣ деньги коплены и пришиты пробабкою ея по матери Анною, то пусть обвиняемый Иванъ Козьминъ Трефолевъ уплатитъ женѣ своей Аринѣ семьдесятъ пять рублей или же достанетъ, какъ онъ обѣщаетъ самъ, въ Пензѣ три золотыхъ катерининскихъ, да десять крестовыхъ рублевиковъ серебряныхъ, а чтобы впредь съ чужимъ добромъ умѣлъ врачаться, дать ему 18 розогъ и арестовать при правленіи на два дня, если наказанія принять не захочетъ. [1]) Изъ этого приговора видно уже какъ смотритъ Мордва на женское имущество; все, что составляетъ бабій доходъ или бабье имущество, не можетъ ни въ какомъ случаѣ растрачиваться мужемъ или старшимъ (*кудъ—азыръ*). Въ случаѣ, если мужъ, будучи кудъ-азыромъ или хозяиномъ дома, большакомъ, надѣлаетъ долговъ и затѣмъ умретъ, или же иначе поставленъ будетъ въ невозможность отвѣтствовать за долги, то за всѣ долги, сдѣланные мужемъ для дома, а не лично для своихъ цѣлей, жена, какъ принявшая отъ него домоводство, должна отвѣчать; когда положеніе обратно, т. е. долги будутъ сдѣланы женою на нужды ли всей семьи или ея собственныя, то мужъ—хозяинъ во всякомъ случаѣ является отвѣтчикомъ за эти долги и отвѣчаетъ за нихъ всѣмъ семейнымъ имуществомъ. Въ этомъ случаѣ между обычаями Эрзи и Мокши нѣтъ никакой разницы и, видимо, черта эта составляетъ черту характерно народную. Совершенно иначе смотритъ на дѣло Мордва, когда долгъ сдѣланъ мужемъ и притомъ не для какихъ либо настоятельныхъ нуждъ, а ради пьянства и прогула. У Эрзи напримѣръ жена и тѣмъ болѣе семья никогда и ни въ какомъ случаѣ не плательщикъ подобныхъ долговъ и можетъ вполнѣ игнорировать ихъ; [2]) что касается то Мокши, то у этой отрасли мордовскаго народа вообще семейныя отношенія являются какъ то болѣе тѣсными и основанными на

---

[1]) Приговоры 1873 года, № 76, іюня 16-го.

[2]) Рѣшительно во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Эрзею, за исключеніемъ лишь Городищенскаго уѣзда, гдѣ Эрзя живетъ вмѣстѣ съ Мокшею.

большей взаимной любви; тутъ жена старается какъ нибудь потихоньку продать что нибудь изъ имущества и скрытно отъ всѣхъ уплатить прогулъ и кабацкій домъ мужа. Всѣ стали бы косо смотрѣть на ту жену, которая поступила бы иначе и отнеслись бы совершенно равнодушно, если бы не заплатили за отца его односемьяне [1]).

«*Ви тэтя а сайи*», т. е. сила отца не беретъ, говоритъ Эрзя [2]) и полагаетъ, что отецъ обладаетъ и долженъ обладать такою властью, противъ которой не можетъ идти никакая сила на землѣ. По этому поводу Мокша составила даже особую поговорку, которая ставитъ волю родительскую даже выше воли царской; «*и отсазыръ йорась, а тэтя ашызъ мэрьга*» т. е., и царь хотѣлъ, а отецъ не велѣлъ [3]). Понятно, что при такомъ отношеніи и взглядѣ на волю отцовскую не можетъ быть случаевъ неповиновенія этой волѣ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ отношенія дѣтей къ родителямъ основывались лишь на одномъ страхѣ; не даромъ же Мокша полагаетъ, что *песъ тонафтакъ вешказа, жаба—келгымаза*», т. е. собаку учи дубиною, дитя любовію. Мордва очень хорошо знаетъ, что одною силою рѣшительно ничего не сдѣлаешь и что если родители не выкажутъ съ своей стороны весьма сильной, иногда даже безграничной любви, то дѣло воспитанія ни въ какомъ случаѣ не удастся. Понятно, что и дѣти должны прежде всего любить своихъ родителей, такъ какъ Мордва полагаетъ, что главнымъ условіемъ семейнаго благосостоянія слѣдуетъ считать любовное отношеніе другъ къ другу сочленовъ извѣстнаго семейства; высоко поэтическая и глубоко философская пословица мокшанская [4]) гласитъ, что «*ломань аф-пелякъ, пелякъ сонъ кирдяфтанъ*», т. е. человѣка не бойся, бойся его оскорбить (огорчить). Но, если таково правило, котораго держится народъ въ сношеніяхъ общественныхъ, то, понятно, что въ отношеніяхъ между членами одной и той же семьи взаимная любовь играетъ огромную роль; даже огорчить отца нельзя и главныя старанія всѣхъ семейскихъ должны быть направлены къ

[1]) Краснослоб. уѣздъ, с. Мамалаево и Кузнецкій уѣздъ, с. Кемешкерь.
[2]) Корсунскій уѣздъ, с. Пермисъ, Марья Гудкова.
[3]) Кемешкерь, Степанида Пятаева.
[4]) Городищенскій уѣздъ, с. Катъ.

тому, чтобы въ основанiи хорошихъ отношенiй стоялъ не страхъ передъ физическою силою, а страхъ огорчить его, проистекающiй изъ чистой любви и изъ сердечной привязанности.

Никакой разницы между дѣтьми по полу въ мордовской семьѣ не полагается, и сыновья и дочери обязаны послушанiемъ какъ матери, такъ и отцу; въ случаѣ неповиновенiя сына мать и сама его старается направить на путь истинный и отцу въ случаѣ упорнаго непослушанiя пожалуется, благо ей съ взрослыми сынами не справиться. Уже въ силу самого положенiя мужчинъ и женщинъ въ семьѣ мы можемъ видѣть, что никакого раздѣленiя въ завѣдыванiи тѣми или другими быть не можетъ; никогда отецъ не управляетъ мужскою половиною семьи, а мать—женскою, такъ какъ управляющимъ въ дѣйствительности является одинъ лишь отецъ, а мать глядитъ, по большей части, изъ его рукъ; понятное дѣло, что въ тѣхъ работахъ и дѣлахъ, которыя касаются собственно дома, одежды, приготовленiя кушанья и т. п. главное завѣдыванiе принадлежитъ старшей хозяйкѣ или женщинѣ (*кудь-азыръ-ава*) и, само собою, мужчина хозяинъ не вступается въ распоряженiе этими дѣлами; наконецъ, такъ какъ мужикамъ нѣкогда возиться съ недоростками и такъ какъ женщины чаще бываютъ дома, то надзоръ и воспитанiе дѣтей лежитъ до наступленiя извѣстнаго возраста на женщинахъ. Нужда неминучая заставила Мокшу придумать особую несовсѣмъ благозвучную пословицу, которая гласитъ, что «*али паксяза инзамаза уманъ, али жабати нолгатъ тарганъ*», т. е. или въ полѣ сохою работать, или дѣтямъ сопли сморкать; занимаясь полевыми работами, конечно, мужикъ не можетъ думать о томъ, чтобы воспитать дѣтей малыхъ, пока имъ еще не требуется ученья полевымъ работамъ, а потому и понятно, что Эрзя говоритъ: «*авай тшатшты, авай казынды, тэтяй тонафты*», т. е. мать рождаетъ, мать роститъ, отецъ учитъ. Въ случаѣ смерти роднаго отца будущiй работникъ переходитъ въ ученье къ новому «кудь-азыру», но мать никогда не беретъ на себя его воспитанiе какъ работника.

Случается иногда, что дочь изъ извѣстной семьи выдается за мужъ, но затѣмъ вдовѣетъ и снова возвращается въ домъ родительскiй, гдѣ и остается на жительствѣ; положенiе такой дочеривдовы рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ положенiя остальныхъ, незамужнихъ еще въ той же семьѣ, дочерей; она совершенно

одинаково съ дочерями-дѣвушками обязана подчиняться «кудъазыру», который является главою по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія членамъ семьи. Интересно, что Мокшане, на мой вопросъ о положеніи такихъ вдовыхъ дочерей въ семьѣ, постоянно прибавляли, что повиновеніе ея должно быть еще полнѣе и безъусловнѣе, такъ какъ она гораздо болѣе остальныхъ членовъ семьи находится на хлѣбахъ изъ милости [1].

Власть отца надъ дѣтьми хотя и весьма обширна, но, тѣмъ не менѣе, никогда не идетъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ: дурнаго и неисправнаго сына отецъ можетъ отдать на нѣкоторое время «въ люди»; т. е. въ работники, но и въ этомъ случаѣ такое наказаніе не можетъ продолжаться слишкомъ долго, и, въ концѣ концовъ, либо мать, либо семьяне доказываютъ отцу, что пора отданнаго на исправленіе вернуть въ семью, такъ какъ иначе онъ совершенно отъ нея отобьется. Мордва чрезвычайно дорожитъ тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы отдѣльные члены той или другой семьи не отбивались отъ послѣдней и постоянно чувствовали свою непосредственную связь съ нею, а потому и понятно, что всякій «кудъ-азыръ» дорожилъ пребываніемъ своихъ дѣтей и остальныхъ односемьянъ въ нѣдрахъ уплавляемаго имъ семейства и самъ не охотно удалялъ даже и дѣйствительно провинившихся членовъ изъ семьи; теперь, но и то лишь въ самое послѣднее время, стали появляться случаи принужденія ко вступленію въ бракъ, но такое принужденіе случается такъ рѣдко, что возвести эти случаи въ общераспространенный обычай рѣшительно не представляется никакой возможности. Замѣтимъ, что всѣ эти случаи [2]) отмѣчены нами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ чистомордовскій мокшанскій элементъ успѣлъ сильно пострадать подъ давленіемъ весьма значительнаго русскаго вліянія. Пресловутое вліяніе это всегда, вездѣ и во всемъ выражается отнюдь не смягченіемъ, а, напротивъ. нѣкоторымъ ожесточеніемъ и одичаніемъ нравовъ, которое вытекаетъ прямо изъ ужаснаго положенія женщины и несовершеннолѣтнихъ въ нашей русской народной семьѣ.

По народнымъ воззрѣніямъ Мордвы власть отца вовсе не ско-

---

[1]) Мамалаево, Весильчикинъ.

[2]) 6 случаевъ въ Пензенской и 2 случая въ Тамбовской губерн.

ропреходяща; до сихъ поръ еще у Эрзи полагается ей предѣломъ тридцатилѣтній возрастъ сына, послѣ чего этотъ послѣдній освобождается отъ дачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ сказать, de jure, но отнюдь не de facto; отецъ всегда съумѣетъ до такой степени заставить уважать себя, что и тридцатилѣтніе сыновья не думаютъ, по большей части, выходить изъ его воли. Въ силу этого наибольшее количество раздѣловъ семейныхъ, которыхъ, скажемъ въ скобкахъ, до такой степени боится хозяйственная и преимущественно земледѣльческая Мордва, совершается у Эрзи, гдѣ установленъ этотъ возрастъ, именно въ этотъ срокъ. Но слѣдуетъ все же замѣтить, что и послѣ тридцати лѣтъ сынъ отнюдь не освобождается вполнѣ отъ отцовской опеки, такъ какъ если прекращается опека матеріальная, то нравственная опека не прекращается никогда и, напротивъ того, отецъ всегда имѣетъ право и даже нравственно обязанъ руководить своимъ сыномъ при посредствѣ совѣтовъ и указаній. Такъ какъ фактическая, матеріальная опека отца прекращается съ тридцатью годами, то и понятно, какимъ образомъ могла у Эрзи сложиться крайне типичная поговорка, гласящая, что *«тэтяде аф-кекшемсъ пандо-экшъ, а сакалъ-экшъ»*, т. е. что отъ отца не спрятаться за горою, а за бородою. Мокша еще строже посмотрѣла на отношенія отца къ сыну и прямо утверждаетъ, что плохо, если юный сынъ не послушаетъ отца, но еще хуже, если сдѣлаетъ это сынъ сѣдобородый; по мнѣнію Мокши, власть отца не прекращается по достиженіи сыномъ извѣтнаго возраста, такъ какъ *«аля и калмаза муйи»*, т. е. отецъ и въ гробѣ найдетъ. При такомъ громадномъ вліяніи, которое можетъ въ силу народныхъ воззрѣній оказывать отецъ на членовъ своего семейства, можно было бы ожидать, что «кудь-азыры» будутъ злоупотреблять этимъ вліяніемъ и властью, но въ виду того, что семейный союзъ у Мордвы основанъ чисто на взаимной любви, случаевъ превышенія или злоупотребленія власти отцовъ и недовольства дѣтей рѣщительно не встрѣчаются на дѣлѣ. У Эрзи власть или, вѣрнѣе, вліяніе, оказываемое на дѣтей родителями, отнюдь не прекращается съ выходомъ замужъ дочери, хотя и не высказывается, конечно, съ такою ясностью и рѣзкостью, какъ прежде. Нельзя предполагать, чтобы проявляющаяся иногда у Эрзи фактически власть родителей была требуема овззрѣніями, искони существовавшими у этого народа, въ виду того,

что у Мокши, которая въ гораздо большей чистотѣ сохранила всѣ свои этическія и бытовыя особенности, прямо заявлялось, что на замужнюю дочь власть ея родителей не можетъ уже распространяться по той простой причинѣ, что, вступая въ новую, мужнину семью, тѣмъ самымъ она tacitu concensu признаетъ надъ собою уже власть новаго «кудь-азыра», въ чей домъ она вышла замужъ.

Понятное дѣло, что при жизни «кудь-азыра» власть матери или, вѣрнѣе, «кудь-азыръ-авы» не можетъ быть значительна; въ дѣла, касающіяся собственно дома и полеваго хозяйства, она вовсе не вмѣшивается у Эрзи и довольствуется лишь тѣмъ, что надзираетъ за женщинами и ихъ работами; въ случаѣ непослушанія со стороны ей подначальныхъ членовъ семьи она должна довести о томъ до свѣдѣнія хозяина, который и распоряжается съ ослушниками въ силу своей власти; совѣтъ, поданный хозяйкою остальнымъ, не подвластнымъ ей непосредственно членамъ семьи, всегда принимается ими весьма охотно и выслушивается съ почтеніемъ, такъ какъ они знаютъ, что совѣтъ этотъ исходитъ, собственно говоря, отъ самого хозяина. Когда отецъ семейства умираетъ и управленіе семьею и домомъ переходитъ къ его вдовѣ, т. е. по нашему русскому выраженію, къ матерой вдовѣ, то эта послѣдняя пользуется въ домѣ полною и притомъ совершенно равною съ хозяиномъ властью: она распредѣляетъ между членами семьи работы, заботит я о благосостояніи семьи, занимается, задумываетъ и приводитъ въ исполненіе разныя предпріятія и является въ полномъ смыслѣ слова «кудынь-азыръ-авою». Нѣсколько иначе стоитъ дѣло у Мордвы Мокши; здѣсь жена хозяина пользуется съ нимъ совершенно одинаковыми правами и, если только воля ея не идетъ наперекоръ волѣ хозяина, то наказъ ея священенъ и не послушаться его нѣтъ возможности. Но едва лишь умираетъ хозяинъ, какъ власть матери прекращается и бразды правленія переходятъ старшей снохѣ и ея мужу, а вдова уже ровно ничего не значитъ и является простымъ подчиненнымъ членомъ семьи. Изъ этого явствуетъ, что учрежденіе «матерой—вдовы» вовсе не есть созданіе мордовскаго народнаго духа и, по всѣмъ вѣроятіямъ, занесено къ этому народу отъ русскихъ его сосѣдей, которые сильно вліяютъ вообще на обычаи Мордвы и въ особенности на бытъ наиболѣе подверженной этому вліянію Эрзи.

Понятное дѣло. что ни вотчимъ, ни мачиха не могутъ пользоваться тѣми правами, которыя присущи фактически родителямъ. На обязанности родителей лежитъ кормить, воспитать, содержать дѣтей и учить ихъ уму—разуму; съ своей стороны и дѣти обязаны повиноваться своимъ родителямъ покоить ихъ и кормить, когда они окажутся въ невозможности добывать себѣ насущный хлѣбъ своими собственными трудами. Все это слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ и каждому, чтобы требовалось наблюдать за выполненіемъ этого обыкновенія; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, не всегда велось это такъ, и было время, когда родители имѣли право покидать, а, быть можетъ, даже и убивать своихъ слабосильныхъ дѣтей; въ подтвержденіе того, что обычай этотъ существовалъ въ стародавнія времена, мы можемъ привести здѣсь крайне распространенное преданіе о Пургине-Пазѣ и Сыржѣ. «Народился Пургине-Пазъ кривоногій, такъ что гдѣ пройдетъ, тамъ правою ногою землю взроетъ. Задумался Чимъ-Пазъ, задумалась и Анге-Патяй о томъ, что они будутъ съ такимъ уродомъ дѣлать? ни пахать, ни работать онъ не можетъ, и сбросили они его на землю такъ сильно, что онъ какъ молнія упалъ въ Аруну (Волгу) и притомъ такъ сильно шлепнулся объ воду, что ода въ Сурѣ побѣжала вспять. Долго потомъ Пургине-Пазъ не могъ снова взобраться на небо къ своему отцу и матери и жилъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока не пришла ему пора уходить на небо. Наступала осень и въ полѣ работала дѣвка Сыржа, толста какъ дубъ кряковистый и ноги какъ полѣнья; хороша была дѣвка Сыржа и много за нею парней ходило, да не съ однимъ она на лисезь не уговорилась; какъ ни выйдетъ бывало Сыржа работать подниметcя буря, загремитъ громъ, заблистаетъ молнія и Пургине шалитъ съ нею, пока не упадетъ дѣвка на землю отъ щекотки. Нельзя родителямъ Сыржи хлѣба убрать — совсѣмъ раззориться имъ надо. «Да возьми ты ее Пургине-Пазъ совсѣмъ»! сказали они разъ за обѣдомъ и вотъ поднялся вдругъ вѣтеръ, растворилось окно, влетѣлъ въ горницу Пургине-Пазъ и унесъ Сыржу съ собою на небо. Такъ и поженился Пургине-Пазъ на простой нашей дѣвкѣ Сыржѣ и породнился съ нами, такъ что Мордвина онъ никогда не убьетъ, а наровитъ убить или скотину или русскаго» [1]). Изъ этого преданія

[1]) Ревезень, Княгининскаго уѣзда, Кардавеле, Ардатовскаго уѣзда.

мы видимъ, что даже у боговъ былъ обычай освобождаться тѣмъ или другимъ способомъ отъ неудачливыхъ дѣтей, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, просто бросались на произволъ судьбы. Никакихъ преданій касательно существованія обычая отдѣлываться отъ престарѣлыхъ родителей убійствомъ послѣднихъ мы не имѣемъ и сомнѣваемся поэтому, чтобы нѣчто подобное могло когда нибудь существовать у той самой Мордвы, которая требуетъ отъ дѣтей такого глубокаго и полнаго почтенія къ родителямъ. Напротивъ того, мы слыхали, что боги не долюбливаютъ тѣхъ людей, которые не оказываютъ почтенія родителямъ и зачастую бывали примѣры тяжкихъ съ ихъ стороны наказаній для такихъ дурныхъ дѣтей. «*Алятти видыптанъ, Шкайти видыптанъ*», говоритъ Мокша и вполнѣ убѣждена, что, дѣйствительно, сдѣлать пріятное, угодное (собственно говоря—прямо) отцу все равно, что сдѣлать угодное Богу. Ни разу еще не случалось, чтобы дѣти отказывались давать содержаніе своимъ престарѣлымъ родителямъ, такъ какъ такой фактъ прямо немыслимъ для Мордвина и навлекъ бы на такого человѣка всеобщее презрѣніе; правда, кое гдѣ, подъ вліяніемъ, такъ называемой, культурности (напримѣръ въ Терюшевской волости Нижегородскаго уѣзда) уже стали по временамъ потолковывать о томъ, что отецъ чужой вѣкъ заживаетъ, что пора и честь знать и т. п., но все же огромное большинство съ какимъ-то ужасомъ выслушиваетъ такія рѣчи и, еслибы только подобное дѣло могло дойти до суда, то судъ не только бы отказалъ дурному сыну въ искѣ, но и примѣрно бы наказалъ его, какъ человѣка никуда не годнаго. Когда еще легко было ссылать по приговору обществъ завѣдомыхъ негодяевъ въ Сибирь, намъ не разъ удавалось слышать о томъ, что такой-то сосланъ какъ негодяй, причемъ неизмѣнно повторяли, желая убѣдить насъ въ его негодности: «*а култсонасынзе* (или эзинзе култсонакъ) *тетэти-авати*», т. е. онъ не слушается или не слушался отцаматери. Если при жизни, по народнымъ обычаямъ, полагается кормить и холить родителей, то, понятно, что при глубокомъ почитаніи, которымъ пользуются души умершихъ, требуется отъ дѣтей, чтобы они честь-честью похоронили не только своихъ родителей, но и всѣхъ, кто умретъ у нихъ въ домѣ. Души умершихъ составляютъ пчельникъ Мастыръ-Паза, бога земли, а Мастыръ-Пазъ почти что сильнѣе всѣхъ остальныхъ боговъ, такъ какъ онъ и податель

плодородія, онъ и податель всяческихъ благъ; если кто нибудь явится къ нему не такъ, какъ подобаетъ, то онъ считаетъ это за обиду, лично ему нанесенную, и потому станетъ мстить тѣмъ, кто оказался не оказавшимъ ему почета. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что душа человѣка послѣ смерти отнюдь не тотчасъ оставляетъ землю и переселяется въ жилище праведныхъ; она бродитъ всегда въ теченіи извѣстнаго срока по землѣ и въ особенности охотно посѣщаетъ свой родной очагъ въ дни поминокъ; если бы кто нибудь похоронилъ кого либо безъ должнаго уваженія, то покойникъ станетъ несомнѣнно являться къ виновному, всячески мучить его и наносить ему даже матеріальный вредъ. За такими случаями мести покойниковъ ходить не далеко: въ Мамалаевѣ одинъ умершій старикъ обидѣлся, что ему второй сорочины не справили, такъ всѣхъ коней по ночамъ загналъ, такъ что они пали; старуха въ Городищенскомъ уѣздѣ умерла, а при жизни она охотница прясть была,— такъ обидѣлась, что съ нею въ гробъ не положили ея любимаго веретена и съ той поры, какъ, бывало, бабы пряжу оставятъ на ночь, всю перерветъ, а въ ленъ кострики насуетъ; бились, бились, да ужъ тогда успокоились, когда старшуха ей въ могилу веретено сунула. Подобныхъ разсказовъ можно собрать цѣлую кучу, но это вовсе не доказываетъ, что у Мордвы есть склонность не выполнять всѣхъ, освященныхъ временемъ, при похоронахъ обычаевъ, а просто указываетъ на то, что обычаевъ этихъ такая масса, которую иногда остающіеся и не упомнятъ. Великое дѣло, если огорчишь родителей и въ особенности начнешь какое нибудь дѣло бизъ ихъ согласія или благословенія, а того еще хуже — противъ ихъ воли; тутъ уже пощады не жди: всякій захулитъ такого человѣка, такъ какъ: *«конашка кудэ башка вельхтафтэ, тенашка ломань башка йорофтэ тэтяна-авана»*, т. е. какъ далеко уйдетъ домъ безъ крыши, такъ и человѣкъ безъ воли отца - матери. Ясное дѣло, что безъ родительскаго благословенія не можетъ быть счастья, такъ какъ тотъ, кто не нуждается въ такомъ благословеніи, становится врагомъ Чимъ-Паза, отца боговъ, и Анге-Патяй, ихъ матери. Отецъ есть жрецъ семьи, человѣкъ угодный богамъ, а потому они его и научатъ скорѣе всего уму-разуму; у Мокши до сихъ поръ еще осталась замѣчательная пословица, которая прямо объясняетъ намъ почему родители имѣютъ такое огромное значеніе въ семьѣ. Когда мы спра-

шивали въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, за что именно обязана семья повиноваться отцу, всѣ спрашиваемые повторяли: «*кудинь павась—азырынь пейели*», т. е. что счастье дома на ножѣ хозяина и затѣмъ объясняли, что на немъ лежитъ обязанность вырѣзать озондамъ—палъ за благосостояніе семьи и, слѣдовательно, ему именно какъ бы свыше вручено благосостояніе всего дома. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что значеніе отца, какъ главы семьи, значительно усиливается тѣмъ, что на немъ же лежали всегда, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лежатъ еще и до сей поры, обязанности жреца, заступника предъ богами за семью и передатчика ихъ воли всѣмъ домашнимъ. Послѣдняя воля въ особенности обязательна, такъ какъ иначе умершій не даетъ покоя оставшимся въ живыхъ и будетъ посылать на семью всякаго рода несчастія, пока не выполнятъ его волю.

По отношенію къ имущественнымъ правамъ между дѣтьми холостыми и женатыми Мордва, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣлала разницу, которая однако въ настоящее время совершенно сгладилась у Эрзи, находящейся подъ сильнымъ вліяніемъ воззрѣній русскаго народа; стоитъ однако наблюдать Эрзю тамъ, гдѣ вліяніе это не столь значительно, какъ, напримѣръ, въ Городищенскомъ уѣздѣ, гдѣ оно умѣряется противоположнымъ вліяніемъ сосѣдей Мокши, какъ разница эта снова выступаетъ на видъ. У Эрзи все—семейское и ни одинъ изъ членовъ семьи не имѣетъ ничего собственно одному ему принадлежащаго; «*и лэзе семеанень, и коламо семеанень*» (и прибытокъ въ семью, и убытокъ въ семью), полагаетъ Эрзя и не признаетъ даже возможнымъ имѣть что либо свое. Отъ нея же слышали мы и такое присловье: «*конашкасто семеава срятъ—пэкеть пешкедзь, а лисятъ — ватшоматъ*», т. е., пока живешь въ семьѣ—сытъ бываешь, а уйдешь — проголодаешься. Понятное дѣло, что, если подобное убѣжденіе могло народиться и укрѣпиться въ народѣ, то у него и не можетъ проявиться стремленія къ обособленію въ имущественномъ отношеніи отъ семьи; самъ Эрзянинъ никогда не будетъ хлопотать о томъ, чтобы нажить что нибудь лично про себя, а семья уже, конечно, не будетъ поощрять такого сепаратизма своихъ членовъ. Иначе поставлено дѣло среди Мокши, гдѣ хотя семьи не мельче, нежели у Эрзи, и дворовое начало держится еще гораздо крѣпче, но отдѣльные члены семьи имѣютъ полное право

работать лично на себя въ то время, когда не предстоитъ надобности работать на семью; ясное дѣло, что и тутъ не всякому члену дозволятъ личную наживу, но если такой членъ семьи обремененъ своею собственною семьею, то отецъ дозволяетъ ему разныя подѣлки не на прокормъ, а на одежду, напримѣръ, своихъ дѣтей. Мы сами знаемъ случай, когда одинъ изъ членовъ семьи былъ отпущенъ въ работники ради лишь того, чтобы онъ могъ учить своего сына на образцовой фермѣ, а затѣмъ и въ Москвѣ. Когда случится главѣ семьи отлучиться куда нибудь, то старшій изъ женатыхъ его сыновей занимаетъ его мѣсто и всѣ обязаны его слушать во всемъ, какъ и самого хозяина; одно только не въ его власти: онъ не можетъ ни продать, ни заложить общесемейскаго имущества, что иногда приводитъ къ большимъ затрудненіямъ, какъ это разъ случилось у насъ на глазахъ, когда становой пріѣхалъ за недоимкою и остававшійся, за отъѣздомъ хозяина, старшій его сынъ не могъ ничего продать изъ дома; сколько становой приставъ ни уговаривалъ, заступитель хозяина ничего продать не согласился и должны были приступить къ продажѣ съ аукціона, причемъ добрая корова пошла всего лишь за три рубля. Изстари повелось, что дѣдъ при смерти своей завѣщаетъ младшему внуку свои ульи, а бабка передаетъ младшей внучкѣ свою корову или двухъ-трехъ овецъ; этотъ обычай въ особенности сильно распространенъ у Мокши, но встрѣчается онъ и у Эрзи, хотя здѣсь и успѣлъ уже утерять свое искомое значеніе, такъ какъ подобный даръ поступаетъ тутъ уже въ полную и нераздѣльную собственность семьи и дѣйствительный владѣлецъ пользуется лишь правомъ номинальнаго владѣнія, причемъ однако на продажу такого его имущества всенепремѣнно третребуется его согласіе, хотя бы онъ былъ и малолѣтнимъ. Иначе поставлено дѣло у Мокши, гдѣ дароприниматель имѣетъ фактическое право собственности надъ самымъ подаркомъ и его приплодомъ, но шерсть отъ овецъ и медъ отъ пчелъ составляютъ общее семейское достояніе; если подобный подарокъ заболѣетъ или рой зачахнетъ отъ безмедья и кто либо иной выхолитъ больнаго или прокормитъ рой цѣлую зиму своимъ медомъ, то собственникъ подарка теряетъ на него право собственности и онъ принадлежитъ съ той поры тому, кто объ немъ заботился. На эту именно тему и сложена пословица: моя овца—моя бѣда, дареная овца — чужое

счастье, или, по мокшански, «*ревезэ—озалзэ, касяфз ревесь—илэ павасз*», т. е., другими словами, что «дареному коню въ зубы не смотрятъ», такъ какъ стоитъ ему заболѣть и онъ по выздоровленіи будетъ принадлежать тому лицу, которое за нимъ ходило. Кромѣ этого случая, неотдѣленные члены семьи могутъ еще имѣть свое имущество, если оно нажито отъ случайныхъ доходовъ въ родѣ сбора грибовъ, ягодъ и т. п. Мы не забудемъ никогда съ какимъ гордымъ видомъ мальчишка лѣтъ 13 отвѣчалъ намъ, на наше предостереженіе, чтобы кто нибудь изъ семьи не отобралъ у него денегъ, подаренныхъ ему за указаніе дороги: «Кіэ йораи варджанъ»? сказалъ онъ и видно было, что дѣйствительно никто не захочетъ попробовать отнять у него деньги. Точно также смотрятъ семейскіе и на тѣ деньги, которыя выручаютъ дѣти за ягоды и грибы на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Бабка передаетъ старшей внукѣ, а иногда мать—дочери свой, «кыргаксъ»—ожерелье, а также и головной уборъ и, конечно, уже никто и не подумаетъ считать эти украшенія семейнымъ достояніемъ, такъ какъ всякая дѣвушка считаетъ своимъ долгомъ дополнить эти уборы лишнимъ рядомъ монетъ, раковинъ или лишнимъ куньимъ хвостомъ; наконецъ, всѣ подарки, полученные молодою и поѣзжанами отъ молодой на свадьбѣ, тоже составляютъ ихъ личную собственность и не подлежатъ распоряженіямъ главы семейства.

Само собою разумѣется, что если хозяинъ растратитъ семейское имущество, то онъ отвѣтственъ только лишь передъ Богомъ, почему Эрзя и говоритъ, что «сынъ отцу винись, а отецъ — Богу» или «*тсіора тэтяти еряви пулзямсз, а тэтя Пазти*»; бывали случаи,что дѣти жаловались въ волостной судъ за растрату отцомъ ихъ имущества, но всегда и вездѣ судъ постановлялъ рѣшеніе, мотивированное слѣдующимъ образомъ: «А такъ какъ оное имущество означеннымъ Петромъ Ряббоевымъ нажито, то онъ и воленъ въ немъ распорядиться; сына же его Василія за неспокойный духъ его, постыдивъ, наказать при волостномъ правленіи [1]) и т. д. Такимъ образомъ, Мордва смотритъ на семейное имущество отнюдь не какъ на что-то совершенно неприкосновенное для отца и въ особенности, если оно цѣликомъ имъ же и на-

---

[1]) Морд. Кемешкерь, Кузнецк. уѣзда, Саратов. губ.

жито. Здѣсь однако намъ слѣдуетъ оговориться, что случаевъ растраты семейнаго имущества почти не встрѣчается по той простой причинѣ, что отцу прямой разсчетъ копить, а не тратить, да притомъ же повелось изстари, что отецъ не предприметъ ничего сколько нибудь важнаго въ имущественномъ отношеніи, не посовѣтовавшись съ остальными членами семьи; «на людяхъ», говоритъ Мокша,—«и дитя уменъ» (*ломаньга и ейкакшв йони*), а потом отецъ семейства и спрашиваетъ всѣхъ своихъ домашнихъ о томъ, какъ ему поступить въ томъ или другомъ затруднительномъ случаѣ. Понятное дѣло, что отъ него зависитъ послушаться даваемыхъ ему совѣтовъ или же поступить по своей волѣ; во всякомъ случаѣ, хотя Мордва и не признаетъ великаго значенія рода, а слѣдовательно и родоваго имущества, но власть прямаго главы рода, т. е. отца, чрезвычайно сильна и онъ совершенно безконтрольно можетъ распорядиться семейнымъ имуществомъ, хотя и никогда не сдѣлаетъ этого изъ-за срама предъ «шабрами», которые станутъ относиться къ нему, какъ къ человѣку, ничего не стоющему, не съумѣвшему удержать за собою то, что перешло къ нему отъ отцовъ. И продать, и заложить общее достояніе онъ можетъ вполнѣ спокойно въ случаѣ какихъ нибудь особенныхъ напастей; такъ, напримѣръ, въ Иссѣ одинъ Мордвинъ продалъ 40 ульевъ пчелъ ради того, чтобы снарядить на войну втораго сына, когда въ 1877 году были созваны всѣ льготные; семья прямо высказывалась противъ этой продажи, но отецъ слѣлалъ по своему и, когда сына ему вернули, то всетаки всѣ «шабры» относились къ его поступку совершенно сочувственно по той простой причинѣ, что «въ солдаты, какъ въ гробъ» — *солдатнавса, кода калмаса*»; таже широкая свобода дѣйствій предоставляется отцу или хозяину и въ случаѣ пожаровъ, голода и т. п.

Въ семьѣ однако не безъ урода, и находятся и среди Мордвы такіе старики, которые, забывъ всякій стыдъ и нравственную отвѣтственность предъ міромъ—«шабрами», пьянствуютъ и проживаютъ все, что успѣли нажить и сами они, и ихъ предки. У Эрзи никто не можетъ вступиться въ распоряженія такого расточителя и даже и міръ не властенъ помѣшать ему въ его распоряженіяхъ; ясное дѣло, что кое-гдѣ волостные суды призываются къ защитѣ отъ такихъ отцовъ, но обыкновенно дѣло кончается ничѣмъ, такъ какъ

никто изъ судей не считаетъ себя въ правѣ путаться въ это чисто семейное дѣло, такъ какъ «*шабратъ ванокъ мезе улитсаненъ, афъ мезе уголненъ*», т. е. «сосѣди смотри что на улицѣ, а не что въ углу». Всякій сторонній свидѣтель постарается дать обиженнымъ совѣтъ уйти отъ грѣха, такъ какъ никто не въ состояніи пособить горю. Нѣсколько иначе поставлено дѣло у Мокши, гдѣ отецъ находится всегда, такъ сказать, подъ контролемъ «шабровъ»; сходъ можетъ присудить, чтобы, въ случаѣ раззоренія хозяйства безпутствомъ и пьянствомъ отца, женатые дѣти-наживщики предприняли съ своей стороны кое какія мѣры къ огражденію общаго имущества; случается даже, что старики лишаютъ на время отца главенства въ домѣ и поручаютъ хозяйство отнюдь не непремѣнно старшему въ семьѣ, а наиболѣе способному къ домоводству члену семьи. Чаще всего такіе случаи можно отмѣтить въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда народъ уходитъ на далекіе заработки; суммы, заработываемыхъ такими отходными промыслами, иногда очень велики, а отсутствіе семейной жизни приводитъ къ безпорядочности и къ выпивкѣ, отъ которыхъ трудно потомъ бываетъ отвыкнуть, тѣмъ болѣе, что человѣкъ вскорѣ начинаетъ пить отъ стыда и окончательно спивается съ круга.

«*Кули быка кулась, вазнэнъ тэрдедакъ!*» совѣтуетъ Мокшанинъ, т. е. «если быкъ палъ, теленка запряги» и крѣпко держится этого правила. Если задолжаетъ отецъ и умретъ, не расплатившись со своимъ кредиторомъ, то всѣ его неотдѣленные дѣти отвѣтственны въ его долгѣ; никто и не подумаетъ захерить долгъ за смертью должника, такъ какъ предполагается, что долгъ всегда дѣлается на общесемейныя нужды, а слѣдовательно и отвѣтственность за подобные долги падаетъ не на какого либо члена этой семьи, а на ея имущество; а такъ какъ это имущество принадлежитъ всѣмъ членамъ семьи нераздѣльно, то всякій членъ семьи является должникомъ за долгъ, сдѣланный покойнымъ отцомъ. Совершенно такой же взглядъ на дѣло мы находимъ и среди Эрзи, причемъ здѣсь замѣчаемъ, что если бы отцу нечѣмъ было уплатить долгъ, но онъ уже работать не можетъ, то даже и отдѣленный сынъ долженъ уплатить долгъ, хотя бы въ разсрочку работой, такъ какъ «*сельгемо тэтяти-сакалненъ тсіоранъ*», т. е. плевокъ отцу — у сына на бородѣ. Какъ дѣти отвѣчаютъ за отцовъ въ долговыхъ обязатель-

ствахъ, такъ они являются отвѣтственными за нихъ и въ податяхъ и въ повинностяхъ. Мордва отлично понимаетъ, что въ дѣйствительности фискальною единицею обложенія является не душа, а имущество, а потому въ виду того, что отецъ является лишь пожизненнымъ управителемъ этого имущества, народъ и считаетъ отвѣтственность всякаго члена семьи вполнѣ законною; намъ случалось, напримѣръ, въ Борисовѣ Нижегородскаго уѣзда, присутствовать при добровольной продажѣ дареныхъ при свадьбѣ вещей неотдѣленными членами семьи ради уплаты за отца повинностей и притомъ не государственныхъ, а земскихъ и, такъ называемыхъ, волостныхъ. Равнымъ образомъ отецъ обязанъ уплачивать долги своихъ неотдѣленныхъ сыновей, если таковые не задолжали вслѣдствіе распутной жизни; бываютъ однако случаи, когда отецъ является на сходъ и заявляетъ о прекращеніи имъ уплатъ долговъ за сына; шабры являются, такимъ образомъ, послухами факта лишенія довѣрія и тогда новые долги сына дѣлаются уже не обязательными для отца. Никакихъ особыхъ условій относительно отбыванія податей и повинностей между родителями и отдѣленными сыновьями не бываетъ, такъ какъ «*эрвейась-печкась*», т. е. «женилъ-отрѣзалъ» въ имущественномъ отношеніи.

Такъ какъ Мордва — народъ рабочій, то понятно, что всякій мелкій работникъ, который обязательно до конца своей жизни останется въ семьѣ и будетъ на нее работать, дороже, нежели работница, которая только о томъ и хлопочетъ, какъ бы ей выйти изъ семьи и уйти въ чужую семью; поэтому то рожденіе сына всегда и вездѣ встрѣчается съ большею радостью, нежели рожденіе дочери; «*стирьть коднэ трякв ще аннекв сонв ломаненв, а тсіоратсэ проксв кормилетсэ*», т. е. «дочь, какъ ни холь и корми, она людская, а сынъ всегда твой кормилецъ», говорили намъ въ Мамалаевѣ; но это убѣжденіе вовсе не представляетъ собою нѣчто мѣстное, а распространено повсюду, несмотря на то, что положеніе дѣвушки и женщины у Мордвы гораздо лучше нежели положеніе ихъ у русскихъ крестьянъ. Кое гдѣ у Мокши намъ разсказывали, что когда дѣти спрашиваютъ, откуда появился въ семьѣ новый членъ, то имъ отвѣчаютъ, если родился сынъ; «*Ведьава казясь*» — Ведьава подарила, а коли явилась не свѣтъ божій дочь, то «*Ведьава йафыдясь*»; [1]) т. е.

[1]) Адашево, Инсарскаго уѣзда Пензенской губ., Θедоръ Эртовъ.

Ведьава бросила; разница въ употребляемыхъ глаголахъ прямо показываетъ ту разницу, которую народъ дѣлаетъ въ рожденіи сына и дочери. Достиженіе совершеннолѣтія праздновать какимъ нибудь особеннымъ образомъ не принято, такъ какъ, повидимому, совершеннолѣтіемъ признается лишь моментъ вступленія въ бракъ или вѣрнѣе достиженіе способности къ брачной жизни, на что мы уже указывали выше; изстари однако повелось, что вступающій впервыя на мірскую сходку обязанъ угостить шабровъ, да и это дѣлается лишь тогда, когда на сходку въ первый разъ является новоженъ, причемъ присутствующіе не преминутъ съострить, что» «*аваланькса—йоньфтемэ*, *авапреаса—пэлясфтемэ*», т. е. подлѣ бабы былъ, такъ не было ума, а на бабу легъ—нѣтъ глупости; изъ этого присловья мы уже прямо можемъ заключить, что умъ, т. е. опытность, какъ признакъ правоспособности ставится въ прямую зависимость отъ того—женатъ человѣкъ или же еще не женатъ и слѣдовательно не достигъ зрѣлости.

Всѣ силы семьи вообще, а слѣдовательно и каждаго изъ ея членовъ въ отдѣльности направлены на то, чтобы выгоднѣе для семьи сбыть съ рукъ своихъ дѣвушекъ; такъ какъ существуетъ калымъ, то слѣдовательно приходится показывать свой товаръ лицомъ, раззадоривать имъ покупателей, а потому и говорятъ, что «*омботсетненг ведынь, а техтерненг—ловзонь*», т. е. другимъ—воды, а дѣвкѣ молока. Дѣвкѣ, когда она на выдачѣ, и платокъ купятъ по ярче и лентъ не пожалѣютъ и вообще стараются держать ее въ холѣ; въ особенности заботится о ней мать, которая чуетъ близкую разлуку и всячески за нею ухаживаетъ; впрочемъ, такое отношеніе къ выданницѣ замѣчается съ особенною рѣзкостью лишь у Мокши, тогда какъ у Эрзи этой разницы вовсе не замѣчается, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обрусѣніе сильнѣе, тамъ появляется полное равнодушіе къ дочерямъ, и не разъ приходится слышать, что «всякій горшокъ найдетъ свою ложку» («*ерьваки шакшг кармы муйемсг пеньшонзо*») или всякая дѣвушка, какова бы она ни была, найдетъ себѣ жениха. Разъ дѣвушка объявлена невѣстою, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ не совершается умычкою (лисезь), она пользуется въ семьѣ всеобщимъ почетомъ и всякій на перерывъ старается всячески угодить ей, сдѣлать ей что нибудь пріятное, такъ какъ она во все это время находится подъ особеннымъ покровительствомъ

Ведвазыравы, которая можетъ разсердиться, если обидятъ чѣмъ нибудь излюбленную ею дѣвушку; въ глуши Инсарскаго и Краснослободскаго уѣздовъ сномъ такой выданницы пользуется для гаданья, такъ какъ и сонъ ея вѣщій и ниспосылается ея божественною хранительницею. Случается иногда, что дѣвушка вдругъ задуритъ и порѣшитъ остаться безбрачною; бываютъ такіе казусы довольно часто и въ особенности, если на грѣхъ попадется поблизости монастырь; монахини ѣздятъ за сборомъ, отлучаются на работы и разговорами смущаютъ молодыхъ бабъ и дѣвушекъ, которыя, глядишь, и «заскучаютъ»; стоитъ только заскучать, какъ тотчасъ же заскучавшая напускаетъ на себя важность, читаетъ молитвы и наконецъ приступаетъ къ роднымъ по части постройки ей келійки. Если въ семьѣ появится такая «черничка», то семейскіе бываютъ очень довольны, такъ какъ, значитъ, благодать почіетъ на семьѣ; всѣ ухаживаютъ за такою отказавшеюся отъ міра и его радостей, и семья никогда не попрекаетъ нахлѣбницу ея бездѣйствіемъ; какъ на семьѣ лежитъ нравственная обязанность не только кормить черничку, но и доставлять ей рѣшительно все для того, чтобы ей не приходилось думать ни о чемъ житейскомъ, такъ и черничка обязана «умаливать» за семью, чтобы ничто дурное не посѣтило кого нибудь изъ семейскихъ. Такимъ образомъ, между семейскими и черничкою устанавливаются отношенія, основаніемъ которыхъ служитъ правило «рука руку моетъ» и потому ни тѣ, ни другая не считаютъ себя обязанными. Случается, что черничка выходитъ однако, въ концѣ концовъ замужъ; интересно, что тогда семья не беретъ уже выкупа, такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, она считается уже и безъ того вышедшею изъ семьи, не принадлежащею ей, а потому она и выходитъ замужъ, какъ бы на положеніи вдовы; ясное дѣло, что и приданаго семья не даетъ черничкѣ, да она въ этомъ и не нуждается, такъ какъ за время своего черничества успѣетъ достаточно и сама опериться отъ мірскихъ подаяній, отъ чтенія псалтири надъ покойниками и отъ разныхъ отчитываній по старинному требнику, достать который составляетъ желанную цѣль всякой полуграмотной «Христовой невѣсты». У Мокши однако зачастую семья относится къ появленію чернички лишь, какъ къ неизбѣжному злу; старикъ отецъ, да и остальные работники махнутъ только рукой, такъ какъ идти прямо противъ рѣшенія сдѣлаться черничкою счи-

тается какъ бы неловкимъ. Иногда чернички сходятся по 5—7 человѣкъ въ одну келью, которую выстраиваютъ имъ общими усиліями ихъ семейскіе, но, повидимому, постройкою помѣщенія и оканчиваются всѣ обязательства семейскихъ по отношенію къ черничкамъ, такъ какъ кормиться онѣ обязаны уже своими трудами.

Если нѣкоторые братья будутъ выдѣлены, а остальные останутся не отдѣленными, то послѣдніе конечно будутъ относиться съ почтеніемъ къ первымъ, такъ какъ тутъ играетъ роль не то, что онъ отдѣленъ, а то, что онъ старше ихъ; а такъ какъ пословица учитъ, что «*вудиксъ вирти сюкунаи*» (тростникъ гнется передъ лѣсомъ), то и понятно, что неотдѣленные, т. е. младшіе, обязаны относиться къ старшимъ съ извѣстнымъ почтеніемъ. Эрзя не дѣлаетъ ровно никакого различія между единородными и единоутробными дѣтьми, пріемышами и усыновленными, тогда какъ Мокша признаетъ нѣкоторое различіе, ведущее иногда за собою ссоры и неудовольствія. Прежде всего пріемышъ у Мокши называется «*трэитсіора*», т. е. выкормокъ, а слѣдовательно на немъ какъ бы лежитъ обязанность отплатить за заботы о немъ впослѣдствіи; пріемышъ обязанъ содержать престарѣлыхъ своихъ пріемныхъ родителей, если дѣти ихъ успѣли уже вымереть; что же касается до единокровныхъ и единоутробныхъ, то понятно, что отъ живой жены дѣтей любятъ больше, нежели осиротѣлыхъ, а потому и стараются всячески ихъ какъ можно скорѣе отдѣлить и поставить на свои ноги; «*афъ ули азырава-кулава*» (не хозяйка—мертвая баба), говоритъ Мокша и понятно, что живая жена всегда съумѣетъ совершенно незамѣтнымъ образомъ устроить такъ, что сироты всегда будутъ въ загонѣ, а ея дѣти въ почетѣ. Еще сильнѣе эта разница оказывается въ отношенія второмужницы матери къ дѣтямъ отъ перваго мужа и народъ твердо убѣжденъ въ томъ, что «молодая вдова—не мать» («*левксъ выдава афъ ули дэдя*»), такъ какъ ей некогда думать о сиротахъ вслѣдствіе желанія снова выйти замужъ, а тамъ пойдутъ новыя дѣти и старыя будутъ окончательно заброшены на волю божію и на добрыхъ людей; въ силу именно такого то воззрѣнія Мордва очень высоко ставитъ тѣхъ вдовъ, которыя по смерти мужа болѣе не выходятъ замужъ и отдаются своимъ дѣтямъ, пользуясь по временамъ услугами того или другого мужчины, но не связывая своихъ рукъ новымъ бракомъ.

Къ незаконнорожденнымъ Эрзя относится лучше Мокши, но отнюдь не потому что она развитѣе послѣдней, а потому лишь, что количество незаконныхъ рожденій въ эрзянскихъ мѣстностяхъ гораздо значительнѣе и можно даже сказать, что по мѣрѣ обрусѣнія оно увеличивается съ каждымъ днемъ. Эрзя считаетъ необходимымъ прикрыть грѣхъ, т. е. прямо требуетъ, чтобы виновникъ женился, а если онъ не захочетъ, то всегда найдется желающій жениться на родившей, такъ какъ это только доказываетъ, что она годна къ дѣторожденію. Такъ какъ у Мокши болѣе въ ходу «лисезь» и браки совершаются съ полнаго согласія между собою брачущихся, то случаевъ незаконнорожденій здѣсь бываетъ гораздо меньше, а потому народъ и смотритъ на провинившуюся съ нѣкоторою укоризною; тутъ уже ясно, что виновная совершила грѣхъ не по необходимости, а вслѣдствіе нѣкоторой развратности и потому *«палакста шачфъ»* (въ крапивѣ рожденный) не можетъ пользоваться одинаковыми правами съ законными дѣтьми; нѣтъ ему той холи и почета, да и въ имущественномъ отношеніи его конечно обдѣлятъ, такъ какъ нѣкоторую часть изъ общесемейнаго имущества онъ все таки получитъ. Среди Мокши и Эрзи попадается много такихъ, которые принадлежатъ къ поповщинѣ и даже къ безпоповщинѣ; тутъ уже разницы между законными и незаконными дѣтьми не дѣлается ровно никакой, такъ какъ Мордва увѣряетъ, что незаконныя тѣ дѣти, которыя родились отъ родителей, вѣнчавшихся въ никоніанской церкви. Ни разу не удавалось намъ встрѣтить такихъ незаконнорожденныхъ, которые носили бы фамилію матери и принято вообще, чтобы имъ давали фамилію отца, причемъ разница между Эрзею и Мокшею въ томъ, что у первой берется фамилія законнаго отца, а у второй—дѣйствительнаго и, развѣ если законный отецъ согласится, то своимъ именемъ прикрываетъ грѣхъ. Кормить незаконнорожденнаго обязаны его дѣйствительные родители, но дѣло въ томъ, что и у Мокши зачастую приходится наблюдать слѣдующее явленіе: такъ какъ лишній работникъ въ семьѣ дорогъ, то хозяинъ - мужъ очень часто беретъ незаконнаго сына своей жены въ пріемыши и затѣмъ уже онъ перестаетъ считаться «полакста шачфъ» и переходитъ на права «трэи-тсіора». Коли случится грѣхъ съ малымъ у Эрзи и сдѣлаетъ онъ ребенка, то виновникомъ считается онъ, а не женщина, такъ какъ: *«афъ ули сургъ-аш-косынга сурьксенъ*

ускамсъ» (нѣтъ пальца—негдѣ кольца носить), что вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей русской пословицѣ о кобелѣ и сукѣ, но наоборотъ; у Эрзи такого баловника не задумаются и посѣчь немного при волостѝ, а у Мокши не обратятъ на это никакого вниманія, такъ какъ «для того и лапоть, чтобы надѣвать на ногу» (*«сясенди и казь, первка пильге карьсянъ»*). Никакого вознагражденія отъ отца матери не полагается, такъ какъ случилось все съ обоюднаго согласія и слѣдовательно вины его передъ нею нѣтъ никакой—чего же она раньше глядѣла? Во всякомъ случаѣ спѣшимъ засвидѣтельствовать, что случаи незаконныхъ рожденій вслѣдствіе гульбы замужнихъ женщинъ очень рѣдки, а «дѣвка», какъ и у русскихъ,—«общая издѣвка» и съумѣетъ сама за себя постоять; провинность эта чаще всего замѣчена у солдатокъ, а имъ и Богъ велѣлъ, такъ какъ онѣ, по всеобщему убѣжденію, отнюдь не виновны, что имъ «пурэ дали—да отняли» (*«пуренъ максасьтъ—да сээсьтъ»*), замужъ выдали, да и угнали мужей. Эрзя при разспросахъ прямо стояла на томъ, что грѣха тутъ нѣтъ, такъ какъ *«сывель налкси»* т. е. плоть играетъ, а Мокша смотритъ на сорванца и Донъ-Жуана не совсѣмъ хорошо и потому всякій, съ кѣмъ случился такой грѣхъ, спѣшитъ принять своего незаконнаго ребенка или пріемышемъ или же усыновленнымъ; въ особенности часты подобные случаи между тѣми, кто своихъ, законныхъ дѣтей не имѣетъ.

Вообще случаи усыновленія не особенно часты; главною побудительною причиною къ усыновленію является недостатокъ въ семьѣ рабочихъ рукъ, а этого недостатка у Мордвы отнюдь не замѣчается, такъ какъ и плодовита она въ достаточной степени, да и не рѣдко можно встрѣтить здѣсь такъ называемыя «оцю кудъ»—большой домъ, т. е. многотягольныя семьи; иное дѣло, если Богъ не пошлетъ дѣтей, да и то не скоро баба на такой напасти успокоится, сходитъ за помощью къ попу, а коли и тотъ не поможетъ, то обратится къ старухѣ, которая въ праздникъ «Ведьазыравы» заставитъ ее поползать по холсту и вообще употребитъ всѣ усилія, чтобы помочь ея горю. Коли и это средство уже не поможетъ, то въ Саровской пустыни монахи знаютъ какой то секретъ, а ужъ если и отъ того толка не выйдетъ, то приходится взять пріемыша и усыновить его. Усыновляютъ больше мальчиковъ, такъ какъ отъ нихъ семья всегда пользоваться будетъ, а отъ дѣвочки только изу-

бытчишься; у Мокши случается иногда, что, не найдя по близости нигдѣ ребенка, усыновляющій отправляется въ городъ и тутъ уже непремѣнно находитъ искомое, такъ какъ городъ гораздо развратнѣе деревни и тутъ незаконнорожденныхъ можно получить въ изобиліи. Это не бѣда, если въ семьѣ имѣется уже нѣсколько дочерей, такъ какъ «*техтерь — шра, а тсіоратз — шотикотз*», т. е. дѣвка столовая крыша (должна на чемъ нибудь лежать) а сыновья — ножки (сами поддерживаютъ); весь вопросъ въ томъ, чтобы добыть въ семью работника, а потому и случается, что отъ двухъ - трехъ дочерей ищутъ усыновить мальчика. Никакого обычая по отношенію къ годамъ усыновляющаго и усыновляемаго не существуетъ, такъ какъ отъ усыновляющаго требуется лишь, чтобы онъ былъ въ правѣ усыновить, т. е. чтобы онъ былъ главою семьи или же имѣлъ согласіе главы семьи. Понятное дѣло, что усыновляютъ чаще малолѣтнихъ и случаи усыновленія взрослыхъ чрезвычайно рѣдки среди Эрзи, которая охонѣе беретъ въ домъ прямо наймита, батрака, а иногда и нѣсколькихъ, тогда какъ Мокша часто усыновляетъ и взрослыхъ, но тогда требуется всенепремѣнно, чтобы усыновляемый былъ бездѣтенъ, такъ какъ иначе получилось бы двойное, тройное и т. д. усыновленіе, что вовсе не входитъ въ виды усыновляющаго. «*Кафта кеттнэ фкэтз кургатз треайхтз*», т. е. двѣ руки одинъ ротъ кормятъ и бѣда, если имъ придется кормить нѣсколько голодныхъ ртовъ. Свой своему поневолѣ братъ и понятно, что всякій (у Эрзи) охотнѣе усыновитъ своего родственника, нежели чужаго ребенка; но Мокша подобной разницы не дѣлаетъ и съ равною охотою принимаетъ въ свою семью, какъ сородичей, такъ и чужеродцевъ, такъ какъ основа усыновленія лежитъ не въ родственныхъ чувствахъ, а прямо въ цѣляхъ чисто-экономическихъ; именно въ силу этого право на усыновленіе принадлежитъ не исключительно одному мужчинѣ, а и женщинѣ, если она глава семьи или же имѣетъ разрѣшеніе на подобное усыновленіе отъ хозяина дома. Никакихъ особенныхъ обрядовъ при усыновленіи не бываетъ и требуется лишь явка факта усыновленія въ волостномъ правленіи; говорили намъ, что прежде «при дѣдахъ» усыновляющій, принося въ домъ усыновленнаго, клалъ его на порогъ или на «кардась-сэрко», т. е. на ту ямку среди двора, гдѣ обитаетъ божокъ—хранитель дома, но такъ какъ теперь этотъ обычай не исполняется,

то о немъ нечего и говорить. Отъ усыновленнаго требуется, чтобы онъ называлъ отцомъ и матерью его усыновившихъ, тогда какъ для нихъ называть его сыномъ отнюдь не обязательно; точно также онъ получаетъ и отцовскую фамилію и тавро, т. е. того отца, которому принадлежитъ тотъ домъ, гдѣ онъ живетъ; положимъ, что бываютъ случаи, когда связь усыновленнаго съ фактическимъ отцомъ не прекращается, но все же это скорѣе единичные случаи, гдѣ слышится не поддающійся никакимъ ухищреніямъ голосъ крови. По большей части, даже самый фактъ усыновленія совершается подъ тѣмъ условіемъ, чтобы фактическіе родители заранѣе отказались отъ всякихъ правъ на своего ребенка, но понятно, что если усыновляется человѣкъ уже взрослый, то его нельзя заставить забыть тѣхъ, кому онъ обязанъ жизнію; на этомъ то именно и расходится Эрзя съ Мокшею, такъ какъ у первой усыновившій называется «большой отецъ» и окончательно рѣшаетъ судьбу усыновленнаго, тогда какъ у второй родной отецъ не теряетъ окончательно своей власти и даже волостные суды [1]) постановляютъ приговоры, чтобы «отдать Кузнецова родному отцу — пусть поучитъ его породительски, какъ онъ долженъ понимать благодѣяніе Петра Кузнецова, который его въ люди вывелъ». Разъ усыновленіе произошло, то между усыновившимъ и усыновленнымъ устанавливаются обыкновенныя отношенія, какъ между отцомъ и сыномъ; усыновленный наслѣдуетъ по своемъ отцѣ и пользуется всѣми имущественными правами наравнѣ съ родными сыновьями; понятное дѣло, что такое положеніе его въ семьѣ обязываетъ его совершенно наравнѣ съ родными дѣтьми покоить и кормить родителей, когда они обезсилятъ и не будутъ уже въ состояніи добыть что нибудь для дома. Обществу, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до того, кого и сколькихъ желаетъ усыновить хозяинъ, татъ какъ надѣлъ усыновленному нарѣзается не отъ общества, а отъ отца, который воленъ отдать усыновленному хотя бы и всю свою землю или же не дать ему ровно ничего при жизни и отказать ему свой надѣлъ или же часть его лишь на смертномъ одрѣ.

Взгляды на взятаго въ домъ зятя различны у Эрзи и у Мокши, но почему явилась эта разница—для насъ представляется темнымъ,

---

[1]) Верхисъ Инсар. уѣзда Пенз. губ., дѣло 169 за 1875 годъ.

такъ какъ у Эрзи такой зять считается какъ бы усыновленнымъ тогда какъ у Мокши—*«овз»* не считается усыновленнымъ; быть можетъ, причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что *овз* считается по правамъ выше дѣтей, такъ какъ этимъ же именемъ называется и мужъ сестры; въ виду того, что сестра хозяина выше его дѣтей, быть можетъ, и мужъ ея есть дядя и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть усыновляемъ. Такъ какъ разница существуетъ по отношенію къ старшинству въ семьѣ, то понятно, что иногда у Эрзи такой зять, принятый въ домъ, долженъ разстаться со своимъ прозвищемъ и принять прозвище своей жены, тогда какъ у Мокши никогда подобныхъ случаевъ не бываетъ и прозвище остается за зятемъ его собственное. Интересно, что разница эта совершенно не имѣетъ никакого вліянія на права такого зятя надъ его женою и имуществомъ и онъ пользуется въ этомъ отношеніи совершенно одинаково съ тѣмъ зятемъ, который возьметъ жену къ себѣ въ домъ; оно и понятно, такъ какъ онъ, собственно говоря, имѣетъ менѣе правъ по отношенію ко главѣ семьи, но по отношенію ко вновь созидаемой имъ семьѣ онъ самъ является главою. Никакихъ особенныхъ актовъ на пріемъ въ домъ зятя—влазня не совершается, такъ какъ дѣлается это въ силу разъ утвердившагося обычая, а главное не влечетъ за собою никакихъ ограниченій въ имущественныхъ или семейныхъ правахъ для лица, а слѣдовательно и не можетъ давать повода къ спорамъ и дрязгамъ.

Положеніе тѣхъ, кто отслужилъ свой срокъ въ солдатахъ, довольно сносное, такъ какъ народъ смотритъ на военную службу, какъ на жертву, приносимую рекрутомъ за все общество, а семья видитъ въ немъ своего избавителя. Съ тѣхъ поръ какъ для солдата явилась возможность заработать на службѣ, вкралось въ народъ и различное отношеніе къ возвращающимся на родину солдатамъ, опредѣляемое тѣмъ, что онъ принесъ домой со службы; у Эрзи, напримѣръ, тому отставному и почетъ больше, который принесъ больше, а лишившійся руки или ноги и ничего не принесшій для возмѣщенія своего прокорма уже не жди особаго почета и будь доволенъ тѣмъ, что его накормятъ наравнѣ съ остальными членами семьи; у Мокши при раздѣлѣ отставной солдатъ ровно ничего не получаетъ и рѣдко, если вздумается только хозяину, онъ обяжетъ того или другаго отдѣленнаго уже члена прокармливать до смерти

отставного. Если жена и дѣти солдата работаютъ на семью, то они пользуются прокормомъ, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ разсчитывать на выдѣлъ наравнѣ съ остальными членами семьи: «*солдатъ афъ кудоньтсти тии, а илэтненди*», т. е. солдатъ не своему дому работаетъ, а чужимъ. Понятное дѣло, что изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы семья не считала себя обязанною содержать солдатку какъ при жизни ея мужа, такъ и послѣ его смерти, въ особенности, если солдатка цѣнитъ заботы о ней семейскихъ и не смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто должное, обязательное; тутъ вообще самый широкій просторъ личному добродушію и вывести одного общаго правила рѣшительно невозможно; тѣмъ не менѣе, однако у Эрзи появилось такое обыкновеніе, котораго, видимо, прежде не было, и которое не съ особенно хорошей стороны выставляетъ народное добросердечіе. При насъ получено было извѣстіе о смерти одного солдата изъ села Ричкасы, Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи, и вдова съ двумя дѣтьми принуждена была перейти въ домъ своихъ родителей; разсказывавшая намъ этотъ случай Дарья Евреинова утверждала, что подобные факты теперь не рѣдки и въ объясненіе прибавляла неизмѣнно: «развѣ житье въ чужомъ домѣ»? Мокша, повидимому, крѣпче стоитъ за свои стародавніе обычаи и въ томъ случаѣ, если у вдовы есть сыновья, оставляетъ вдову въ домѣ свекра, такъ какъ смотритъ на дѣло прямо съ экономической точки зрѣнія и имѣя въ будущемъ заручку въ рабочей силѣ сиротъ не считаетъ удобнымъ отдавать эту заручку семьѣ вдовы, которая съ удовольствіемъ приметъ такую вдову; иное дѣло, если вдова осталась по смерти мужа бездѣтною, такъ какъ тогда нѣтъ никакой причины удерживать ее у себя. Въ томъ случаѣ, если у солдата есть братья, онъ получаетъ съ ними поровну, такъ какъ представляетъ собою такую же рабочую силу, какъ и они, а слѣдовательно, поставляя въ семью одинаковую съ ними работу, долженъ пользоваться и одинаковыми съ ними имущественными и другими правами. Такимъ образомъ, положеніе бездѣтной вдовы и дѣтной далеко не одинаково, такъ какъ и у Эрзи повелось, что если у вдовы есть взрослые сыновья, то семья не выпуститъ ее изъ рукъ и охотно выпроводитъ за дверь, если она не настолько счастлива; у Мокши случается, что если у вдовы не осталось дѣтей, а мужъ ея былъ при жизни отдѣленъ, то она получаетъ лишь свою седьмую

часть и можетъ идти жить къ своимъ роднымъ; если она не захочетъ выдѣла и оставитъ свою часть въ безраздѣльномъ владѣніи семьи мужа, то никто не намекнетъ ей объ уходѣ и она получаетъ право оставаться на мѣстѣ до своей смерти, хотя и лишается уже права завѣщать своимъ родственникамъ частицу своего вдовьяго имущества. Само собою разумѣется, что обезпеченіе вернувшагося на родину солдата лежитъ не на обязанности семьи, которая и безъ того почти повсюду обдѣлена землею и не можетъ выдѣлить изъ своего надѣла нисколько на долю своего отслужившаго сородича; но за то, если общество не даетъ солдату земли, то онъ не несетъ и никакихъ повинностей; даже и воспользовавшись надѣломъ отъ общества солдатъ освобождается отъ всѣхъ общественныхъ повинностей, если только онъ самъ не захочетъ поступить на общественную службу магазиннымъ сторожемъ и другимъ какимъ нибудь общественнымъ должностнымъ лицомъ за жалованье; солдатъ много на своемъ вѣку видѣлъ и потому общество охотно нанимаетъ его въ пастухи, а также и въ десятскіе, такъ какъ большею частью за постоянною занятостью большихъ эта должность справляется мальчишками, отъ чего страдаетъ самое дѣло. Вообще на отставнаго солдата общество смотритъ такъ, что онъ отслужилъ уже міру и грѣшно заставлять его служить еще. Въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ роль солдата у Эрзи и Мокши снова не одинакова, такъ какъ Эрзя полагаетъ, что по закону, если солдатъ не домохозяинъ, то не можетъ имѣть и права голоса на сходѣ, хотя намъ постоянно говорили: пусть придетъ и скажетъ, какъ добрый человѣкъ—коли умно, такъ послушаютъ. Такимъ образомъ, здѣсь все дѣло сводится къ отсутствію оффиціальнаго права и къ существованію фактическаго обычая, который идетъ въ разрѣзъ съ писаннымъ закономъ и находитъ выходъ именно въ совѣщательномъ, а не рѣшающемъ значеніи солдатскаго голоса. У Мокши отставной солдатъ прямо таки пользуется правомъ голоса на сходѣ и законъ какимъ то образомъ ухитряются обходить.

X.

По всѣмъ вѣроятіямъ отличительнымъ признакомъ стариннаго мордовскаго двора была многотягольность, которая однако съ те-

ченіемъ времени все уменьшается и скоро, быть можетъ, и здѣсь семья по составу своему ровно ничѣмъ не будетъ отличаться отъ нашей русской, преобладающей нынѣ однотягольной семьи; уже самое устройство мордовскаго двора указываетъ на задружное устройство семьи у этого народа, такъ какъ и до сихъ поръ еще можно зачастую встрѣтить по три и даже по четыре избы въ одной общей связи, при чемъ слово *«кудъ»* далеко не значитъ только домъ, а весь дворъ вмѣстѣ взятый, хотя бы въ немъ и было нѣсколько жильевъ. Слова «семья» въ мордовскомъ языкѣ не существуетъ и обыкновенно говорятъ вмѣсто семьи или фамиліи «такое то тавро» или «тавра Пекки Пакарнэ», т. е. тавра Петра Зернова; вся семья, пока она живетъ подъ властію одного домохозяина имѣетъ тавро, напримѣръ колесо, косу, зерно (Колесниковъ, Косачевъ, Зерновъ), причемъ для отличія отдѣльныхъ членовъ этого тавра употребляются различные знаки: лишняя спица, двойная ручка и т. п. Если изъ этого тавра выдѣляется новая отдѣльная семья, то она или беретъ себѣ новое тавро, или же видоизмѣняетъ старое, напримѣръ, отъ Колесниковыхъ могутъ произойти Спицыны, Телегины, Оглоблины и т. п.; иногда ради того, чтобы помнить свое происхожденіе, новая семья лишь дополняетъ старинное свое тавро, причемъ звучитъ фамилія также, но, напримѣръ, для мѣты употребляются уже двѣ накрестъ лежащія косы. Интересно, что для семьи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, тоже нѣтъ слова въ мордовскомъ языкѣ и семья по стольку лишь составляетъ нѣчто единое, поскольку она—дворъ. Понятное дѣло, что встрѣчаются семьи, какъ многотягольныя, такъ и однотягольныя, но послѣднія все еще довольно рѣдки и въ особенности въ малообрусѣвшихъ уѣздахъ, куда еще не успѣло проникнуть стремленіе къ поминутнымъ раздѣламъ, которые ведутъ къ обнищанію семей. Въ большинствѣ случаевъ среди Эрзи попадаются теперь больше такія семьи, которыя состоятъ изъ отца и сыновей, хотя и бы женатыхъ съ дѣтьми, но недалеко еще то время, когда не рѣдко можно было встрѣтить семьи, гдѣ число членовъ доходило въ 50—60 душъ; къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ обрусѣнія такія громадныя семьи насчитываются теперь уже по пальцамъ и переходъ къ односемейности или однотягольности совершится въ недалекомъ будущемъ, если только не совершится какой нибудь экономическій переворотъ, который прекратитъ

губительное вліяніе раздѣловъ. У Мокши большія семьи преобладаютъ; она прекрасно отличаетъ *«оцю семя»* отъ *«йолма семя»* и только въ первой видитъ залогъ благосостоянія; понятное дѣло, что старики никогда и не подумали бы о томъ, чтобы дѣлить своихъ сыновей, и движеніе идетъ прямо отъ молодежи, которая, искушаясь примѣромъ русскихъ крестьянъ, а также и городскою жизнью, требуетъ выдѣла у родителей и при помощи назойливости своихъ бабъ достигаетъ того, что родители, наконецъ, бываютъ вынуждены произвести раздѣлъ общесемейскаго имущества; Мокша и здѣсь однако оказывается похитрѣе Эрзи и такой, принужденный къ раздѣлу, отецъ согласится на требованіе дѣтей и дѣлитъ движимость, но землю оставляетъ неприкосновенною; онъ строитъ своимъ женатымъ дѣтямъ избы въ одномъ съ собою дворѣ и требуетъ лишь общаго выѣзда на полевыя работы; цѣль молодежи, такимъ образомъ, достигается, такъ какъ она живетъ своею, самостоятельною жизнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дворъ не раззоряется, а продолжаетъ процвѣтать на вящшую зависть русскимъ сосѣдямъ, которые иначе не могутъ объяснить мордовскую зажиточность, какъ тѣмъ, что она— Мордва колдуетъ и «не тому богу молится». Очень часто можно встрѣтить семьи, въ которыхъ живутъ дѣдъ—глава семейства, три его сына, изъ которыхъ у одного три сына и одинъ изъ нихъ женатый, у другаго три сына и одинъ изъ нихъ женатый съ дѣтьми, у третьяго три же сына не женатыхъ; вся семья состоитъ изъ 17 человѣкъ; попадались намъ не рѣдко и такія семьи: три родныхъ брата, всѣ женатые, причемъ у одного четверо дѣтей, да два двоюродныхъ ихъ брата съ дѣтьми; никакихъ ссоръ мы не замѣчали и вообще, когда затѣвали разговоръ о возможности для нихъ раздѣлиться, то они отвѣчали намъ: *«ваткакъ пиньгенъ — ведъ бочкаста кармась кольгама»* — сними обручъ — вода изъ бочки потечетъ, и этимъ давали понять, что вполнѣ сознательно живутъ не раздѣляясь, въ виду экономическихъ выгодъ, которыхъ при маломъ количествѣ рабочихъ рукъ должны неминуемо лишиться. Точно такія же воззрѣнія были и у Эрзи, такъ какъ эту же пословицу мы имѣли случай записать и въ одномъ изъ эрзянскихъ уѣздовъ; *«ускакъ пинксенъ — ведъ бочкасто кармазь тшудемсъ»*, говорила намъ неоднократно Эрзя, но вслѣдъ затѣмъ начинались безконечныя жалобы на молодежь и, въ особенности, на невѣстокъ—бабъ, которыя

никакъ не могутъ раздѣтить въ печи свои горшки и доводятъ пиленьемъ своимъ мужей до раздѣла. Когда мы разсказывали Эрзянамъ, какъ выходитъ изъ этого труднаго положенія Мокша, то они удивлялись спохватливости «ясачной» Мордвы и говорили, что у нихъ этого нельзя сдѣлать, такъ какъ селятся они не широко и не хватитъ мѣста во дворѣ для нѣсколькихъ избъ; собственно говоря, эта причина совершенно не дѣйствительна, такъ какъ мѣста хватило бы на всѣхъ, но вся бѣда въ томъ, что Эрзя «болѣе культивировалась», а потому и живетъ гораздо бѣднѣе Мокши. Болѣе 7 членовъ въ одной семьѣ намъ встрѣтить у Эрзи не случалось, тогда какъ не разъ приходилось наблюдать у Мокши семьи въ 25 и до 40 членовъ; какъ на восьмое чудо свѣта намъ указывали въ Иссѣ на дѣда, который выѣзжалъ на десятину въ 21 соху; семья его состояла изъ него и его жены, его брата съ двумя сыновьями, шести его сыновей съ женами и 21 сыномъ, 7 внукъ, и двухъ правнуковъ и 4 правнучекъ, т. е. изъ 51 души; почтенный патріархъ и не думаетъ о смерти и сыновья его также почтительно къ нему относятся, какъ къ нимъ самимъ ихъ малолѣтки; ничто не предпринимается безъ воли хозяина, который однако всегда держитъ предварительно совѣтъ съ женатымъ своимъ потомствомъ.

Въ многотягольной семьѣ бываетъ обыкновенно одинъ глава, такъ какъ «*тійадо сисемнескъ, арсейекъ-фкэ*», т. е. дѣлайте всемеромъ, думай одинъ; понятное дѣло, что если бы было нѣсколько хозяевъ, то порядка въ домѣ не было бы, такъ какъ семья держится только непреклонною волею одного лица, ограниченною желаніемъ общесемейской выгоды. У Эрзи и у Мокши одинаково старшой называется «*сирэ*», т. е. старикъ, а когда члены семьи обращаются къ нему, то называютъ его «*атя*», что тоже значитъ «старѣйшина»; когда хотятъ назвать его по отношенію къ его власти въ домѣ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда наши русскіе употребили бы слово «хозяинъ», говорятъ обыкновенно «*кудазыръ*»—хозяинъ дома, а хозяйку называютъ—«*кудазырава*». Кудазыръ — хозяинъ, владыка дома, а потому владыка всего государства есть «великій хозяинъ» – «оцазыръ». Меньшіе члены семьи вообще называются у Эрзи «*менштикатъ*»; а у Мокши никакого особеннаго прозвища не носятъ, хотя хозяинъ, обращаясь къ нимъ, и употребляетъ всегда выраженіе «*йолманэтъ*» т. е. малютки, дѣтки. Мы

говорили уже въ началѣ, какъ строго соблюдаетъ Мордва обычныя приличія при обращеніи членовъ семьи другъ къ другу и замѣтимъ лишь здѣсь, что замѣна одного обращенія другимъ, менѣе почетнымъ, влечетъ за собою часто большія семейныя неудовольствія. Понятное дѣло, что случаевъ, когда въ семьѣ имѣются и члены чужеродцы, при всемъ маломъ значеніи рода у Мордвы, никогда наблюдать не приходится, такъ какъ такой чужеродецъ можетъ вступить въ семью или какъ пріемышъ, или какъ усыновленный, или какъ зять—влазень, но тогда онъ перестаетъ уже быть чужеродцемъ и принадлежитъ къ тому роду, который его принялъ; въ силу этого, среди Мордвы не было наблюдаемо и такого факта, чтобы нѣсколько совершенно чужихъ другъ къ другу людей сходились для совмѣстнаго жительства и образовывали изъ себя семью. Правда, въ нѣкоторыхъ семьяхъ, которыя обладаютъ большими достатками, существуютъ работники или батраки, но, видимо, это явленіе новое, не имѣющее корней въ старинномъ бытѣ мордовскаго народа, а потому и вышло, что болѣе обрусѣвшая Эрзя переняла у своихъ русскихъ сосѣдей обращаться съ работниками, какъ съ менщиками, тогда какъ у Мокши, хотя работники и ѣдятъ вмѣстѣ съ семейскими и пользуются очень хорошимъ обращеніемъ, все же они не сравнены въ правахъ съ меньшими членами семьи, такъ какъ не связаны общимъ происхожденіемъ или общимъ тавромъ съ главою семьи; оказывается, что даже нѣтъ и слова въ Мордовскомъ языкѣ для выраженія понятія «работникъ» и, когда Мордвинъ отправляется на заработки, на лѣвый берегъ Волги, то онъ не идетъ *«тийксэ»* т. е. дѣлать, творить, а уходитъ *«работамсэ»*, т. е. дѣлать на другихъ, все равно за плату или безъ оной. Понятное дѣло, что по нуждѣ, когда всѣ женатые неспособны управлять домомъ или же почему либо не могутъ принять на себя эту обузу, то и у Эрзи и у Мокши обязанности права хозяина переходятъ къ неженатому, который отличается дѣловитостью и умѣетъ найтись тамъ, гдѣ другіе опускаютъ руки предъ обстоятельствами; ясное дѣло, что преимущество все таки же отдадутъ женатому передъ не женатымъ и требуется очень много благопріятныхъ условій для того, чтобы домоправительство перешло къ «малому» лѣтъ восемнадцати, но не успѣвшему еще обжениться; конечно, случаи эти очень рѣдки, но происходитъ это вовсе не потому, чтобы

это было невозможно въ силу установившихся обычаевъ, а потому лишь, что рѣдко можно найти неженатаго Мордвина въ эти годы, такъ какъ, какъ мы выше говорили, правоспособность измѣряется у этого народа половою способностью, а эта послѣдняя наступаетъ гораздо раньше узаконеннаго возраста для совершеннолѣтія. Разница между Эрзею и Мокшею проявляется въ другомъ отношеніи и притомъ чрезвычайно рѣзко, а именно по отношенію къ правамъ женщины. По всѣмъ видимымъ до нынѣ признакамъ мы вправѣ думать, что въ старомордовскомъ бытѣ женщина отнюдь не считалась чѣмъ то низшимъ сравнительно съ мужчиною и пользовалась одинаковыми съ нимъ правами, какъ семейными, такъ и имущественными, но съ теченіемъ времени и по мѣрѣ учащенія сношеній съ русскими, въ которыхъ успѣло уже вкорениться съ одной стороны византійско-аскетическое, а съ другой—восточно-татарское воззрѣніи на женщину, какъ на порожденіе эхиднино и рабу, и среди той Мордвы, которая находилась въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ русскими, стало получать силу убѣжденіе въ неравноправности женщины и мужчины. Эрзя считаетъ совершенно немыслимымъ для женщины быть главою семьи, тогда какъ Мокша полагаетъ, что несомнѣнно вдова—мать несовершеннолѣтнихъ должна быть главою дома, а при случаѣ она же считается «кудазырава» и при совершеннолѣтнихъ дѣтяхъ. Если бы Мокша не уважала материнства, то ни въ какомъ случаѣ не могли бы явиться у нея такія пословицы, какъ напримѣръ: «*аляпз вашенэ афз соды, а элдэнь инькса-чафы*», т. е. отца жеребенокъ не знаетъ, а по кобылѣ ржетъ; или: «*аватненз—лама, дэдясь-фкесь*»—бабъ много, мать—одна; или же наконецъ: «*дэдясь корхтась—Шкаи корхтась*», т. е. мать сказала—Богъ сказалъ. Чувство уваженіе къ матери было не разъ нами наблюдаемо и намъ зачастую приходилось видѣть такія семьи, гдѣ фактическимъ главою была именно мать, такъ какъ хозяинъ ничего не предпринималъ безъ ея согласія. Очень можетъ быть, что это чувство уваженія къ женщинѣ коренится въ самихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Мордвы, такъ какъ намъ извѣстно, напримѣръ, вполнѣ достовѣрно, что во многихъ случаяхъ жречество находилось въ рукахъ женщинъ, такъ какъ и до сихъ поръ нѣкоторымъ богамъ мужчины справлять «*моляма*» не могутъ; наконецъ, уже самое существованіе богини — матери объясняетъ нѣсколько причину, по-

чему положеніе мордовской женщины должно было отличаться отъ положенія ея у восточныхъ народовъ.

Власть отца — хозяина очень сильна и все находится въ его волѣ. Нигдѣ не случалось, чтобы при жизни такого главы члены семьи вздумали его смѣстить и посадить но его мѣсто другого, такъ какъ такой поступокъ былъ бы равенъ покушенію на священнѣйшія воззрѣнія и убѣжденія всего народа. Такъ какъ для казны нѣтъ дѣла до укоренившихся народныхъ обычаевъ, то случалось иногда, что посредники, а затѣмъ и другіе люди, власть имущіе, смѣщали по своей волѣ главу и сажали на его мѣсто того, кто имъ болѣе нравился и кто, по ихъ мнѣнію, былъ болѣе способенъ управлять домомъ и быть его представителемъ въ сношеніяхъ съ государствомъ; само собою разумѣется, что такіе избранники и не думали стать дѣйствительными хозяевами и, хотя и являлись таковыми предъ начальствомъ, однако у себя дома слушались во всемъ фактическаго главы и дѣлами только то, что онъ прикажетъ; оказывалось такимъ образомъ, что «мѣропріятіе» не удавалось и «распорядительный» прежде Мордвинъ поступалъ точно также, какъ поступалъ и тотъ, что не понравился властямъ. Самъ отецъ однако, чувствуя упадокъ силъ, или же по другимъ какимъ нибудь причинамъ, можетъ отказаться отъ власти и передать ее любому изъ членовъ своей семьи, хотя бы этотъ излюбленникъ и не былъ послѣ него въ семьѣ старшимъ; тѣмъ самымъ всѣ права хозяина переходятъ къ этому новому главѣ, котораго всѣ обязаны слушаться безпрекословно, такъ какъ онъ для остальныхъ членовъ семьи является уже въ качествѣ «кудазыръ». По смерти «кудазыръ'а» приходится приступить къ выбору новаго, причемъ всѣ обращаютъ вниманіе на лѣта и женатость будущаго главы, хотя, главнымъ образомъ, принимаютъ въ разсчетъ,- путный ли онъ человѣкъ, ладится ли у него и спорится ли дѣло и не пьетъ ли онъ; если избранникъ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ и подходитъ подъ эти условія, то онъ, со всеобщаго согласія, признается главою и споры противъ подобнаго избранія становятся невозможными. Большакъ распоряжается имуществомъ семьи вполнѣ безконтрольно, хотя на самомъ дѣлѣ этотъ контроль и существуетъ, такъ какъ ни одинъ путный хозяинъ не предприметъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись предварительно съ семейскими; слѣдуетъ

замѣтить, что такой совѣтъ вовсе для азыра не обязателенъ, но тѣмъ не менѣе всѣ хозяева, съ которыми мы объ этомъ говорили, утверждали, что онъ необходимъ такъ какъ *«кудазыръ кули, а кудъ ули»*, т. е. хозяинъ умираетъ, а домъ остается. Если кто нибудь изъ членовъ семьи провинится, то глава семьи вправѣ дать ему тотчасъ же встряску, а иногда можетъ прибѣгнуть даже и къ розгамъ и не было случая, чтобы кто нибудь жаловался на такое наказаніе, по той простой причинѣ, что никто не выслушалъ бы такой жалобы, а если бы и выслушалъ, то виновнымъ оказался бы самъ жалующійся, такъ какъ, по общенародному убѣжденію, отецъ или хозяинъ не посѣкъ бы его задаромъ. Спѣшимъ однако оговориться, что все, что мы говоримъ о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семьи, касается лишь такихъ семей, которыя стоятъ при нормальныхъ условіяхъ, тогда какъ пословица «въ семьѣ не безъ урода» существуетъ и въ мордовскомъ языкѣ и звучитъ у Мокши: *«и тозырса ардасъ улы»*—и въ пшеницѣ есть соръ, а слѣдовательно и тутъ возможны исключительные случаи, которые не подходятъ подъ общее правило. Большакъ является представителемъ семьи предъ властями, предъ общиною и предъ церковью; онъ отвѣчаетъ за свой домъ передъ начальствомъ, онъ уплачиваетъ за всю семью подати и повинности, онъ при нуждѣ вступаетъ въ переговоры со священникомъ и однимъ словомъ ведетъ всѣ дѣла дома; понятно, что онъ же является, нѣкоторымъ образомъ, и отвѣтчикомъ за членовъ своей семьи и намъ не разъ попадались приговоры волостныхъ судовъ, гдѣ штрафъ налагался не на самого виновника, а на его хозяина, который отвѣчаетъ даже и за проступки своихъ работниковъ, съ которыми ему впослѣдствіи предоставляется вѣдаться, какъ знаетъ. Въ Пермисѣ, Корсунскаго уѣзда, намъ попался такой приговоръ: «3 мая сего года (1874) означенный работникъ Петра Гудкова Иванъ Шкуринъ, находившись въ сильномъ иступленіи пьянства пришелъ подъ окно и, увидавъ тутъ Марью Лобову, ударилъ ее бывшею съ нимъ для собакъ палкою, отчего у нея при судьяхъ видимы были на тѣлѣ ударныя пятны и она упала со скамьи, а онъ Шкуринъ, не окончивъ свое неистовство, раму у нея въ окнѣ вышибъ и ушелъ снова въ кабакъ. . . . Приговорили его Шкурина наказать при волостномъ правленіи пятнадцатью ударами розогъ и убытки заплатить; за побои пять руб-

лей; да рубль за раму, а какъ у него Шкурина денегъ никогда не было и за пьянствомъ его и посейчасъ нѣтъ, то взять оные шесть рублей съ хозяина его Петра Гудкова, чтобы онъ своимъ работникамъ такой воли не давалъ и безчинствія не допущалъ [1]). Подобныхъ примѣровъ отвѣтственности хозяина за своихъ чадъ и домочадцевъ очень много и обусловливается его отвѣтственность всегда одними и тѣми же мотивами, т. е. чтобы... и воли не давалъ и безчинствія не допущалъ».

Лишить большака его власти у Эрзи не можетъ никто, развѣ если онъ самъ поволитъ отказаться отъ обузы домоправительства; напротивъ того, среди Мокши повелось, что, если хозяинъ окажется не въ состояніи управиться съ дѣлами или же будетъ постоянно лишь бражничать, то всѣ члены семьи собираются на торжественный совѣтъ, гдѣ смѣщаютъ главу и назначаютъ новаго; тутъ соблюдается одинъ крайне интересный обычай, который можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на кажущуюся съ перваго взгляда несообразность смѣны главы съ воззрѣніями народа на его власть. Такой совѣтъ устраивается всегда за обѣдомъ или вообще за какою нибудь ѣдою, причемъ накрывается непремѣнно одинъ лишній приборъ, т. е. кладутъ ложку и кусокъ хлѣба на долю послѣдняго умершаго старшаго. Такимъ образомъ, слѣдуетъ полагать, что члены семьи находятся въ полной увѣренности, что на совѣтѣ присутствуетъ этотъ покойникъ, который своимъ присутствіемъ какъ бы освящаетъ рѣшеніе совѣта. Точно также и при смерти хозяина существуетъ нѣкоторая разница въ обычаяхъ Эрзи и Мокши, такъ какъ у первой, тотчасъ послѣ смерти отца вступаетъ въ отправленіе обязанностей «кудазыръ'а» старшій изъ братьевъ, тогда какъ у второй беретъ въ руки дѣла тотъ, кто поумнѣе изъ семейскихъ, и только по прошествіи поминальнаго срока семья можетъ приступить къ выбору новаго главы, такъ какъ Мокша полагаетъ, что покойникъ не тотчасъ же отправляется въ пчельникъ Масторъ-Паса, а странствуетъ по землѣ и принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ дѣлахъ своей семьи, пока оставшіеся въ живыхъ не исполнятъ послѣдняго обряда оставленія его на могилѣ и изгнанія изъ дома.

---

*) Пермисъ, Корсун. уѣздъ, Симб. губ., дѣло 1874 года, № 61-й.

Большуха существуетъ въ мордовской семьѣ лишь по стольку, по сколько она — жена большака; понятное дѣло, что когда большакъ умираетъ, то его жена-вдова остается большухою, причемъ она сохраняетъ за собою это званіе даже и въ томъ случаѣ, когда въ семьѣ будетъ иной «кудазыръ»; хотя жена этого послѣдняго и будетъ въ дѣйствительности «кудазырава», но она ничего рѣшительно не предприметъ, не спросивши совѣта у вдовы прежняго главы по той простой причинѣ, что *«сирэтъ кирджидыхтъ кофта йоньтъ»*, т. е. старики имѣютъ два ума. Выбирать большуху никогда не приходится, такъ какъ женщина дѣлается ею вслѣдствіе назначенія ея мужа, ipso facto, большакомъ. Изстари повелось, что всѣ члены семьи слушаются большуху также точно, какъ и самого большака, такъ какъ *«аля и ервэ фкаста толкевста чаткатъ улыхтъ»* т. е. мужъ и жена изъ одного кремня искры, а семейскія женщины находятся въ полнѣйшей власти большухи и не могутъ ступить шага безъ ея разрѣшенія; мужикъ еще можетъ поумничать, не послушаться ея и сходить за спросомъ къ большаку, тогда какъ бабѣ это ни въ какомъ случаѣ не разрѣшается и она обязана безпрекословно повиноваться большухѣ.

Права и обязанности личныя, имущественныя и хозяйственныя женатыхъ членовъ семьи мужскаго пола и не женатыхъ, но уже взрослыхъ, совершенно одинаковы, такъ какъ опять таки тутъ имѣетъ значеніе не самый фактъ женитьбы, а полная способность къ послѣдней, которая пріобрѣтается обыкновенно раньше оффиціальнаго совершеннолѣтія; поэтому и подати и повинности распредѣляются между женатыми членами семьи поровну, причемъ уплачиваются онѣ изъ общесемейскаго дохода и притомъ самимъ большакомъ. Для того, чтобы получить право совѣщательнаго голоса на домашнемъ совѣтѣ, требуется достиженіе шестнадцатилѣтняго возраста, т. е., приблизительно возраста половой зрѣлости у Мордвы, но конечно не всякій шагъ большака обсуждается семьею, а лишь такіе шаги, которые касаются, такъ сказать, недвижимости; продать или купить домъ или землю большакъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшится, не посовѣтовавшись съ семейскими, тогда какъ онъ всегда воленъ своею властью продать что нибудь изъ скотины или нѣсколько бортей и т. п. Интересно, что перенести въ другое мѣсто пчельникъ большакъ тоже никогда не рискнетъ самовольно и всегда посовѣтуется

предварительно съ семейскими; съ приближеніемъ старости большакъ чаще и чаще обращается къ своимъ домочадцамъ за совѣтомъ, такъ какъ онъ становится слабѣе и не можетъ за всѣмъ углядѣть.

Кромѣ кое какихъ бездѣлушекъ, какъ, напримѣръ, свадебныхъ подарковъ, ни одинъ членъ семьи не можетъ имѣть своего личнаго имущества, такъ какъ «пчела ѣстъ медъ изъ улья, а не изъ своего мѣшка» (*мешъ йархтси медынъ нешкэстэ, афъ кэскаустынза*); все, что принадлежитъ семьѣ, принадлежитъ отчасти и ему, но за то и все, что принадлежитъ ему, должно быть общесемейскимъ. Каждый членъ семьи одѣвается, обувается, ѣстъ и пьетъ на счетъ всей семьи и можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ и отъ голода, и отъ холода, пока онъ живетъ въ семьѣ; когда вздумается ему, какъ это случается очень часто, уйти куда нибудь на работу, то весь свой заработокъ онъ обязанъ цѣликомъ принести семьѣ, ничего не утаивая, такъ какъ, собственно говоря, онъ утаилъ бы у себя, а не у другихъ. Сколько бы времени такой отходчикъ ни пробылъ на заработкахъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не теряетъ своего права на общесемейное достояніе; даже если бы онъ долго не писалъ своимъ домашнимъ, то и тогда они исключатъ его изъ семьи лишь въ томъ случаѣ, когда получатъ свѣдѣніе о его смерти. Уходя на дальніе и долгіе заработки, не повелось оставлять никакого залога, такъ какъ никому и въ голову не вбредетъ уйти отъ семьи, бросить ее и слѣдовательно всѣ могутъ быть увѣрены въ томъ, что ушедшій на заработки вернется; жена его и дѣти остаются все время и пользуются одинаковыми правами съ остальными членами семьи на общемъ положеніи. Быть можетъ они то и служатъ обезпеченіемъ для семьи въ томъ, что ушедшій на заработки непремѣнно вернется въ семью. Мордва — народъ чрезвычайно трудолюбивый и потому постоянно ищетъ работы; ходитъ она въ астраханскія низовья на рыбную ловлю, ходитъ на лѣвый берегъ Волги на хлѣбныя работы и даже находятся такіе, которые работаютъ по Пермскимъ и Уральскимъ заводамъ; послѣдніе конечно, наперечетъ, и главнымъ отходнымъ промысломъ считается отходъ на время уборки хлѣба въ Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую и Уфимскую губерніи. Повелось это такимъ образомъ, что отходчики сбиваются еще дома въ артели, причемъ выбираютъ для каждой артели своего старосту, который ведетъ счеты по рас-

ходамъ и доходамъ своихъ довѣрителей, торгуется за нихъ съ нанимателями, получаетъ заработную плату. Такая артель называется по мордовски (мокш.) — «*кенджэ*», т. е. табунъ, стадо и уходитъ иногда за тысячу верстъ отъ дома. Старостамъ такой артели (*кенджазыръ*) приходится много хлопотать, такъ какъ Мордвинъ привыкъ торговаться не хуже Татарина и намъ не разъ случалось видѣть, что капитаны волжскихъ пароходовъ, поторговавшись съ добрый часъ времени съ кенджазыромъ, соглашались доставить всю артель до мѣста за 25 к. съ головы тамъ, гдѣ по тарифу пришлось бы заплатить копѣекъ по 75 съ человѣка; надо знать гдѣ выйти пароходу на встрѣчу, т. е. не садиться, напримѣръ, въ городахъ, гдѣ никакой торгъ не возможенъ, а выходить къ такимъ пристанямъ, гдѣ нельзя ждать ни грузовъ, ни пассажировъ; тутъ капитанъ поневолѣ долго упрямиться не будетъ и кэнджазыръ съ торжествомъ выторгуетъ добрый полтинникъ съ рубля. Безъ дѣла артель никогда не будетъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда она направляется, и безъ того рабочихъ рукъ мало: а Мордва считается лучшими работниками и мордовской артели всегда отдадутъ преимущество передъ русскою, хотя и не передъ татарскою.

Права и обязанности женщинъ въ многотягольной семьѣ, конечно, не совсѣмъ тожественны съ правами и обязанностями мужчинъ, но мы уже говорили, что женщина въ мордовской семьѣ все же поставлена гораздо лучше, нежели въ семьѣ русской; положимъ, она не участвуетъ въ общесемейскомъ совѣтѣ, но дѣло въ томъ, что она пользуется извѣстнымъ нравственнымъ вліяніемъ на мужа и дѣйствуетъ черезъ него; среди Эрзи и Мокши почти не бываетъ браковъ вслѣдствіе лишь того, что парню и дѣвкѣ пришла пора обжениться и большинство браковъ совершается по любви, а по этому отношенія между мужемъ и женою здѣсь очень хороши и мужъ совѣтуется съ женою очень часто; русскихъ присловій въ родѣ короткости бабьяго ума и подобія его куриному намъ слышать не удавалось, а, напротивъ того, мы слышали во многихъ мѣстахъ, что «*мирьде кохты козика арсы*» (эрз.), т. е. мужъ говоритъ, а жена думаетъ; Мокша, видимо, думаетъ точно также и полагаетъ, что «*афъ чэйендакъ алнни - кизифтакъ эрвенъ*» (не вѣрь мужу, спроси у жены) и «*валъ аляпъ - арзевъ эрвенъ*» (говоръ мужа, дума жены). Вся разница въ положеніи женщины и

мужчины состоитъ въ томъ, что она является помощницею мужа, а слѣдовательно и семьи, а причина такого не равнаго отношенія лежитъ прямо въ томъ, что женщина—не жилица въ семьѣ и только и норовитъ, что уйти изъ нея, тогда какъ мужчина-вѣчный работникъ на семью. Что все это такъ, это подтверждается очень хорошимъ положеніемъ въ семьѣ замужнихъ женщинъ, которыя слѣдовательно вступили уще въ семью и изъ нея болѣе не выйдуть; имъ и почетъ и холя, тогда какъ дѣвка, того и гляди, уйдетъ изъ дома. Само собою разумѣется, что женщина вступая въ семью можетъ принести съ собою кое что изъ имущества, состоящаго въ носильномъ платьѣ, разнаго рода украшеніяхъ и т. п., но, кромѣ того, онѣ могутъ имѣть и своихъ куръ и даже корову, которыя лишь номинально отдаются въ семью, тогда какъ яйцами и молочными скопами онѣ пользуются сами; впрочемъ, послѣднее наблюдается очень рѣдко и, по большей части, женщины отдаютъ все это на всю семью, не дѣлая различія между своимъ и семейскимъ; ясное дѣло, что своею личною собственностью баба можетъ распорядиться, какъ ей угодно, но если она баба хорошая, то она никогда не рѣшится ни на какое дѣло, не спросивши совѣта у мужа; мы имѣли передъ глазами нѣсколько примѣровъ отдачи въ семью денегъ, вырученныхъ бабами на станціяхъ за продажу пассажирамъ молока и ягодъ, хотя продавщицы могли бы по обычаю оставить эти деньги у себя; также точно деньги, которыя намъ приходилось платить за постой и ѣду, попадали бабамъ, такъ какъ мужики отъ нихъ отказывались, говоря, что это *«аватнень павасъ»*, т. е. бабье счастье; приходилось отдавать деньги большухѣ или же той бабѣ, которая наиболѣе хлопотала, а слѣдовательно и была старшая между равными. Такъ какъ повелось, что хорошая баба всякую выручку отдаетъ въ семью, то одежда и обувь для нихъ лежитъ не на ихъ обязанности, а составляетъ заботу всей семьи; конечно, семья не станетъ тратить очень большихъ денегъ на это и не подумаетъ о разныхъ украшеніяхъ, да оно, собственно говоря, и не нужно, такъ какъ у каждой бабы найдется свой собственный праздничный нарядъ, цѣнностью въ 30 — 150 рублей, а иногда доходящій и до 800 р.; эти украшенія переходятъ отъ матери къ дочери и такъ какъ имъ нѣтъ износа, то они могутъ лишь увеличиваться въ цѣнности прибавкою золотыхъ и серебрянныхъ монетъ, а

никакъ не изнашиваться. Семья обязана дать лапти, но не разноцвѣтное сукно, которымъ они привязываются къ ногѣ; отъ семьи идетъ полотняная рубаха, а вышить ее разными вычурными рисунками предоставляется на волю самой бабы. Что то нигдѣ не слыхать, чтобы жены и дочери мордовскія уходили на сторонніе заработки и если попадается въ городахъ нѣкоторая часть прислуги мордовскаго происхожденія, то она больше изъ Эрзи, тогда какъ Мокша крѣпко держится возлѣ своего дома, гдѣ найдется вдоволь работы для всякаго, кто отъ работы не сторонится; да и самую Эрзю только неволя заставляетъ иногда уходить изъ дома, такъ какъ, напримѣръ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ богатые мѣстные помѣщики такъ ловко ухитрились устроить крестьянскій надѣлъ, что земледѣльческому народу не надъ чѣмъ работать, а слѣдовательно нечѣмъ и жить. Какъ и слѣдовало предполагать, дѣвушкѣ хуже въ семьѣ нежели бабѣ, такъ какъ она никакого голоса не имѣетъ по той простой причинѣ, что «баба на домъ, а дѣвка на голову, да на ноги» (*ава кудонь инькса, а стирь преанв инькса, ште пилгетнень инькса*); даже и женщина только тогда начинаетъ что нибудь значить въ семьѣ, когда она забеременѣетъ, такъ какъ и Эрзя и Мокша убѣждена вполнѣ, что «мужику почетъ растетъ съ бородою, а бабѣ — съ брюхомъ» («*Алями комама касы сакалынв мархта, а авати—потманв мархта*»). Такимъ образомъ, какъ мужикъ получаетъ полную правоспособность въ моментъ половой зрѣлости, такъ и женщина дѣлается правоспособною въ тотъ моментъ, когда она докажетъ свою половую зрѣлость; это воззрѣніе объясняетъ намъ, почему дѣвкѣ нѣтъ стыда родить, такъ какъ этимъ она лишь доказала свою половую зрѣлость и способность быть хорошею женою, которой не придется ждать беременности для того, чтобы пользоваться почетомъ въ семьѣ. Всѣ распоряженія, касающіяся женщинъ дѣлаются большухою, которой всѣ обязаны безпрекословно повиноваться; въ ея распоряженія мужики не вступаются никогда, такъ какъ не ихъ это дѣло, но въ случаѣ неповиновенія остальныхъ женщинъ дѣло поступаетъ на судъ большака, который усовѣщиваетъ ослушницу и совѣтуетъ ея мужу научить ее уму разуму. Всѣ работы распредѣляются между женщинами сообразно съ ихъ наклонностями, но поровну, безъ обремененія той или другой особенно тяжкою работою, хотя, конечно, бываетъ, что

большуха и не взлюбитъ ту или другую бабу и приналяжетъ на нее. Впрочемъ, мордовскія женщины стараются жить въ мирѣ съ большухою и потому случаи ненавистничества очень рѣдки; онѣ вполнѣ сознаютъ, что «*афз алянз мархта эряма, а кудазыраванз мархта*», т. е. жить не съ мужемъ, а съ хозяйкою. Въ каждой отдѣльной семьѣ и притомъ у каждой отдѣльной дѣвушки существуетъ ея собственное имущество, до котораго никому нѣтъ дѣла, какимъ образомъ оно пріобрѣтается; у Эрзи это имущество состоитъ изъ всевозможныхъ принадлежностей праздничнаго туалета и носитъ названіе «*паркь*» отъ «*паре*»—сундукъ, т. е. то, что въ сундукѣ; тоже самое находимъ мы и у Мокши. Съ раннихъ лѣтъ дѣвушка начинаетъ вышивать себѣ рубахи и мало по малу пополнять свое приданое, подбирая бусы, пуговицы, ракушки и т. п., собирая теньки, дѣлая полотна, полотенца, сукно и т. п. Ясно, что матеріалъ она или беретъ изъ семейнаго имущества, въ чемъ ей запрета нѣтъ, или же покупаетъ на свои деньги, которыя она выручаетъ разными мелкими послугами, продажею ягодъ, грибовъ и т. п.

Какъ ни завидна жизнь большою, нераздѣленною семьею, какъ ни печальны послѣдствія раздѣловъ, все же однако, въ особенности вблизи городовъ, станцій желѣзныхъ дорогъ и торговыхъ центровъ, Мордва начинаетъ дѣлиться; уже среди Эрзи намъ удавалось слышать разсказы о томъ, что «сынъ на отца, какъ на медвѣдя, съ топоромъ ходитъ» и явленіе это отмѣчено отнюдь не въ одномъ только мѣстѣ, а слышится и близъ Арзамаса, и близъ Сарашка. Какъ ни жалуется народъ на это явленіе, а все же бороться съ нимъ не можетъ и съ прискорбіемъ лишь утверждаетъ, что «*кодакз йаустз, такз туйстз ништейксз*», какъ раздѣлились, такъ ушли нищими. Причина раздѣловъ заключается въ порчѣ молодежи, а молодежь портится отъ того, что культура проникаетъ въ Мордву кабакомъ, публичнымъ домомъ и другими подобными прелестями, а не тѣми ея проявленіями, которыя могутъ содѣйствовать улучшенію народной нравственности и народнаго быта.

XI.

Опека и попечительство.

Когда помрутъ родители то, приходится назначить или избрать

опекуна къ малолѣтнимъ дѣтямъ и ихъ имуществу; эта забота прямѣе всего касается родственниковъ сиротъ, которые или дѣйствуютъ сами и потомъ обращаются къ міру лишь за санкціей своего рѣшенія, или же обращаются прямо къ старикамъ, которые и обязаны назначить опекуна какъ можно скорѣе, такъ какъ время не терпитъ и могутъ случиться большія упущенія по хозяйству и дому сиротъ. Чаще всего опекуншею назначается мать, а если умерла и она, то дядя малолѣтнихъ, которые прямо берутъ въ свое завѣдываніе имущество и домъ малолѣтнихъ и впослѣдствіи лишь утверждаются въ званіи опекуновъ мірскимъ сходомъ; у Мокши бываетъ, что такимъ опекуномъ ipsa nativitate дѣлается иногда и двоюродный братъ сиротѣлыхъ, на что у Эрзи онъ не имѣетъ никакого права. Такимъ образомъ, участіе міра въ заботахъ о судьбѣ сиротъ, собственно говоря, совершенно пассивное, и рѣдко когда ему случается быть иниціаторомъ въ дѣлѣ назначенія опекуна для охраненія имущества малолѣтнихъ; родственники сами знаютъ, какъ охранить это имущество и, по воззрѣніямъ мордовскимъ, съумѣютъ лучше собранія стариковъ распорядиться на пользу сиротъ. Если сиротки очень малы, то приходится отдать ихъ кому нибудь на воспитаніе, но тутъ то и можетъ встрѣтиться препятствіе, въ особенности, если по смерти родителей осталась дѣвочка; часто бываетъ, что родственники отказываются взять на воспитаніе такихъ малолѣтнихъ, и у Эрзи дошло до того, что заставить ихъ не въ состояніи даже и сходъ, который приступаетъ въ этомъ случаѣ къ выбору какого нибудь сторонняго человѣка, которому и поручаетъ «привести сиротъ въ возрастъ»; у Мокши, видимо, родственныя связи сохранились лучше, такъ какъ тутъ сходъ можетъ прямо обязать того или другаго родственника взять сиротъ на воспитаніе и единственною отговоркою допускается лишь неимѣніе собственнаго дома. Конечно, міръ обязанъ по закону слѣдить за обращеніемъ опекуновъ и взявшихъ на воспитаніе, но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ у Эрзи, потому что у міра и своихъ дѣлъ не передумаешь и не передѣлаешь, такъ что ему некогда возжаться со всякимъ сиротою и приходится ждать для заступничества съ его стророны жалобы, а у Мокши потому, что здѣсь опекуномъ или воспитателемъ назначается всегда «хорошій старикъ», на котораго, по мнѣнію схода, даже и жалобъ то никакихъ быть не можетъ. Опека не прекращается до

самаго достиженія совершеннолѣтія т. е. до 17 лѣтъ, но, собственно говоря, такъ бываетъ только лишь на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ; кое гдѣ семнадцатилѣтніе сами требуютъ снятія съ нихъ опеки, но Мокша поступаетъ такимъ образомъ, что лѣтъ 17—18 женитъ сиротъ, да тогда уже и снимаетъ опеку, такъ какъ самымъ фактомъ вступленія въ бракъ человѣкъ доказываетъ, что вышелъ изъ малолѣтства. Никакого вознагражденія за труды опекуну не полагается потому, что, по словамъ Эрзянъ намъ, онъ поступаетъ такъ по жалости къ сиротамъ; у Мокши дѣло поставлено нѣсколько иначе и опекунъ, хоть и не получаетъ ничего опредѣленнаго за свои труды, но имѣетъ право вознаграждать себя частью приплода и урожая; такъ, напримѣръ, всякій найдетъ вполнѣ естественнымъ, если за обработку сиротской земли онъ будетъ пользоваться частью урожая, за уходъ за скотиною — частью скоповъ, а за уходъ за пчелами—частью меда и воска; интересно, что, если бы онъ воспользовался теленкомъ отъ коровы сиротской, или же поставилъ сиротскій отстроившійся улей на свою пасѣку, то всякій отнесся бы къ этому факту, какъ къ недобросовѣстному, и мокшанская пословица «плодъ—не приплодъ» («*касафъ-афъ ули шачтфъ*») получаетъ именно въ этомъ случаѣ подобающее ей значеніе. Воспитаніе тѣхъ сиротъ, которые не имѣютъ имущества, производится на счетъ дяди или другихъ родственниковъ, которые стараются вознаградить себя за издержки, сдѣланныя на сироту, тѣмъ, что едва онъ достигнетъ извѣстнаго восраста, какъ отдаютъ его въ наймы, въ пастухи по преимуществу, или же заставляютъ исправлять за свою семью обязанности десятскаго и т. п.; когда малолѣтній дѣлается способнымъ къ работѣ, то онъ обязанъ возблагодарить своихъ воспитателей тѣмъ, что работаетъ на нихъ на правахъ пріемышей; тутъ то именно и кроется причина того, что дѣвочекъ на воспитаніе берутъ крайне не охотно и стараются всячески отклонить отъ себя эту горькую чашу, тогда какъ мальчики, въ большей части случаевъ, являются желанными, такъ какъ всякій видитъ въ нихъ будущую рабочую силу. Народъ не смотритъ вовсе съ укоромъ на ту вдову, которая, имѣя очень малолѣтнихъ дѣтей, выходитъ снова замужъ и дѣлаетъ лишь разницу въ томъ, какъ велики при этомъ дѣти. У Эрзи и у Мокши вдова, уважающая себя, ни за что не выйдетъ вторично замужъ, если дѣти ея уже «понимаютъ», но охотно возь-

метъ втораго мужа, если дѣти очень малы, такъ какъ безъ мужика все таки живется плохо; Эрзя привыкла къ тому, что вдова въ случаѣ выхода снова замужъ забираетъ съ собою и дѣтей и имущество малолѣтнихъ и тогда вотчимъ является уже не опекуномъ имущества малолѣтнихъ, а настоящимъ хозяиномъ его; только въ тѣхъ случаяхъ, когда она нарочно выберетъ себѣ мужа изъ неимущихъ, онъ занимаетъ какое то среднее мѣсто между хозяиномъ и опекуномъ, такъ какъ не въ правѣ продать и заложить имущество безъ согласія на то жены; такая вдова носитъ названіе *«винава»*, т. е. богатая баба и находится большое количество мужчинъ, ищущихъ ея расположенія. У Мордвы Мокши вдова прямо таки переводитъ и дѣтей и имущество въ домъ своего новаго мужа, который дѣлается полнымъ распорядителемъ этого имущества и судьбы ея дѣтей; если ей приходится войти въ нераздѣленную семью, то она обязана послушаніемъ кудазыръ'у совершенно также, какъ слушается его и ея мужъ.

Такъ какъ всегда бываютъ люди хорошіе и дурные, то и среди Мордвы попадаются такіе опекуны, которые отличнѣйшимъ образомъ нагрѣваютъ руки подлѣ сиротскаго добра, да притомъ и ухитряются такъ устроить дѣло, что поймать ихъ на мошенничествѣ рѣшительно невозможно; найдутся добрые люди, чаще всего изъ близкихъ къ сиротамъ, которые не потерпятъ такого поведенія и пожалуются міру; само собою разумѣется, что міръ вступится за малолѣтнихъ и отниметъ награбленное, а у Мокши опекунъ можетъ попользоваться лишь плодами имущества, а не самымъ имуществомъ и, если захочетъ продать что либо, то вырученныя деньги обязанъ представить въ волостное правленіе. Случаи недобросовѣстнаго опекунства впрочемъ, спѣшимъ оговориться, по всеобщему увѣренію очень рѣдки и никогда не случается, чтобы такія дѣла доходили до суда и разбирательства въ волостномъ судѣ, такъ какъ народъ никогда несогласится *«гулькапзо ломанотненень невтемсь»*, т. е. свой срамъ людямъ показывать, и во многихъ случаяхъ, имѣющихъ нѣсколько щекотливый характеръ, избѣгаютъ суда и прямо обращаются къ старикамъ, рѣшеніе которыхъ обязательно и окончательно и не допускаетъ аппеляціи.

Кому же и пожалѣть сиротъ, какъ не ихъ ближайшимъ родственникамъ, думаетъ міръ, а потому опекуны и избираются всегда

изъ нихъ, и Эрзя только въ томъ случаѣ прибѣгаетъ къ чужимъ людямъ, когда у сиротъ не имѣется вовсе родственниковъ. У Мокшіи не полагается рѣшительно никакого различія въ назначеніи опекуновъ въ большой и малой семьѣ и старики всячески стараются сначала заинтересовать въ судьбѣ малолѣтнихъ ихъ родственниковъ; затѣмъ, если таковыхъ не находится, то міръ избираетъ опекуна изъ стороннихъ людей и при этомъ обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы избранникъ отличался всѣмъ извѣстною добросовѣстностью и былъ человѣкомъ, если не богатымъ, то, покрайней мѣрѣ, состоятельнымъ; все это дѣлается ради того, чтобы добросовѣстность удерживала его отъ хищенія, а богатство личное дѣлало бы такое хищеніе не нужнымъ и лишнимъ. Интересно, что если останутся дядья сиротскіе, т. е. братья мужа, то вдовѣ полагается лишь выдѣлъ нѣкоторой части изъ движимаго имущества покойнаго, тогда какъ земля остается въ пользу малолѣтняго; дѣлается это, какъ намъ не разъ заявляли, въ томъ предположеніи, что бы удержать вдову отъ вторичнаго вступленія въ бракъ и посредствомъ имущественныхъ выгодъ оставить ее матерью сиротъ и пестуньей за ними до той поры, когда они придутъ сами въ возрастъ [1]).

XII.

Раздѣлы и наслѣдство.

Всѣ виды раздѣла имущества существуютъ у Мордвы, носятъ особыя названія и влекутъ за собою совершенно различныя имущественныя отношенія для тѣхъ, кого они касаются. Раздѣлъ или «*явума*» (по мокш.) и «*явмо*» или «*яумо*» (по эрз.) есть ничто иное, какъ полюбовное соглашеніе между равными членами извѣстной семьи, клонящееся къ равному распредѣленію между ними имущества, оставшагося въ ихъ общую пользу послѣ смерти главы этой семьи; тутъ все основано на дѣйствіи bona fide, и нѣтъ мѣста никакимъ спорамъ и пререканіямъ по той простой причинѣ, что всѣ члены раздѣла обязательно получаютъ равныя части; если бы однако при такомъ полюбовномъ раздѣлѣ возникъ какой нибудь спеціальный вопросъ о раздѣлѣ той или другой части движимаго имущества, то дѣлящіеся обращаются къ суду стариковъ, рѣшеніе

[1]) Мамалаи, Краснослоб. уѣздъ, Васильчикинъ.

которыхъ безаппеляціонно; старики являются здѣсь простыми экспертами, знающими людьми и разъ кто либо къ ихъ рѣшенію обратился, нельзя «смѣяться надъ сѣдыми бородами» («*пейджамсъ шарджутненъ сакалхненъ*») и, выслушавъ ихъ приговоръ, все таки сдѣлать по своему. Иначе смотритъ народъ на «выдѣлъ» имущества («*аксердама*»), гдѣ дѣятелемъ является одинъ лишь отецъ семейства; вслѣдствіе своихъ личныхъ соображеній или же побуждаемый постоянными ссорами и свадами въ семьѣ, онъ рѣшается, наконецъ, положить предѣлъ такому неудобному для совмѣстнаго хозяйства порядку и дѣлаетъ выдѣлъ или «выкидку» нѣкоторой части имущества неспокойному члену семьи; тутъ уже все зависитъ отъ воли производящаго выдѣлъ, такъ какъ что онъ хочетъ, то и даетъ, и выдѣляемый долженъ быть благодаренъ за все, что получитъ. Можетъ однако разгнѣванный отецъ и прямо выдѣлить самого лишь смутьяна изъ семьи и отослать его безъ ничего изъ дому; суда на такое изгнаніе не существуетъ, такъ какъ глава семьи воленъ и въ этомъ; однако совсѣмъ не лишаютъ таковыхъ наслѣдства и впослѣдствіи, когда сердце уляжется, даютъ и такому раньше выдѣленному кое что, чтобы онъ могъ жить и не нищенствовалъ. Если со стороны кого либо изъ членовъ семьи никакого смутьянства и грубости нѣтъ, а глава семьи почему либо сочтетъ нужнымъ отдѣлить кого нибудь изъ своихъ семейскихъ, то происходитъ «*максама*» или отдѣлъ; здѣсь отдѣленіе отъ семьи совершается вполнѣ полюбовно, и отдѣляемый членъ получаетъ свою часть вполнѣ (по эрз. «*максмо*»), не обращая вниманія на то, въ какой степени родства онъ находится по отношенію къ главѣ семьи; такіе отдѣлы совершаются вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, изъ за сварливости жены отдѣляемаго и т. п. Наконецъ, существуетъ еще и четвертый видъ выхода изъ большой семьи, а именно, такъ называемый «*сэсэма*» («*сэсмо*» по эрз.), что по мокшански значитъ—обрывъ и соотвѣтствуетъ нашему отходу; тутъ выходъ изъ семьи совершается самимъ членомъ, безъ дозволенія или согласія главы семьи, а иногда даже и совершенно въ разрѣзъ его волѣ; само собою разумѣется, что такое самовольство должно караться семьею, которая терпитъ отъ этого нѣкоторые убытки, и на самомъ дѣлѣ, слѣдствіемъ отхода является полное лишеніе наслѣдства и части въ имуществѣ; подобные случаи, по

счастью, еще рѣдки, въ особенности среди Мокши, но и Мордва начала уже заражаться этимъ послѣдствіемъ извращенной культуры. Намъ случалось видѣть такія семьи, въ которыхъ можно было наблюдать всѣ виды раздѣловъ большой семьи, но за то были и такія, гдѣ всѣ члены стояли противъ какого бы то ни было акта, могущаго разрушить ихъ общесемейное благосостояніе, которое зиждется слогою и скопомъ.

Такимъ образомъ только «явума» и «максама» являются вполнѣ нормальными переходами отъ большой, нераздѣльной семьи къ малой, но санктифируется и аксердама, такъ какъ и она принадлежитъ къ расторженіямъ по согласію; только «сэсэма« не требуетъ никакой санкціи, такъ какъ тутъ человѣкъ видимо идетъ противъ всего освященнаго обычаями и обычай какъ бы игнорируетъ такого возставшаго противъ него человѣка. Обыкновенно вся семья собирается къ столу, на которомъ положена коврига хлѣба; глава семьи беретъ ковригу и ножъ и съ трехъ ударовъ вырѣзаетъ «озондамъ-палъ», который поднимаетъ надъ головою съ молитвою: *«Шкай-кормилетсь! Тонъ маскать павасъ теинэ и кутти! Максакъ павасъ, козефъ, шумбрафъ и теинза! улеза кирджидамсъ мезъ максама жабанзынди и уныкзынди! максакъ теинза лама жабатненъ, текара жабатненъ, мезара ули почфтъ низмбраса кшиса. Тонъ йамбамастъ!»* т. е. Богъ-кормилецъ! Ты далъ счастье мнѣ и моему дому! Дай счастье, богатство, здоровье и ему! пусть будетъ имѣть что дать дѣтямъ своимъ и внукамъ своимъ! дай ему много дѣтей, столько дѣтей, сколько муки въ ковригѣ. Помилуй насъ!» Затѣмъ коврига раздѣляется между всѣми участниками обряда также точно какъ и озондамъ-палъ, если дѣло идетъ объ общемъ раздѣлѣ; но если отдѣляется одинъ членъ, то озондамъ-палъ передается ему на ножѣ и онъ долженъ взять этотъ священный кусокъ и снести въ свое новое жилище, гдѣ и положить подъ порогъ на долю своего «кардась-сярко». При отходѣ священный кусокъ съѣдается всѣми членами семьи, а частица, приходящаяся на долю отходчика выбрасывается за окно.

Поводами и причинами дѣлежей являются семейныя ссоры, большею частью, возбуждаемыя сварливостью бабъ и не желаніемъ младшихъ членовъ семьи подчиняться желаніямъ и приказаніямъ старшихъ; такъ какъ никакихъ другихъ причинъ нѣтъ, да и быть

но можетъ, то понятно, что народъ смотритъ на дѣлежъ, какъ на несчастье и какъ на вѣрный путь къ раззоренью, которое и дѣйствительно является обыкновеннымъ послѣдствіемъ всякаго раздѣла, конечно, въ большей или меньшей степени.

Если раздѣлъ произошолъ «по согласію», то дружественныя или вѣрнѣе шаберскія отношенія поддерживаются между отдѣлившимися и оставшимися въ семьѣ членами; но, если раздѣлъ совершился по винѣ одного изъ членовъ, то остальные не признають въ немъ даже шабра, не ходятъ къ нему въ гости и вообще всячески чураются, сознавая что они именно ему обязаны нѣкоторымъ уменьшеніемъ своего благосостоянія. Интересно, что такихъ случаевъ, чтобы разъ отдѣлившіеся члены вновь принимались въ семью, никогда не бываетъ, такъ какъ повидимому Мордва опасается возбужденія новыхъ раздоровъ и увѣряетъ, что «изъ кусковъ говядины быка не дѣлаютъ» *сускомостотъ сивелень а теитъ буканъ*», т. е., разъ уже раздѣленное не можетъ снова сдѣлаться единымъ и цѣльнымъ, а если это и возможно, то все же соединеніе будетъ лишено главнаго, а именно не будетъ жизненно.

Народъ дѣлаетъ значительную разницу когда и при какихъ условіяхъ происходитъ раздѣлъ, т. е. совершается ли онъ при жизни отца и по согласу или безъ согласа, или же по смерти отца семейства. Разница условій влечетъ за собою и разницу въ частяхъ. Чаще всего все имущество ставится въ цѣну и тогда дѣлежъ производится на основаніи стоимости имущества; въ случаѣ невозможности подѣлить одну лошадь тотъ, кто ее получаетъ, обязанъ вознаградить остальныхъ или деньгами, или какими нибудь иными имущественными предметами на сумму стоимости части лошади. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы отцу вздумалось подѣлить своихъ дѣтей при жизни, но если и приведется гдѣ такой странный, по народнымъ воззрѣніямъ, случай, то имущество дѣлится по ровну, какъ бы отца вовсе не было въ живыхъ, причемъ его часть приходится на долю того изъ сыновей, который выразитъ желаніе успокоить его у себя на старости лѣтъ. Когда стоимость частей опредѣлена, но все же одному хотѣлось бы преимущественно получить именно ту, а не другую часть, то, во избѣжаніе споровъ и неудовольствій, мечутъ обыкновенно жребій, причемъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: каждый изъ односемьянъ вырѣзаетъ на ко-

пейкѣ свое тавро и отмѣтку, затѣмъ всѣ эти копейки зарываютъ въ горшокъ съ золою и ставятъ горшокъ на порогѣ; когда всѣ приготовленія окончены, то старшій изъ дѣлящихся или же самъ отецъ выходитъ на улицу и приглашаетъ перваго встрѣчнаго помочь имъ «узнать волю Божію»; сторонній человѣкъ вынимаетъ изъ горшка съ золою первую, попавшуюся ему подъ руку копейку и спорная часть отдается тому, чья мѣта выставлена на вынувшемся жребіи; жеребьеваться можно еще и такъ: всѣ садятся за столъ и старшій зажигаетъ лучину, которую передаетъ своему сосѣду на лѣво; тотъ, у кого въ рукахъ лучина погаснетъ, выбываетъ изъ жеребьеванья, а за оставшимся въ концѣ концовъ признается спорная часть. Домами, мельницами и другими строеніями Мордва дѣлится разно, и прежде всего Эрзя признаетъ необходимымъ оцѣнить такое имущество и дѣлить уже не его самаго, а его цѣнность; случается и такъ еще, что, если дѣлятся по согласу, то отцовскій домъ поступаетъ старшему изъ братьевъ, который обязанъ помочь остальнымъ выстроить дома и кромѣ того выплатить имъ стоимость ихъ частей въ недѣлимомъ имуществѣ. Землю дѣлятъ обыкновенно подесятинно, скотъ по головамъ, а деньги поровну; садовъ Мордва не разводитъ, а у кого они имѣются, то тутъ дѣлежка идетъ по корнямъ; пчелы идутъ по колодкамъ. Мокша устраиваетъ раздѣлъ нѣсколько иначе; прежде всего изба отцовская со всѣмъ надворнымъ строеніемъ переходитъ къ старшему сыну, тогда какъ младшимъ предпочитаютъ давать за это побольше деньгами; постройка домовъ для остальныхъ членовъ семьи обязательна для всѣхъ, причемъ не было еще случаевъ, чтобы кто нибудь отказался строить избу другому по той простой причинѣ, что тутъ все основано на круговой порукѣ и если одинъ изъ членовъ откажется отъ такой «пособляма», то ему придется сидѣть безъ жилья, такъ какъ и всѣ остальные не захотятъ для него работать. Дѣлежъ земли, скота и денегъ у Мокши происходитъ прямо «по братски», какъ выражались тѣ, кого мы объ этомъ спрашивали, т. е. другими словами, по взаимному соглашенію, а садъ полагается всегда при домѣ и потому дѣлежу не подлежитъ, а переходитъ къ старшему сыну, т. е. тому, кто владѣетъ и домомъ.

Изстари, вѣроятно, повелось у Мордвы дѣлиться по тягламъ, т. е. такимъ образомъ, что, напримѣръ, дѣлежъ происходитъ между

тремя женатыми сыновьями съ дѣтьми, однимъ неженатымъ сыномъ, однимъ дядей и двумя дѣтьти, оставшимися сиротами по смерти одного изъ женатыхъ сыновей, то все имущество дѣлится на шесть частей, такъ какъ предполагается, что хотя одинъ изъ сыновей и не женатъ, но современемъ и онъ можетъ образовать тягло, а сироты сами по себѣ были бы немыслимы, если бы не было въ началѣ тягла ихъ породившаго. Интересно, что Мокша до сихъ поръ еще сохранила свое собственное слово для обозначенія тягла не въ смыслѣ единицы обложенія, а въ смыслѣ производительной четы и называетъ тягло—«*пакарьнэ*» (зерно, ядро) и, когда мы спрашивали, какъ именно дѣлятъ: по головамъ, или по отцамъ, прямо отвѣчали «пакарьнэса» т. е. по тягламъ, ядрамъ, зародышамъ будущихъ семей. При дѣлежѣ имущества не принимается никогда въ разсчетъ то обстоятельство, кто болѣе трудился въ пользу дома и хотя въ имуществѣ и дѣлается разница по способу его пріобрѣтенія, но способъ пріобрѣтенія отнюдь не вліяетъ на самый раздѣлъ. Мордва совершенно сознательно отличаетъ въ имуществѣ дѣдину, вотчину и личную наживу, но въ раздѣлъ идетъ все безъ различія и притомъ по стоимости каждой отдѣльной вещи. Дѣдина называется— «*атьу*» (мокш.) и «*атевэ*» (эрз.); вотчина — «*альу*» (мокш.) и «*алевэ*» (эрз.) и, наконецъ, нажива — «*покылэ*» (мокш.) и «*коворе*» (эрз.).

Понятное дѣло, что если раздѣлъ происходитъ по согласу, то можетъ случиться, что какая нибудь часть имущества, представляющая собою доходную статью лишь въ цѣломъ и не могущая вынести дѣлежа, можетъ по взаимному соглашенію дѣлящихся остаться въ общемъ владѣніи до удобнаго времени или же на всегда; къ числу такихъ недѣлимыхъ статей слѣдуетъ отнести, напримѣръ, перевозъ черезъ Суру въ Корсунскомъ уѣздѣ, которымъ владѣютъ три давно уже раздѣлившіеся брата сообща, такъ какъ контрактъ съ земствомъ пишется всегда на одно отвѣтственное лицо. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что такіе случаи очень рѣдки, такъ какъ, если можетъ остаться нераздѣленною нѣкоторая часть имущества, то слѣдовательно между членами семьи царствуетъ полное согласіе, а въ такомъ случаѣ не пришлось бы и вовсе дѣлиться. Что касается до общесемейныхъ долговъ, податей и повинностей, то они распредѣляются между дѣ-

лящимися совершенно по ровну, по братски и споровъ изъ за этого никогда не бываетъ никакихъ и притомъ никогда, такъ какъ Мокша, напримѣръ, и до сихъ поръ еще полагаетъ, что «прежде долгъ отдай, а потомъ рубаху купи» (*иньгелэ шуманъ максакъ, а мелэ понаранъ рамсякъ*»).

Такъ какъ большинство раздѣловъ совершается по взаимному согласію дѣлящихся, или же по желанію самого главы семейства, то понятно, что никакихъ документовъ при раздѣлѣ не требуется и не пишется и никакихъ записей не составляется. Если захотятъ какъ нибудь закрѣпить дѣло или же просто доказать людямъ, что все при раздѣлѣ сдѣлано правильно и обиженныхъ нѣтъ, то и Эрзя и Мокша созываетъ на раздѣлъ для присутствованія и, такъ сказать, освященія этимъ своимъ присутствіемъ самаго акта раздѣла, сродниковъ, старосту и иногда даже десятскихъ; эти присутствующіе, конечно, не участвуютъ въ ѣдѣ хлѣба и озондамъ-пала и лишь слушаютъ и одобряютъ безмолвными кивками головы распоряженія дѣлящаго или дѣлящихся. Коли возникнетъ при дѣлежѣ какой нибудь споръ, то поневолѣ приходится обратиться къ стороннимъ людямъ за помощью; въ этомъ случаѣ сообща избирается какой нибудь изъ пользующихся всеобщимъ уваженіемъ родственниковъ въ посредники; тогда онъ какъ бы облекается властью главы дома, такъ какъ онъ вырѣзаетъ священный кусокъ и читаетъ просительную молитву; какъ онъ присудитъ, такъ тому и быть и никакихъ споровъ противу его рѣшенія быть не можетъ. Такое участіе сторонняго человѣка въ чужомъ дѣлѣ, конечно, ничѣмъ не оплачивается, такъ какъ онъ беретъ на себя этотъ трудъ по человѣчеству, а никакъ не въ ожиданіи какого нибудь вознагражденія, которое сдѣлало бы судъ его подкупнымъ и слѣдовательно дало бы возможность иногда оспаривать его рѣшеніе. Никогда еще не было примѣра, чтобы семейскіе обращались не только къ волостному суду, котораго вся Мордва очень тщательно избѣгаетъ, но даже и къ волостному или мірскому сходу, который крайне ею уважается, съ просьбою произвести раздѣлъ, такъ какъ такое обращеніе навсегда уронило бы въ глазахъ всей округи тѣхъ, кто не съумѣлъ обойтись самъ собою или при помощи посредника; вообще на внутреннія, чисто семейныя дѣла ни судъ, ни сходъ не могутъ оказывать никакого вліянія и, напримѣръ, въ дѣлѣ раздѣла, конечно,

никто и не подумаетъ идти спрашивать у нихъ разрѣшенія, такъ какъ ихъ дѣло смотрѣть за тѣмъ, что дѣлается внѣ домовъ, а не затѣмъ, какъ живутъ люди въ домахъ, у себя въ семьяхъ.

Само собою разумѣется, что если въ большой семьѣ живутъ братья и дядя, то послѣдній ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдѣлить своего сына помимо воли остальныхъ членовъ семьи; но въ томъ случаѣ, если этотъ дядя состоитъ въ семьѣ въ качествѣ «кудазыръ'а», то раздѣлъ зависитъ вполнѣ отъ него. Конечно, своего племянника дядя выдѣлить не можетъ, если только живъ его братъ, такъ какъ пришлось бы дѣлиться ему съ братомъ, а если тотъ не выразилъ бы на подобный раздѣлъ своего согласія, то никакого раздѣла бы и не было. Требовать раздѣла не имѣетъ права рѣшительно никто, такъ какъ, при несогласіи на это со стороны хозяина дома, такіе неспокойные члены семьи очутились бы просто выдѣленными или были бы принуждены уйти въ отходъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Само собою разумѣется, что братъ отъ брата, племянникъ отъ дяди и дядя отъ племянника могутъ требовать раздѣла, такъ какъ тутъ уже дѣло идетъ между равными, но въ томъ то и дѣло, что требуютъ очень рѣдко, а чаще всего идутъ по согласу и на сожительство и на раздѣлъ и затѣмъ дѣлятся по братски.

Эрзя видимо успѣла уже позаимствоваться отъ русскихъ своихъ сосѣдей именно по отношенію къ правамъ женщинъ на имущество, такъ что разница между обычаями эрзянскими и мокшанскими довольно велика; интересно, что на Мокшу нисколько не повліяли татарскія воззрѣнія, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, Мокша утратила вполнѣ свой родной языкъ. У Эрзи женщина ни въ какомъ случаѣ не получаетъ при раздѣлѣ части, тогда какъ у Мокши, если она имѣетъ дѣтей, то она получаетъ на дѣтей полную часть. Принесенная женщиною въ домъ «коробья» или «паркь» составляетъ ея неотъемлемую собственность и ни въ какомъ случаѣ въ раздѣлъ между членами семьи не поступаетъ; вдова не отвѣтственна коробьею даже и за долги своего покойнаго мужа, хотя каждая добрая Мордовка всенепремѣнно постарается ихъ уплатить, обрѣзавъ монеты на своихъ грудныхъ и шейныхъ украшеніяхъ. Эти украшенія, какъ мы имѣли уже случай говорить выше, никогда не продаются, а

переходятъ изъ рода въ родъ и если кому нибудь изъ путешественниковъ предложатъ купить нѣчто подобное, то пусть онъ такъ и знаетъ, что дѣлается это не вслѣдствіе жадности, а изъ-за нужды хотя бы, напримѣръ, ради уплаты долговъ мужа, если только они таковы, что семья не хочетъ платить за нихъ или же онъ умеръ уже выдѣленнымъ.

Собственно говоря, всѣ члены семьи равны, но отъ хозяина зависитъ тотчасъ же раздѣлить ихъ по ровну или же сдѣлать раздѣлъ предварительный, назначивъ ихъ своими наслѣдниками послѣ смерти; кромѣ того, отъ него же зависитъ дать тому или другому члену семьи меньше или больше, такъ какъ на его судъ не можетъ быть ни неудовольстія, ни какой то ни было и кому бы то ни было жалобы. Ясное дѣло, что для отца всѣ дѣти равны, а потому обдѣлъ одного изъ сыновей и случается чрезвычайно рѣдко, да и то лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, съ сыномъ нѣтъ никакого слада или онъ провинится въ чемъ нибудь такомъ, что окончательно вырветъ его изъ отцовскаго сердца; точно также ни одинъ домохозяинъ не польстится ради своихъ сыновей на ту часть, которая слѣдуетъ, по общепринятому обычаю, его братьямъ, такъ какъ Мордва считаетъ, что въ правѣ наслѣдованія дядя и племянникъ пользуются равными частями. Когда дядя при жизни отца,-домохозяина помретъ и оставитъ сироту племянника, если этотъ послѣдній живетъ съ хозяиномъ въ полномъ согласѣ, то получаетъ при раздѣлѣ полную часть своего отца и, слѣдовательно, рѣшительно ничѣмъ не будетъ отличенъ въ имущественныхъ правахъ отъ роднаго сына по той простой причинѣ, что Мордва привыкла дѣлить по «ядрамъ» или тягламъ. Къ зятьямъ влазнямъ и свойственникамъ, живущимъ въ домѣ производящаго раздѣлъ «кудазыръ'а» Эрзя и Мокша относятся различно, при чемъ первая, въ случаѣ житья въ согласѣ, считаетъ ихъ въ имущественномъ отношеніи совершенно равными съ сыновьями, тогда какъ послѣдняя полагаетъ, что они не могутъ претендовать на равные съ сыновьями паи, такъ какъ они народъ пришлый и не столько внесли въ семью работой, сколько дали ей тѣ, которые жили въ ней со дня своего рожденія. Мокша снисходитъ только къ пріемышамъ и признаетъ ихъ вполнѣ равноправными въ имущественномъ отношеніи съ сыновьями.

Отдѣлившіеся и вышедшіе разъ изъ семьи члены ея, хотя бы

они стояли въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства къ домохозяину, пока въ семьѣ еще остаются какіе либо члены, ни въ какомъ случаѣ не могутъ участвовать въ дѣлежѣ общесемейскаго имущества, такъ какъ они или уже получили то, что имъ слѣдовало, или отходомъ своимъ прямо показали желаніе свое разорвать свои отношенія въ семьѣ и впредь не имѣть съ нею никакого дѣла. Воля отца при дѣлежѣ представляетъ собой вполнѣ обязательный для всѣхъ и каждаго законъ и никакая сила не можетъ измѣнить тѣхъ размѣровъ паевъ, которые имъ назначены; больше того, онъ властенъ, въ случаѣ непокорности того или другаго члена семьи и желанія, высказаннаго послѣднимъ, удалиться изъ семьи, отпустить такого смутьяна ни съ чѣмъ, развѣ только оставивъ на немъ носильное платье; когда случается, что такой отошедшій, неспокойный человѣкъ обратится въ волостной судъ, то послѣдній всегда постарается отказать ему въ просьбѣ, а «чтобы впредь суда пустыми своими смутами не безпокоилъ и на роднаго отца ябеду не велъ» (Исса, Пенз. губ. Инсар. уѣзда, дѣло № 13, 1873 года), посѣчетъ и розгами. Сердце однако—не камень и, если такой блудный сынъ, какъ это случается зачастую, пойметъ свою вину и повинится предъ отцомъ, послѣдній смягчается и смѣняетъ гнѣвъ на милость; никто изъ членовъ семьи не смѣетъ помѣшать въ такомъ случаѣ отцу наградить бывшаго отпущенца даже хотя бы и полнымъ паемъ. Мы уже говорили, что ни одинъ изъ мужскихъ членовъ семьи не имѣетъ своей, лично ему принадлежащей, собственности, такъ какъ весь свой заработокъ долженъ вносить цѣликомъ въ семейный достатокъ, а слѣдовательно и не можетъ уйти въ отходъ, унеся что либо изъ дома; разъ уже есть отходъ — онъ является вполнѣ отрѣзаннымъ отъ семьи и все семейское уже не его. Уже по первому оскорбительному слову сына отецъ вправѣ лишить его наслѣдства и выгнать изъ семьи безъ выдачи ему пая изъ общесемейскаго достоянія и никто не рѣшится поставить такой поступокъ въ вину оскорбленному родителю, такъ какъ и Эрзя и Мокша твердо убѣждены, что «*илэ уксендаи—келмаи, а тсіора уксендаи—лакай*», т. е. «чужой плюетъ—стынетъ, а сынъ плюетъ кипитъ». Гдѣ только возможно, тамъ Мокша лишаетъ даже такого непочтительнаго сына и надѣла, что не удается Эрзѣ, гдѣ и начальство то поближе, да и народъ сталъ по распущеннѣе.

За провинности вообще отецъ имѣетъ право выдѣлить сына даже и при жизни своего отца, но тутъ то именно и выказывается разница между воззрѣніями Эрзи и Мокши. Среди Эрзи повелось такъ, что дѣдово слово имѣетъ въ семьѣ значеніе и если только внукъ съумѣетъ приластиться къ старику, то онъ можетъ наложить veto на желаніе своего сына приступить къ выдѣлу смутьяннаго внука; это уже чисто русское воззрѣніе на силу отцовской власти, которой мы вовсе не встрѣчаемъ обыкновенно у урало-алтайскихъ народовъ, да и у Мокши дѣдъ никогда не вступается въ распоряженія кудазыръ'а и, напротивъ того, если онъ несетъ еще обязанности послѣдняго, то никто, кромѣ него, не можетъ дѣлать какія бы то ни было распоряженія въ домѣ. Конечно, можетъ случиться, что, или по слабости своего здоровья или по старости, отецъ можетъ при жизни своей передать домоправительство своему сыну, но интересно, что нигдѣ этотъ кудазыръ ex efficio не можетъ приступить къ раздѣлу безъ согласія настоящаго кудазыра-престарѣлаго отца; такъ какъ въ этомъ воленъ только одинъ онъ; власть его между прочимъ такъ велика, что онъ вправѣ даже впослѣдствіи отобрать у отдѣленнаго сына его пай, если бы онъ оказался къ нему непочтительнымъ: правда, что это замѣчено только среди Эрзи, тогда какъ мы совершенно не знаемъ, какъ бы поступила въ подобныхъ обстоятельствахъ Мокша, которая прямо заявляла намъ со смѣхомъ на нашъ спросъ: «да развѣ можетъ это быть?»; такъ мы и не могли добиться никакого положительнаго отвѣта. У Эрзи даже возможенъ и такой случай: положимъ, что отецъ приступаетъ къ раздѣлу всѣхъ своихъ сыновей разомъ; тогда онъ дѣлитъ иногда имущество не на равные паи, а на большіе и меньшіе и даетъ больше тѣмъ сыновьямъ, которые къ нему почтительны и меньше тѣмъ, которыми онъ не доволенъ. Среди Мокши ничего подобнаго намъ замѣтить не удавалось и, здѣсь имущество дѣлится всегда на равные паи, такъ какъ непочтительный сынъ былъ бы выдѣленъ или ушелъ бы въ отходъ гораздо раньше. Правда неравность паевъ можетъ произойти, какъ у Эрзи, такъ и у Мокши по другой причинѣ, а именно потому, что отецъ выдѣляетъ пай и себѣ на старость («*сирэти сакалти*») или на сѣдую бороду, какъ говоритъ Мокша, и передаетъ этотъ пай тому изъ сыновей, къ которому онъ переходитъ жить; часть эта находится, пока живъ ста-

рикъ, только лишь въ управленіи пріютившаго его сына, и достается ему въ полную собственность только по смерти отца, который однако можетъ, въ случаѣ нехорошаго къ нему отношенія этого сына, передать свою часть и одному изъ другихъ своихъ сыновей или же раздѣлить ее между всѣми сыновьями поровну; понятно, что такой обычай заставляетъ дурныхъ дѣтей почтительно относиться къ своимъ престарѣлымъ родителямъ. Само собою разумѣется, что если бы даже отецъ, раздѣлившій между своими сыновьями имущество, ничего не оставилъ себѣ на сѣдую бороду, то отдѣленные сыновья обязаны содержать его до гробовой доски, или, какъ выражается Мокша, до «*Инешке-Пазынъ перэсъ*», т. е. до пчельника Инешке Паза. Никакихъ размѣровъ выдаваемаго отцу въ такомъ случаѣ содержанія не опредѣляется по той простой причинѣ, что «отца не хлѣбъ кормитъ, а доброе слово дѣтей» (*аля афъ киши треаи, а тсебэръ валь жабатнень*), а тутъ какія указанія ни давай обычай и народное право, все же отношеній безъ любви не урегулируешь, и всякій кусокъ даннаго дѣтьми хлѣба можетъ отцу показаться горше камня. Бываетъ, что, если семья не отличается особеннымъ согласіемъ и все же по болѣзни или по иной какой причинѣ отцу приходится выдѣлить своихъ дѣтей, то отецъ обращается къ міру, какъ къ постороннему свидѣтелю, своимъ присутствіемъ какъ бы освящающему договоръ съ дѣтьми, и устанавливаетъ при сосѣдяхъ свои отношенія къ отдѣленнымъ сыновьямъ; тогда уже эти старики сосѣди являются какъ бы поручителями въ томъ, что отецъ не будетъ ни въ чемъ нуждаться, но само собою разумѣется, что на самомъ дѣлѣ власти эти поручители никакой не имѣютъ, постыдятъ дѣтей за плохое содержаніе отца, но принудительныхъ мѣръ предпринять не могутъ, такъ какъ «между отцомъ и дѣтьми—судья Богъ» (*алянъ и жабатнень йоткса ули Шкай виды*). Иногда бываетъ и такъ, что тотъ, кому достается домъ отца, обязуется кормить его до смерти и при томъ слѣдуетъ замѣтить, что такое взаимное отношеніе старика—отца съ раздѣленными имъ при жизни дѣтьми наблюдается всего чаще. Вообще домъ, усадьба имѣетъ огромное значеніе въ мордовскомъ быту, а потому и важно для насъ ознакомиться съ этими народными воззрѣніями на этотъ предметъ. «*Коза кудъ—Іоза преа*», говоритъ Мокша (гдѣ домъ—тамъ голова), а Эрзя идетъ въ

этомъ отношеніи еще дальше и утверждаетъ, что «*козо кудо—тозо верь*», намекая этимъ на то, что только одну семью признаетъ Мордва за нѣчто цѣлое и единое и границею этого единства, этой связи является именно усадьба, какъ жилище семьи. Какъ мы уже видѣли, Мордва не знаетъ ни рода, ни племени, ни народа, а потому и понятно какое громадное значеніе имѣетъ семейный союзъ, сосредоточенный въ одномъ домѣ и находящійся подъ управленіемъ одного главы; понятно, что, если этотъ глава по своей собственной волѣ отказывается отъ власти, то именно тамъ и будетъ находиться власть, въ чьихъ рукахъ будетъ былое жилище прежней власти и слѣдовательно понятна вполнѣ эрзянская пословица, которая гласитъ, что «не хозяинъ дѣлаетъ домъ, а домъ дѣлаетъ хозяина» (*афъ кудонь-азыръ тейи кудъ, а кудъ тейи кудонь-азыръ*), такъ какъ, пока у хозяина нѣтъ дома, до тѣхъ поръ у него нѣтъ и настоящаго престижа власти и только, имѣя свой собственный домъ, онъ дѣлается равноправнымъ съ другими хозяевами и въ качествѣ «умной бороды (*йони сакалъ*) имѣетъ право участвовать въ рѣшеніи мірскихъ дѣлъ. И дѣйствительно, Мордвинъ не доспитъ и не доѣстъ, откажетъ себѣ во всемъ, въ чемъ угодно, но непремѣнно накопитъ себѣ деньжонокъ на постройку какого бы то ни было дома и никогда еще не случалось, чтобы міръ отказался принять участіе въ общественной постройкѣ дома, такъ какъ «домъ срубить—умъ дать» говоритъ Мокшанинъ (*кудъ керсянъ—йожу максанъ*) [1]). По отношенію къ надѣленію домомъ нѣтъ у Мордвы какого нибудь предпочтенія тому или другому сыну, и все дѣло зависитъ отъ воли отца, который или прямо, безповоротно и даже безъ вознагражденія отдаетъ домъ кому хочетъ и притомъ у Мокши чаще всего старшему, причемъ однако главною причиною такого предпочтенія является то обстоятельство, что старшій опытнѣе и разумнѣе другихъ, а слѣдовательно лучше и поддержитъ наслѣдственную и дорогую для дѣлящаго усадьбу. Бываетъ и такъ, что тому изъ сыновей, кто остался безъ дома, всѣ остальные обязуются отцомъ при жизни его выстроить домъ, причемъ отецъ наблюдаетъ, чтобы обязательство это непремѣнно было выполнено. [2]) Во всякомъ

---

[1]) Инсар. Верхисъ, Никол. Мурзайкинъ.

[2]) Хвал. Лебежайка, Наталья Ананьева и Красносл. Мамалаи, Тихонъ Васильчиковъ.

случаѣ снабженіе домомъ того или другого сына у Мокши прямо зависитъ отъ отца и онъ оставляетъ его тому изъ сыновей, котораго больше любитъ, который оказываетъ ему большее уваженіе; не даромъ же говорятъ тамъ: «куда червякъ не влезетъ — человѣкъ влезетъ» (*конашка-васта суксв афыленз-сува—ломанз сэпэли суваи*) [1]. Нѣсколько иначе поставлено дѣло у Эрзи, хотя и здѣсь все находится во власти отца и отъ него всегда зависитъ кого наградить домомъ; разница состоитъ здѣсь въ томъ, что Эрзя ставитъ обыкновенно въ цѣну помѣстье, уравниваетъ всѣ части между собою и затѣмъ уже предоставляетъ дѣлящимся метать жребій. Бываетъ и такъ, что кому нибудь изъ дѣлящихся въ особенности захочется получить на свою долю домъ и тогда онъ, спросивши согласія у всѣхъ участниковъ дѣлежа подходитъ къ брату, получившему домъ, предлагаетъ ему отступное; если тотъ выражаетъ свое согласіе, то высказываетъ это согласіе тѣмъ, что ведетъ брата къ выходной двери и заставляетъ его взяться рукою за порогъ, причемъ говоритъ «сярко кормилецъ! вотъ тебѣ новый хозяинъ» и за тѣмъ выбирая изъ своихъ умершихъ предковъ самаго счастливаго прибавляетъ: «это прадѣдушки Ивана правнукъ!» [2]) Если получившій домъ на отступное не согласенъ, то приходится мириться со своимъ положеніемъ, такъ какъ заставить его уступить домъ никто не имѣетъ права. Мать живетъ у того изъ сыновей, у кого сама захочетъ, но чаще всего случается, что она остается жить у того, у кого на рукахъ остался домъ, такъ какъ старуха всенепремѣнно желаетъ жить «на старинѣ».—

Современно иначе, нежели сыновья, поставлены въ семьѣ мордовской дочери, которыя считаются прямо таки хорошею рабочею силою и потому какъ можно дольше не выдаются замужъ «*Коза эльдэ аф-ускаи ваксакз стырь*» (гдѣ кобыла не везетъ—запряги дѣвку), говоритъ Мокшанинъ, но въ тоже время рѣшительно ничѣмъ не вознаграждаетъ дѣвушку за ея труды въ пользу семьи, а, напротивъ того, когда она захочетъ уйти изъ семьи съ согласія родителей или же посредствомъ «лисезь», всѣ домашніе хлопочутъ, чтобы семья получила приличное вознагражденіе за потерю рабочей

---

[1]) Мамалаи, Т. Васильчиковъ.
[2]) Городъ Катлинъ, Елена Гордѣева.

силы. У Мокши, напримѣръ, братья обязуются только кормить сестру и не даютъ ей даже ровно ничего на изготовленіе приданаго и туалетовъ, которые, скажемъ здѣсь въ скобкахъ, обходятся довольно дорого; правда, они же обязаны устроить приличнымъ образомъ и свадьбу, на которую ни одинъ Мордвинъ денегъ не пожалѣетъ. У Эрзи, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе интенсивнаго русскаго вліянія, бываетъ такъ, что братья даютъ сестрѣ кое что по согласу, но и тутъ не отецъ является наслѣдователемъ, а наслѣдники по отцѣ, которые, если не желаютъ ничего давать сестрѣ, то всегда могутъ воспротивиться отцовской волѣ и суда на это сопротивленіе нѣтъ, такъ какъ такой взглядъ на дѣло вытекаетъ прямо изъ народныхъ воззрѣній на женщину. Само собою разумѣется, что если у отца остается въ живыхъ только одна лишь дочь, то онъ воленъ отдать ей и домъ, и все свое имѣніе нераздѣльно и тутъ уже никто не имѣетъ права заявлять свое неудовольствіе, такъ какъ дочь въ этомъ случаѣ является единственною представительницею семьи. Коли посѣтитъ семью особое несчастье да останутся отецъ съ матерью совершенно безъ дѣтей, то имущество такой выморочной семьи ни въ какомъ случаѣ не поступаетъ въ собственность міра, а какъ имущество семьи, видимо посѣщенной Божіимъ гнѣвомъ должно идти на добрыя дѣла. У болѣе практичной Эрзи бывали случаи, что значительная часть имущества переходила въ этомъ особенномъ случаѣ къ ближайшимъ родственникамъ выморочной семьи, а именно въ семьи отцовыхъ братьевъ, но и здѣсь толкуютъ, что такое противузаконное наслѣдованіе въ прокъ не шло, а тащило за собой и собственное имущество получившихъ выморочное имущество, причемъ все у нихъ шло прахомъ; [1]) «*Ломатнень кулама— Шкайнъ валама*» (человѣческая смерть —Божій сказъ), говоритъ Мокшанинъ и твердо убѣжденъ, что воспользоваться имуществомъ наказанной Богомъ семьи великій грѣхъ. У Эрзи выморочное имущество идетъ обыкновенно на церковь и нищимъ, а Мокша отдаетъ его охотнѣе въ монастырь, на вѣчное поминовеніе покойниковъ. Въ каждомъ селеніи найдутся непремѣнно, такъ называемыя, черннчки, которыя какъ бы отреклись отъ міра и всѣхъ прелестей его, живутъ въ сторонкѣ отъ остальныхъ хатъ въ маленькихъ

---

[1]) Самар. Семейкино, Антонъ Мосѣевъ.

избушечкахъ, построенныхъ имъ то ихъ же семейскими на свой счетъ, то на счетъ доброхотныхъ дателей, ради спасенія души на задахъ деревни; бываетъ, конечно, что такая черничка собираетъ порядочное таки количество холста и денегъ за свое чтеніе «полсалтыри» и живетъ себѣ припѣваючи, не зная ни въ чемъ недостатка. Родители никогда не противятся желанію своей дочери сдѣлаться черничкою и въ случаѣ если бы изъ всей семьи она осталась единственною представительницею, все семейское имущество идетъ въ наслѣдство ей, а она уже дѣлаетъ съ нимъ все, что ей угодно; увѣряютъ что не было еще случая, чтобы черничка воспользовалась лично для себя такимъ наслѣдствомъ, а раздаетъ всегда все по церквамъ и нищей братіи.

Наконецъ, бываетъ, по грѣхамъ, и такъ, что выдѣлитъ отецъ своихъ дѣтей при жизни, да и останется за смертью ихъ одинъ, какъ перстъ. Въ этомъ случаѣ поневолѣ приходится отцу быть наслѣдникомъ своихъ собственныхъ дѣтей, да и по праву, какъ говоритъ Мордва, такъ какъ въ общемъ семейскомъ имуществѣ заключается непремѣнно и то, что пріобрѣтено личнымъ его трудомъ. Если у такого отца останутся дѣти, а умретъ одинъ или двое изъ отдѣленныхъ имъ сыновей и при томъ если они не оставятъ никакого потомства, то выморочное имѣніе переходитъ къ отцу, который можетъ или оставить его въ своемъ владѣніи или же снова раздѣлить между оставшимися въ живыхъ дѣтьми, такъ какъ, все на томъ же основаніи, въ собираніи этого имущества принимали непосредственное участіе и остальныя дѣти. Никакого различія въ имуществѣ, получаемомъ отъ родителей такими дѣтьми и пріобрѣтенномъ ими самими, при этомъ не дѣлается.

Что касается до взаимнаго наслѣдованія супруговъ, то права ихъ въ этомъ отношеніи совершенно различны, такъ что въ то время, какъ на мужа народъ смотритъ, какъ на семейскаго брата, жена по мужѣ остается безправною и находится въ полной зависимости отъ того, будутъ у нея дѣти или нѣтъ. Мужъ по женѣ всегда наслѣдуетъ у Эрзи, а жена прямо таки исключается изъ наслѣдства и имущество умершаго переходитъ его дѣтямъ, т. е., ихъ опекунамъ; Мокша, напротивъ того, видимо пошла подальше въ развитіи своемъ и если только, по смерти мужа, жена осталась «матерою вдовою», то имущество умершаго переходитъ къ ней;

сказалось ли въ этомъ фактѣ русское влiянiе или же такое воззрѣнiе выработалось самостоятельно—рѣшить трудно. Если свекоръ не успѣлъ еще отдѣлить своего сына, а этотъ послѣднiй, не дождавшись раздѣла, умретъ, то жена получаетъ, въ томъ случаѣ, если у нея остались дѣти, часть своего мужа; мужу же, какъ видно изъ предъидущаго, нечего и получать, такъ какъ дочери выдѣла нѣтъ, а тряпье то разное да украшенiя онъ и самъ безъ спроса возьметъ, если только жена не просила его еще заблаговременно отдать всю ея рухлядь разнымъ родственницамъ, чаще всего младшимъ своимъ сестрамъ; коли мужъ съ женой въ мирѣ-согласѣ жили, то мужъ выполнитъ желанiе покойной, а коли нѣтъ—такъ на него суда нигдѣ не найдешь. Второй бракъ ровно никакого влiянiя на это наслѣдованiе не оказываетъ—такъ какъ тутъ имущество переходитъ не остающемуся въ живыхъ супругу, а дѣтямъ, которыя, и въ случаѣ втораго брака, захотятъ ѣсть и пить. Интересна та разница, которая существуетъ въ воззрѣнiяхъ народныхъ по отношенiю къ имуществу отдѣленнаго сына, оставившаго жену безъ дѣтей при жизни отца покойнаго и послѣ его смерти; здѣсь опять таки Мокша заявилась болѣе человѣчною и опять таки мы рѣшительно отказываемся рѣшить, чисто ли это народное воззрѣнiе, или же привнесенное общенiемъ съ сосѣдями, такъ какъ подобныхъ сношенiй гораздо болѣе у Эрзи, нежели у Мокши. У Эрзи такое имущество цѣликомъ возвращается въ семью, причемъ жена получаетъ лишь кое что «на память», да и то въ томъ только случаѣ, если всѣ согласятся на такой подарокъ; напротивъ того, у Мокши подобное имущество предоставляется во владѣнiе вдовы, не обращая вниманiя на то, что у нея не осталось дѣтей отъ умершаго супруга, такъ какъ: «*афъ марьлу шуму улы, мезъ марьтнень афулы*» (не яблоня виновата, что яблоковъ нѣтъ), — знать садовникъ плохо ухаживалъ. У Эрзи жена, послѣ смерти мужа, до совершеннолѣтiя дѣтей дѣйствуетъ лишь какъ ихъ опекунша; напротивъ того, у Мокши она остается полнѣйшею и безаппеляцiонною хозяйкою имущества, можетъ вполнѣ самостоятельно имъ распоряжаться, но только не продавать его и не закладывать, татъ какъ въ первомъ случаѣ родственники могутъ вступиться и не позволить, а заложить негдѣ, развѣ только въ частныя руки, а это прямо пахнетъ переходомъ имущества въ руки залогопринимателя, что конечно

заставитъ поднять гвалтъ всѣхъ близкихъ сиротамъ людей. Интересно, что вдова, которой разъ уже удалось остаться опекуншей или полною хозяйкою въ домѣ, никогда уже, до самой своей смерти, не можетъ утерять этого права, даже если дѣти ея сдѣлаются совершеннолѣтними, переженятся и наживутъ своихъ собственныхъ дѣтей; развѣ только, если самой ей надоѣстъ возиться съ хозяйствомъ и она по своей волѣ раздѣлитъ между дѣтьми свое имущество; у Мокши, впрочемъ, и тогда сыновья приходятъ совѣтоваться къ ней, а невѣстки иначе не называютъ, какъ *«оцю-дэдья»* (большая мать) и оказываютъ все возможное почтеніе. Какъ проситъ Мордва «дергать большой языкъ» при смерти прадѣда при живыхъ правнукахъ, также точно благовѣстятъ въ большой сельскій колоколъ и при смерти прабабки при живыхъ правнукахъ; — «самъ родилъ-одинъ разъ Ведьазыръ-ава молилъ, дочь родилъ — два раза молилъ, внучка родилъ — нѣтъ, не молилъ, Ведьава самъ носилъ», какъ объяснили мнѣ въ одномъ мѣстѣ, [1]) понимая подъ этимъ, что старуха видимо, угодила божеству, если дожила до рожденія правнуковъ.

Если у умирающаго наслѣдодателя, имѣющаго свое частное имущество, или же единственнаго представителя всего имущества семьи нѣтъ прямыхъ нисходящихъ родственниковъ, то у Эрзи призываются къ наслѣдству изъ боковой линіи двоюродные братья умершаго мужчины, но отнюдь не женщины, а если таковыхъ не имѣется, то двоюродныя сестры не наслѣдницы и имущество переходитъ уже къ троюроднымъ братьямъ и т. д; напротивъ того, у Мокши наслѣдованіе идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала призываются двоюродные братья по мужѣ, затѣмъ таковые же по женѣ, затѣмъ двоюродныя сестры мужа, двоюродныя сестры жены, троюродные братья мужа и т. д. до полной выморочности имущества.

Такъ какъ имущество, приносимое въ домъ женою состоитъ преимущественно, если только не полностью, изъ рухляди и нарядовъ, то, понятно, что мужчинамъ оно не представляетъ рѣшительно никакого интереса; они не обращаютъ даже вниманія на материнское имущество и въ томъ случаѣ, если на оставшихся послѣ нея украшеніяхъ понавѣшено извѣстное количество золотыхъ и серебрянныхъ монетъ, и охотно предоставляютъ такія украшенія

[1]) Город., Катмисъ, Елена Гордѣева.

женщинамъ, которымъ подобныя вещи дѣйствительно пригодны. У Мокши сыновья тоже имѣютъ право на оставшееся послѣ матери имущество, но и здѣсь они никогда не вступаютъ въ препирательства съ сестрами и предоставляютъ все въ полное распоряженіе этихъ послѣднихъ. Само собою разумѣется, что, если у помершей дочерей не осталось, то ея имущество раздѣляется между сыновьями, но въ семью умершей ея имущество у Эрзи никогда не возвращается, а у Мокши только въ томъ случаѣ, если смерть послѣдовала тотчасъ послѣ замужества; такіе случаи, говорятъ, бывали, но рѣдко.

Когда хозяйкою въ домѣ остается матерая вдова, то дѣти ея не могутъ ни въ какомъ случаѣ выходить изъ ея воли, а не то, что подумать о раздѣлѣ дѣдовскаго или отцовскаго имущества помимо ея желанія. Если бы и случился такой невозможный въ Мордовскомъ быту фактъ, то все же онъ ни къ чему не поведетъ, такъ какъ мать запретитъ имъ дѣлиться и отпуститъ ихъ безо всего въ крайнемъ случаѣ. Иное дѣло, если сама мать поволитъ раздѣлить своихъ дѣтей; тогда она оставляетъ себѣ, сколько ей вздумается, а остальное дѣлитъ между всѣми по ровну, не забывая при этомъ и того, что дочери послѣ ея смерти ничего не получатъ, а потому она и даетъ имъ, хоть не столько же, сколько сыновьямъ, а все таки и не пустяшную дачу; такой раздѣлъ называется *«аватнень йава»* т. е. бабій раздѣлъ и народъ смѣется, что «на бабьемъ раздѣлѣ и чижикъ сытъ» (*аватнень йаваса и нармынз улы топытста*), т. е. всякому, обдѣляемому обыкновенно, достается кусочекъ. Если вдова себѣ при раздѣлѣ ничего не оставитъ, то одному изъ сыновей даетъ болѣе, нежели остальнымъ, и къ тому то и отправляется жить, такъ какъ, если бы она не принесла ему на свою вдовью долю лишечку, то, неравенъ случай, сынокъ то, по нынѣшнему времени, пожалуй, и загонялъ бы ее загономъ, а тутъ она въ его домѣ является желанною гостьею и во всякое время, въ случаѣ непочтенія съ его стороны, можетъ взять выданную ему часть обратно и уйти съ нею къ другому сыну и даже къ замужней дочери, какъ это и бываетъ зачастую.

Положеніе солдата въ семьѣ не особенно красивое, такъ какъ, Мордва почему то убѣждена, что солдата «*пуньэ кормаи*», т. е., пуговица кормитъ, форма его, и въ тоже время увѣряетъ, что *«Оцюзаръ, солдатъ и попъ аф-пидьаихтъ кши, а топытстатъ»* (Царь, сол-

датъ и попъ хлѣба не пекутъ, а сыты). Такого разсужденія, что солдатъ отбываетъ военную повинность за всю свою семью, намъ, признаться сказать, слышать ни разу не удавалось и въ особенности теперь, при всеобщей воинской повинности, когда изъ примѣра послѣдней турецкой войны Мордва воочію убѣдилась, что и льгота перваго разряда не спасаетъ отъ солдатчины, не можетъ въ народѣ укорениться подобное воззрѣніе. Впрочемъ, не вездѣ такъ смотрятъ на солдата и, хотя Мокша создала двѣ выше упомянутыя поговорки, однако она же и считаетъ его равноправнымъ членомъ семьи; только у Эрзи солдатской части не имѣется, да и то со временемъ, вслѣдствіе краткости срока службы, придется измѣнить въ этомъ отношеніи народный обычай и выдѣлять солдату его долю. Обычай созидался, видимо, въ то время, когда солдатъ отслуживалъ 25 лѣтъ, т. е. едва ли когда, развѣ только въ видѣ исключенія, возвращался на родину, а потому и не представлялось необходимости заботиться о его будущности; вотъ почему и выработалась, видно, пословица: «солдатъ въ Царевыхъ рукахъ» (*солдатъ оцюзартнень кэштненса*), т. е. семья не должна уже болѣе заботиться о солдатѣ, такъ какъ о немъ Царь позаботится. Основываясь на такихъ понятіяхъ о солдатѣ и его службѣ, Эрзя прямо таки не выдѣляетъ части на солдатскую долю, а даетъ только ему денегъ на пропой передъ выступленіемъ рекрутовъ, отсыпаетъ кое что на путевыя издержки, да кое когда посылаетъ въ подарокъ, гдѣ рубль, гдѣ два, а гдѣ, за безденежьемъ, и просто лишь «поклоны, да родительское благословеніе на вѣки нерушимое». У Мокши дѣло поставлено иначе и солдатъ получаетъ равную со всѣми часть, да зачастую даже и съ прибавочкою за то, что онъ претерпѣлъ на службѣ — «за зубы» (*пеитнень вастыса*), которые онъ потерялъ на ученьяхъ, какъ острить Мокша. Есть различіе между Эрзею и Мокшею еще и въ слѣдующемъ: первая даетъ солдаткѣ съ дѣтьми часть при общемъ раздѣлѣ, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отъ брака были дѣти и чтобы солдатъ на чужбинѣ не позабывалъ семью и повременамъ высылалъ семейскимъ деньги, тогда какъ вторая привыкла къ тому, что солдатъ, поступая на службу, во всякомъ случаѣ не теряетъ своего права на пай изъ семейскаго имущества, все равно, есть ли у него жена, или нѣтъ, имѣются ли у него дѣти, или Богъ ему ихъ не далъ. По большей части,

по возвращеніи своемъ изъ многотрудной службы солдатъ (если имѣетъ на это право) получаетъ свой пай въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ оставленъ, но конечно никто не мѣшаетъ родственникамъ увеличить размѣры этого пая, только уменьшить его противъ прежнихъ размѣровъ они не имѣютъ права; тутъ вообще все зависитъ отъ добраго согласія, существующаго между семейскими и возвратившимся со службы солдатомъ, а на доброе это согласіе не мало вліяетъ безостановочная присылка на родину рубликовъ, мошна привезенная солдатомъ домой со службы и, наконецъ, уже способность солдата помогать семьѣ и въ дальнѣйшемъ будущемъ личнымъ трудомъ своимъ и накопленнымъ на службѣ запасцемъ.

Мордва-народъ неграмотный; есть кое гдѣ «образцовыя инородческія училища», но, по всѣмъ вѣроятіямъ, они только «для образца» и устроены, такъ какъ посѣщаются очень мало; правда есть таки нѣсколько человѣкъ Мордвы, которые окончили тамъ курсъ и двое трое пошли даже и дальше; но большинство тщательно избѣгаетъ эти школы, такъ какъ преподаютъ тамъ на русскомъ языкѣ, да Мордва еще и не знаетъ нужно ли все то, что тамъ преподается. Вслѣдствіе неграмотности духовныя завѣщанія совершенно отсутствуютъ, а въ виду пословицы «умеръ—сквозь землю ушелъ» (*кулысь—моданъ йотксь йаксысь*) не приходится дожидаться смертнаго часа и для словесныхъ распоряженій. При великомъ значеніи, которымъ пользуется отцовская власть въ мордовской семьѣ, само собою разумѣется, что всякое распоряженіе отца - кудынь-азыра было бы выполнено, какъ воля Божія, но въ томъ то и дѣло, что никогда не представляется для этого подходячихъ случаевъ. Всякій родитель-кудынь азыръ имѣетъ, какъ увѣряла насъ Мордва, полное право, умирая завѣщать наслѣдственное и нажитое имущество одному или нѣсколькимъ изъ всѣхъ наслѣдниковъ, даже притомъ такому, который никакихъ право на наслѣдство не имѣетъ, но на народной памяти никогда ничего подобнаго не случалось, такъ какъ за что же бы онъ обидѣлъ остальныхъ своихъ наслѣдниковъ; иное дѣло, когда старикъ, умирая, еще разъ передъ смертью повторитъ во всеуслышаніе свою волю, какъ слѣдуетъ распредѣлить остающееся послѣ него имущество правильнѣе и ровнѣе—это послѣднее распоряженіе всегда дѣлается и считается священнымъ,

такъ какъ въ случаѣ неисполненія послѣдней воли придется имѣть дѣло съ Мастыръ-Пазомъ, въ пчельникъ котораго переходитъ умершій, [1]) а этотъ шутить не любитъ и тотчасъ у ослушниковъ скотъ подушитъ черною немочью, которая лишь вся въ томъ и состоитъ, что у животнаго являются особые черви, извѣстные подъ именемъ «червей Мастыръ Паза» (*Мастырь-Пазынь сукстъ*). У Эрзи еще кое когда, да и то чрезвычайно рѣдко, бываетъ, что отецъ лишаетъ сына наслѣдства за особенную непочтительность, но у Мокши намъ такихъ примѣровъ вовсе не приводили и какъ бы съ ужасомъ говорили: «какъ это можно!»(*кода маштаи тэ улыма?*). Иное дѣло, коли сынъ отъ дома вовсе отобьется, уйдетъ куда нибудь на низъ, на работу, да и запропадетъ тамъ, благо тамъ руки нужны, и вѣстей о себѣ не даетъ—тогда, пожалуй, черезъ 20 лѣтъ и можно считать его безвѣстно пропавшимъ и части ему не выдѣлятъ; но если онъ даетъ вѣсти, то его кусокъ всегда при немъ останется и особенно въ томъ случаѣ, когда въ числѣ писемъ, отъ него получаемыхъ, имѣются письма съ пятью печатями. Когда отецъ раздѣлитъ своихъ сыновей, но, не полагаясь на ихъ добросовѣстность все таки оставитъ себѣ пай, то этимъ паемъ онъ воленъ уже распоряжаться какъ ему угодно, хотя по большей части и этотъ послѣдній идетъ въ общій раздѣлъ. Что касается до матери, то она имѣетъ право, въ случаѣ полученія особаго пая, отдать его кому угодно, но у Эрзи и тутъ граница ея воли положена, такъ какъ дочерямъ, помимо сыновей, она отказать своего пая не можетъ.

Никто и никогда не опредѣлялъ отношеній наслѣдниковъ къ завѣщателю, а тѣмъ менѣе къ его близкимъ и родственникамъ и все здѣсь полагается на чувство долга и благодарности; урегулировать все это, конечно, невозможно и всякій дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи, какъ знаетъ, хотя общія требованія, установленныя какъ бы молчаливымъ согласіемъ, и существуютъ; во всякомъ случаѣ все основано на отношеніяхъ bona fide. Само собою разумѣется, что наслѣдникъ обязанъ по возможности безбѣдно содержать наслѣдодателя и всѣхъ его близкихъ, снабдить малолѣтнихъ сродниковъ запасомъ необходимыхъ для крестьянина свѣдѣній, обращаться со всѣми вѣжливо, наслѣдодателя похоронить честь-честью и поми-

---

[1]) Верхисъ, Мамалаи, Семейкино.

нать то 6 недѣль, то годъ, а то и 18 мѣсяцевъ, смотря по послѣдней волѣ умирающаго, дочерей кормить и прилично выдать замужъ, чтобы руки ихъ искали, а не онѣ сами первому встрѣчному на шею вѣшались и т. п.

Если случится, что не угодятъ чѣмъ нибудь мужъ и жена Ведь-авѣ, завѣдующей дѣторожденіемъ и «яблонка» не принесетъ плода, а мужъ почувствуетъ приближеніе смерти, то онъ, не опасаясь никакихъ дрязгъ, имѣетъ полное право отказать свое имущество бездѣтной женѣ и родственники мужа ни въ какомъ случаѣ не въ правѣ отобрать у нея наслѣдство, даже если, оплакавши хорошенько своего перваго мужа, она пожелала бы поискать счастья снова, во второмъ бракѣ.

Намъ не разъ приходилось слышать о томъ, какъ ослушниковъ послѣдней воли завѣщателей постигала скорая кара то со стороны Мастыръ-Паза червями, а то и непосредственно со стороны умершаго, который является ночью, душитъ не почтившихъ его волю и устраиваетъ имъ всевозможныя гадости; мучается, мучается ослушникъ да, наконецъ, плюнетъ и выполнитъ послѣднюю волю умершаго въ точности— и какъ рукой все сниметъ. И не только воля отца считается священною, а даже и воля умирающаго дяди; еще хуже бабу не послушать: тутъ такихъ чудесъ насмотришься, что и на—поди! Горшки по ночамъ бить станетъ, конямъ гривы и хвосты сплететъ, улья вверхъ тормашками поставитъ—извѣстно бабьи игрушки! Какъ тутъ нарушить волю завѣщателя, когда потомъ придется маяться! Случалось такъ, что видимо уже несправедливо сдѣланъ раздѣлъ.... пойдутъ къ старикамъ со своимъ горемъ, но и тѣ ничего подѣлать не могутъ, такъ какъ вопервыхъ: завѣщатель все таки старшій, а міръ никогда не захочетъ самъ указывать дорогу, какъ не слушаться старшихъ, а во вторыхъ — и міру тутъ плохо прійтись можетъ: бывали примѣры, что такъ вся скотина и вымретъ, а не то пчела заснетъ.

«Господа, тѣ пишутъ свою волю, да и то ихъ не слушаютъ, а у насъ изстари повелось, что слово дѣло священное — его и топоромъ не вырубишь». И въ доказательство этой истины водили меня къ лѣсу, показывали мѣты на деревьяхъ, срубали ихъ, а я все таки дальше сруба въ древесинѣ видѣлъ отпечатокъ той же срубленной мѣты. Мордвинъ совершенно не нуждается въ освященіи слова пе-

реводомъ его на бумагу, такъ какъ признаетъ таинственное и священное его значенiе; иной разъ слово такъ, безъ ума сорвется — глядь, такъ и сдѣлалось по твоему слову и тутъ приводится обыкновенно масса примѣровъ того, какъ у неосторожной матери, сказавшей въ сердцахъ про ребенка: «чортъ бы его взялъ», этотъ послѣднiй и въ самомъ дѣлѣ похитилъ дитятю, а въ концѣ концовъ сдѣлаютъ глубокомысленное лицо и скажутъ: «ты послушай-ка, что попъ объ словѣ то читаетъ—оно прямо отъ Бога». И странное дѣло! тоже таинственное значенiе придается слову и въ мордовскомъ язычествѣ, «Всѣ боги разобрали себѣ всякую тварь, одинъ только Инешке-Пазъ позабылъ, что и ему тоже служители годятся. Одинъ взялъ сильнаго да рогатаго, другой сильнаго да зубатаго, кое кто понасбиралъ остаточки и остался одинъ только плохенькiй, голенькiй, слабенькiй человѣкъ да пчела, что летала въ та поры за медомъ, была на работѣ и богамъ на глаза не попадалась. Какъ увидалъ Инешке-Пазъ пчелку, какъ она съ медомъ на лапкахъ летала, такъ и вскрикнулъ: «вотъ моя работница — святая труженица»! Глядитъ, а въ углу лежитъ кто то; всѣ то его поталкиваютъ, всѣ то его отъ корытъ и корысти отгоняютъ..... «Ну видно и тебя бѣднягу мнѣ взять надо», проговорилъ Инешке-Пазъ, а то тебя безъ меня заторкаютъ! а чтобы тебя не заторкали, дамъ я тебѣ такую отмѣтину, что всѣхъ ты выше и сильнѣе станешь. Подошелъ онъ къ человѣку, а тотъ какъ чижикъ ротъ раскрываетъ, самъ то пищи промыслить не можетъ; дунулъ ему въ ротъ Инешке-Пазъ, а человѣкъ вдругъ къ нему потянулся и сказалъ: «аляй». Съ той поры и до нынѣ первое слово, что дѣти сказываютъ, есть—«аляй» [1]. При такомъ происхожденiи слова отъ дуновенiя Инешке-Паза (*Пазынь-пшка*), откуда и глаголъ говорить звучитъ по эрзянски: *пшкадомсз* (фин. puhua), понятно, какое значенiе народъ придаетъ послѣднему слову умирающаго, который какъ бы испускаетъ на всегда дуновенiе Паза. Если бы кто нибудь сталъ спорить противъ словеснаго завѣщанiя, то даже и волость не можетъ пойти противъ послѣдней воли завѣщателя, такъ какъ старики возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, если только два свидѣтеля подтвердятъ, что дѣйствительно такова была воля умирающаго. У Мокши даже и этого

[1]) Княгин., Ревезень, Кирила Зайцевъ.

не требуется, а достаточно, чтобы наслѣдникъ поклялся передъ стариками, что если онъ говоритъ неправду, то «пусть мертвый меня накажетъ»! (*кула мувыразамань*)! Иногда и у Эрзи и у Мокши призываются «для крѣпости», въ виду усиливающагося шатанія нравственности народной, въ качествѣ свидѣтелей, духовный отецъ, староста или вообще какое нибудь лицо, пользующееся въ мѣстности нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ, но это вовсе не обязательно. Эрзя все таки полагаетъ, что имѣть троихъ свидѣтелей лучше, а Мокша довольствуется двумя и даже однимъ, если онъ homo bonus; рѣдко, да и то лишь по нуждѣ только, берутъ въ свидѣтели бабъ, но тогда уже меньше трехъ свидѣтелей привести нельзя, такъ какъ у двухъ бабъ одинъ умъ мужика (*кафтаса аватненеса улы фканв аллнв йонв*) [1]. Словесное распоряженіе наслѣдодателя вовсе не нуждается въ какомъ либо утвержденіи со стороны схода или волости, такъ какъ имъ до этого нѣтъ рѣшительно никакого дѣла; иногда, если въ семьѣ идетъ раздоръ, завѣщатель самъ является къ старикамъ или къ сосѣдямъ и высказываетъ на случай свою волю при свидѣтеляхъ, но это въ его власти и вовсе не является conditio sine qua non; само собою разумѣется, что если въ распоряженіи завѣщателя найдутся такіе пункты, которые идутъ въ разрѣзъ съ интересами міра, дѣлаютъ ущербъ, напримѣръ, круговой порукѣ, то такое завѣщаніе прямо таки не приводится въ исполненіе. Кое гдѣ среди Эрзи бываютъ душеприкащики, но Мокша никакъ еще не можетъ понять ихъ назначенія, такъ какъ она менѣе затронута тѣмъ, что называется культурою, т. е. не считаетъ возможнымъ не выполнить послѣдней воли завѣщателя. Коли затѣетъ какой нибудь чудакъ написать свое духовное завѣщаніе, то ужъ лучше мѣста не найти, какъ въ церкви, но всѣ примѣры тутъ на перечетъ. Распоряженія завѣщателей приводятся въ исполненіе сообща всѣми семейскими, а если при приведеніи въ дѣйствіе начнутся споры и раздоры, то тутъ одно только средство—обратиться за помощью и совѣтомъ къ старикамъ — шабрамъ, слово которыхъ будетъ несомнѣнно признано всѣми спорщиками, хотя бы рѣшеніе и послѣдовало не въ ихъ пользу.

[1]) Инсар., Адашево, Өедоръ Эртовъ.

Никакихъ особенныхъ обыкновеній, касающихся охраненія наслѣдства, переходящаго какъ по наслѣдству, такъ и по обычаю, у Мордвы не существуетъ; охрана имущества предоставляется самому богу смерти, а съ нимъ шутить не удобно. Обычаевъ по вступленію въ права наслѣдства тоже не имѣется; только въ томъ и штука, что на 41 день по смерти наслѣдодателя новый хозяинъ, стоя на порогѣ, хватается обѣими руками за косяки дверей, а всѣ домашніе проходятъ у него подъ руками въ знакъ признанія его управленія домомъ; затѣмъ онъ вырѣзаетъ «озондамъ-палъ», раздаетъ всѣмъ присутствующимъ членамъ по кусочку и самъ съѣдаетъ таковой же со словами: «Шкай-кормилетсь, благословомысть»! и тогда уже вступаетъ прямо въ управленіе домомъ.

Если умретъ вдова и оставитъ малолѣтнихъ дѣтей, то никакой росписи ихъ имуществу не составляется, такъ какъ до сихъ поръ еще среди Мордвы не слышно было примѣровъ, чтобы кто нибудь воспользовался имуществомъ малолѣтнихъ, которые всѣ находятся подъ покровительствомъ Ведь-азыръ-авы, а она никогда не допуститъ посягательства на собственность сиротъ и страшно накажетъ преступившаго обычай: у него жена умретъ родами и всѣ дѣти перемрутъ въ одинъ годъ.

ВЕЩНОЕ ПРАВО.

«*Парши*», у Эрзи—*паротши*, т. е. имущество, можетъ быть разнаго рода и прежде всего Мокша различаетъ имущество «*кудэ*», (домъ), *мода* (земля), *шваташэ* (скотъ) и *сьора* (хлѣбъ); никакого понятія о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ Мордва не имѣетъ, а когда желаетъ обобщить нѣсколько эти подраздѣленія, то говоритъ: *казаву* (эрз. казовъ) и *афказаву*, т. е. плодоприносящее и безплодное. Къ первому роду имущества относятся: земля, скотъ и хлѣбъ, а ко второму — только домъ. По происхожденію Мордва умѣетъ различить въ имуществѣ: дѣдину (*оцюаляи*), къ которому относится все то, что нажито семьею до дѣда — хозяина, отчину (*аляи*), т. е. все, что нажито до отца-хозяина и, наконецъ, наживу (*лэзе*), т. е. все, что нажито отцомъ-хозяиномъ съ его семейскими. Эрзя имѣетъ для этихъ имуществъ особыя слова, а именно: *пок-*

штэйксъ, *тэтэйксъ* и *лэзе*. Интересно, что вполнѣ безконтрольно отецъ-хозяинъ можетъ распоряжаться только лэзе, тогда какъ для остальныхъ родовъ имущества онъ уже по обычаю держитъ совѣтъ съ семейскими и вообще нѣсколько ограниченъ въ этомъ отношенiи народными воззрѣнiями на оцюаляи и аляи, какъ на нѣчто, принадлежащее нераздѣльно всей семьѣ.

Мокша знаетъ «*моньтсень мода*» и «*илянь мода*», т. е. своя, собственная и чужая земля, тогда какъ Эрзянинъ для слова «владѣнiе» подобралъ особое обозначенiе «*коймо*»; за то, съ другой стороны, Мокшанское нарѣчiе выработало слово «*сявама*»—заимка, до которой преимущественно помѣщичья Эрзя ни въ какомъ случаѣ добраться не могла, такъ какъ и сами господа, и въ особенности ихъ приказчики, зорко слѣдили, чтобы народъ не захватывалъ новыхъ мѣстъ подъ себя. И Эрзянинъ и Мокшанинъ знаетъ—первый: «*совамо*», а второй: «*сувама*», т. е. то, что наши крестьяне обозначаютъ названiемъ входа; въ силу этого обычая, вплоть до самого освобожденiя, крестьяне спокойно отправлялись въ барскiй лѣсъ, гдѣ имѣли право собирать сухоподстой, грибы и ягоды; само собою разумѣется, что теперь отъ этого обычая осталось лишь прiятное воспоминанiе.

Крайнiй интересъ представляетъ изученiе, такъ называемыхъ, «тэшксъ-сьорма» (эрз.) или «тэштсъ-сьорма» (мокш.), другими словами, народныхъ мѣтъ или знаковъ, которые ставятся на всѣхъ рѣшительно предметахъ, когда желаютъ обозначить, кому именно они принадлежатъ. Намъ случилось отмѣтить около 150 такихъ знаковъ и для того, чтобы показать, каковы они, мы приводимъ на прилагаемой таблицѣ нѣкоторые изъ нихъ.

Всякая семья имѣетъ всенепремѣнно одинъ изъ такихъ знаковъ, которымъ и отмѣчаетъ свои дѣлянки, свой скотъ и т. п. Мордва идетъ даже дальше и умѣетъ различить, напримѣръ, втораго сына въ семьѣ «ведъ» или третью дочь въ семьѣ «керьсяфъ», отмѣчая ихъ знакомъ *а* (см. таблицу), т. е. подставляя цифру подъ знакомъ, а дѣвочку отмѣчая покрышкою; жена крестьянина, имѣющаго знакъ *б*, отмѣчается знакомъ *в*. Если одинъ или нѣсколько изъ членовъ семьи основываютъ свои дворы, то они немедленно должны и выбрать себѣ особыя «сьорма», чтобы ихъ имущества нельзя было смѣшать съ имуществомъ отца; при этомъ страшiй въ родѣ пользуется отцов-

скою «сьормою» безъ перемѣны, а остальные какъ нибудь видоизмѣняютъ мѣту, какъ мы видимъ это на знакѣ «лисима», гдѣ черта посерединѣ добавочная; случалось намъ видѣть и знакъ «кафта пандатъ» (см. знакъ *г*); носящій же его назывался «Горкинъ» и происходилъ изъ семьи, имѣвшей мѣту «гора». У всѣхъ Кузнецовыхъ мнѣ приходилось видѣть знакъ—тсіотмаръ, но или онъ удвоивался, или былъ обращаемъ въ какую нибудь сторону. У одного Мордвина изъ семьи «Пятаевыхъ» я нашелъ знакъ пяты «*пильгэ кэдь*», но перечеркнутый два раза діагонально (см. знакъ *д*). Мы сомнѣваемся, чтобы знаніе всѣхъ мѣтъ извѣстной мѣстности составляло необходимость, такъ какъ знать ихъ каждому вовсе не нужно и совершенно достаточно, если только кто либо, увидавъ такой знакъ, не смѣшаетъ его со своимъ знакомъ и отнесется къ вещи, какъ къ недосягаемой святынѣ,—такъ, какъ подобаетъ относиться по пословицѣ: «*илянъ тешксъ—сьорма кеттнэ полхтаи*», т. е. чужая мѣта руки жжетъ [1].

Самымъ употребительнымъ среди Мордвы средствомъ обозначить границу является межа, съ лежащимъ на каждомъ изъ поворотовъ ея камнемъ; подъ камнемъ положена зола изъ очаговъ обоихъ сосѣдей и ихъ мѣты, вырѣзанныя на кирпичахъ. Такая мѣта на кирпичикѣ, лежащая подъ межевымъ камнемъ должна несомнѣнно обезопасить собственность отъ захвата, такъ какъ кладется она съ вырѣзаніемъ «озондамъ-пала» и слѣдующею молитвою: «*Шкай-кормилетснэ! Инешке-Пазъ аляи! Мастырь-Пазъ рауджа! кода тинтинтсъ пешкэ-перэттнэ ванатада, илянтесъ афсуватада, станэ ванада и тоньтсъ парши!*» [2]) т. е. Шкай-кормилецъ! Инешке-Пазъ батюшка! Черный Мастыръ-Пазъ! какъ вы свои пчельники оберегаете, въ чужіе не вступаетесь, такъ поберегите и мое добро! Само собою разумѣется, что если бы кто послѣ подобнаго воззванія и вздумалъ перепахать межу, то имѣлъ бы дѣло со всѣми тремя главными божествами мордовскими, а съ ними шутки плохія. Да и вотъ что еще замѣчено старыми людьми: на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ положены межевые кирпичи, ночью, поглядишь, огонекъ теплится—это Мастыръ-Пазъ со свѣчкой ходитъ дозоромъ. Зорко блюдутъ

---

[1]) Красносл., Шингарино, Степанъ Атяшкинъ.

[2]) Мамалаи.

старые боги границы, такъ какъ задумаютъ ли дѣвушки о суженыхъ погадать, только пусть ночью сядутъ на межевой камень и увидятъ все воочію, что съ ними станется; колдуна гдѣ найти? поди только ночью на межу, къ межевому камню — тутъ ты его ужъ непремѣнно застанешь, потому что гдѣ же ему и искать боговъ, какъ не здѣсь, на межѣ. Нечего и усиливать въ памяти народной значеніе межевыхъ знаковъ, какъ это бываетъ у русскихъ, сѣченіемъ, такъ какъ и безъ того Мордвинъ, желая увѣрить человѣка, что онъ говоритъ истинную правду, торжественно произноситъ: «*кода педявэ йовтанв*» (какъ на межѣ говорю). Бываетъ и такъ еще, что Мордвинъ запримѣтитъ борть свою мѣтою на ближайшемъ деревѣ или просто колъ поставитъ и на немъ свою мѣту выставитъ — это тоже святое дѣло и никто до его добра не коснется, такъ какъ и колъ этотъ не безъ молитвы ставленъ.

Способовъ пріобрѣтенія собственности Мордва знаетъ очень мало по той простой причинѣ, что разгуляться ей негдѣ. Въ хорошихъ мѣстахъ, гдѣ не понатыкано на десятинѣ цѣлая уйма народу, бываетъ пріобрѣтеніе въ собственность посредствомъ «сявамо», т. е. заимки, но въ густо населенныхъ губерніяхъ этотъ способъ давнымъ давно пересталъ уже практиковаться. Можно пріобрѣсти вещь и находкою «Пазынъ-ява», т. е. божьей частью или долей, при посредствѣ даренія, покупки («*полафтама*») и, наконецъ, забора за незаплаченный долгъ. Есть еще у Мокши одинъ способъ пріобрѣтенія собственности — «*мутсяма*», то, что у насъ называется «старательствомъ»; ищутъ они борти въ лѣсахъ, руду отыскиваютъ изъ части и т. п. Ясное дѣло, что за всеобщимъ малоземельемъ не можетъ быть и вопроса о томъ, чтобы бывали случаи завладѣнія полями, лугами, лѣсами, рыболовными мѣстами и другими промысловыми угодьями, такъ какъ никому не принадлежащаго имущества не имѣется и мнѣ зачастую говорили посмѣиваясь: «куда не ткнись — либо полѣсовщикъ, либо довѣренный? У насъ Божьяго нѣту: все либо царское, либо барское, а нашего 4 десятины, да и изъ нихъ $1^3/_4$ гуляетъ, потому неудобица.» Слыхать слыхали, что однокоренники, которые переселились на вольныя земли къ Китай-народу (Башкиры), заимки дѣлаютъ и, что ни годъ, свою запашку усиливаютъ, потому Китай-народъ къ землѣ не льнетъ, а гунитъ со скотомъ то здѣсь, то тамъ, благо есть гдѣ разгуляться.

А если кто и завладѣетъ чужимъ добромъ, то немедленно, по первому спросу, долженъ возвратить его, развѣ если онъ имъ владѣлъ два двадесята лѣтъ, ну ужъ тогда, дѣлать нечего, приходится со своимъ добромъ проститься—зачѣмъ раньше не спорилъ, не доказывалъ по мѣтамъ и стариками, которые всегда на такое дѣло идутъ безъ отказа.

Въ находкахъ въ обычаяхъ мордовскихъ есть значительная разница отъ подобныхъ же обычаевъ русскихъ, такъ какъ здѣсь вы уже не услышите ни «треть за находку», ни «чуръ—первый!» Божья доля, лежащая на дорогѣ, считается какъ res nullius до тѣхъ поръ, пока не объявится къ ней хозяинъ, которому вещь и возвращается, если только онъ докажетъ, что потерянное дѣйствительно принадлежитъ ему. Само собою разумѣется, что если хозяинъ вещи не отъищется или онъ не сможетъ ясно доказать, что потерянное принадлежитъ ему, что во избѣжаніе перекоровъ и споровъ производится обыкновенно при старикахъ-шабрахъ, то находка поступаетъ въ собственность нашедшаго, что бы ни было потеряно, кромѣ вещей съ извѣстною на селѣ мѣтою. Если нашедшихъ объявится двое, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ исключительнаго права на находку, такъ какъ, видимо, Богъ посылаетъ имъ обоимъ свою часть. Коли явится на чужую землю пришлый скотъ, то хозяинъ земли вовсе не обязанъ отъискивать хозяина скота и во все время пребыванія пригульной животины у него имѣетъ право пользоваться имъ, какъ рабочею силою и молокомъ, если то будутъ коровы или козы; когда явится хозяинъ, то онъ получаетъ свой скотъ обратно и если только будетъ доказана потрава хлѣба, то онъ обязанъ уплатить безпрекословно протори и убытки, такъ какъ иначе ему могутъ невозвратить скота; само собою разумѣется, что если скотъ найденъ на незасѣянной землѣ, то пусть его гуляетъ—бѣды въ томъ большой нѣтъ и убытокъ самый пустяшный, о которомъ и толковать нечего. Хозяинъ скота узнается по сказаннымъ имъ мѣтамъ, а если таковыхъ на скотинѣ не окажется, то онъ долженъ привести съ собою двоихъ свидѣтелей, которые клянутся такъ: «пусть намъ не лежать въ землѣ» (*тьазатама уда модаса*), а это считается самою сильною клятвою, такъ какъ она грозитъ клятвопреступнику тѣмъ, что онъ вѣчно будетъ послѣ смерти скитаться по землѣ. Коли долго скотъ пригульный стоитъ у

кого, да и разсчета ему нѣтъ кормить его, то лучше всего по стародавнему обычаю идти къ старостѣ, который сдастъ неудобную для прокорма пригульную скотину полевому, а этотъ послѣдній всенепремѣнно обязанъ продержать ее годъ и затѣмъ можетъ заявить старикамъ, что годъ прошелъ и слѣдуетъ продать ее; продаютъ на «чья горка» (*кинь панда?*) и полевой можетъ оставить скотину за собою или уступить предложившему наибольшую цѣну; во всякомъ случаѣ, прокормъ и храненіе ставится на счетъ и полевой вознаграждается полностью. Такъ какъ среди Мордвы чрезвычайно распространено пчеловодство, то понятно, что бываютъ частые случаи залета роя въ чужія борти, но тутъ народный обычай чрезвычайно ясенъ, такъ какъ онъ выраженъ въ чрезвычайно распространенной поговоркѣ гласящей: «*кинь нешке — тень веле*,» т. е. чья борть, того и рой. При этомъ учащенный залетъ чужихъ роевъ къ человѣку считается видимымъ признакомъ особаго благоволенія Божія. Въ случаѣ находки денегъ, лучше всего заявить о находкѣ двумъ шабрамъ и тогда, если явится хозяинъ потеряннаго, то по заведенному среди Эрзи обычаю онъ уплачиваетъ нашедшему, смотря какъ признаютъ его шабры, богатымъ или бѣднымъ, отъ 5 до 10 рублей со ста; у Мокши повелось это нѣсколько иначе и шабры просто, смотря по состоянію потерявшаго, назначаютъ извѣстное вознагражденіе нашедшему. Въ дѣло находокъ начальство ни въ какомъ случаѣ не вступается, да оно ему вовсе и не подвѣдомственно, а вершится оно на основаніи народныхъ обычаевъ совершенно полюбовно.

Когда ходила Литва, гуляли по Волгѣ атаманы-молодцы и набѣгали Татаровья, то и русскіе и иные люди, а въ особенности царьки мордовскіе во время похода Ивана IV на Казань (*Тюштянь*, *Велазыръ*, *Пургасъ* и другіе), клали въ землю свои богатства, довѣряли ихъ подъ вышеприведеннымъ заклятіемъ береженью Мастыръ-Паза; прошли года, но заклятія еще не сняты и рѣдко случается примѣръ, чтобы какой нибудь Мордвинъ настолько угодилъ земляному богу, чтобы онъ отдалъ ему довѣренное ему имущество въ руки; иное дѣло, если кладъ положенъ безъ заклятія мордовскаго, а подъ какимъ нибудь русскимъ или татарскимъ словомъ—тогда дѣло дѣлается просто и стоитъ только счастливцу узнать это слово, чтобъ кладъ дался ему въ руки. Искать клада

можно повсюду, по той простой причинѣ, что если его искать безъ знанія «слова», то проищешь весь вѣкъ, а найти—ничего не найдешь; иное дѣло, если какъ нибудь случайно узнаешь это слово, тогда иди смѣло хотя бы и на чужую землю, рой и добивайся своего счастья; тутъ хозяину земли дѣлать рѣшительно нечего, такъ какъ онъ не зналъ слова и счастье выпало не на его долю; говорятъ, бывали случаи, что нѣкоторые господа, на чьей землѣ были находимы клады, выхлопатывали себѣ части, но въ томъ то и бѣда, что какъ только они деньги домой принесутъ — глядь, анъ тамъ не деньги, а черепки битые. Бываетъ конечно, что идутъ кладъ искать и двое—тогда и находка дѣлится поровну, но только подобные случаи очень рѣдки, а ищутъ больше въ одиночку, тайкомъ, чтобы кто не узналъ да не помѣшалъ; у иного такой глазъ, что и слово нужное знаешь, а какъ посмотритъ — замѣсто денегъ то въ горшкѣ однѣ перегорѣлыя кости окажутся.

Даритъ Мордвинъ лишь то, что можно передать изъ рукъ въ руки, причемъ, конечно, самый фактъ передачи можетъ быть и символизированъ; однако землю не дарятъ (по крайней мѣрѣ, подобныхъ примѣровъ не бывало), да не дарятъ еще и такихъ вещей, отъ которыхъ можно ждать какой либо напасти; такъ, напримѣръ, Мордвинъ не даритъ ни ножа, ни ружья, ни пороху, ни пули, ни горькаго, ни кислаго; про послѣднее даже и пословица подходящая у Эрзи нашлась, такъ какъ когда стрясется какая нибудь не разсчитанная бѣда въ домѣ, то говорятъ: «видно мнѣ кто нибудь горькое подарилъ (*вансазо! кодамойакъ казамамъ тшапамо!*). Само собою разумѣется, что купить такую вещь не представляетъ никакой опасности и, благодаря этому, Мордва употребляетъ такую хитрость, что за подарокъ даетъ хотя бы копейку, которая совершенно уничтожаетъ опасность. Разговоровъ особенныхъ и въ особенности ритуала какого нибудь при дареніи не бываетъ, да и какой же тутъ ритуалъ, когда все дѣлается въ силу взаимнаго согласа: подарокъ въ руку, а то какую нибудь часть его или непремѣнную принадлежность — и дѣло съ концомъ! Особыхъ постановленій, когда давать подарки, тоже не имѣется, а дѣлаются они, когда вздумается, причемъ, конечно, стараются для этого найти подходящій случай, праздникъ семейный или что нибудь подобное. Мы говорили уже о свадебныхъ подаркахъ, а теперь прибавимъ,

что при рожденіи ребенка дарятъ матери его «на соху» для новорожденнаго, а, если это дѣвочка, то на «прялку»; бабкѣ дарятъ «за пупъ», который она всегда въ этихъ случаяхъ отдаетъ слѣдующей за матерью незамужней теткѣ новорожденнаго, со словами: «дай Богъ на будущій годъ и твоего дождаться!» дѣвушка должна подарить ей за это «понаръ». На крестинахъ никому ничего не дарятъ, а, глядя на русскихъ, даютъ платокъ попу и деньжонокъ причту, тогда какъ бабка уже тутъ не при чемъ. Первые штаны мальчику обязанъ подарить дѣдъ, а дѣвочкѣ бабка даритъ рубаху тотчасъ послѣ ея перваго періода; при этомъ и штаны и рубаха ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть цвѣтные, какъ увѣряетъ Мокша, чтобы всѣ видѣли, что они достигли уже подобающаго возраста, такъ какъ у одного штаны незапятнаны, а у другой рубаха носитъ слѣды ея возмужалости [1]). Никакихъ письменныхъ условій при дареніи не полагается, да Мордва думаетъ, что подусловное дареніе не есть дареніе въ строгомъ смыслѣ слова, а мѣна или купля, продажа, такъ какъ оба понятія обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ —«*полафтама*». Если нѣтъ условій при дареніи, то слѣдовательно изъ факта принятія подарка для даропринимателя не вытекаетъ никакихъ обязанностей. Разъ подарокъ сдѣланъ, то такого срамника ни въ какомъ случаѣ не найдется, чтобы отобрать дареное назадъ; во первыхъ, отбирать вѣдь придется силой, а во вторыхъ и самъ не захочетъ мараться, такъ какъ: «*казазь—масторсз тшувазь*», т. е. «подарилъ — въ землю зарылъ»; иной отецъ пожалуй, видя непокорность своего сына и отниметъ дареное, но и тутъ сынъ, хотя и отдастъ безпрекословно дареное, все же скажетъ: «ты бы ужъ вовсе не давалъ, коли отбирать думалъ»; а ужъ чтобы кто другой вздумалъ отбирать дареное, такъ такого сраму никто не захочетъ брать на свою голову, да и главное— никто не отдастъ.

Часто случается по Мордовскимъ рѣкамъ, что тамъ, гдѣ въ прошломъ году была глубина, на слѣдующій годъ образуется перекатъ, который доходитъ зачастую до берега, а рѣка образуетъ новую «волошку»; рѣку бѣжать тамъ или здѣсь человѣкъ заставить не въ силахъ, а потому и полагаютъ, что тутъ, въ этомъ

[1]) Кузнец., Кемешкерь, Степанида Пятяева.

фактѣ, проявляется чисто Божія воля; значитъ, хозяинъ берега угодилъ Богу, который одинъ властенъ у одного отнять и отдать другому; въ силу такого воззрѣнія установилось за правило, что, если по рѣку лежала граница, то послѣдняя по ней же и лежать будетъ, но тамъ, гдѣ она потечетъ. Когда мы спрашивали разъясненій, то намъ очень логично объясняли, что это въ природѣ вещей: вѣдь человѣкъ самъ же предоставляетъ обереганіе границъ богамъ, такъ какъ же онъ будетъ спорить, если тѣ же боги не поволятъ, чтобы граница проходила тамъ то? Да и къ тому же, если есть приращеніе, то есть и потеря, такъ какъ рѣки здѣсь перемѣнчивы и на слѣдующій годъ рѣка можетъ перемѣнить русло. Какъ прежде оба рыбу въ рѣкѣ ловили, такъ, и по измѣненіи русла, оба же могутъ ловить, но не безъ пути, а по согласу, такъ что если одному вздумается ловить во время икромета, то другой можетъ запретить такой варварскій ловъ, а если не послушаетъ слова, то старики прикажутъ. Рѣку дѣлятъ такимъ образомъ, что половина ея принадлежитъ одному хозяину, а другая половина другому, такъ что если рѣка подшутитъ да нанесетъ островокъ новенькій, который всегда для скотины хорошъ, то отмѣриваютъ на чьей онъ половинѣ пришелся, а если какъ разъ посередкѣ, то оба хозяина могутъ имъ пользоваться на равныхъ правахъ и если тутъ перепадетъ кому нибудь чужаго, то бѣды въ этомъ большой нѣтъ— дѣло шаберское. Коли озеро выдастся, то только про берега моги говорить: мое, а середина—Божія и всѣ прибрежные хозяева могутъ въ такомъ озерѣ рыбачить, только опять таки по закону, а не травить рыбу и мелкою сѣткой не вылавливать до чиста.

Если случится кому нибудь по ошибкѣ, не разобравши мѣты, засѣять чужую землю, или домъ по незнанію на чужой землѣ выстроить, то разсчетъ тутъ самый простой: доспѣетъ хлѣбъ и хозяинъ земли сниметъ его, обмолотитъ, отдастъ сѣмена съ особенною аккуратностью, вѣсъ въ вѣсъ, такъ какъ зерно годъ въ годъ качествомъ не выходитъ, а труды и прибытокъ пропали; домъ тоже: возьми, разбери, а за пропавшимъ трудомъ—проходи мимо, такъ какъ надо было разбирать раньше, да мѣты потверже помнить. Шаберское дѣло, конечно, дѣло дружеское, но тоже шаберъ шабру рознь и иной такой несуразный подвернется, что то и дѣло привязываться станетъ. Да вотъ не далеко ходить: строишь ты

себѣ домъ—темновато будто выходитъ; сейчасъ взялъ да оконце и прорубилъ на его мѣсто, а онъ и пошелъ: какое ты имѣешь право? Конечно, по закону то я права не имѣю къ нему во дворъ смотрѣть, но все же между шабрами можно бы было; коли дойдетъ до стариковъ—заставятъ окно заложить. Какъ можно въ чужой дворъ окна дѣлать! вотъ какъ относится Мордва повсемѣстно къ этому вопросу, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все это происходитъ отъ малоземелья и гдѣ строиться поневолѣ приходится тѣсно, тамъ на такой фактъ смотрятъ спокойно и спорить не станутъ. Также водостокъ тоже на чужой дворъ выводить не ладно, но по нуждѣ и на это смотрятъ по шаберски, сквозь пальцы, такъ какъ ничего не подѣлаешь: и тому тоже податься некуда—хоть и мокро и грязно, а терпѣть надо. Бываютъ, конечно, споры на этотъ счетъ, но рѣдко случается, чтобы дѣло доходило до волостнаго суда, а, по большей части, сосѣди довольствуются рѣшеніемъ стариковъ. Впрочемъ, въ с. Кемешкери намъ удалось разъ наткнуться на такое дѣло: [1]) спорили два Мордвина о томъ, что одинъ изъ нихъ Петръ Кизяевъ поднялъ такъ высоко свою крышу, что нижній конецъ ея приходился надъ крышей сосѣда Алексѣя Кизяева; вода стекала прямо на крышу послѣдняго и поэтому его крыша постоянно прогнивала; судили старики и присудили, чтобы Петръ помогалъ ежегодно Алексѣю соломою для крыши. Алексѣй подалъ въ волостной судъ; Петръ объяснилъ, что хочетъ имѣть высокія горницы. «Какъ Петръ Кизяевъ желаетъ имѣть горницу выше, то пусть по его желанію и будетъ, а чтобы отъ того не было Алексѣю Кизяеву убытковъ, то и ему онъ, Петръ, пусть такую же высокую крышу сдѣлаетъ или же, если на это не пойдетъ, то пусть по боку пуститъ жолубъ, да по немъ на улицу воду съ крыши и выведетъ. А чтобы оба они, и Петръ и Алексѣй, знали, что на то и старики, чтобы ихъ слушать и безпокойства не дѣлать, а жить добрыми шабрами, какъ то слѣдуетъ, то Петру сдѣлать строгій выговоръ, а Алексѣю дать 10 розогъ, а того наказанія избыть ему тутъ же.»—Иное дѣло, если Богъ подастъ да дерево съ чьей нибудь земли вѣтви на чужую переброситъ, чье дерево тогда, того и плодъ; конечно, можно и сосѣду съ того дерева яблочкомъ попользоваться, однако тоже

---

[1]) Дѣло № 56, іюня 9 1874 года.

всю перевѣсившуюся часть яблони обрывать не годится—за это не похвалятъ. Въ селѣ Атяшевѣ былъ такой случай: одинъ крестьянинъ доказывалъ, что яблоки росли на его сторонѣ; старики спросили его: какъ на дерево взлезаютъ? По стволу, говоритъ. Ну и лезь. Да какъ же я на его дворъ пойду ствола искать—онъ не пуститъ. Ну какъ водится—помирили, а виновнаго все таки постегали [1]. Если плоды ко мнѣ на землю повалятся, тогда я вправѣ ихъ ѣсть, сколько моей душенькѣ угодно, такъ какъ они уже не на деревѣ и мнѣ за ними идти на чужой дворъ не требуется; иной злобливый шаберъ и тутъ судиться станетъ—скажетъ: мои яблоки оборвалъ! такъ тутъ его можно донять червоточиной развѣ, а старики за такую ябеду не похвалятъ, а коли до волости дойдетъ, такъ и постегаютъ.

Мордва какъ то не особенно долюбливаетъ водяныя мельницы и крѣпко держится за хорошія, англійскаго пошиба вѣтрянки, такъ какъ рѣки удачливы, а если вздумается кому нибудь строить мельницу на рѣкѣ и выводить плотину, то тоже это въ одиночку своею волею дѣлать не годится: и у нижнихъ спроситься надо да и у верхнихъ, такъ какъ отъ запруды и тѣмъ и другимъ могутъ быть убытки; обыкновенно дѣло улаживается на томъ, что мельнику укажутъ границу подтопа и заставятъ платить ежегодныя протори, какъ верхимъ за подтопъ, такъ и нижнимъ за безрыбье и маловодье — однако послѣднимъ поменьше первыхъ. Въ послѣднее время стали этимъ заниматься купцы, а потому и слышатся уже жалобы, такъ какъ говорятъ о подкупахъ и т. п. неблаговидностяхъ. Да и плотину строй тоже, спросившись, такъ какъ противубережный хозяинъ можетъ и не позволить примыкать плотину къ его берегу опять таки изъ за подтопа; коли найдется такой озорникъ, то старики непремѣнно присудятъ плотину раскопать и воду пустить по старому, да еще и оштрафуютъ. Тутъ опять таки до волости дѣло не доводятъ, такъ какъ оно само по себѣ слишкомъ ясно и достаточно 3 — 5 человѣкъ стариковъ, чтобы установить вполнѣ безапелляціонное для обоихъ сторонъ рѣшеніе.

Дорога, а также и межа Божья, а что Божье—то предоставлено

---

[1]) Атяшево, № 102, сентября 12 1871 года.

на пользованіе всему міру и одинъ человѣкъ не въ правѣ заказывать то, что сдѣлано на общую потребу. Въ силу подобнаго воззрѣнія на дѣло, Мордва полагаетъ, что проѣздъ и проходъ по дорогамъ и межамъ доступенъ для всѣхъ и каждаго—пусть только добрый хозяинъ на поворотахъ да въ узкихъ мѣстахъ ямочки понароетъ, чтобы въ хлѣбъ не заѣзжали. Въ распутицу и непремѣнно таки съ дороги съѣхать придется, такъ какъ по ней проѣзду нѣтъ отъ грязи; ну ужъ въ этихъ случаяхъ держи путевой человѣкъ по межѣ, поѣзжай съ оглядкою и никто ему слова не скажетъ, такъ какъ всякій пойметъ, что не слѣдъ же ему губить животину. Что касается до водопоя, стойла, и прогона, то тутъ дѣло прямо вершится по согласу и никакихъ особенныхъ правъ и обязанностей не установлено; не виноватъ же тотъ, кому Богъ воды не далъ, и дѣло шаберское—подѣлиться; иной за все это беретъ что нибудь деньгами или припасомъ, а иной и безъ всякихъ денегъ дозволяетъ, такъ какъ съ прогона, водопоя и стойла (гдѣ скотина стоитъ въ жаръ, когда она ѣсть не можетъ) весь навозъ принадлежитъ ему, а это тоже въ хозяйствѣ годится. Что касается до входнаго права въ лѣса, то тутъ нѣтъ общаго правила, а такъ какъ помѣщики почти повсемѣстно ухитрились отрѣзать себѣ лѣса, то рѣдко гдѣ можно найти лѣсъ, принадлежащій крестьянскому обществу; въ этихъ послѣднихъ право входа по грибы, ягоды, валежникъ существуетъ въ полной мѣрѣ, а чтобы захватить сухоподстой, то на это требуется разрѣшеніе стариковъ, такъ какъ это большихъ денегъ стоитъ. Въ господскихъ лѣсахъ кое гдѣ дозволяютъ собирать ягоды и грибы безпошлинно-безданно, гдѣ берутъ третью коробью, а гдѣ и вовсе не дозволяютъ. Изъ за этого идутъ у Мордвы постоянные споры и пререканія, такъ какъ она никакъ понять не можетъ, какой разсчетъ давать гнить грибамъ и ягодамъ лучше, нежели позволить ими крещеному попользоваться; дѣлать нечего, кое гдѣ стали обществомъ скупать право входа на ягоду и грибъ, такъ какъ послѣдній (груздь и подгруздь) даетъ очень хорошій заработокъ промышленному Мордвину, который никогда не удовольствуется своимъ землепашествомъ и всегда найдетъ какое нибудь иное прибыльное дѣло. Ни валежника, ни травы въ господскихъ лѣсахъ не трогай и бортей въ нихъ не ставь, такъ какъ за это станутъ таскать въ волость, а волость и рада бы рѣшить дѣло

въ пользу Мордвина, потому что тоже не можетъ понять, что руководитъ собакою, лежащею на сѣнѣ, но не можетъ, такъ какъ довѣренный такъ въ законъ пальцемъ и тычетъ; иное дѣло лѣсъ общественный—тутъ запрета нѣтъ, только не захватывай много, а дай и другому поживиться отъ Божьяго куска. Само собою разумѣется, что всѣ эти охраны барской собственности все же не всегда приводятъ къ цѣли и на свой страхъ и рискъ крестьяне изъ Мордвы забѣгаютъ часто въ запретныя мѣста, если только полѣсовщикъ какъ нибудь зазѣвается или же если у нихъ съ нимъ заведены шашни; да, наконецъ, и сами полѣсовщики, какъ ни бьются строгіе господа, никакъ не могутъ проникнуться тою идеею, чтобы никто не смѣлъ брать того, что пропадомъ пропадаетъ иначе. Такъ, напримѣръ, въ мокшанскихъ мѣстностяхъ очень часто установлены такія отношенія между крестьянами и помѣщиками, что первые имѣютъ право прямо таки входить въ барскій лѣсъ только бы не за дровами и притомъ всенепремѣнно напередъ сказавшись, а при выходѣ — показавшись, т. е. уплативши съ собраннаго нѣкоторую хабару полѣсовщику, обыкновенно холостяку, которому для домашняго его обихода некому набрать ни ягодокъ, ни грибковъ. У Эрзи дѣло слаживается нѣсколько иначе: за мохомъ, напримѣръ, прямо таки ни одинъ полѣсовщикъ идти не дозволитъ, такъ какъ мохъ то онъ оберетъ, да и оголитъ корень; тогда какъ, съ другой стороны, вѣники дѣлать—ступай себѣ съ Богомъ безъ всякаго запрета. Само собою разумѣется, что прежде, до освобожденія, по словамъ Мордвы, гораздо лучше были порядки, такъ какъ на барскій лѣсъ никакого запрета не было—господа еще не озлобились. На охоту и рыбную ловлю на чужой землѣ смотрятъ господа, а слѣдовательно и ихъ довѣренные, очень разнообразно; иные безусловно запрещаютъ и то и другое какъ въ Эрзянскихъ, такъ и въ Мокшанскихъ мѣстностяхъ, другіе охоту не запрещаютъ, тогда какъ рыбную ловлю строго преслѣдуютъ, увѣряя, что рыболовы топчутъ траву, наконецъ, третьи (но такихъ чрезвычайно мало) дозволяютъ и то и другое подъ условіемъ приноса къ нимъ первымъ добычи, по барскому обычаю, чтобы мужикъ ею поклонился барину, а ужъ онъ тамъ, что другіе платятъ, заплатитъ или скажетъ: мнѣ не нужно. Коли безъ позволенія промышляешь, да поймаютъ, такъ отберутъ и ружье и сѣти, а иной очень ужъ усердный блюститель отберетъ и торбу съ

хлѣбомъ и припасомъ охотничьимъ. Между собою Мордва не запрещаетъ другъ другу промысла въ чужомъ лѣсу и въ чужой водѣ, такъ какъ полагаетъ, что добыча ни мха, ни ягодъ, ни грибовъ, ни птицы и рыбы Божіей не раззоритъ человѣка, только бы дѣлалось это все съ разумомъ, а не зря, чтобы досталось и на домохозяина и другихъ добрыхъ людей, которымъ тоже ѣсть пить хочется.

Пользованіе чужою собственностью, напримѣръ, лошадью, телѣгою и т. п. допускается, если хозяинъ остается неизвѣстенъ, притомъ до той самой поры, какъ онъ объявится; никакого вознагражденія за это не полагается, такъ какъ и лошадь въ это время кормилась, и телѣга чинилась; на присталой лошади хоть годъ цѣлый ѣзди—до хозяина, а какъ объявился хозяинъ—отдавай. Въ случаѣ общественной ли нужды, выражающейся напримѣръ въ пожарѣ, наводненіи, но иногда и въ пріѣздѣ исправника, можно за спѣшностью прихватить чужую лошадь и телѣгу, не сказавшись, но все это съ непремѣннымъ условіемъ телѣгу не ломать и лошадь не загонять; иногда можно взять ихъ по своей собственной нуждѣ, когда некогда своихъ искать и дѣло спѣшное; тутъ уже конечно, еще осторожнѣе быть надо, такъ какъ мірская бѣда—бѣда, а своя бѣда—полбѣды («*шабертнень осалъ — осалъ, а моньтсень осалъ — кафтува осалъ*»).

Случаи общаго владѣнія довольно ограничены среди Мордвы и намъ случалось лишь видѣть подобное владѣніе колодцами, банями, кое какими заводиками, мельницами и у Мокши часто «дегтегонами» и «смолосиднями»; тутъ въ этихъ случаяхъ раздѣлъ самый простой: и работа и польза раскладываются совершенно поровну, а дѣтская часть (въ дегтярномъ дѣлѣ) идетъ за $^1/_3$ полнаго пая, какъ работы, такъ и барышей На одномъ изъ такихъ заводиковъ (щепнаго товара) намъ пришлось застать слѣдующій разсчетъ: только что вернулись возчики изъ Саратова, гдѣ они прекрасно расторговались посудою, такъ что приходилось дѣлить 384 рубля; къ разсчету представлено было $164^2/_3$ дня; тотчасъ же разочли, что $^1/_3$ рабочаго дня дала 77 к., такъ что Алексѣй Братцевъ получилъ за 24 своихъ, за 23 жениныхъ и за 12 сыновнихъ—55 р. 44 к., 35 р. 42 к. и 9 р. 24 к., а всего 100 р. 10 к. На заводѣ тутъ работало 4 семьи шабровъ, которые, будучи поселены среди лѣса, не имѣли

возможности жить хлѣбопашествомъ. Только по Мокшѣ да по Сурѣ случалось намъ встрѣчать шабровые невода, которые, какъ и всѣ общія вещи, носятъ названіе «*марсяксъ*» (вмѣстное). Эрзя успѣла уже утерять это подходящее словечко и оно снова встрѣчается только по мѣрѣ удаленія отъ Нижняго, тамъ, напримѣръ, гдѣ Эрзя близко столкнулась съ Мокшею, а также и на новыхъ мѣстахъ, на Волгѣ, гдѣ мы успѣли записать это слово, какъ разъ таки для невода, у Царскаго кургана, близь Семейкина. Распоряжаются такою общею вещью всѣ, но все же и тутъ одинъ верховодитъ съ согласа всѣхъ остальныхъ вслѣдствіе своей большей опытности и умѣнья; никто его верховодой не назначаетъ, а случается это какъ то само собой, «tacitu consensu», и затѣмъ уже рѣшаютъ, удаченъ ли оказался верховода въ дѣлѣ или нѣтъ. Каждый изъ совладѣльцевъ можетъ пользоваться и самъ по себѣ общею вещью, подъ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, что бы въ это время на нее не претендовали бы другіе вмѣстники «*марсяфтъ*», такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ тотчасъ же долженъ предоставить марсяксъ въ пользованіе всѣмъ вмѣстникамъ. Если одинъ воспользуется общею вещью, то добытокъ отъ невода не цѣликомъ поступаетъ въ его собственность, такъ какъ 1/8 часть онъ долженъ предоставить остальнымъ вмѣстникамъ, а это дѣлается въ томъ разсчетѣ, что отъ лишняго употребленія неводъ рвется, такъ чтобы не было обидно впослѣдствіи остальнымъ чинить его. Когда получится добыча, то каждый вмѣстникъ имѣетъ право продать отдѣльно свою часть добытка, но прежде онъ обязанъ заявить объ этомъ своимъ сотоварищамъ, которые имѣютъ преимущественное право покупки и затѣмъ уже, если они откажутся, онъ можетъ продать на сторону; однако, такихъ отстальцевъ не особенно долюбливаютъ и всячески стараются оттереть ихъ отъ общаго дѣла, уплативши имъ стоимость ихъ пая въ марсяксѣ. Бываетъ случайно, что плодовое дерево выростетъ какъ разъ на межѣ, между владѣніями двухъ владѣльцевъ; тогда, если владѣльцы живутъ между собою дружно, то плодами оба пользуются наравнѣ, но если заспорятъ, такъ кто сажалъ — того дерево; простыя деревья дѣлятъ такимъ образомъ, что сѣкутъ, приноравливаясь, чтобы оно упало по срединѣ межи, а затѣмъ, такъ какъ прямо оно никогда не ляжетъ, то и разбираютъ, въ чью сторону корень смотритъ; рубка производится третьимъ лицомъ изъ

шабровъ, причемъ, въ качествѣ присяги въ вѣрности, онъ кладетъ себѣ на голову топоръ остріемъ и говоритъ: «пусть я тѣмъ деревомъ буду, если солгу» (*«улылксыленъ тяксъ шуфтаксъ, вась кафнляндэрэнъ»*)! [1])

Изстари завелся у Мордвы такой порядокъ, что общими покосами и лугами пользуются двояко: или прямо дѣлятъ на дѣлянки, если не надѣются на сохраненіе добраго согласія, или же траву скосятъ на заказномъ мѣстѣ и потомъ раздѣлятъ по душамъ, а тамъ уже вмѣстяхъ и скотину пустятъ; на луга тоже пускаютъ скотъ вмѣстяхъ до первой свады, а коли кому не понравится, такъ сейчасъ и предложатъ выдѣлить ему дѣлянку, на которую смутьянъ, конечно, не пойдетъ, такъ какъ на своей дѣлянкѣ онъ скотину поморитъ, и слѣдовательно образумится и перестанетъ смутьянить. Озерами и рѣками пользуются сообща, т. е. ловятъ рыбу всѣ по одиночкѣ, причемъ однако строго воспрещается: лученье рыбы, отрава, заставы и мелкоячейныя сѣти.

Мордва чрезвычайно тонко умѣетъ отличить дѣйствительно незавѣдомое завладѣніе чужою вещью отъ недобросовѣстнаго и виновникъ въ послѣднемъ пользуется всеобщимъ презрѣніемъ; кромѣ того, при добросовѣстномъ завладѣніи никакихъ послѣдствій для завладѣвшаго не бываетъ, кромѣ отдачи вещи хозяину, а кто недобросовѣстно завладѣлъ вещью, тотъ подвергается предварительнымъ побоямъ, да кромѣ того еще и волостному суду, который за такую продѣлку не поскупится на березовую кашу, которую, не въ примѣръ прочимъ, помимо писаннаго закона и отпуститъ въ чрезвычайно усиленной дозѣ. Если кто нибудь посѣетъ на чужой землѣ по недосмотру, то бѣда его, такъ какъ не въ обычаѣ Мордвы, чтобы дѣлить грѣхъ пополамъ: гляди въ оба, знай мѣты! сѣмена непремѣнно отдадутъ, а иной, подобрѣе, такъ пожалуй и трудъ высчитаетъ, но на послѣднее правила нѣтъ и все зависитъ отъ доброй воли. Такого обычая, чтобы добросовѣстно завладѣвшій чужимъ имуществомъ по прошествіи извѣстнаго срока получалъ на него право собственности, рѣшительно нѣтъ у Мордвы и когда бы хозяинъ ни явился съ ясными доказательствами, что вещь принадлежитъ ему, онъ получаетъ ее безспорно. При насъ въ Семейкинѣ

[1]) Мамалаи, Васильчиковъ.

былъ примѣръ возврата лошади, находившейся у нашего хозяина въ теченіи 8 лѣтъ; 8 лѣтъ тому назадъ она пропала въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, но старый хозяинъ узналъ ее по мѣтамъ, ими же доказалъ старикамъ, что лошадь его, и старики постановили: возвратить лошадь прежнему хозяину; рѣшительно никакой давности владѣнія Мордва не признаетъ, такъ какъ считаетъ самый фактъ владѣнія собственностью, даромъ боговъ. Бываютъ, конечно, и среди Мордвы такіе люди, которые добромъ не захотятъ вернуть чужую собственность и въ этомъ случаѣ народъ обрѣтается въ полномъ невѣдѣніи того закона, который воспрещаетъ самоуправство относительно имущества, находящагося въ чужомъ владѣніи, хотя бы и незаконномъ. Повелось такъ, что если ты увѣренъ, что вещь твоя, да еще и доказать это можешь, то прямо иди и бери и въ такомъ только случаѣ дѣло до стариковъ доводи, если встрѣтишь сопротивленіе, но въ томъ то и дѣло, что такое сопротивленіе встрѣчается чрезвычайно рѣдко.

ДОГОВОРЫ.

Мы говорили уже выше о томъ значеніи, которое придается Мордвою слову; прибавимъ теперь еще, что выраженія «честное слово» Мордва не имѣетъ, потому что иного не знаетъ и всѣ очень удивлялись, когда мы предлагали имъ вопросъ: «считаетъ ли Мордва за грѣхъ или за стыдъ неисполненіе даннаго слова?» Намъ говорили, что, конечно, попадаются такіе люди, но они на счету и никогда никто не позоветъ ихъ для рѣшенія какого нибудь дѣла и всѣ будутъ косо смотрѣть на нихъ, если имъ вздумается прійти на сходку стариковъ». Человѣкъ вокругъ слова тоже, что ворота вокругъ вереи: крутятся, а не срываются — вотъ какъ думаетъ Мордва («*Ломань пшкадомантсъ перьть соньтсъ—мезъ ортадювентсъ перьть: пурдаи, а афъ-мэнаи*») и полагаетъ, что человѣкъ, измѣнившій своему слову хотя одинъ разъ въ жизни, въ другой разъ не можетъ уже отвѣчать за то, что устоитъ противъ искушенія.

Вся суть въ томъ, по коренному убѣжденію Мордвы, чтобы не обнадеживать человѣка, а ужъ если сказалъ слово—исполни («*азыстъ валтсынь пишкидкъ*»!,)и никакого извиненія получить отъ людей не

жди, если обманешь; хотя бы даже и не по своей волѣ человѣкъ не выполнилъ своего слова, то и въ такомъ случаѣ дѣло сосѣдей разобрать, насколько онъ старался его выполнить. Договоръ, всякій, хотя и словесный, такъ какъ иныхъ Мордва не знаетъ, — святое дѣло, такъ какъ при всякомъ договорѣ договаривающіеся произносятъ чрезвычайно важную въ ихъ глазахъ формулу: «Богъ насъ связалъ—пусть онъ насъ и развяжетъ» («*Шкай тердедамазв — и тердедазамазв*»), причемъ связываются поясами другъ съ другомъ, а въ одномъ мѣстѣ выдергиваютъ у себя по два волоса изъ головы и сплетаютъ ихъ вмѣстѣ [1]). Кстати сложилась по этому поводу еще и другая пословица, но на этотъ разъ уже Эрзи, которая утверждаетъ, что «на договорѣ крѣпокъ—въ бѣдѣ не быть» (*алтавкштенв віеви — ватшомоштенв арась*). Договоръ вообще всякій называется «*алтавксв*», что собственно говоря значитъ — обѣтъ, а договоръ, сопровождающійся вышеупомянутымъ заклинаніемъ, носитъ названіе «*пульфв*»—связь, союзъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Мордва съ давнихъ поръ имѣла слова для обозначенія всякаго рода договоровъ; такъ, напримѣръ, Мордва знаетъ договоръ «*преасьезга*»—головою, ручательство головою, который состоялъ въ томъ же займѣ, но съ кабалою, а быть можетъ и со смертью въ случаѣ неуплаты, слѣдовательно—залогъ; «*сиведьма* — съемка, наемка; «*туйкама*»—собственно: подачка, а затѣмъ — заемъ; «*преасьпитнэ*» — собственно: цѣна головы или, по нынѣшнимъ понятіямъ, отступное. Слышали мы также очень любопытное названіе «задатка», которое звучитъ «*кенджэ*», что слово въ слово значитъ—ноготь; [2]) въ другихъ мѣстахъ вошло уже въ употребленіе слово «*ингелэ*», что значитъ — передовое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заемъ называется *кэпидинь*, а отступное—«*катса*». Изстари повелось, что всякаго рода договоры не могутъ быть заключаемы когда угодно, а лишь въ такіе дни, которые посвящены высшимъ божествамъ, которые въ силу этого и принуждаются договаривающимися сторонами какъ бы къ санкціонированію договора, къ его закрѣпленію и соблюденію; такими днями у Мордвы считаются: время, соотвѣтствующее приблизительно нашему Егорію или ихнему празднику

---

1) Кемешкерь.

2) Тотъ же Кемешкерь.

Пиргинэ-Паза и Велъ-ӧзксъ и осенью—Покровъ или день Михаила Архангела, т. е. праздникъ смерти Пургинэ-Паза. Вотъ почему вѣроятно при исправномъ выполненіи договора и принято говорить: «*Пургинэ-Пазъ кeрякъ*»! т. е. теперь руби громовержецъ—фраза, которая замѣняется иногда другою, а именно: «*Шкай палакъ*»! т. е. солнечный богъ сожги нашъ договоръ, уничтожь его.

Собственно говоря, заключить какой бы то ни было договоръ не долго, но долгое время проходитъ въ предварительномъ обдумываніи его условій и въ переговорахъ объ этихъ условіяхъ; когда все уже оговорено, то заключающіе договоръ клянутся въ вѣрности его выполненія или одною изъ упомянутыхъ выше формулъ, или же еще говоря: «Связались мы кушаками—свяжи насъ, Боже, цѣпями; кто ту цѣпь разрубитъ — чтобы кровь изъ насъ текла», или «какъ волосы наши связаны, такъ и мы связаны; кто волосы развяжетъ—чужую кровь прольетъ» (*сюмнадизъ карксенкетъ—сюлмымизъ, Оцю-Пазъ, цынзеркетъ; кона нетъ цынзерть кери—верь миньсестесь тшудятъ*» и «*кода преапонанькэ сотняфтъ, сенарсъ минтсъ сотняфтъ; кiэ преапонанькэ лихты — илянь верь валѣ*»). Формулы эти ясно намекаютъ на кровавый отвѣтъ за невыполненіе договора, но теперь онѣ повторяются народомъ въ качествѣ переживаній, безъ взвѣшиванія чѣмъ именно онѣ угрожаютъ, хотя тѣмъ самымъ значеніе ихъ отнюдь не умаляется. Полагается, конечно, при всякомъ договорѣ и выпить или какъ, Мордва называетъ, «обмыть кровь» (*верь муськанъ*), такъ какъ, какъ объяснялъ мнѣ одинъ Мокшанинъ [1]) «въ стародавнія времена договаривающіяся у себя на шеѣ ставили въ моментъ заключенія договора мѣту того, съ кѣмъ договаривались»; если говорившій это и увлекался, то выдумка довольно остроумна. При договорѣ найма рабочей силы нанимающій кладетъ руку на нанимаемую силу: человѣка, лошадь, быка, даже ударяетъ ихъ и говоритъ: «хочу—ляжешь, хочу—встанешь» (*йоранъ—мататъ, йоранъ—кепсятъ*). Во всякомъ случаѣ и при томъ по всей землѣ мордовской, куда бы не занесла судьба Мордвина, онъ не обойдется при заключеніи какого нибудь договора безъ того, чтобы не отрѣзать горбушку отъ ковриги хлѣба, ополамить ее со своимъ содоговаравающимся и не съѣсть этого хлѣба, зарывъ по кусочку каж-

---

[1]) Тихонъ Васильчиковъ въ Мамалаяхъ.

дый въ землю. Бѣда, если по произнесеніи только что приведенныхъ формулъ и съѣденія хлѣба кто нибудь вздумаетъ порушить условія договора: кто кушаками связывался—нутро выйдетъ (грыжа), кто волосами—кровь горломъ пойдетъ, кровью изойдетъ или огнемъ сгоритъ (горячка), а если этого всего не случится, то внутренняя молнія (ударъ) или, по мордовски, «потма йондымъ» убьетъ; для послѣдняго конца достаточно просто ополамить горбушку. «Кровь обмываетъ» тотъ, кто первый предложилъ заключеніе договора, или же во время переговоровъ условливаются въ особину о томъ, на чей счетъ должны быть могарычи; объ этомъ уже спору никогда не бываетъ, такъ какъ кому нибудь да договоръ выгоденъ и тотъ, конечно, уже не постоитъ за какимъ нибудь полтинникомъ, въ который обойдется обмыванье. Кромѣ вышеприведенныхъ формулъ, закрѣпленія заключенныхъ договоровъ существуетъ еще и рукобитье но преимущественно повидимому, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Мордва въ достаточной мѣрѣ руссифицирована; тутъ однако есть и маленькое различіе: при рукобитьѣ мало еще ударить по рукамъ, но во первыхъ, рукобитье совершается обѣими руками вокругъ, затѣмъ слѣдуетъ потрясти другъ другу руки и въ третьихъ — разнимать руки полагается только тогда, когда люди бьются объ закладъ. Когда трудно передать вещь немедленно новому хозяину, то передается часть ея: пригоршня земли, волосъ; иногда, если это возможно, съ нея срѣзается тавро (мѣта) и новый хозяинъ ставитъ уже на нее свою мѣту, но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что символомъ вещи служитъ непремѣнно какая нибудь часть ея, а никакъ не принадлежность, въ родѣ повода при продажѣ лошади и т. п.

По части возраста, сообщающаго правоспособность къ совершенію договоровъ, оба племени Мордвы смотрятъ различно и намъ кажется, что болѣе затронутая, такъ называемою, «культурою», Эрзя вѣрнѣе всего отклонилась отъ стародавняго обычая, по которому полной правоспособнности человѣкъ достигаетъ лишь при достиженіи имъ физической возмужалости; такъ, напримѣръ, у Эрзи и всякій малолѣтокъ можетъ войти въ условіе, договоръ, такъ какъ она увѣряетъ, что не въ годахъ дѣло, а въ самой рядѣ; напротивъ того, Мокша полагаетъ, что помѣшать рядиться съ малолѣтнимъ она не можетъ, но если бы впослѣдствіи оказалось, что малолѣтній умышленно втянутъ въ договоръ, что послѣдній былъ прямо заклю-

ченъ во вредъ малолѣтнему, пользуясь его непониманіемъ дѣла, то всѣ невыгодныя послѣдствія договора рушатся стариками; когда же договоръ оказывается заключеннымъ въ пользу малолѣтняго и, наоборотъ, во вредъ взрослому, то онъ непремѣнно долженъ быть выполненъ, такъ какъ попавшійся въ просакъ самъ виноватъ—дуракъ съ дуракомъ взялся. Если случается необходимость, что, впрочемъ, бываетъ крайне рѣдко, ввести въ договоръ личность малолѣтняго, то договариваются обыкновенно съ его родителями или старшими родственниками, которые представляютъ собою интересы и личность малолѣтка. Только договоры, касающіеся земли, повелось облекать въ форму письменную, такъ какъ этого требуетъ законъ, остальные же всѣ совершаются на словахъ и отнюдь соблюдаются не слабѣе документальныхъ. Для крѣпости договора, конечно, не мѣшаетъ призвать и свидѣтелей (*куляфз* — послухъ), въ особенности если дѣло идетъ о деньгахъ, да и еще и о значительныхъ; въ этихъ случаяхъ призываются обыкновенно сосѣди, преимущественно старики, но за нуждою можно взять и не ихъ и даже бабу; число такихъ свидѣтелей, смотря по уваженію, которымъ они пользуются, колеблется между 2 и 5. Роль куляфовъ—отнюдь не санктифирующая договоръ, такъ какъ, по исполненіи символическихъ обрядовъ, онъ уже болѣе не нуждается ни въ какой и ни въ чьей санкціи, но съ той поры «какъ Пургасъ на небо ушелъ» (*шкасто Пургась менели ланьксз йакась*), народъ сталъ слабѣе, завелись споры и свады, стали люди Бога не бояться и чаще и чаще отлынивать отъ выполненія договоровъ; вотъ для этой то цѣли и необходимы бываютъ свидѣтели, такъ какъ если только они есть, то никакого спора быть не можетъ и волей или неволей, а выполнить договоръ приходится.

Существуютъ у Мордвы еще и нѣкоторыя другія средства обезпеченія договоровъ, какъ то: порука (*кедь кединва стыса*—рука за руку), задатокъ (*иньгелз* — переднее), залогъ (*кэмезз* — не отъ *кэме*-сапогъ?) и, наконецъ, изрѣдка, и притомъ въ особенности у Эрзи, неустойка (*керямо* — зарѣзъ, битье). Легкость или трудность обрѣтенія попечителя, само собою разумѣется, находится въ прямой зависимости отъ того, кто именно договаривается; если это люди хорошіе, отъ которыхъ нельзя ожидать, чтобы кто нибудь изъ нихъ отказался со временемъ отъ выполненія принятыхъ на себя обязательствъ, то само собою разумѣется, что такіе люди всегда легко

найдутъ себѣ поручителей, но въ томъ то и бѣда, что для такихъ людей не бываетъ обыкновенно необходимости въ чьемъ нибудь поручительствѣ, а требуютъ послѣдняго именно отъ такихъ людей, въ которыхъ нельзя быть увѣрену; такіе люди, конечно, долго должны искать, пока найдется человѣкъ, который захочетъ добровольно надѣвать на себя обузу поручительства, а обуза эта не малая и практика научаетъ, что «порука — не дождь, подъ дерево не спрячешься [1]) (*кедь кединвастыса афулы писемъ—шуфтасала афкекшасакъ*). Поручитель или просто лишь присутствуетъ при заключеніи договора, или даетъ въ обезпеченіе бирку со своею мѣтою, или же, наконецъ, отрѣзаетъ ноготь и даетъ его въ подтвержденіе вѣрности выполненія условія. Какъ и вездѣ, въ томъ случаѣ, если бы договоръ остался не выполненнымъ, идетъ въ отвѣтъ поручитель, такъ какъ съ своей стороны обязанъ выполнить то, что не выполнилъ поручникъ. «Порука — спиною платитъ» (*кедь кединвастыса—копыръ панды*) говоритъ и Эрзянинъ и Мокшанинъ одинаково и увернуться отъ выполненія договора не представляется никакой возможности; само собою разумѣется, что если условіе заключалось въ отбытіи какой нибудь работы, то съ поручителя ея выполненія требовать не станутъ, такъ какъ доброе, подходящее для него время пропущено, но все же стоимость этой работы почтутъ въ деньги и взыщутъ цѣликомъ съ довѣрчиваго человѣка, а оцѣнка тутъ бываетъ всегда уже выше дѣйствительности, такъ какъ невыполненіе работы въ срокъ непремѣнно должно было повлечь за собою извѣстные протори и убытки. Поручительство—дѣло сосѣдское, а не представляетъ собою предпріятія, оплачиваемаго деньгами; никогда поручитель не намекаетъ даже на вознагражденіе, никогда и ищущій поручителя не подумаетъ предложить денегъ тому, кто соглашается быть по немъ порукою, такъ какъ это значило бы совершенно оскорбить добраго человѣка; повелось уже съизстари, что когда согласится человѣкъ быть по комъ либо порукою, то подносятъ ему водочки, но вотъ и все, чѣмъ обязанъ отблагодарить поручникъ, а коли поручителю извѣстно, что финансовое положеніе его не дозволяетъ ему сдѣлать и этой любезности,

---

[1]) Городищ. уѣздъ, Пичелеи, Дарья Евреинова.

то дѣло обходится даже и безъ угощенія, и, лучше того, угощаетъ отъ себя самъ поручитель.

Задатокъ для небогатаго, хотя часто и болѣе состоятельнаго, нежели окрестные русскіе, Мордвина, — вещь не шуточная, такъ какъ все же и въ его хозяйствѣ дорога каждая копейка, которой при промышленномъ духѣ этого народа всегда найдется мѣсто для того, чтобы извлечь изъ нея подобающую выгоду. Значеніе задатка очень велико, такъ какъ если онъ взятъ, то никакой иной договоръ раньше выполненія перваго, невозможенъ. «Задатокъ въ руки — камень на шею» (*ингелъ кедетненесъ — кевъ кыргазынза*), такъ какъ тутъ уже какъ ни вертись, какія бы ни стали дѣлать привлекательныя предложенія, а договоръ выполнить приходится. Все же однако нельзя не замѣтить, что тутъ играетъ огромную роль не столько сумма, выданная въ задатокъ, сколько нравственная обязанность выполнить условія договора; намъ, напримѣръ, случилось разъ услышать, что самъ говорившій съ нами Эрзянинъ-Мордвинъ получилъ отъ наемщика задатку 30 копѣекъ, а нанимался онъ работникомъ на все лѣто и хотя ему предлагали гораздо болѣе выгодныя условія, однако онъ никуда въ иное мѣсто не пошелъ, а остался у перваго наемщика. Впрочемъ взглядъ народа на договоръ до такой степени строгъ, что рѣдко даже случается, чтобы кто нибудь другой рѣшился предложить человѣку, разъ уже взявшему задатокъ, вновь такой же; подбивать на отказъ отъ прежде взятаго задатка равняется оскорбленію, да и въ самомъ предлагающемъ подобное дѣло не выказываетъ особенно высокую степень нравственности. Задатокъ всегда дается хозяиномъ, такъ какъ иначе это будетъ уже не ингелъ, а кэмезъ, т. е. залогъ. Выгоды особенной отъ полученія или отъ дачи задатка никакой не представляется, такъ какъ задатокъ есть вещь второстепенная, охотно даже не практикуемая и обходимая, при чемъ старики иначе не относятся къ задаткамъ, какъ къ чему то доказывающему нѣкоторую порчу нравовъ и потребность разныхъ обезпеченій тамъ, гдѣ, собственно говоря, достаточно одного слова. По части возврата задатковъ Эрзя и Мокша значительно различествуютъ во взглядахъ; у Эрзи, напримѣръ, вѣроятно при помощи весьма значительнаго русскаго вліянія, задатокъ началъ пріобрѣтать значеніе или дѣйствительнаго и единственнаго обезпеченія выполненія договора,

а потому здѣсь онъ и выше всегда по суммѣ, или же какого то подобія на возвышеніе и пониженіе, причемъ стали проявляться стремленія возвратить задатокъ, если выполненіе договора невыгодно и увеличить его сумму на всякій случай про неравенъ часъ. Все же однако и здѣсь еще не дошло до того, что самъ нанимающійся можетъ по своей волѣ вернуть задатокъ во всякое время; для нарушенія всякаго договора, обезпеченнаго задаткомъ, требуется всенепремѣнно согласіе хозяина-нанимателя или покупателя, причемъ кое когда ему предлагаютъ цѣликомъ возвратить задатокъ, а кое когда всего лишь половину (*синдемо* — переломъ); въ виду того, что сумма задатку здѣсь уже, какъ мы сказали, бываетъ очень значительна, то наемщику бываетъ выгодно даже и это послѣднее условіе, хотя, само собою разумѣется, что человѣка, предложившаго «синдемо», будутъ впередъ уже обходить и вступать съ нимъ въ какія либо договоры лишь по нуждѣ, когда будетъ некуда сунуться въ иное мѣсто. У Мокши если же будетъ такой грѣхъ, то нарушающій договоръ идетъ къ выдавшему задатокъ виниться (несетъ руку — «*кедынь канни*»); здѣсь онъ объясняетъ тѣ причины, по которымъ онъ не въ состояніи выполнить договора, и почти всегда задаткодатель освобождаетъ его отъ выполненія договора, или какъ говорится, «отдаетъ ему руку» (*кэдынь максома*); тутъ уже о возвратѣ задатка никакихъ разговоровъ не полагается, такъ какъ если подобный отказъ отъ выполненія договора совершается, то совершается онъ именно вслѣдствіе полнѣйшей невозможности (преимущественно вслѣдствіе постигшаго вдругъ несчастія или раззоренія) его выполнить; если же только представляется хотя малѣйшая возможность выполнить договоръ впослѣдствіи, а главнымъ образомъ возвратить полностью задатокъ, то наемникъ всенепремѣнно такъ и сдѣлаетъ и вступаетъ въ новую ряду, но уже безъ всякаго задатка; такой новый договоръ, въ родѣ нашего: «отработаю, когда смогу», называется «на Божью помощь» (*Шкайнэ лезэнэ* — когда Богъ поможетъ). Нигдѣ еще не видано и не слыхано, чтобы писались договоры на задатокъ, да и писать то ихъ некому, а за мѣсто гербовой бумаги Мордва прекраснѣйшимъ образомъ употребляетъ еще и понынѣ свои бирки, по которымъ простой смертный не разберетъ рѣшительно ничего, а они разбираютъ и ведутъ по нимъ крайне запутанную бухгалтерію, которой на этотъ

разъ гораздо болѣе приличествовало бы названіе «штанггалтеріи»; намъ самимъ случалось нерѣдко видѣть у старостъ на одной и той же биркѣ или же на связкѣ маленькихъ бирочекъ, причемъ каждая представляетъ собою счета извѣстнаго двора, счета по 8 — 10 различнымъ суммамъ, съ разновременными уплатами, вычетами, подведеніемъ итоговъ и съ возможностью въ данный день вывести наличность и дебетъ; въ этой граматѣ Мордва отнюдь не уступаетъ русскимъ счетоводамъ. Неустойка и размѣръ ея зависитъ отъ ряды, но встрѣчается до сихъ поръ все еще довольно рѣдко, такъ какъ въ ней до сихъ поръ не представляется еще особенной надобности. Что касается до залоговъ, то они бываютъ до чрезвычайности разнообразны; такъ какъ залогомъ можетъ быть все то, что имѣетъ извѣстную цѣну, но изъ особенно интересныхъ вещей, дѣлающихся залогами, слѣдуетъ упомянуть прежде всего: клокъ волосъ, который впослѣдствіи при выполненіи договора служитъ самымъ обезчещивающимъ укоромъ, такъ что сказать Мордвину: у меня твои волосы! значитъ назвать его безчестнымъ человѣкомъ; интересно, что даже на волостномъ судѣ подобный человѣкъ лишается права свидѣтельства, какъ это значится въ одномъ изъ протоколовъ [1]) Иссинскаго волостнаго правленія: «онъ же, Иванъ Мокеевъ, когда позванъ былъ Петръ Кошкинъ, сталъ его отводить и упрекать: у меня-де его волосы, почему Петръ Кошкинъ къ свидѣтельству и не допущенъ». Великое дѣло тоже въ качествѣ залога и лапоть или оборка отъ лаптя; недаромъ же пошла поговорка: «*кемезасы пилгэпашкасы*» (заложился — обезножилъ); по всѣмъ вѣроятіямъ, пословица эта, какъ и обычай, давшій ей начало, народились въ глубокой древности, когда заложившійся или дѣйствительно лишался ноги, или же не могъ уходить никуда до момента выполненія имъ договора. Употребляется также вмѣсто залога и бирка съ вырѣзанною на нею мѣтою, что, какъ намъ кажется, не представляетъ собою лишь простую росписку, а служитъ символомъ самого вошедшаго въ договоръ, тѣмъ болѣе что намъ разсказывали еще объ обычаѣ давать въ качествѣ залога утиральникъ (чѣмъ лицо вытираютъ, когда моются), на которомъ, будто, въ случаѣ неисполне-

---

[1]) Исса, дѣло № 23, 23 февраля 1871 года.

нія договора, отпечатывается лицо виновнаго, а самъ онъ ходитъ уже безъ тѣни (*чилфпашка* — такихъ чилфпашка намъ удавалось и самимъ видѣть; они воображаютъ, что лишились тѣни; это маніаки, причемъ манія всегда является слѣдствіемъ или содѣяннаго преступленія, или же сильнаго душевнаго потрясенія). Что касается до того, чтобы кому нибудь вздумалось, не спросясь, по своей волѣ, послѣ совершенія договора въ обезпеченіе его выполненія, насильственно взять какую либо вещь, то объ этомъ въ Мордвѣ пока еще ничего не слышно, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она сталкивается съ русскими, подобный обычай и практикуется; Мордва же полагаетъ, что, пока человѣкъ не доказалъ воочію своей неблагодежности, до тѣхъ поръ никто не имѣетъ права сомнѣваться въ его честности и употреблять насиліе, которому никто не подъищетъ никакого оправданія, а, напротивъ того, которое можетъ возстановить всѣхъ и каждаго противъ такого самовольнаго человѣка и надѣлаетъ ему много вреда, лишивши всеобщаго уваженія.

Когда случается Мордвину закабалиться еще и неустойкою, то она не представляется дѣломъ шуточнымъ, что прямо вытекаетъ изъ народныхъ воззрѣній на необходимость выполненія заключеннаго договора. Обычнѣе всего тотъ случай, что неустойка (*керямо*) равняется половинной цѣнности договора, а это и доказываетъ, что не даромъ Мордва прозвала ее «зарѣзомъ». Эти размѣры неустойки существуютъ одинаково у обоихъ половинъ мордовскаго народа, но взгляды ихъ на сущность неустойки и ея значеніе различны. Эрзя прямо говорила мнѣ, что, накладывая такую высокую неустойку, меня штрафуютъ — «а не то, что я плачу за то, что изубыточилъ, потому ему убытку чуть, а только чтобы впредь умнѣе былъ»; напротивъ того, Мокша, допуская даже уменьшеніе и увеличеніе размѣра неустойки по согласу, стоитъ за то, что неустойкою вознаграждаются убытки, такъ какъ неисполненное въ срокъ обязательство не можетъ не отозваться проторями въ хозяйствѣ нанимателя. Мы говорили уже, что неустойка не только не является необходимостью каждаго договора, но встрѣчается и вообще довольно рѣдко, причемъ при совершеніи договора она всенепремѣнно должна быть оговорена, такъ какъ неустойка налагается только по рядѣ и по согласу и никогда не присуждается крестьянскимъ судомъ, если о

ней не было разговора при самомъ заключеніи договора. Рѣдко, очень рѣдко дѣла о договорахъ достигаютъ волостнаго суда и опять таки чаще всего въ тѣхъ мѣстахъ, куда успѣла уже проникнуть «культурность»; такъ, напримѣръ, въ Темниковскомъ и Кадомскомъ уѣздахъ, въ особенности въ послѣднемъ, гдѣ Мордва прямо и неотлынно называетъ себя «русскими», такія дѣла встрѣчаются очень часто, а, напротивъ того, въ Краснослободскомъ, Инсарскомъ, Княгинискомъ, Кузнецкомъ и Городищенскомъ уѣздахъ, гдѣ Мордва до сихъ поръ еще извѣстна у русскихъ подъ именемъ «ясачной», на волость приходится не свыше 5 — 10 дѣлъ въ годъ. Во первыхъ самое заключеніе договора такъ обставленно, что неисполненіе онаго ведетъ за собою оскорбленіе священныхъ вѣрованій народныхъ, которыхъ народъ и до сихъ поръ еще, по старой памяти, держится, хотя и считается «православнымъ», а во вторыхъ—неисполнившаго договоръ станутъ преслѣдовать всеобщимъ презрѣніемъ, а это наказаніе почище всякаго волостнаго суда будетъ. Понятное дѣло, что разъ уплачена неустойка, не можетъ быть и разговора о какихъ бы то ни было убыткахъ, такъ какъ ради удовлетворенія въ матеріальномъ отношеніи нанимателя и подняты до такой степени самые размѣры неустойки. Иное дѣло—исполненіе самого договора. Иной бы, пожалуй, не отказался уплатить неустойку, да и отгулять тѣмъ самымъ отъ выполненія первоначально заключеннаго договора, но подобные случаи предвидѣлись народною практичностью и для того, чтобы отнять охоту у случайнаго недобросовѣтнаго человѣка, Мордва непремѣнно требуетъ и выполненія самаго договора: «*керямо — керямоксэ, алтавксэ — алтавксенксэ*» (штрафъ—штрафомъ, а ряда—рядою). Почти не бываетъ случаевъ отлыниванія отъ исполненія взятыхъ на себя обязательствъ и въ этомъ случаѣ, а если бы таковой примѣръ и имѣлъ бы мѣсто, то старики принудятъ артачащагося къ уваженію договора.

Есть у Мордвы и отступное (*сясуванэ ярмакэ*-отрывныя деньги), которое здѣсь даже въ очень большомъ ходу при разнаго рода покупкахъ, принявъ чрезвычайно интересную форму нѣкотораго подобія займа за процентъ. Чаще всего, конечно, отступное взимается и предлагается при куплѣ — продажѣ, но бываетъ и такой случай: представляется возможность пріобрѣсти сходно какой нибудь необходимый для обихода предметъ, но у покупщика въ данный мо-

ментъ не имѣется достаточнаго количества денегъ; тогда онъ обращается къ кому нибудь изъ состоятельныхъ односельчанъ и предлагаетъ слѣдующую сдѣлку: тотъ покупаетъ животное или какую либо вещь, а когда хотѣвшій купить «справится съ дѣлами (черезъ мѣсяцъ, иногда и черезъ два»), то получаетъ въ свое владѣніе и собственность купленную вещь, причемъ платитъ отступнаго отъ 5 до 10 процентовъ съ сотни. Такой договоръ получилъ даже у Мокши и Эрзи особое наименованіе «*афтоподома*», что значитъ «недохватка». Интересно, что если покупаемый предметъ былъ корова, лошадь, то первоначально купившій имѣетъ право пользоваться молокомъ и ихъ работою и обязанъ возвратить лишь приплодъ, если таковой явится въ періодъ владѣнія имъ покупкою. Въ особенности часто подобные договоры заключаютъ на базарахъ въ торговые дни и притомъ именно съ цѣлію воспользоваться приплодомъ отъ хорошей крови.

Изъ самаго уже описанія взглядовъ Мордвы на сущность договора и его значенія явствуетъ съ поразительною очевидностью, что договоръ можетъ быть признанъ несостоявшимся, поконченнымъ только лишь по обоюдному согласію, такъ какъ только обоюдное согласіе можетъ снять клятву добровольно принятую на себя обѣими договаривающимися сторонами. Такихъ случаевъ, чтобы люди обращались къ суду, что то не слышно, да и такое прекращеніе, собственно говоря, никогда не будетъ признано народомъ, если только въ условіяхъ договора или въ обстановкѣ его заключенія нѣтъ чего нибудь, что бы исключало возможность для обѣихъ сторонъ заключать равноправную и равнообдуманную, разумную ряду или согласъ. Судъ, конечно, все можетъ сдѣлать, и мѣшать ему никто не станетъ, но человѣкъ, отказавшійся отъ выполненія договора при помощи суда, точно также долженъ потерять свою тѣнь, какъ и всякій другой, кто просто, по своей личной волѣ, не выполнилъ условій договора. Иное дѣло, если договоръ былъ заключенъ съ человѣкомъ, находившимся въ опьяненіи, въ неполномъ разумѣ или въ такихъ обстоятельствахъ, которыя могли ввести его въ ошибку по части выгодности для него договора; зачастую случалось намъ видѣть въ протоколахъ волостныхъ судовъ обычную формулу прекращенія обязательности условій договора: «а такъ какъ онъ..... въ ту пору былъ выпивши» и всеобщее презрѣніе обраща-

лось всегда на того человѣка, который воспользовался съ корыстною цѣлію состояніемъ невмѣняемости, въ которомъ находилась другая договаривавшаяся сторона. Вообще, въ противность воззрѣніямъ писаннаго закона, народъ признаетъ опьяненіе состояніемъ полной невмѣняемости и приравниваетъ пьянаго къ безумному. «*Комлэнэ—афв йону*» [1]) (хмѣльный—безумный), говоритъ Мокшанинъ и полагаетъ, что всякій договоръ, заключенный съ такимъ человѣкомъ, всегда можно нарушить; Эрзя говоритъ, что «*комоля афв улы прэве*» [2]) (хмѣль—не умъ) и тоже признаетъ несостоятельность и недобросовѣстность договора съ пьянымъ, считая подобный договоръ какъ бы не имѣвшимъ вовсе мѣста. Еще хуже и грѣшнѣе обидѣть неразумнымъ договоромъ малолѣтка, дитя не разумное, которое находится подъ особеннымъ покровительствомъ Ведынь - азыравы и Инешке-паза; тутъ даже не требуется никакого суда и достаточно, чтобы узнали о существованіи подобнаго договора старики—шабры, которые своею собственною властью могутъ порушить эту вопіющую несправедливость. Человѣкъ, пошедшій на мошенническій договоръ съ пьяными, малолѣтнимъ несмысленочкомъ и съ малоумнымъ считается во всемъ околодкѣ за отъявленнаго негодяя, такъ какъ «онъ хуже разбойника: этотъ трезваго глушитъ, а тотъ неразумнаго». Можно впрочемъ, даже и переговоривъ объ условіяхъ, порушить договоръ, до того момента, когда договаривающіяся стороны связываются клятвою и молитвою; дальнѣйшія обряды только усиливаютъ значеніе принятыхъ на себя ими обязательствъ, но не представляютъ собою такихъ моментовъ, которые имѣли бы рѣшающее окончательное вліяніе на непреложность договора. Рушится обязательность договора еще и въ томъ случаѣ, если одна изъ сторонъ будетъ посѣщена какимъ нибудь выходящимъ изъ ряда вонъ несчастіемъ, которое лишитъ ее возможности свято и нерушимо выполнить всѣ взятыя ею на себя обязательства; къ числу такихъ невзгодъ относятся: полный неурожай, градобитіе, выморъ пчелы, смерть и т. п. Въ этихъ случаяхъ договоръ не исполняется или въ какой нибудь части своей или же во всей своей цѣлости и невыполненное по договору прямо вычитается изъ условленной платы.

---

[1]) Хвалынскъ, Лебежайка, Наталья Ананьева.

[2]) Арзамаск. уѣз., Кардавеле, Ѳедоръ Ильцовъ.

Точно также договоръ считается невыполненнымъ bona fide, когда одна изъ договаривающихся сторонъ «неосилитъ» условій договора, употребивъ однако всѣ зависящія отъ нея мѣры къ добросовѣстному его исполненію. Въ Иссѣ, напримѣръ, намъ случалось наблюдать такой примѣръ: крестьянинъ Павелъ Пандямовъ (Муравьевъ) подрядился у мѣстнаго цѣловальника съ осени 1875 года посѣять и убрать $2^{1}/_{2}$ десятины тридцатной мѣры озимаго хлѣба; при заключеніи условія Павелъ Пандямовъ имѣлъ 2 лошади и 2 сыновей, взрослыхъ работниковъ при двухъ же бабахъ; зимою 1875—76 годовъ оба сына Павла умерли отъ горячки (*потьма йондылг*) и одна лошадь околѣла. Тѣмъ не менѣе Павелъ не отказывался отъ выполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ и выѣхалъ на работу, причемъ однако ни одной работы окончить не успѣвалъ «за малолюдствомъ и безконностью». Цѣловальникъ нанялъ ему въ помощь работника, но осенью подалъ въ волость жалобу, требуя проторей и убытковъ. «Видя рачительность Павла Пандямова и что не въ силахъ онъ былъ по волѣ Всевышняго, а не по своему охальству, Кузьмѣ Дрягину съ нимъ тягаться перестать, денегъ не требовать, а увидать бы, что человѣкъ изъ силъ выбился» [1]). Все же, какъ ни строго относится Мордва къ невыполненію условій договора, она не признаетъ личнаго взысканія съ виновнаго въ нарушеніи условія; онъ обязанъ возвратить все то, что было взято имъ впередъ подъ договоръ, но, если человѣкъ не выполнилъ договора, то, по понятіямъ Мордвы, онъ «или такой дурной человѣкъ, что его уже розгами да арестой ни выправишь», или же такой, что почему либо не могъ дѣйствительно выполнить принятыхъ на себя въ лучшія времена обязательствъ,—а такого и подавно наказывать и не за что и не за чѣмъ.

Строго разграничить собственно договоръ купли—продажи отъ мѣны почти является невозможнымъ, такъ какъ и то и другое юридическо-экономическое дѣйствіе называется безразлично: *полафтама*, что, собственно говоря, представляетъ продуктъ дѣйствія глагола *полафтанз* — я мѣняю, обмѣниваю. Мордва не видитъ рѣшительно никакой разницы между мѣною вещей на вещи и мѣною вещей на вещь общецѣнную или деньги, которыя у нихъ подраздѣляются

[1]) Исса, дѣло № 132, окт. 26 1876 года.

на два совершенно отличныя разряда: «*видстэнэ ярмакв*» и «*кенгели ярмакв*» (настоящія и фальшивыя деньги), причемъ подъ первымъ наименованіемъ они понимаютъ золото и старое серебро, а подъ вторымъ—новую серебряную, размѣнную монету и депозитки; видя, что бумажный рубль своей постоянной цѣны не имѣетъ, они не признаютъ его вещью общецѣнною, а золотомъ съ ними не разсчитываются. Сама по себѣ и купля-продажа можетъ быть двоякая: она можетъ быть совершена на вѣчныя времена и только лишь на время; разница между этими двумя договорами такова, что при помощи перваго пріобрѣтается полное право собственности, тогда какъ второй—лишь право болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія. Кромѣ того, Мордва умѣетъ различать между собою дѣйствительную продажу, запродажу и поставку. При посредствѣ купли—продажи нельзя, по мнѣнію Мордвы, пріобрѣсть (*рамане*) право собственности на будущую, фиктивную въ данную минуту, вещь, такъ какъ тогда не можетъ быль и *рамафв*, т. е. дѣйствительнаго пріобрѣтенія; затѣмъ всѣмъ на Мордвѣ извѣстна пословица «*осалв* (или озалъ) *полафты йурга и потьмаса*» (бѣда продаетъ на корню и въ утробѣ), а это прямо доказываетъ, что такія продажи нерѣдки; наконецъ, существуютъ и особыя названія для различныхъ видовъ договора купли—продажи: *полафтамо ркманэ*, запродажа или «*мійама* (иначе *пиньвэ полафтамо*) и, наконецъ, «*ускснянэ*» (вытащенное) или поставка, иначе называемая еще и «*утсяскава полафтамо*» (т. е. продажа на счастье). Уже изъ этихъ чрезвычайно характерныхъ названій видно, что именно понимаетъ Мордва подъ этими различными видами договора купли—продажи; первый договоръ есть дѣйствительная купля—продажа со всѣми ея признаками, составомъ и послѣдствіями, такъ какъ, по заключеніи такого договора, вещь тотчасъ же переходитъ въ собственность новаго собственника и онъ «пріобрѣтаетъ» ее, что и обозначается прилагательнымъ «раманэ»; «мійама» соотвѣтствуетъ запродажѣ и значитъ, собственно, предшествующее условіе, такъ какъ когда я заключаю и другой какой либо договоръ, то прежде я «мійанъ», т. е. условливаюсь, что совершу то то и то то въ такой то срокъ; наконецъ, «ускснянэ», характерно указываетъ на отличительный признакъ подобныхъ договоровъ, а именно «вырвать, урвать» у счастья, на которое прямо уже намекаетъ самое послѣднее Эрзянское названіе этого договора —

«утсяскава полафтамо» или мѣна на счастье, въ отличіе отъ *«пиньвэ полафтамо»* или мѣна на время, не въ томъ смыслѣ, что этимъ договоромъ право собственности передается на время, а въ томъ, что окончательный договоръ будетъ заключенъ по истеченіи извѣстнаго времени.

Мы сказали уже выше, что у Мордвы не имѣется всего ряда символовъ передачи права собственности, которые мы можемъ наблюдать у русскаго населенія; такъ, напримѣръ, Мордва считаетъ не только не мыслимымъ, что бы образа переносили вмѣстѣ съ домомъ къ новому собственнику, но удивляется даже, какимъ образомъ можно вообще продать образъ. Съ другой стороны, Мордва вовсе не прочь символизировать собственность при передачѣ другому лицу права на нее, но при этомъ ставится то непремѣнное условіе, чтобы въ качествѣ символа употреблялась всенепремѣнно неотъемлемая часть передаваемаго имущества; такъ, напримѣръ: клокъ шерсти съ барана, лошади, коровы и т. д. Кромѣ того, такъ какъ у Мордвы фактъ наложенія руки, видимо, прообразуетъ собою фактъ овладѣнія, то всѣ эти символическія передачи и не могутъ въ мордовскомъ юридическомъ быту играть такой важной роли, какую они играютъ въ русскомъ быту; рѣдко случается, чтобы пріобрѣтающій право собственности былъ въ далекомъ разстояніи отъ пріобрѣтаемаго имъ въ собственность предмета, а потому и не приходится такъ часто символизировать, и наложеніе руки происходитъ непосредственно на самый продаваемый предметъ. Почему то, когда мы говорили объ уздечкѣ, какъ символѣ права собственности на лошадь, намъ отвѣчали всегда, что это цыганское повѣрье и ухватка, и острили дальше на эту тему, говоря, что въ такомъ случаѣ отчего же не отдавать всего стойла, когда продана корова? Условія относительно размѣра уплаты стоимости вещи, а такъ же и времени уплаты бываютъ чрезвычайно различны и вполнѣ зависятъ отъ согласа и ряды, которые, какъ можно видѣть изъ всего предъидущаго, играютъ огромную роль въ юридическомъ быту Мордвы; уплата можетъ быть или цѣликомъ отсрочена до извѣстнаго момента, или разсрочена на нѣсколько сроковъ и притомъ каждый разъ размѣръ можетъ быть увеличенъ или уменьшенъ, смотря по удобствамъ покупателя и продавца. Едва лишь является уплата за вещь натурою, какъ

купля—продажа уступаетъ мѣсто чистому договору мѣны, который существуетъ у Мордвы и даже чрезвычайно развитъ у этого народа; въ особенности часто приходится встрѣчать мѣну случайную, бездоговорную (предварительно необдуманную) «*полафтамо сельме а пешкеди*»[1]) — т. е. мѣну на завидущій глазъ. Эта мѣна случается на ярмаркахъ, на большой дорогѣ, на улицѣ; мѣняются по преимуществу лошадьми, но часто и чѣмъ либо другимъ, какъ, напримѣръ, бортями; подобная мѣна бортями и ульями подъ названіемъ «*полафтама сеерменень*»[2]) — мѣны на гулъ; участвующіе въ этомъ рискованномъ дѣлѣ стоятъ вдвоемъ возлѣ улья и стараются не издать ни одного звука; рискующій мѣняться внимательно прислушивается къ гукоту пчелы (*ухурама* отъ глаг. *ухурань* — гудѣть) и по интенсивности его рѣшаетъ сколько въ немъ пчелы и что можетъ улей стоить. Впрочемъ, при этомъ есть еще одно обстоятельство, которое вліяетъ на мѣну; оба мѣняющіеся стоятъ, конечно, возлѣ ульевъ безъ сѣтокъ и затѣмъ, если хоть одна пчела ужалитъ своего будущаго собственника, то договоръ считается несостоявшимся. Чаще всего такая мѣна происходитъ изъ за того, что данные ульи пришлись не ко двору хозяину и онъ желаетъ попробовать счастья на новыхъ, которые могутъ и облюбить его. Въ тотъ моментъ, когда происходитъ самый торгъ и разговоръ объ условіяхъ купли—продажи, считается совершенно неподходящимъ вмѣшиваться въ неоконченное дѣло третьему лицу; «двѣ собаки снюхались» — говоритъ Мордва — «третью укусятъ» (*кафта пинэть никсязь—колмытсесь порлйхть*)[3]) но, когда договоръ уже заключенъ, никто не мѣшаетъ человѣку, пришедшему съ добрыми намѣреніями и съумѣвшему воздержаться на время отъ вмѣшательства, предложить новый договоръ на отступное; случаи эти очень часто попадаются въ мордовской жизни въ особенности при мѣнѣ на завидущій глазъ, такъ какъ всякій Мордвинъ большой охотникъ на этого рода рискъ. Къ числу пословицъ, относящихся именно къ договору купли — продажи, кромѣ вышеприведенныхъ, слѣдуетъ еще отнести и слѣдующія: «*Полафты — срякь паро!*» (продалъ —

---

[1]) Городищ., Катмисъ, Елена Гордѣева.

[2]) Ibidem.

[3]) Городищ., Пичилеи, Дарья Гордѣева.

прощай); — *Иля петшкя—афз улатанокз виросз!»* (не рѣжь — мы не въ лѣсу); — «*Полафтемсз — Оцюпазти молемсз*» (торговать — Богу молиться); — «*Лэзеломань — шайтанненз ойменз полафты*» (барышникъ чорту душу продалъ); теперь мокшанскія: *Полафтай—тятз аварьда!*» (продалъ—не плачь); «*Питнэ оляса тевз*» (цѣна—вольное дѣло) и наконецъ: «*Васькафтаньдэрэлетз—афылетз козагада!*» (если бы ты обманулъ—не нажилъ бы). Изъ этого ряда мордовскихъ пословицъ для насъ становится совершенно ясенъ взлядъ этого народа на куплю—продажу вообще, которая, видимо, считается находящеюся подъ покровительствомъ Боговъ, на что указываютъ и сопровождающіе заключеніе этого договора обряды; тутъ же видимъ мы, до какой степени не расположена Мордва къ сильному запросу, и въ особенности, если онъ дѣлается, когда продавцу ясно, что покупщику вещь необходима; съ другой стороны, возвышеніе цѣны, не выходящее изъ ряда вонъ и при томъ сдѣланное не при видѣ неминучей нужды покупателя считается дѣломъ свободнаго согласія и сговора; наконецъ, мы видимъ изъ тѣхъ же пословицъ, что обманъ и барышничество возбуждаютъ въ мордовскомъ народѣ полное отвращеніе, которое сквозитъ и въ мордовскомъ повѣрьѣ, что Шайтанъ дѣйствительно съ цѣлію испортить людей—Божіе созданіе—наслалъ на нихъ барышниковъ и деньги.

По всей землѣ мордовской не приходилось ни разу слышать намъ о существованіи обычая продажи дома старыми людьми съ условіемъ, чтобы покупатель содержалъ нхъ, кормилъ и поилъ до смерти; такой случай немыслимъ, такъ какъ всегда найдутся хотя бы и дальніе, но все же наслѣдники, которые, правда, возьмутъ у старика его домъ, но и позаботятся о его содержаніи вплоть до гробовой доски. По увѣренію Мордвы настаютъ и въ скоромъ времени окончательно наступятъ такія дѣла, что отецъ у себя въ дому—не отецъ, а чужой, такъ что же бы онъ дѣлалъ у чужихъ людей (*алянз кудсынза—илянз*).

Въ быту своемъ Мордва употребляетъ мѣры, которыя употребляются и русскими, и своихъ особенныхъ мѣръ не имѣетъ, хотя въ глухихъ мѣстахъ и идетъ счетъ разстояній на семисотенныя версты.

Чаще всего договоръ купли—продажи совершается словесно, но если дѣло идетъ о землѣ или объ избѣ, то необходимость застав-

вляетъ прибѣгать къ бумагѣ, которая и составляется про такой случай въ волости. Тутъ опытъ успѣлъ уже показать Мордвѣ, что безъ «дукамена» не обойдешься и что закону мало слова старыхъ людей, а требуется бумага, отъ которой въ иныхъ случаяхъ народъ такъ тщательно открещивается. Повелось однако и на письменномъ договорѣ подписать 2 — 3 свидѣтелямъ, которые, по мнѣнію народному, никогда дѣла не испортятъ, а на неровенъ часъ еще и пригодиться могутъ; «умъ хорошъ», говоритъ Мокшанинъ,— «а глаза да уши лучше» (*префъ—мазы, а сильмэтъ да пилэтъ сяда мазы*) и прибавляетъ: «*префъ нэйи менельсъ, а сильмэтъ да пилэтъ— перфка*» [1]) (умъ смотритъ въ небо, а глаза и уши—по сторонамъ). При составленіи письменнаго условія требуется и еще одна формальность, которая появилась, впрочемъ, на Мордвѣ очень недавно; а именно покупщикъ, уплачивая деньги, требуетъ непремѣнно, чтобы до заключенія форменнаго договора въ волости продавецъ представилъ ему страховой полисъ на домъ; видно горькій опытъ научилъ народъ этой уловкѣ. Всѣ споры между продавцами и покупателями разрѣшаются обыкновенно, не доводя дѣло до суда, своими стариками, слово которыхъ играетъ и здѣсъ огромную роль и никакихъ другихъ для рѣшенія подобныхъ споровъ касательно, напримѣръ, качества или цѣны проданнаго имущества, не полагается, при чемъ даже и сельскія власти, если являются таковыми свидѣтелями, то отнюдь не въ качествѣ представителей власти, а въ качествѣ простыхъ, заурядныхъ шабровъ, какъ и всѣ остальные.

Какъ только условныя формулы сказаны и рукобитье выполнено, такъ поворота уже нѣтъ и самая передача купленнаго въ руки покупщика является дѣломъ второстепеннымъ, такъ какъ купленный предметъ можетъ находиться даже за нѣсколько десятковъ верстъ отъ мѣста заключенія договора, причемъ ряда идетъ уже ясно на согласѣ, bona fide. Но тутъ то вотъ и бываетъ бѣда! Кажется, все сдѣлано и покупка на дворѣ и все бы должно идти отлично, да какъ придется и иной разъ дорогую сотенную покупку приходится отдавать чуть ли не «за ради Бога возьми!», а во всемъ этомъ виноватъ «кардась — сярко», хорошій, добрый божокъ, а только своенравный, и если не угодитъ ему чѣмъ бы то ни было

---

[1]) Краснослоб., Шингарино, Степанъ Атяшкинъ.

самъ ли хозяинъ, а то иногда и скотина неразумная, осерчаетъ и проку не жди. Что кому «ко двору»! Иногда кардась-сярко вдругъ, ни съ того ни съ сего, сивыхъ коней не взлюбитъ, какъ это и было у отца разскащика въ Мамалаевѣ; ну бился человѣкъ, бился — взялъ да и перевелъ всѣхъ сивыхъ коней, причемъ послѣднюю сивую лошадь за гривенникъ продалъ..... Перевелъ да съ озондамъ-паломъ пришелъ къ жилищу кардась-сярки, положилъ, какъ и подобаетъ поклонъ, закопалъ озондамъ его въ норку и выговорилъ «полюби гнѣдыхъ!», купилъ пару гнѣдыхъ коней и тѣла то нѣтъ и красы то никакой, а какъ посмотрѣли черезъ мѣсяцъ, такъ и узнать нельзя, какая въ нихъ красота да сила сказалась. Иной разъ чудить онъ начинаетъ: заставитъ курицу пѣтухомъ кричать, а пѣтуха — квохтать; тутъ добра не жди; какъ семь разъ это случится, такъ гробъ и готовь подъ семейскаго покойника — всѣхъ лучше рѣжь скорѣй и отнюдь не ѣшь, а къ нему снеси на умилостивленіе. Не любитъ онъ еще лошадей двужильныхъ и коли у коровы рогъ сшибленъ—отъ двужильной лошади на дворѣ 12 коней сгаснетъ, а отъ такой коровы молока настоящаго никогда не дождешься. Понятное дѣло, что если съ кардась-сяркою жить въ мирѣ и держать его въ почетѣ, такъ тогда что ни купи — все ко двору будетъ и все пойдетъ такому хозяину впрокъ.

Мы говорили уже выше объ обезпеченіяхъ договора купли—продажи задаткомъ и неустойкою. Задатокъ или «ингелъ» чаще всего употребляется въ этихъ случаяхъ, причемъ дается онъ покупщикомъ, а никакъ не продавцомъ. Дается иногда нѣчто въ родѣ задатка лишь при договорѣ личнаго найма, но и здѣсь вѣдь продавцомъ своего труда является работникъ, т. е. нанимающійся, а хозаинъ—покупателемъ. Такихъ обычаевъ, чтобы, какъ у русскихъ, продавецъ давалъ задатокъ при продажѣ имъ скотины, что то не слышно. Если проданная вещь окажется на повѣрку обманною или никуда негодною, то само собою разумѣется, что тутъ уже дѣло не обойдется безъ свады и раздора, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ того, гдѣ мы будемъ искать этого рѣшенія, у Эрзи или у Мокши. Эрзя опять такъ выдается своею большею цивилизаціею, выражающеюся, какъ намъ не разъ случалось видѣть, въ меньшей строгости нравовъ; тутъ, обыкновенно, бываетъ такъ, что купившій уже не можетъ отказаться отъ купленнаго, такъ какъ народъ увѣряетъ,

что «*полафтомонь сильметъ икеле, арась улы ектъ*» (у покупки глаза спереди, а не сзади), т. е. гляди сначала, когда покупаешь, такъ какъ на то и глаза даны. Иначе взглянула на дѣло Мокша и въ этомъ случаѣ покупатель, правда, лишается задатка, но вовсе не обязанъ брать никуда негодную ему вещь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда покупщикъ по какимъ бы то ни было причинамъ (не bona fide) не уплатитъ въ срокъ покупной суммы, обыкновенно договоръ считается несостоявшимся, но уплаченный имъ задатокъ ему не возвращается; напротивъ, отказъ добросовѣстный, какъ мы видѣли, не влечетъ за собою подобныхъ непріятныхъ послѣдствій и все идетъ по согласу.

Интересно, что родственники, хотя бы и самые близкіе, никакихъ особенныхъ правъ передъ остальными шабрами не имѣютъ и Мордва удивлялась существованію права перекупа; конечно, всякій родственникъ можетъ перекупить вещь тутъ же на базарѣ предложивши отступнаго, но чтобы онъ могъ, обязательно для только что купившаго ее, взять вещь по той же цѣнѣ, то это у Мордвы не дѣлается, что несомнѣнно указываетъ опять таки на отсутствіе понятій родоваго права у этого народа.

Что касается до мѣны недвижимыми имуществами, то объ таковыхъ слышать не приводилось; у Эрзи, напримѣръ, она считается даже дѣломъ вполнѣ невозможнымъ вслѣдствіе вообще бумажности всякихъ дѣлъ съ недвижимыми имуществами, тогда какъ у Мокши существуетъ подобная мѣна, но только здѣсь не передается право собственности и право владѣнія и притомъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки; такъ, напримѣръ, у Мокши въ большомъ ходу мѣна сѣнокосами, дѣлянками полей и угодьями, причемъ условливаются на 3,7 и 14 лѣтъ даже, но при этомъ право собственности остается ненарушимымъ. Чаще всего подобная мѣна происходитъ вслѣдствіе относительныхъ удобствъ обработки; если, напримѣръ, извѣстная дѣлянка лежитъ далеко отъ того села, гдѣ живетъ ея хозяинъ, а не подалеку отъ нея живетъ иной человѣкъ, дѣлянка котораго тоже расположена для него неудобно; подобные случаи могутъ быть очень часты, если мы припомнимъ только условія удовлетворенія крестьянъ надѣломъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ живетъ Мордва, и престранныя очертанія казенныхъ надѣловъ. Мѣна движимымъ имуществомъ совершается крайне охотно, чуть

не каждый день, но чтобы можно было резюмировать способы заключенія этихъ сдѣлокъ, то это является совершенно немыслимымъ, по причинѣ чрезвычайнаго разнообразія ихъ условій; тутъ все рѣшительно зависитъ отъ согласа: то мѣна идетъ голова въ голову, то требуется надбавка или придача и т. п. Никакихъ регламентовъ, хотя бы и коренящихся только въ общемъ обычаѣ, Мордва для этого рода сдѣлокъ не придумала, такъ какъ предоставляетъ мѣну на полную волю договаривающихся сторонъ; иное дѣло, если впослѣдствіи будетъ доказано, что мѣна совершилась недобросовѣстно, тогда старики могутъ вступиться въ дѣло по заявленію пострадавшей стороны, но до той поры все это дѣло только лишь въ волѣ и рукахъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, которыя и ставятъ себѣ какія имъ угодно условія и облекаютъ договоръ въ какую имъ угодно форму.

Имущественный наемъ довольно часто встрѣчается у Мордвы, съ тою лишь разницею, что Эрзя не признаетъ почему то пользы найма скотины изъ за работы, молока и приплода и дѣлаетъ это, повидимому, скорѣе всего вслѣдствіе меньшей своей обезпеченности и большей обдѣленности землею. Напротивъ того, арендованіе (въ языкѣ все тоже «*полафтама*») пахатныхъ, сѣнокосныхъ и отчасти пастбищныхъ земель случается очень часто и притомъ вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ, населенныхъ Мордвою; не менѣе часто можно встрѣтить наемъ дома для открытія лавки, кабака или промышленнаго заведенія, причемъ страховку зданія неизмѣнно беретъ на себя наниматель; снимаютъ также и рѣки подъ рыбную ловлю, выкормку къ Рождеству птицы и выстройку мельницы, снимаютъ сады и огороды, послѣдніе чаще всего подъ посѣвъ бахчи и табаку, которымъ на югѣ охотно занимаются Мордовки. Само собою разумѣется, что съемка рѣки подъ мельницу или подъ выкормку птицы зависитъ не отъ одного лица, а испрашивается на этотъ случай разрѣшеніе всего сельскаго общества, которое, впрочемъ, всегда охотно идетъ на такую сдѣлку, понимая на сколько она выгодна для общесельскихъ интересовъ. Въ послѣднее время общества вообще стали больше входить въ договоры о наймѣ, заключаемые ихъ членами, и притомъ съ тою цѣлію, чтобы не пустить къ себѣ въ качествѣ съемщика такого человѣка, который можетъ сдѣлать селенію какой нибудь вредъ; прежде чѣмъ впускать напримѣръ бахчевника—мѣща-

нина, стали подсылать въ городъ своихъ стариковъ на развѣдки, а большею частью обзавелись постоянными мѣщанами съемщиками, помимо которыхъ не происходитъ ни одна сдача; Мордва всегда охотнѣе сдаетъ землю такому излюбленному человѣку, хотя тотъ за эту обезпеченность долгимъ знакомствомъ и урѣзываетъ арендную плату. Земля подъ бахчи и табакъ, сады и городы обыкновенно сдаются съ выговоромъ и Мордва охотно сдѣлаетъ уступку въ цѣнѣ, только былъ бы выговоръ: такъ, напримѣръ, въ Лебежайкѣ Хвалынскаго уѣзда мѣщанинъ Носковъ разсказывалъ намъ, что у него чуть дѣло съемки не разошлось (а дѣло выгодное) изъ за того, что хозяева требовали дозволенія «ѣсть досыта», и онъ соглашался, но ставилъ непремѣнную прибавку и оговорку — «падалицу»; дѣло однако сладилось. У Мокши повелось сдавать въ аренду и скотину. Такъ, напримѣръ, очень часто нанимаются лошади на развозку въ дальніе города дегтя, смолы и щепеннаго товара; сдаются коровы изъ за скота, а если есть особый договоръ, то и изъ за приплода; тутъ же сдаются и пчельники, но всегда на годъ и притомъ съ обозначеніемъ точнаго количества и качества (вѣса) роевъ. Условія относительно срока найма, цѣны, сроковъ уплаты, правъ и обязанностей хозяина и наемщика, правилъ пользованія арендованнымъ имуществомъ, отвѣтственности за ущербъ, передѣлку, порчу, пропажу имущества и т. п. до такой степени разнообразны и находятся въ зависимости отъ личныхъ желаній договаривающихся, что суммировать ихъ не представляется никакой возможности, хотя мы и скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ, вытекающихъ изъ этого рода договоровъ. Такъ, напримѣръ, нанимаютъ, корову на одинъ и два потёла (*вазама*); коней для извоза на срокъ никогда не нанимаютъ, а уговариваются глухо: «съѣздить съ товаромъ въ Царицынъ», а то и еще глуше «объѣхать Низу, а можетъ и Казачину». Срокъ уплаты или назначается съ чрезвычайною точностью или, наоборотъ, оговаривается неопредѣленно: «какъ Богъ благословитъ», или «какъ расторгуюсь». Права и обязанности хозяина и наемщика не требуютъ особаго уговора, по той простой причинѣ, что они издавна укоренились въ народныхъ обычаяхъ и составляютъ дѣло вполнѣ общеизвѣстное; интереснаго въ этихъ правахъ и обязанностяхъ развѣ только постановленія, касающіяся возврата вещи невредимою; предполагается, напримѣръ, что наемщикъ

не имѣетъ права бить нанятое животное и мы знаемъ, напримѣръ, нѣсколько случаевъ о возвратѣ наемной скотины потребованію то хозяина, а то и стариковъ, вслѣдствіе дурнаго съ нею обращенія. Что касается до предметовъ, то они ни въ какомъ случаѣ не должны въ рукахъ нанимателя измѣнить своего внѣшняго вида, если только это не дѣлается съ благою цѣлію соблюсти предметъ отъ порчи; за всякій ущербъ въ нанятомъ имуществѣ наемщикъ обязанъ платить протори и убытки, но если ему удастся доказать, что этотъ ущербъ произошелъ не по его винѣ и въ противность его строгому надзору, то отвѣтственность съ него снимается, какъ въ этомъ мы могли убѣдиться изъ приговора волостнаго суда [1]) въ с. Кемешкерь, гдѣ значится: «а такъ какъ оная кобыла пала отъ воли Божіей по грозѣ и отъ стрѣлы небесной, то за нее ему, Аѳиму Кобозеву, въ отвѣтѣ не быть и проторей за исчасъ той кобылы не платить». Иное дѣло, если кто нибудь вздумаетъ придать нанятому предмету иной видъ изъ за личной своей фантазіи, такъ какъ въ этомъ случаѣ, по истеченіи срока найма, онъ обязанъ представить вещь въ томъ же видѣ, а если это невозможно, то уплатить хозяину полную стоимость вещи, оставивъ передѣланную вещь за собою.

Мордва—народъ крайне любящій земледѣліе, а въ большинствѣ случаевъ въ землѣ то и чувствуется недостатокъ; поэтому народъ всячески старается раздобыться какимъ бы то ни было образомъ землею то у окрестныхъ помѣщиковъ, а то и у русскихъ крестьянъ. Подобныя наемки дѣлаются чаще всего изъ втораго снопа (изъ-полу), хотя и бываютъ въ особенно малонадѣльныхъ мѣстностяхъ случаи найма изъ третьяго снопа, на что, напримѣръ, охотно идетъ Эрзя Нижегородскаго, Арзамасскаго и Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи, гдѣ аренда очень высока. Нѣчто подобное мы видимъ на заливныхъ лугахъ, по рр. Мокшѣ и Сурѣ, гдѣ Мокша снимаетъ помѣщичьи покосы изъ третьяго пуда, что уже гораздо, впрочемъ, выгоднѣе, такъ какъ эта наемка требуетъ гораздо меньше работы и вовсе не требуетъ сѣмянъ. Случалось намъ нападать и на наемъ коровъ на такихъ условіяхъ: наемщикъ обязуется доставлять хозяину съ коровы 1 или 1½ пуда масла и приплодъ, а все,

---

[1]) Дѣло № 46, 1871 г. Августа 8. Кемешкерь, Кузнецкаго уѣзда.

что онъ можетъ получить лишняго идетъ, уже въ его пользу; на эту аферу пускается Мордва, обирая скотину и сосѣднихъ такихъ же, какъ и она, обездоленныхъ крестьянъ, ради того, чтобы скопить побольше навозу, до пользы котораго русскіе крестьяне, словно будто, еще недодумались. Пчельники тоже отдаются изъ-полу, но только никогда Мордвинъ не сдаетъ такимъ образомъ своего пчельника, а нанимаетъ, напротивъ того, пчельникъ у русскаго крестьянина. Если случится, сверхъ чаянія, споръ объ арендной ли платѣ или о другихъ какихъ либо условіяхъ договора, то дѣло никогда не доводится до суда, а рѣшается самими сторонами, иногда обращающимися къ старикамъ, которые рѣшаютъ дѣло безповоротно, такъ какъ условія договора всегда всѣмъ на селѣ извѣстны и каждый домовладѣлецъ на селѣ знаетъ въ точности и цѣну и всѣ подробности всякаго договора, такъ что тайны ни въ какомъ случаѣ соблюсти нельзя. Коли хочешь не возобновлять договора на будущее время, то обыкновенно слѣдуетъ заранѣе заявить объ этомъ хозяину; для движимости достаточно, если такое предупрежденіе будетъ сдѣлано за недѣлю до срока, тогда какъ, если предметомъ найма была земля, то заявка обязательно должна быть сдѣлана за двѣ недѣли до посѣва и за двѣ недѣли до пашни пара, такъ какъ, быть можетъ, у хозяина не имѣется готовыхъ сѣмянъ, да къ тому же приходится или собраться съ силами и самому обработать бывшій въ сдачѣ или же подъискать новаго съемщика и снова отдать ему землю — а на все это нужно время и время. Словесность договора или оформливаніе въ волости зависитъ вполнѣ отъ воли договаривающихся сторонъ, хотя и повелось обычаемъ, что всѣ договоры, объектомъ которыхъ является земля, совершаются письменнымъ, документальнымъ порядкомъ. Въ томъ случаѣ, когда та или другая сторона не исполнитъ условій договора, прежде всего стараются опредѣлить основную причину такого нарушенія слова и если только нарушеніе это являются слѣдствіемъ «Божьей воли», т. е. неотразимаго ни чѣмъ несчастья, моментальнаго обѣднѣнія, смерти рабочихъ силъ и т. п., то нарушеніе договора такому лицу на счетъ не ставится; напротивъ того, если подобное недобросовѣстное отношеніе къданному слову вытекаетъ изъ испорченности одной изъ сторонъ, то принимаются мѣры къ тому, чтобы заставить уклоняющагося выполнить условія во всей ихъ строгости и договоръ

во всемъ объемѣ; само собою разумѣется, что прежде всего старается объ этомъ другая сторона, которая, съ случаѣ неудачи, обращается къ старикамъ, а затѣмъ уже и въ волость; коли окажется, что съ человѣка взять нечего, то обходятся тѣмъ, что посрамятъ и иногда употребятъ и свою расправу—«*тырняфтайхтъ*», какъ выражались Мокшане съ улыбочкой, т. е. по нашему «потреплятъ».

Въ сосѣдскомъ обиходѣ часто случается обращаться къ шабрамъ за временною ссудою на подержаніе того или другаго предмета, но Мордва смотритъ на это дѣло прямо таки даже не какъ на договоръ, а просто лишь какъ на обыденное дѣло. «*Шаберсотъ и пэдямо и скалъ весевеленьтъ*» [1]) (въ шабрахъ и подойникъ и корова общіе), говоритъ на этотъ случай Эрзя, а Мокша, съ своей стороны, прибавляетъ крайне убѣдительно, что «*Максафтэрэтъ — афъ максайхтъ* (если не дашь — не дадутъ) и, кромѣ того, что «*Траксезенъ недякъ есвездытъ и енэлдяфинди*» [2]) (корову дой на себя и на просящаго); изъ этихъ пословицъ можно уже заключить, что Мордва охотно даетъ другимъ на подержаніе вещи, причемъ считаетъ это какъ бы исполненіемъ нѣкотораго долга. Ссудѣ на подер жаніе могутъ подлежать предметы самые разнобразные и перечислять ихъ здѣсь невозможно, потому что пришлось бы перечислить всѣ предметы домашняго крестьянскаго обихода, но для насъ гораздо важнѣе то обстоятельство, что самая ссуда всегда бываетъ даровая, а не денежная, такъ что первымъ дѣломъ, если ссуженный захочетъ чѣмъ нибудь отблагодарить ссудившаго, послѣдній заартачится и скажетъ: «далъ — не продалъ« (*максась ашысь полафта*); затѣмъ онъ, послѣ нѣкотораго времени, согласится, опять таки «пошаберски», принять угощеніе виномъ или же запросто «*пурэ*» (смѣсь пива и меда). Взять за ссуженную вещь вознагражденіе, кромѣ небольшаго угощенія, считается столь же постыднымъ какъ и барышничать вообще и потому понятнымъ становится смыслъ слышанной нами въ Эрзѣ пословицы, что «въ нуждѣ за руку тащатъ, а не за карманъ» (*сернямосо таргытъ кэдинъ кувалмо, а*

---

[1]) Сарлеи, Нижегор. уѣздъ.

[2]) Мамалаи, Красносл. уѣздъ.

аволь сепенъ кувалмо)[1]). Въ случаѣ, если взятый на подержаніе обиходный предметъ, а также изрѣдка даже и скотина, подвергнется какому нибудь изъяну или убыли, то вопросъ объ отвѣтственности взявшаго рѣшается опять таки по согласу, очень рѣдко доходя до суда. По большей части, требуется удовлетвореніе хозяина въ полной цѣнѣ ссуды, а оцѣнку эту производитъ самъ хозяинъ, причемъ оцѣнка эта отнюдь не является чѣмъ нибудь безповоротно обязательнымъ для противной стороны, которой предоставляется право, въ случаѣ неудовлетворенности хозяйской оцѣнкою, обратиться къ старикамъ, которые, сообразуясь съ обстоятельствами, установляютъ какъ общіе размѣры убытковъ, такъ и степень отвѣтственности ссудопринимателя. Если порча или убыль вещи случилась помимо небрежности взявшаго ее на подержаніе, то онъ не подвергается никакой отвѣтственности; но если есть въ этомъ его вина, то его всенепремѣнно заставятъ заплатить хозяину то половину, а то и полную стоимость вещи, если только ссудоприниматель не голый бѣднякъ, который и радъ бы отдать, да у него нѣтъ и мѣднаго гроша въ карманѣ.

То за отъѣздомъ, а то и за другимъ какимъ либо недосугомъ повелось въ Мордвѣ отдавать, на время своего отсутствія, нѣкоторое имущество, требующее въ особенности постояннаго ухода, на сохраненіе. Въ условіяхъ и подробностяхъ этого договора Эрзя и Мокша между собою не сходятся. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что подобные случаи попадаются гораздо рѣже среди Эрзи, которая вообще, согласно нашимъ наблюденіямъ, не обладаетъ тѣмъ промышленнымъ духомъ, который съ перваго же дня пребыванія среди Мокши бросается въ глаза; Эрзя, конечно, знаетъ о существованіи подобныхъ юридическихъ дѣйствій, но признаетъ ихъ лишь въ томъ случаѣ, какъ, напримѣръ, безпріютность вещей вслѣдствіе пожара, выморочность имущества и т. п., тогда какъ добровольной поклажи по взаимному соглашенію она почти не признаетъ, такъ какъ лишь по великой нуждѣ оставляетъ свою деревню и слѣдовательно въ поклажѣ не нуждается.

Во всякомъ случаѣ, если и случается въ Эрзянскомъ быту подобная поклажа, то пользованіе отданнымъ на сохраненіе имуще-

---

[1]) Корсунс. у., Пермисъ, Марья Гудкова.

ствомъ считается хотя и не тяжкимъ преступленіемъ, но проступкомъ, доказывающимъ полную недобросовѣстность человѣка; другое дѣло, если отъ непользованія можетъ произойти вредъ для сохраняемого имущества, какъ, напримѣръ, болѣзнь для недоймой коровы и т. п.; въ этомъ случаѣ, если только не выговорено, чтобы скопы собирались, продавались и хранитель вознаграждался за уходъ за имуществомъ изъ полученной отъ продажи суммы, хранитель имѣетъ право употреблять въ свою пользу удой; шерстью съ овецъ онъ можетъ пользоваться лишь въ томъ случаѣ, если онъ можетъ представить шерсть съ одной стрижки по первому требованію; лошадь употреблять въ ѣзду можно, но, конечно, вполнѣ добросовѣстно, относясь къ ней съ особеннымъ вниманіемъ и бережностью. Тутъ за добросовѣстное сохраненіе въ цѣлости полагается небольшое хотя, но все же вознагражденіе то деньгами, а то и приплодомъ отъ сбереженной скотины или облюбованною хранителемъ вещью; размѣръ этого вознагражденія въ случаѣ личной поклажи зависитъ отъ согласа, а въ случаѣ мірской — отъ приговора стариковъ. Кое на какія вещи ставятся мѣты той семьи, которой принадлежитъ сберегаемое имущество, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлка поклажи никогда и ни въ какомъ случаѣ не облекается въ документальную форму, которой избѣгаютъ равно старательно обѣ отрасли Мордовскаго народа. Если существовалъ уговоръ о порчѣ имущества, конечно, добросовѣстной порчѣ, то хранитель подвергается отвѣтственности, но если онъ успѣетъ представить старикамъ доказательства добросовѣстнаго отношенія своего къ чужому имуществу, или же если никакого договора о порчѣ предварительно сдѣлано не было, то дѣло предоставляется волѣ Божіей и отвѣтственности нѣтъ. Нѣсколько иначе обстоитъ это дѣло у Мокши; тутъ поклажа практикуется довольно часто и притомъ по всевозможнымъ поводамъ, въ родѣ отъѣзда въ торгъ, отъѣзда за искомъ новыхъ сележныхъ мѣстъ (въ Томскую въ особенности губернію), ухода на отсидку въ острогъ, простой отлучки изъ мѣстажительства и т. п. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ сдается на храненіе и хлѣбъ (*селкэ иньса*)—изъ за ковша, который полагается за храненіе съ каждой осьмины ($^1/_2$ четверти = 4 четверика), прачемъ только за него и полагается вознагражденіе, существованіе котораго Мокша объясняла намъ только примѣромъ и

утечкою, такъ какъ иначе пришлось бы хранителю платиться за храненіе своимъ собственнымъ достояніемъ. Никакого вознагражденія за другую поклажу ни подъ какимъ видомъ не полагается въ томъ случаѣ, если храненіе не представляетъ никакихъ убытковъ для хранителя; ведется подробный бирочный счетъ съѣденному скотиною корму и затѣмъ хранитель вознаграждается за этотъ потравленный кормъ, причемъ, однако, обязанъ представить всю шерсть съ овецъ, весь приплодъ, а также и скопы, за исключеніемъ лишь нѣкотораго количества молока, которымъ полагается ему пользоваться; по возвращеніи хозяина, дѣло, конечно, не обойдется и здѣсь безъ благодарности въ видѣ поднесенія, но это вполнѣ зависитъ отъ воли хозяина. Пришлось намъ видѣть имущество, бывшее на храненіи [1]) въ теченіи двухъ лѣтъ въ силу того, что двое вдовыхъ братьевъ ушли на новыя мѣста искать себѣ земли и по то время не возвращались; узнали мы объ этомъ случаѣ вслѣдствіе того, что Мордвинъ—повозчикъ на просьбу нашу ѣхать скорѣе отвѣчалъ, что не можетъ, такъ какъ у него «лошади чужія» — слово за слово, и мы узнали о вышеуказанномъ случаѣ. Оказалось, что Мокша признаетъ возможнымъ пользоваться имуществомъ, отданнымъ на храненіе, но съ разрѣшенія хозяина и притомъ съ особенною осторожностью, дабы не нанести этому имуществу ущерба и возвратить по первому же требованію въ полной сохранности. Поклажа на храненіе—опять таки дѣло шаберское и никому въ голову не придетъ требовать какого нибудь вознагражденія за храненіе, если только храненіе это ничего не стоитъ хранителю; для этого вовсе не требуется оформливанія въ волости и все дѣло стоитъ на словесномъ договорѣ, а потому и имѣющіе породиться споры, какъ они ни рѣдки, разрѣшаются безповоротно судомъ шабровъ — стариковъ, которые могутъ заставить хранителя вещи, въ случаѣ доказаннаго недобросовѣстнаго храненія, уплатить полную стоимость вещи ея хозяину и, съ другой стороны, освободить хранителя отъ всякой отвѣтственности въ случаѣ добросовѣстнаго съ его стороны храненія.

Заемъ займу рознь; есть заемъ шаберскій, а есть и такой, который ужасенъ по размѣрамъ взимаемыхъ процентовъ; шабер-

---

[1]) Инсарскій уѣздъ, Исса.

скомъ займѣ, не простирающемся далѣе очень небольшой суммы и притомъ на короткій срокъ, такъ что близко подходитъ къ нашему русскому «сусѣдскому перехвату», мы распространяться не будемъ, такъ какъ тутъ единственное условіе—отдача въ срокъ и неотказъ въ перехватѣ при случаѣ съ своей стороны, а перейдемъ къ займу на болѣе продолжительные сроки,—къ займу несостоятельнаго у богатаго, къ форменному процентному займу—и такъ какъ разницы въ обычаяхъ обоихъ племенъ особенной нѣтъ, то мы и разсмотримъ ихъ воззрѣнія на этотъ договоръ параллельно. Какъ народъ рабочій, Мордва знаетъ цѣну деньгамъ, а какъ народъ предпріимчивый, она цѣнность денегъ повысила до чрезвычайности. Повелось такъ здѣсь, какъ и вездѣ, что деньги въ займы даетъ тотъ, кто живетъ побогаче и успѣлъ скопить капиталъ; такихъ хозяевъ по Мордовскимъ селамъ встрѣтить не рѣдкость и если посчитать, то окажется много людей, обладающихъ капиталомъ до трехъ тысячъ рублей. Мордва умѣетъ однако различить простаго заимодавца отъ ростовщика и, понимая, что деньги родятъ деньги и при мѣстныхъ условіяхъ истраченныя съ умомъ легко могутъ дать 25 (у Эрзи) и 36 (у Мокши) процентовъ — эту то норму и полагаетъ границею между дачею денегъ въ займы и ростовщичествомъ, безъ котораго тоже дѣло не обходится. Ростовщика не любятъ, не считаютъ его человѣкомъ добросовѣстнымъ, но человѣка торгующаго деньгами за громадный по нашимъ воззрѣніямъ, но въ крестьянскомъ быту вполнѣ «христіанскій процентъ», Мордвинъ и не подумаетъ обвинить, такъ какъ такой торговецъ деньгами, если не дастъ денегъ за проценты, пуститъ ихъ въ оборотъ и получитъ тоже самое на меду, хлѣбѣ, ободьяхъ и т. п., такъ какъ простая штука, лапоть съ двойною подковыркою, хорошій мордовскій лапоть, извѣстный на югѣ подъ именемъ «мордвиновскаго» и «пензенскаго», стоитъ на мѣстѣ за сотню паръ—6 руб., а, напримѣръ, въ Бобровѣ, Воронежской губерніи, за пару платятъ 20 коп. Займы совершаются, по большей части, до расторговки хлѣбомъ и медомъ, а человѣку работящему и состоятельному дадутъ охотно и безъ срока; при этомъ проценты никогда не взимаются впередъ и Мордва очень удивлялась, когда мы спрашивали ее овъ этомъ, такъ какъ, если вычесть проценты, говорили сказывальщики, то заемъ въ 100 руб. будетъ равняться уже не этой суммѣ,

а 75 и даже 64 руб. и, слѣдовательно, обычно взимаемый процентъ достигнетъ 33,3 и даже 56 $^1/_4$ процентовъ, а это было бы уже чистымъ ростовщичествомъ. Отдача долга можетъ быть совершена какъ чистыми деньгами, такъ и хлѣбомъ въ натурѣ, причемъ принимается въ разсчетъ стоящая на рынкѣ цѣна, безъ вычета стоимости доставки или съ вычетомъ, или же, наконецъ, работою, такъ какъ способъ расплаты зависитъ отъ условія, заключаемаго при передачѣ денегъ, отъ добровольнаго согласа между кредиторомъ и должникомъ; тутъ работа ставится въ счетъ опять таки по стоялымъ цѣнамъ, тогда какъ намъ разсказывали, что ростовщики нерѣдко берутъ четверикъ на четверть да на каждую четверть по 5 рабочихъ дней, такъ что при займѣ въ 50 р., при цѣнѣ ржи въ 6 р. за четверть, должникъ уплачиваетъ въ $^1/_2$ года процентовъ 36 р. 75 к., а на сто рублей въ годъ однихъ процентовъ 147 рублей. И все таки берутъ и на этихъ условіяхъ, когда нужда заставитъ. Чаще всего, какъ мы уже сказали, займы заключаются передъ весною до хлѣба, т. е. на срокъ немного болѣе, а иногда и какъ разъ на полгода, причемъ есть излюбленные дни, къ которымъ и подгоняется уплата долга; такими днями являются: Покровъ, если уславливались отдать долгъ изъ продажи озими и чистый понедѣльникъ, если отдать предполагалось изъ яри. На эту привычку разсчитываться въ эти дни прямо указываютъ записанныя нами у Мокши пословицы; «*Тавадьманши — шуматъ тавади*» (Покровъ день долги покрываетъ) и «*Маникоуши — шуматъ шти*» [1]) (Чистый понедѣльникъ долги очищаетъ); обычная, какъ это явствуетъ изъ поговорки «суббота долги считаетъ», русскимъ расплата по субботамъ не можетъ имѣть мѣста у Мордвы, потому что исконнымъ священнымъ днемъ у нея является пятница. Разъ деньги отданы кому либо на процентное пользованіе, то уже никакихъ залоговъ не полагается, такъ какъ деревенскій мордовскій заемъ представляетъ собою дѣло вѣрное и вполнѣ достаточно обезпеченное нежеланіемъ потерять вслѣдствіе обмана тѣнь, а слѣдовательно и всеобщее довѣріе; Мордва прямо на вопросъ нашъ о залогѣ говоритъ, что это русскій обычай, и не могла намъ объяснить значенія мордовскаго слова, обозначающаго залогъ — *кэмезь*; нѣкоторое указаніе, хотя и далеко не положительно вѣрное, даетъ намъ

[1]) Кемешкерь Кузнец. уѣздъ.

обычай, соблюдающійся при наемкѣ рабочихъ на уборку хлѣба, гдѣ всѣ подряжающіеся отдаютъ нанимателю въ видѣ залога по сапогу; намъ объясняли, что это дѣлается ради того, чтобы лишить нанимающагося возможности уйти въ другое мѣсто и быть безотлучно у нанявшаго разъ хозяина (*кэме*—сапогъ), но опять таки повторяемъ, что это объясненіе не вполнѣ достовѣрно, тѣмъ болѣе что мы слышали его отъ очень ловкаго и хитраго человѣка, который, быть можетъ, просто хотѣлъ играть намъ въ руку. Совершенно безъ процентовъ займовъ почти что не бываетъ вслѣдствіе вышеобъясненной дороговизны денегъ, за исключеніемъ развѣ краткосрочныхъ шаберскихъ перехватовъ. Взгляды народа на ростовщиковъ мы уже передали выше, а теперь скажемъ лишь, что въ добросовѣстной торговлѣ деньгами Мордва рѣшительно не видитъ никакого грѣха, но въ то же время нуждающемуся, т. е. бѣдняку всегда даетъ денегъ безъ всякихъ процентовъ или же, какъ выражаются здѣсь, «*стеава*»—на подъемъ, причемъ возврата, въ этомъ случаѣ, конечно, уже съ процентами, ожидаютъ очень долго, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не поправится обстоятельствами, не станетъ на ноги; въ виду этого обычая давать «стеава» мордовская торговля деньгами и со стороны не представляетъ ровно ничего предосудительнаго, производясь чаще всего между людьми, если и не совсѣмъ равными между собою по состоянію, все же не между богачемъ и бѣднякомъ; эксплуатаціи при этомъ рѣшительно никакой не бываетъ, такъ какъ процентъ идетъ по согласу, а согласъ этотъ основывается не на безъисходной нуждѣ, а на желаніи человѣка расширить въ данный моментъ свою дѣятельность при неимѣніи однако на это собственныхъ своихъ средствъ. При такомъ положеніи дѣла самая продажа имущества должника за долгъ не представляется до такой степени отталкивающею, такъ какъ ясно, что если долгъ не отданъ во время, то это могло произойти или вслѣдствіе какого либо несчастія, которое ни въ какомъ случаѣ не влечетъ за собою продажу имущества, а какъ бы обязуетъ кредитора вступить въ добровольное соглашеніе съ должникомъ о способахъ уплаты лежащаго на немъ долга (*ваймэ* — передышка) работою или же инымъ какимъ либо способомъ,—или же вслѣдствіе недобросовѣстности должника, которая несомнѣнно должна быть наказана. Когда попадается именно подобный недобросовѣстный должникъ, то, само собою разумѣется,

съ нимъ кредиторъ добромъ ничего не подѣлаетъ, да не особенно послушаетъ онъ и стариковъ, такъ какъ это человѣкъ безъ стыда, а потому въ этомъ случаѣ поневолѣ приходится обращаться въ волость, которая обыкновенно никакихъ документальныхъ доказательствъ существованія долга не требуетъ, а довольствуется спросомъ шабровъ, посѣчетъ недобросовѣстнаго должника за ослушаніе стариковъ, если послѣдніе совѣтовали ему войти въ соглашеніе съ заимодавцемъ, и приступаетъ къ продажѣ его имущества, которое и достается обыкновенно потерпѣвшему, имѣющему преимущественное право покупки передъ всѣми остальными покупателями. Эрзя полагаетъ совершенно немыслимымъ требовать отдачу долга раньше наступленія уговорнаго срока, да оно и понятно, такъ какъ это племя почти всѣ займы свои дѣлаетъ на усиленіе посѣвовъ и, слѣдовательно, только по уборкѣ, т. е. въ моментъ лишь наступленія срока, является возможность разсчитаться съ долгомъ; иначе стоитъ дѣло у Мокши, которая кромѣ земледѣльческихъ предпріятій имѣетъ въ виду и другія уже чисто промышленнаго пошиба, а потому и невидитъ причины, почему бы и не вернуть занятыя деньги раньше срока, если только дѣло, на которое совершенъ былъ заемъ окончено и должникъ успѣлъ расторговаться. Обыкновенно кредиторъ предлагаетъ отдать ему деньги по той или другой причинѣ; должникъ можетъ согласиться на это предложеніе или же требовать строгаго выполненія условія; если онъ соглашается немедленно выплатить деньги, то тутъ же на биркѣ дѣлается разсчетъ времени и проценты за неистекшее время вычитаются, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлается еще и 10% скидки со всей суммы процентовъ. Въ случаѣ, если бы захотѣлъ самъ должникъ разсчитаться до срока, то было бы особенною милостью со стороны кредитора вычесть проценты, такъ какъ по установившемуся обычаю онъ имѣетъ право требовать уплаты процентовъ полностью по той простой причинѣ, что онъ могъ бы пустить эту сумму въ оборотъ и она принесла бы ему такой же, если только еще не большій процентъ. Всѣ дѣла по займамъ до сихъ поръ велись на словахъ при свидѣтеляхъ и только съ очень недавняго времени стали входить въ употребленіе (да и то въ Нижегородской губерніи и въ сѣверной части Симбирской) росписки, которыя свидѣтельствуются въ волости; въ большомъ ходу были еще бирки, которыя впрочемъ

врядъ ли когда нибудь имѣли значеніе долговыхъ обязательствъ, такъ какъ подобное значеніе ихъ совершенно излишне при существованіи свидѣтельскаго удостовѣренія, а дѣлались, по всѣмъ вѣроятіямъ, лишь для памяти. Для примѣра приводимъ бирку Ивана Журавлева, которую мы получили отъ него въ с. Адашевѣ Инсарскаго уѣзда. (Знаки, изображенныя на этой биркѣ, смотри на таблицѣ).

Читается эта мудреная бирка слѣдующимъ образомъ: *Ива Карганъ—пильгэ сявань кафта—сяттъ—рупельнень мартынъ коунъ* (сбоку) *комсъ колмо шинъ* (опять въ ряду) *вехксанъ коуненъ велксысъ—максома кафта — сяттъ сисгеменъ кафта рупельненъ*, т. е. Иванъ Журавлевъ взялъ двѣсти рублей, марта мѣсяца (сбоку) двадцать третьяго дня (опять въ ряду) на девять мѣсяцевъ впередъ,—заплатить двѣстисемьдесятъ два рубля. По этой биркѣ заплачено было однако всего лишь 243 руб. 20 коп., такъ какъ заимодавецъ Филиппъ Эртовъ пожелалъ получить деньги свои по прошествіи шести мѣсяцевъ, почему и было изъ 272 руб. вычтено 24 рубля процентовъ, да 10% остающихся процентовъ или 4 руб. 80 коп., а всего 28 руб. 80 коп. Обыкновенно бирка, по которой деньги уплачены не ломается и не срѣзается, а бросается въ печь, что на этотъ разъ не было выполнено, такъ какъ Иванъ Журавлевъ бралъ эти деньги на сиротское счастье по пасѣчному дѣлу, покупалъ медъ и возилъ его въ Пензу, гдѣ и продалъ съ хорошимъ барышомъ и потому долженъ былъ беречь бирку для отчета предъ стариками въ сиротскихъ дѣлахъ. Когда хотятъ посрамить кого либо тѣмъ, что онъ медлитъ уплатою долга, что впрочемъ случается очень рѣдко, то говорятъ: «*о! кадатэ тештсъ—сьорманъ пашка*»! т. е. берегись! я тебя оставлю безъ мѣты, причемъ заимодавецъ собирается срѣзать передовую и заднюю мѣты; а такъ какъ мы знаемъ уже значеніе мѣты, то поэтому понятно, какая сильная угроза заключается въ этихъ словахъ; отсюда и пошли выраженія: «*максась печкавынъ пашка! максась вейкень печкавынъ ланьга! максась кавтонъ печкавынъ ланьга*»! т. е. отдалъ безъ рѣза, отдалъ по первому рѣзу и отдалъ по второму рѣзу. Плохой однако тотъ человѣкъ, который довелъ себя до стыда выслушать первое предостереженіе о срѣзѣ мѣты, такъ какъ ему не только никто и никогда не повѣритъ болѣе денегъ, но его будутъ даже обходить въ случаѣ необходимости собрать шабровъ—кулявынъ или послуховъ.

Что касается до договора личнаго найма, то Мордва признаетъ два рода подобныхъ договоровъ, причемъ дѣленіе это основывается на количествѣ объектовъ договора; если одинъ человѣкъ договаривается выполнить ту или другую работу, то такой договоръ называется «*сиведемя*»—наемка, тогда какъ если за какую нибудь работу берутся нѣсколько лицъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ, про это уже «*преаси—сявамо*»—подрядъ (собственно — наборъ). — Есть еще разница и въ свойствахъ отвѣтственности, вытекающей изъ полнаго или частнаго невыполненія договоровъ этихъ, такъ какъ въ наймѣ единственнымъ отвѣтчикомъ является нанимающееся лицо, тогда какъ за невыполненіе договора подряда отвѣчаютъ всѣ подрядившіеся и притомъ всѣ совершенно въ равной степени; тутъ то именно и можно наблюдать одну крайне интересную черту удовлетворенія нанимателя, а именно, въ случаѣ неисправнаго выполненія договора и заявленія убытковъ, приступаютъ къ продажѣ у одного изъ подрядившихся по жребію чего нибудь изъ скотины или иного имущества для уплаты проторей; если этого мало, то продаютъ у другого, по возможности, такой же точно предметъ и идутъ такимъ образомъ далѣе, пока не уплатится долгъ сполна. Положимъ теперь, что подрядившихся было семеро; продано по коровѣ у двоихъ; остальные пятеро уплачиваютъ приходящіяся на ихъ части деньги уже тѣмъ, чьи коровы были проданы и, такимъ образомъ, терпятъ отъ безвременной продажи только двое, а не всѣ. Но и при этихъ условіяхъ не особенно весело попасть подъ жребій, а потому жребій у Мордвы и считается чѣмъ то въ родѣ священнодѣйствія, такъ что передъ метаньемъ жребія вынимается со всѣми не разъ уже описанными обрядами озондамъ-палъ и всѣ участники ѣдятъ его по кусочку. Передъ вырѣзаніемъ озондамъ-пала читается молитва: «Шкай, оцю Шкай! видыптакъ минъ афъ-кылксъ»! (Шкай, великій Шкай! суди насъ правдиво!), затѣмъ всѣ становятся въ кружокъ, причемъ кому нибудь изъ стариковъ ранѣе образованія круга завязываютъ глаза и ставятъ его посреди образующагося круга; онъ четыре раза кланяется на всѣ четыре стороны, поднявъ руки вверхъ, а затѣмъ, дотрогиваясь поочередно до груди стоящихъ вокругъ него, говоритъ:

Келивэ маривэ,—На широкомъ морѣ,

Тюжавэ кевгэ — На желтомъ камнѣ

Уиндай Шкай: — Плаваетъ Шкай.
Уиндай кырхтафъ, — Плаваетъ сожигающій
Уиндай, шерхкайзъ, — Плаваетъ, покачиваясь,
Шарсяи Ши – Шкайсъ. — Разъѣзжаетъ Солнце—Богъ.
Йоралксылъ Шкай — Захотѣлъ Шкай
Визыптама видыптанъ, — Судъ судить,
Вала валдыптанъ, — Свѣтъ освѣтить,
Валъ валдындалъ. — Слово возвѣстить.
Сисемъ естіинза — Семерыхъ себѣ
Сисемъ кырдасисе — Семь разъ семь
Терняи кыртафъ, — Зоветъ сожигающій,
Терняи тернияндындаи, — Зоветъ — призываетъ;
Тевынъ тіяи. — Дѣло дѣлаетъ.
Куляйхтъ соньтсъ, — Слышатъ его,
Куляйхтъ кырхтавынъ, — Слышатъ сожигающаго,
Курыкста культсындайхтъ, — Скоро слушаются,
Кода терняи толкырдяфъ, — Когда зоветъ огненосецъ,
Кода терняи тернядындаи; — Зоветъ — призываетъ,
Йорама йорамста, — Волю воля̀,
Йондылетъ йордаи. — Молніи бросаетъ:
Первайсти мэрьгаи: мазы! — Первому говоритъ: хорошо!
Омытсесь марисъ йафыдяи;—Втораго — въ море бросаетъ;
Станэ йорама йораи, — Такъ волю волитъ;
Йорама йорамста, — Волю воля̀,
Иондылетъ йордаи. — Молніи бросаетъ.
Колмытсести мэрьгаи: мазы! — Третьему говоритъ: хорошо!
Нилетсесь марисъ йафыдяи — Четвертаго въ море бросаетъ.
Станэ йорама йораи, — Такъ волю волитъ,
Йорама йорамста, — Волю воля,
Йондылетъ йордаи. — Молніи бросаетъ.
Вететсести мерьгаи: мазы! — Пятому говоритъ: хорошо!
Котытсесь — марисъ йафыдяи — Шестаго — въ море бросаетъ
Станэ йорама йораи, — Такъ волю волитъ,
Йорама йорамста, — Волю воля̀,
Йондылетъ йордаи. — Молніи бросаетъ.
Сисемтсесь сисемкстъ — Седьмаго семь разъ
Сырхкаи сиваста, — Поднимаетъ за воротъ,

Симындан симдаи — Напиваться подноситъ —

Соньтсъ — естiинза сяваи [1]). — Себѣ самому беретъ. —

Это хотя и очень длинное метанье жребія представляетъ громадный интересъ, такъ какъ въ немъ несомнѣнно сохранились черты глубочайшей древности, которыя замѣтны въ образѣ гнѣвнаго бога, а также и нѣкоторыя попытки въ аллитераціи. Тотъ, на комъ придется слово «сяваи», выходитъ изъ круга, такъ какъ Богъ ему и судилъ платиться, подпасть жребію. У Эрзи подряды больше всего снимаются на постройки, тогда какъ у Мокши мы встрѣчаемъ гораздо болѣе значительное распространеніе договора подряда; здѣсь отдается съ подряда и обработка полей, и отвозъ хлѣба въ дальній хлѣбноторговый пунктъ и другія дѣла. Рѣдко когда подрядное условіе доходитъ до волости, такъ какъ завелось изстари среди Мордвы, чтобы насколько возможно избѣгать всякаго начальства; помѣщики еще иногда заставляютъ подрядившихся идти въ волость, но у купцовъ такого обычая не существуетъ и, насколько намъ удалось узнать, они не жалуются на то, что не оформливаютъ своихъ договоровъ. Тотъ, кто нанимаетъ подряжающихся отнюдь не является нашимъ подрядчикомъ, а хозяиномъ дѣла и того типа кулака-подрядчика, который успѣлъ создаться у насъ на Руси, на Мордвѣ что то незамѣтно; вся артель прямо договаривается съ хозяиномъ и только послѣ окончательнаго рѣшенія выбираетъ изъ своей среды «*кэлломань*»—(языкъ—человѣкъ), который сносится съ хозяиномъ за всю артель и управляетъ дѣлами артели подъ условіемъ отдачи строгаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ предѣлахъ договора хозяинъ является полнымъ владыкою договорившейся съ нимъ артели, но всякое излишнее требованіе разсматривается сначала всѣми членами артели, которая и рѣшаетъ, выполнить ли это требованіе или оставить невыполненнымъ; чуть только хозяинъ «хорошъ», то артель никогда непостоитъ за уступкою, но у придирчиваго и дурнаго ни одной уступки противъ договора не будетъ. О способахъ отвѣтственности за неисполненіе условій договора мы говорили уже выше, а тутъ замѣтимъ только, что, по словамъ спрошенныхъ нами хозяевъ—купцовъ, такіе случаи очень

---

[1]) Кузн. у. Кемешкерь, Степанида Пятаева; — Краснослоб. у. Шингарино, Степанъ Атяшкинъ.

рѣдки, такъ какъ артели прямой разсчетъ выполнить въ точности предпринятый ею подрядъ ради не оставленія ея безъ работы и на будущее время, такъ какъ иначе работа будетъ предоставлена другой артели, которые болѣе добросовѣстно относится къ принятымъ ею на себя обязательствамъ.

Изстари уже повелось, что земледѣльческая Мордва не охотно идетъ на нѣкоторыя мастерства и, напротивъ того, по всей Руси прославились нѣкоторые села извѣстнаго рода промышленностью: такъ, напримѣръ, въ Пензенской губерніи въ Инсарскомъ уѣздѣ какъ разъ натолкнулись на спорный пунктъ между Кимряцкими и Бутурлиновскими сапожниками; въ Саранскѣ проходитъ граница сѣверовосточнаго распространенія Воронцовскихъ шерстобитовъ, которые встрѣчаются здѣсь съ Казанскими; вплоть до Ардатовыхъ Нижегородской и Симбирской губерніи заходятъ Бирюченскіе и Оскольскіе красильщики. Тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ вовсе не доказываетъ полнаго отсутствія такихъ промысловъ среди самой Мордвы, которые занимаются всѣми вышеупомянутыми мастерствами, хотя и не славятся тою ловкостью въ нихъ, какою отличаются всѣ эти великорусскіе ходебщики; замѣтно однако, что Мордва начинаетъ тяготиться переплатою массы денегъ какъ бы въ уходные карманы и потому намъ нерѣдко случалось слышать жалобы на то, что русскіе мастеровые не охотно берутъ на выучку мордовскихъ ребятъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, по незнанію русскаго языка доставляютъ мастерамъ не мало хлопотъ. У Эрзи еще не такъ замѣтно, но у Мокши намъ приводилось наблюдать стараніе залучить русскаго ходебщика на болѣе долгій срокъ, причемъ они поневолѣ уже должны довольствоваться помощью мордовскихъ ребятъ, отдаваемыхъ имъ на выучку. Мы говорили со многими изъ этого захожаго русскаго люда и, по ихъ словамъ, ребята мордовскіе очень понятливы,—только много времени уходитъ на изученіе русскаго языка; если бы не эта причина, то они охотно бы брали ихъ на выучку, такъ какъ рѣдко какой «балуется», всегда «норовитъ хозяину потрафлять» и наконецъ «чистую отдѣлку любитъ». Работы, какъ захожимъ мастерамъ, такъ и своимъ землякамъ, отдаются обыкновенно съ подряда на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, для которыхъ никакой постоянной нормы обычаемъ не выработано и гдѣ все зависитъ отъ ряды. Одна лишь странность бросается въ

глаза всякому стороннему наблюдателю, а именно то, что всѣ заказы шерстобитамъ, швецамъ, ткачамъ, красильщикамъ, овчинникамъ и сапожникамъ дѣлаются старшею въ домѣ женщиною, на которой и лежитъ уже обязанность присматривать за добросовѣстною работою нанявшагося и вообще всѣ заботы по этому дѣлу; само собою разумѣется, что все это дѣлается съ предварительнаго совѣта или согласія хозяина, который однако не вступается ни въ переговоры и ряду, ни въ дальнѣйшія подробности дѣла; иное дѣло отдача въ ученье малолѣтка, такъ какъ тутъ, какъ и вездѣ, хозяину приходится выдерживать серіозную борьбу съ бабушками и тетушками, которыя или не признаютъ пользы ученія или же увѣряютъ, что ребенокъ слишкомъ слабъ и не вынесетъ науки. Чаще всего при отдачѣ этихъ работъ соблюдается у обоихъ племенъ такой обычай, что съ фунта идетъ осьмушка и до восьми фунтовъ съ пуда; очень рѣдко плата производится деньгами, да она и не считается шерстобитами особенно желательною, такъ какъ у него на случай разсчета всегда найдутся подъ рукою вѣсы, а на этихъ вѣсахъ и осьмушка отъ четвертки не далеко уходитъ. Въ прежнія времена въ ходу было платить шерстобитную работу на ухватъ (*повама*), причемъ уплата производилась такимъ образомъ, что шерсть клалась кучею и мастеровому предлагалось взять одною или двумя руками, смотря по трудности и количеству работы, а то брать и нѣсколько разъ изъ кучи, сколько войдетъ въ одинъ ухватъ; теперь, когда и дрова на пуды стали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продаваться, плата ухватомъ замѣнена вѣсомъ, что не особенно пріятно мастеровому ходебщику. Ткачи получаютъ плату опять таки натурою и плата эта разсчитывается съ аршина, въ размѣрѣ отъ 2 вершковъ съ аршина и до четверти, смотря по трудности работы, по качеству пряжи и по рисунку; остальные получаютъ плату отъ штуки или отъ пары и притомъ, по большей части, уже деньгами, которыя все же переводятся охотнѣе всего на хлѣбъ, масло, медъ и т. п. Отдача въ ученье дѣлается у Эрзи нѣсколько иначе, нежели у Мокши; первая, видимо, не успѣла еще хорошенько понять всю невыгодность захожихъ мастеровъ и потому отдаетъ дѣтей съ условіемъ первый годъ кормить, одѣвать и обувать ихъ, а на второй годъ требуетъ уже нѣкоторой платы, тогда какъ Мокша отдаетъ парня года на три съ условіемъ кормить, одѣвать и обувать его, но никакой платы не

требуетъ; такъ какъ на долю Мокши приходятся болѣе южные ходебщики, то у нихъ и чаще встрѣчаются ученики-Мордвины; на подобныхъ же условіяхъ находили мы Мордвиновъ-мальчиковъ въ ученьи по городамъ, а разъ видѣли даже отданнаго обучаться живописи къ странствующему живописцу. Мордва, и въ особенности Мокша, крайне сожалѣетъ объ отсутствіи ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ школъ и не разъ приходилось намъ слышать, что они охотно поотдавали бы дѣтей, въ особенности въ послѣднія; поступленіе въ казенныя школы при образцовыхъ фермахъ сопряжено съ такими трудностями, что мордовскому мальчику, плохо знающему по русски, и думать нечего поступать туда. Большею частью мастерскія работы производятся на дому у давальца; а потому и не требуется особаго удостовѣренія въ дѣйствительной отдачѣ матеріала; напротивъ того, въ случаѣ, если работа дѣлается не на дому у давальца, то матеріалъ увязывается въ мѣшокъ или веретье, на которые и наносится хозяйская мѣта. Случаи обмана и утраты матеріала довольно рѣдки, но во всякомъ случаѣ мастеръ за то и другое отвѣчаетъ деньгами, которыя взимаются съ него волостнымъ судомъ, причемъ свидѣтельство двухъ видоковъ достаточно для рѣшенія дѣла въ пользу истца. Такъ какъ ходебщики изъ года въ годъ посѣщаютъ разъ облюбованный околодокъ, то понятно, что имъ нѣтъ разсчета ославить себя со стороны обмановъ и неисправности, и поэтому и дѣла по подобнымъ искамъ встрѣчаются по волостямъ до чрезвычайности рѣдко, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на наши спросы объ нихъ намъ отвѣчали съ удивленіемъ: «какъ можно? того не бываетъ!»

Особенно часто подряжаются Мордвины на отвозку хлѣба къ примокшанскимъ, присурскимъ и приволжскимъ пристанямъ; здѣсь у нихъ все налажено, такъ какъ это дѣло бывалое и потому нѣтъ частности, которая не была бы предъусмотрѣна. Повелось за обычай, что артель возчиковъ является въ нѣкоторомъ родѣ чѣмъ то постояннымъ; члены ея могутъ выбывать и прибывать, но ядро ея остается неизмѣннымъ и блюдетъ разъ установившіяся традиціи; разъ такая артель «сбилась» или, по мордовски, «состадилась» (*куртась*), рѣдко случается, чтобы она окончательно разбилась; у нея есть излюбленный съ давнихъ поръ опытный староста (*ускафв* — вожакъ), которому извѣстны всѣ уловки торга, всѣ кратчайшія до-

роги, всѣ постоялые дворы, знакомы всѣ хозяева на этихъ дворахъ; человѣкъ онъ испытанной честности и потому артель (*марв*—куча) крѣпко держится за него. На время договоровъ его посылаютъ договариваться объ условіяхъ въ качествѣ *келломань* и онъ горою стоитъ за интересы артели. Наемка бываетъ обыкновенно отъ воза, причемъ въ возу зерна бываетъ отъ 25—30 пудовъ; впрочемъ, иной, надѣясь на силу своихъ лошадей, готовъ наложить и побольше, а потому въ послѣднее время и пошелъ договоръ не на возъ и не на четверть, а на пуды. По части отборки паспортовъ дѣло устраивается разно; если наемщикъ не успѣлъ еще ознакомиться съ членами артели или не знаетъ еще народныхъ воззрѣній на важность и силу договора, то онъ отбираетъ ради вѣрности паспорта, но разъ наемщикъ знаетъ мѣстные обычаи, онъ просто вяжется кушакомъ съ келломань и считаетъ дѣло нерушимымъ; никакихъ задатковъ съ возчика не берется и, напротивъ того, они получаютъ часто нѣкоторую часть платы впередъ, тогда какъ вся плата полностью выдается лишь по доставленіи квитанціи получателя. Дорогою всѣми путевыми расходами заправляетъ ускафъ, который между прочимъ на ночь назначаетъ караульныхъ при возахъ (*варджафъ*—отъ варджанъ—смотрѣть), но и самъ особеннаго покоя не имѣетъ. Накладная на весь грузъ находится на рукахъ у ускафа, который имѣетъ также при себѣ и бирку съ разсчетомъ, сколько кто принялъ грузу, сколько взялъ задатку, сколько кормовъ конскихъ и людскихъ ложится на долю каждаго и т. п.; такъ какъ окончательный разсчетъ дѣлается гуртомъ за весь грузъ, то бирка эта чрезвычайно важна для взаимныхъ разсчетовъ артельщиковъ и для учета (*кочкама* — очистка) ускафа по возвращеніи въ село изъ поѣздки.

Наемка сельскохозяйственныхъ рабочихъ производится различно: издѣльно, поденно и, наконецъ, въ лѣто. Рѣдкій Мордвинъ нанимается въ лѣто, такъ какъ тутъ цѣна бываетъ значительно уменьшена; у него есть всегда возможность уйти на заработки за Волгу, да наконецъ, какъ мы уже кажется имѣли случай говорить, на Мордвина всегда цѣна стоитъ выше, нежели на Русскаго (Татаринъ стоитъ еще дороже); ясное дѣло, что бѣдняку по неволѣ приходится иногда закабалить себя на все лѣто, но и это случается до чрезвычайности рѣдко, такъ какъ бѣдняку еще легче уйти за Волгу. За обработку одной десятины озимаго хлѣба установилась

плата до восьми рублей, которая иногда можетъ пасть, вслѣдствіе ли слуховъ о неурожаѣ за Волгой или мѣстнаго неурожая; за яровую десятину платятъ до семи рублей; если хлѣбъ приходится жать, то жнитво идетъ въ особую плату, причемъ косьба вычитается изъ общей цѣнности десятины. Поденная плата колеблется для мужчины отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп. съ лошадью, а бабу можно найти то за 30 коп., то за 75 коп. и рубль. Все тутъ зависитъ конечно отъ урожая, отъ количества предлагаемой рабочей силы и отъ нѣкоторыхъ другихъ условій. Вышеприведенная издѣльная плата, само собою разумѣется, касается только предварительной, преимущественно зимней наемки, на которую однако Мордвинъ идетъ очень неохотно, такъ какъ знаетъ, что лѣтомъ его же наймутъ въ розницу на десятину озими за 10 и 12 руб., а на десятину яроваго—за 8 и за 10 руб. Разсчеты за работу всегда производятся на деньги и работъ изъ за такого то снопа нигдѣ не слышно; точно также и молотьба изъ части не въ обычаѣ, что и понятно, такъ какъ говоря сравнительно, Мордвинъ болѣе или менѣе обезпеченъ хлѣбомъ и понимаетъ, что разсчетъ хлѣбомъ и зерномъ будетъ сдѣланъ всеконечно въ ущербъ ему. Что касается до помола, то плата за него полагается неравная по мѣстности; если мы возьмемъ сѣверныя поселенія Мордвы, то здѣсь (преимущественное Эрзянское населеніе) принято отдавать по 2, и при спѣшкѣ только по 3 ф. съ мѣры, что составитъ одну двадцатую и одну четырнадцатую часть, или, переводя плату на деньги—5 и 7 коп. съ рубля; на югѣ помолъ стоитъ гораздо дешевле и съ четверти платится всего лишь 15 и 20 коп., т. е. $1^2/_3$ и до $2^1/_4$ коп. съ рубля; такая разница въ цѣнахъ объясняется тѣмъ, что на югѣ есть много довольно большихъ рѣкъ и вѣтряныхъ мельницъ, которыя притомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, такъ называемыя, англійскія, т. е. мелющія несравненно болѣе и спорѣе обыкновенныхъ, русскихъ. Мельникъ водяной мельницы, какъ и у насъ водится, ipso facto, колдунъ, такъ какъ онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ Ведь—азыравы, которая держитъ ему настоящую воду, споритъ дѣло и т. п. Вслѣдствіе такихъ отношеній мельника къ былой богинѣ, понятно, что онъ пользуется и у бабъ и у дѣвушекъ особеннымъ почтеніемъ, такъ какъ никто, какъ онъ, не облегчитъ бабѣ родовъ, никто, какъ онъ, не вымолитъ безплодной молодицѣ

поносъ понести, а дѣвушкѣ жениха подходящаго; отъ бабъ перешелъ почетъ и къ мужикамъ, которые ходятъ къ нему лечиться отъ лихорадки подъ колесо и, пожалуй, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ не преминутъ съ нимъ посовѣтоваться. Не слѣдуетъ пренебрегать и вѣтрянымъ мельникомъ, такъ какъ по занятію своему онъ служитель и любимецъ древняго бога вѣтровъ—Пургине-паза, а потому у него и лечатся отъ всякаго «повѣтрія», приходятъ къ нему гадать подъ крылья мельницы, а отъ рожи подставляютъ больное мѣсто подъ сыпь муки. Хоть и повелось на Мордвѣ молоть по череду, но не безъ того, чтобы попу, начальству и знакомому человѣку не услужить помимо очереди въ видѣ почета; особыхъ поговорокъ на это не имѣется, такъ какъ дѣлается это по желанію самого мельника, а не по убѣжденію народному, а съ нимъ вступать въ препирательство не представляется выгоднымъ, такъ какъ все отъ чего онъ можетъ помо́чь, тоже можетъ онъ и наслать, намолить на того человѣка, который ему не уважилъ.

Мудреное дѣло въ крестьянскомъ быту пастушина, такъ какъ скотина для мужика все, а найти подходящаго человѣка, который съумѣлъ бы угождать Велень-пазу и другимъ богамъ, завѣдующимъ приплодомъ, а въ особенности почиталъ «*Чимъ-Паза*», который какъ «*Чимъ*» или «*Шимерьла*» [1]) или «повелитель, податель жизни» воленъ въ жизни и смерти всякого животнаго и человѣка. Быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ пастухомъ также необходимо, какъ необходимо вообще заботиться о своемъ благосостояніи, по той простой причинѣ, что если только онъ попроситъ своего покровителя «*Оцю-Ваны Велень-Пазъ*», т. е., великаго пастуха Велень-Паза, то скотина вся перемретъ и крестьянинъ раззорится. Поэтому пастушина—*ваныма* обставлена такъ, чтобы пастухъ ни въ какомъ случаѣ не былъ обиженъ. Обыкновенно пастухъ заработываетъ до 90 рублей въ лѣто, которые уплачиваются всѣмъ обществомъ по числу чередовъ (*йавама*), которые были выгнаны каждымъ домохозяиномъ. Повелось уже изстари начинать выгонять скотъ на корма съ Егорья, день празднованія котораго совершенно совпадаетъ съ мордовскимъ языческимъ празднованіемъ Велень-Пазу и нѣкоторымъ другимъ

---

[1]) Мокшанская форма: «*Шимарьа*»; *эрз.* форма отъ глагола *мерьлемсъ*—приказываю, повелѣваю, подаю, а мокш. отъ *марьанъ*, что значитъ тоже самое.

божествамъ; пастухъ уже нанятъ и стоитъ въ ожиданіи своего стада на полянкѣ передъ церковью; хозяева гонятъ свою скотину изъ скотнаго двора по семи разъ ударяя вѣткою краснотала и проговариваютъ слѣдующую молитву: «*О! Шкай оцю Шкай, Шимарга! вэрэ Шкай, Шимарга! Мезъ антама максьтъ! вэрдэ писемъ, алда лихтима, паксасъ сіора, кутсъ сембенди шумбраши, калдасысъ йолматнэ! ванымасьтъ куртынъ озалда вергездэ, озалда сельмэдэ, озалда ломанда, сембэдэ озалдадэ! Оцю Шкай! кульхтасьтъ! ванымасьтъ»!* т. е. О Боже, Великій Шкай — податель жизни! Всевышній Шкай, податель жизни! Что намъ нужно, дай! Сверху — дождь, снизу — ручьи, на полѣ — зерно, дома — всѣмъ здоровье, въ скотномъ дворѣ — приплодъ, защити стадо отъ злаго волка, дурнаго глаза, злаго человѣка, отъ всего злаго (несчастья). Великій Шкай! услыши! защити»! Въ другихъ мѣстахъ эта молитва нѣсколько измѣняется, хотя сущность ея и остается таже самая; она читается такъ: «*Оцю Ваны Велень Пазъ ватштакъ калдазень! Оцю Шкай Шимарга! максакъ тсеберень наренъ, писемень парà, шинь парà, йолматнень павасъ! Ульхтама жабатьнэ минъ— ды калгатэдэзъ, каванятэдэзъ, сюкунафтатэдэзъ — ды минтсъ, жабанэды, оцюжабанэды, кода минь илянэ тонафтамазъ*». «О великій пастухъ Велень-Пазъ! блюди скотный дворъ мой! О Великій Шкай податель жизни! дай хорошей травы, дождя во время, солнца во время, приплода счастливаго! мы твои дѣти и мы любимъ тебя, почитаемъ и кланяемся, мы сами и дѣти наши и внучки наши, какъ насъ отцы наши учили». Уже послѣ этой молитвы скотина направляется на молебствіе и окропленіе къ священнику, безъ чего тоже дѣло необходится, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насъ совершенно добродушно увѣряли, что священникъ «*оцю душманъ содафъ*», т. е. великій колдунъ и знахарь. Въ этотъ день также, какъ и на Фрола и Лавра, пастухъ собираетъ яйца и хлѣбъ, которые въ извѣстномъ количествѣ и даются ему съ каждаго череда. Только въ Петровъ день наступаетъ время взяться за разсчетъ; до той поры скотина была принята какъ бы, бездоговорно, tacitu consensu, а на Петровъ день пастухъ отправляется по дворамъ съ *падкомъ*, т. е. биркою, на которой нанесено точно и подробно отъ какого двора сколько чередовъ принято и сколько получередовъ; тутъ, кромѣ уплаты денегъ или нѣ-

которой ихъ части, полагается пастуху опять поборъ натурою, а именно: по яйцу съ череда и по 2 фун. хлѣба. Кормится пастухъ опять-таки за чередъ по дню и переходитъ все лѣто изъ избы въ избу. Обыкновенная плата за паству, если только онъ не нанятъ въ лѣто, а нанимается отъ головы, какъ это принято преимущественно у Мокши, съ лошади и коровы по пятидесяти коп., съ овцы пятьнадцать, а со свиньи 25 коп.; причемъ за ягнятъ не берутъ вовсе пастушины, а телята никогда въ стадо не гоняются. Корова и лошадь—чередъ, свинья—полчереда, а овца—четверть; отмѣтки на палкѣ дѣлаются знаками въ родѣ обозначенныхъ на таблицѣ: [1]), т. е. отъ Петра Дугина (Йонксъ) принято: череда — лошадь, 2 череды коровъ, три получереды—свиньи, да 7 четвертокъ—овецъ, а всего $6^1/_4$ чередовъ. Подпасковъ пастухъ уже обязанъ нанимать отъ себя, а при многочисленности мордовскихъ стадъ количество таковыхъ доходитъ до 5 и 6 человѣкъ. У Эрзи, если только въ Петровъ день не уплатятъ денегъ сполна, то вторымъ окончательнымъ срокомъ полагается первый снѣгъ, причемъ какъ-то не водится, чтобы деньги вносились частями, такъ какъ это, какъ мнѣ объясняли, слишкомъ усложняетъ разсчеты; напротивъ того, у Мокши существуетъ обычай производить уплату пастушины именно частями, хотя окончательный разсчетъ и не откладывается никогда позже перваго снѣга; такъ, напримѣръ, упомянутый Петръ Дугинъ уплатилъ своему пастуху на Егорья—30 к., на Петровъ день—2 руб., да на 15 августа остальной рубль; кромѣ того 12 яицъ и ковригу хлѣба фунтовъ въ 12 давалъ два раза. Если пастухъ не нравится домохозяевамъ, то они вольны взять скотину свою изъ стада, причемъ много значитъ, попала ли она на падокъ или нѣтъ; въ первомъ случаѣ пастухъ получаетъ за взятую скотину деньги полностью, а въ послѣднемъ—платы ему за нее не полагается; все это крайне выгодно устроено для обѣихъ сторонъ: такъ и пастуха хозяева тѣснить не могутъ, да и хозяевамъ невыгодно, если они съ самого начала замѣтятъ, что пастухъ относится къ своему дѣлу безпечно,—не умѣетъ нагуливать скотъ, не подладился къ перегонамъ. Если пастухъ считаетъ себя кѣмъ нибудь обиженнымъ, что случается до чрезвычайности рѣдко именно вслѣдствіе миѳическихъ воззрѣній на пастуха, то всякій споръ разрѣшается стариками, а

[1]) См. таблицу.

въ крайнемъ случаѣ доходитъ до старосты, который однако никогда не рискнетъ самъ рѣшить дѣло, а призоветъ все тѣхъ же стариковъ. Если скотина пропадетъ по недосмотру пастуха или если онъ не отобьетъ ее у волка при существованіи къ тому возможности, то онъ отвѣчаетъ за нее изъ своего жалованья по оцѣнкѣ, произведенной стариками, но едва лишь ему удастся доказать, что съ его стороны вины въ наличности нѣтъ, или что онъ долженъ былъ уступить по невозможности бороться съ превосходящей силой, то онъ не подвергается рѣшительно никакой отвѣтственности; по самой силѣ обстоятельствъ, въ этомъ случаѣ и малолѣтніе пастушенки могутъ явиться свидѣтелями въ пользу пастуха, такъ какъ достать другихъ онъ не можетъ. Также точно, если по его винѣ произойдетъ потрава, то онъ подвергается уплатѣ убытковъ изъ причитающагося ему жалованья или почередной платы. Само собою разумѣется, что не всегда пастуху удается отбить скотину у звѣря, но въ этомъ несчастномъ случаѣ требуется, чтобы онъ въ удостовѣреніе своей невиновности принесъ хозяину спасшей скотины ея шкуру, а что тутъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни подмѣны, ни какой либо хитрости, то ручательствомъ въ этомъ служитъ умѣнье разобрать, что именно звѣрнная драпь, а что сдѣлано нарочно, чтобы ввести хозяевъ въ заблужденіе и воспользоваться мясомъ животнаго при помощи проѣзжихъ шабаевъ изъ мѣстныхъ мѣщанъ.

Отношенія между хозяиномъ и его рабочимъ нельзя сказать, чтобы были особенно точно опредѣлены и даже на вопросы наши мы то получали отвѣтъ, что хозяинъ относится къ рабочимъ, какъ къ дѣтямъ, а то «какъ господинъ»; впрочемъ, эта послѣдняя форма отношеній отнюдь не должна быть понимаема въ смыслѣ особенной строгости, а просто лишь, какъ намъ кажется и какъ выяснилось изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, въ смыслѣ хозяина дѣла; конечно, здѣсь уже открывается широкій просторъ личному характеру и добротѣ или, напротивъ того, злобности характера, но по внѣшности всѣ рабочіе чувствуютъ себя очень хорошо, ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, да даже и спятъ въ той же избѣ; когда, при разговорахъ нашихъ съ работниками, мы нарочно наводили на манеру хозяевъ тѣснить своихъ рабочихъ, сосать изъ нихъ сокъ, то намъ заявляли, что подобные хозяева составляютъ рѣдкость и что на боль-

шинство изъ нихъ жаловаться не приходится. Конечно, если хозяева бываютъ дурнѣе, то и между работниками найдется не мало лѣнивыхъ и запивающихъ, но во всякомъ случаѣ хозяинъ, за какую бы провинность ни было, не смѣетъ и пальцемъ тронуть работника; «*вететскэнди вететскэ ули*», говорятъ Мордвины, полагая, что на «всякую пятерню другая пятерня есть». Тутъ, намъ кажется, будетъ умѣстно замѣтить, что во все долгое пребываніе среди Мордвы ни разу я не видалъ, чтобы отецъ или мать, а въ особенности уже кто нибудь изъ родственниковъ билъ дѣтей и когда мы обратились разъ къ одной старухѣ въ Пичилеяхъ за разъясненіемъ этого обстоятельства, то получили въ отвѣтъ: «*жабанъ мукыръ йакстергадаи вачкедаизъ, сирэтненъ шама йакстергадаи йевидяизъ*» т. е. спина дитяти краснѣетъ отъ удара, лицо родителей краснѣетъ отъ стыда. Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ битье работниковъ является совершенно уже не мыслимымъ и единственными для нихъ наказаніями могутъ быть вычеты изъ заслуженнаго жалованья, да и то если на этотъ случай была сдѣлана оговорка при наймѣ и, наконецъ, немедленный разсчетъ, не дожидаясь окончанія срока найма. Точно также и работникъ не станетъ (мы не говоримъ, конечно, объ исключеніяхъ) никогда грубить хозяину, портить на зло его вещи или его работу, но, въ случаѣ неспокойнаго своего характера, защиты онъ ни у кого не найдетъ и единственнымъ средствомъ освободиться отъ службы, которая не по нутру,—это все таки отжить свой срокъ и отойти; отходы раньше срока не въ обычаѣ, хотя въ настоящее время и начинаютъ кое гдѣ практиковаться и хозяева не требуютъ возстановленія своихъ правъ, такъ какъ рабочій остающійся по неволѣ, конечно, уже будетъ нерадиво относиться къ своему дѣлу и принудитъ такимъ путемъ хозяина не удерживать его у себя. Собственно говоря, хозяинъ рѣшительно ничѣмъ не обезпеченъ отъ убытковъ, причиняемыхъ ему нерадивостью или проступками рабочихъ; требовать не у кого, такъ какъ волостныя правленія неохотно вступаютъ въ разбирательство этихъ дѣлъ, а къ мировымъ судьямъ обращаться не выгодно по той простой причинѣ, что придется возить раза два на судбище свидѣтелей и, въ концѣ концовъ, не получишь своего, да заплатишь еще и свидѣтелямъ, такъ какъ на повѣрку окажется, что съ рабочаго нечего взять. Хорошо, если жалованье не забрано впередъ

и можно сдѣлать вычетъ на основаніи предварительной ряды, а въ противномъ случаѣ приходится терпѣть. Ни хозяинъ не имѣетъ права отказать рабочему раньше срока найма, ни рабочій не имѣетъ права отказаться отъ выслуги срока полностью; но на самомъ дѣлѣ обычай этотъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда происходятъ изъ за этого столкновенія между нанимателями и наемниками, обращается цѣликомъ въ пользу послѣднихъ и въ убытокъ первымъ, такъ какъ разъ рабочій надумалъ отойти, то онъ найдетъ сотни случаевъ такъ досадить хозяину, что этотъ по неволѣ согласится уволить недовольнаго до истеченія срока найма. Договоръ личнаго найма обязателенъ только для тѣхъ лицъ, которые его заключили и ни въ какомъ случаѣ не обязателенъ для наслѣдниковъ договорившихся рабочихъ; напротивъ того, наслѣдники хозяина обязаны додержать всѣхъ нанятыхъ покойнымъ рабочихъ до истеченія срока, такъ какъ рабочему трудно будетъ въ срединѣ лѣта искать новой работы тѣмъ болѣе, что тогда всѣ уже успѣютъ заручиться достаточнымъ количествомъ рабочихъ, а отходники всѣ уйдутъ на косовицу за Волгу. Ходовая цѣна рабочему очень не равная, такъ какъ все здѣсь зависитъ отъ того, извѣстенъ ли человѣкъ за хорошаго работника или же онъ съ грѣшкомъ; такимъ образомъ, намъ удавалось видѣть рабочихъ, получавшихъ и 50 и 60 и даже до 90 рублей въ лѣто, но послѣдняя цѣна рѣдко встрѣчается и среднею цѣною слѣдуетъ признать 60 р.; кромѣ жалованья рабочій получаетъ 5 паръ лаптей и бѣлый балахонъ—«*понаръ*», который употребляется Мордвинами на работѣ и на молянѣ, какъ и поется объ нихъ въ пѣснѣ: «*афъ килеитъ вирсъ сукуньтъ—Метшоратъ Пазынди озныть*». (не березы въ лѣсу качаются—Мордвины Богу молятся»).

Во силу крайне распространеннаго права сосѣдства завелся у Мордвы издавна обычай звать и ходить на толоку или помочь (*йалгаксъ* — подружье). Зачастую хозяинъ видитъ, что онъ рѣшительно не успѣетъ справиться съ работами, а между тѣмъ нанять работниковъ негдѣ, такъ какъ всѣ безземельные заняты, а хозяева не пойдутъ на чужую работу ни за какія деньги, такъ какъ, дай Богъ, со своею управиться; вотъ въ этихъ то случаяхъ такой хозяинъ и объявляетъ, что у него въ такой то день будетъ йалгаксъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что у всякаго на дому есть своя ѣда и потому не угощеніе привлекаетъ сосѣдей, а сознаніе необходимости

помочь человѣку, такъ какъ придетъ чередъ и самому созывать помочь. Еще съ вечера наканунѣ начинается въ домѣ всякая стряпня и варка; считается совершенно необходимымъ, чтобы было приготовлено въ избыткѣ *пуре* (на два штофа пива кладется одинъ штофъ меда и смѣсь варится въ закрытомъ на глухо горшкѣ, обмазанномъ тѣстомъ), пьяная брага, пироги съ зайчиной (*нумыленъ-пача*)—одно изъ любимыхъ блюдъ мордовскихъ, нѣсколько яичницъ (съ лукомъ, съ мясомъ, съ саломъ и т. п.) и всякое другое яство. Съ вечера рѣжутъ и варятъ лапшу, которая подается вареною въ молокѣ или жареною въ маслѣ и смѣтанѣ. Утромъ рано до восхода солнечнаго хозяинъ зажигаетъ «*озксъ—штатолцъ*», т. е. священную свѣчу, сдѣланную изъ чистаго воска и молится съ семьею и съ пришедшими къ нему на йалгаксъ сосѣдями о поданіи Богомъ и на будущій годъ урожая; наконецъ, вырѣзавши «озондамъ-палъ» и раздѣливъ его между присутствующими, хозяинъ и помочане отправляются въ поле. Обычай требуетъ, чтобы въ этотъ день ѣды въ положенное время не было, а чтобы во всякое время дня работающіе, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ расположилась хозяйка съ припасами, могли плотно закусить и хорошо выпить; полагается тутъ и водка, но въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ она плохо ютится съ пуре, а до пуре всѣ великіе охотники; все время и хозяйка и хозяинъ должны упрашивать гостей сходить закусить и выпить и увѣрять ихъ, что они ничего не ѣдятъ и не пьютъ; точно также помочанамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность церемониться, увѣрять, что они сыты по горло и всячески ломаться передъ всякою ѣдою и выпивкою. Бѣда той хозяйкѣ, про которую потомъ пойдутъ разсказывать на селѣ, что она мало просила гостей—къ мужу ея на другой разъ уже неохотно пойдутъ на помочь. Хозяинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ понуждать помочанъ къ работѣ, а тѣмъ болѣе не рискнетъ на кого нибудь изъ работающихъ прикрикнуть, да ничего этого и не нужно, такъ какъ, если онъ лѣзетъ изъ кожи вонъ для того, чтобы накормить и напоить помочанъ, то и эти послѣдніе работаютъ, сколько хватитъ силъ; само собою разумѣется, что, смотря по угощенью, бываетъ и работа и жадному хозяину никогда не сработаютъ столько, сколько сдѣлаютъ тароватому, ласковому и хлѣбосольному, такъ какъ всякій думаетъ о томъ, что, быть можетъ, и ему придется

не сегодня-завтра созывать помочь. Общихъ помочей нигдѣ въ Мордвѣ не слышно и, кромѣ годовыхъ моляновъ въ разныя времена года, никакихъ складчинъ не бываетъ. Всякая помочь можетъ быть устроена лишь вслѣдствіе нарочитаго созыва, формула котораго такая; «*сайада, минз енэлдятэдэзг, паксяненеса кшинь — салынз йархтсамсг*», т. е. приходите, просимъ васъ, на нашемъ полѣ хлѣба соли откушать.

Никакихъ товариществъ между парнями и молодыми дѣвушками ради отправленія общихъ работъ, а также и для добыванія денегъ на какую либо благотворительную цѣль или на устройство пирушки не бываетъ на Мордвѣ никогда; но, по нашему мнѣнію, тутъ именно будетъ у мѣста описать способъ устройства общихъ моляновъ, а также и «салтанъ-штатолца», такъ какъ и то и другое носитъ на себѣ всѣ признаки древнихъ братчинъ, которыя однако, какъ мы полагаемъ, отнюдь не заимствованы Мордвою у русскихъ, а ведутъ свое начало изъ сѣдой старины и вполнѣ туземнаго происхожденія. Когда наступаетъ время отбыванія общаго моляна, которое всѣмъ хорошо извѣстно, то во всякомъ мордовскомъ домѣ начинаются усиленныя хозяйственныя хлопоты по варкѣ пурэ и браги, по изготовленію яичницъ, блиновъ, пироговъ и огромнаго количества лапши; кушанья эти установлены обычаемъ уже разъ на всегда и потому никакой разницы въ приготовленіи ихъ по разнымъ домамъ не существуетъ; затѣмъ яичницы и блины складываются горками и надѣваются на чистые краснoталовые прутья, концы которыхъ связываются; лапша насыпается въ мѣшки, а въ другіе мѣшки укладываются пироги и, если только не предполагается жертвоприношеніе, куски мяса; захватываютъ кстати нѣсколько куръ и крупы для варки каши; все это берется въ такомъ разсчетѣ, чтобы не только хватило на всю семью безъ исключенія до отвалу, но и на нѣкоторое число лишнихъ людей. Когда все изготовлено, то въ назначенный день всѣ отправляются съ запасами на «*кереметь*» (мѣсто жертвоприношеній), если таковой при селѣ имѣется, или на другое какое либо мѣсто, указанное издавна обычаемъ или же назначенное для даннаго случая «*пирендяйтомз*» (жрецомъ) [1]. Куры убиваются въ честь боговъ

[1]) О молянахъ, кереметяхъ, жрецахъ и вообще о религіи Мордвы мы на-

каждою семьею отдѣльно, а бараны и быкъ или корова приносятся въ жертву самими жрецами отъ имени всѣхъ присутствующихъ; такъ какъ было бы неудобно брать для этого жертвоприношенія животныхъ у того или другого домохозяина, то обыкновенно еще заранѣе покупаются всѣ жертвенныя животныя и стоимость ихъ раскладывается по дворамъ, сообразно съ количествомъ душъ въ этихъ послѣднихъ. Ни одна семья не имѣетъ права съѣсть свои припасы, а всѣ должны выложить ихъ и затѣмъ уже ѣдятъ сообща. Если бы случилось, что заготовленное для моляна животное, находившееся у кого нибудь до поры до времени на сохраненіи и прокормѣ, пало, то тотъ у кого это случилось, обязанъ купить точно такое же животное, почему и пошла въ народѣ поговорка, что «*озындазъ кильде а кулы*», т. е. молянное животное не умираетъ. Почти на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ устраивается и «салтанъ-штатолцъ», свѣча, которая зажигается въ честь нарождающагося и затѣмъ освобождающаго отъ обуявшей его черной силы юнаго бога,-бога огня, плодородія и добра. Кадка, которая служитъ вмѣстилищемъ для «салтанъ-штатолца», всегда должна быть ежегодно возобновляема; стоитъ она по очереди то въ томъ, то въ другомъ дворѣ, но это вовсе не мѣшаетъ кому бы то нибыло устраивать свой собственный салтанъ-штатолцъ. Когда начинается вырѣзка меда, то первый добытый воскъ въ томъ или другомъ количествѣ, смотря по достаткамъ и по усердію жертвователя, бросается въ кадку, въ которой посрединѣ укрѣплена толстая веревка, свитая изъ льняной пряжи, которую доставляетъ опять-таки всякій дворъ по пасмѣ, такъ что сколько дворовъ на селѣ, столько и пасмъ въ фитилѣ салтанъ штатолца. Такимъ образомъ, кадка все наполняется и наполняется, а хозяинъ того дома, гдѣ въ томъ году стоитъ она, обязанъ ежедневно чистымъ пестомъ изъ яблоноваго дерева уколачивать куски воска по сторонамъ фитиля, чтобы образовалась въ кадкѣ дѣйствительно сплавная свѣча. Конечно приносъ воска не обязателенъ, но богъ не замедлитъ наказать того, кто пожалѣетъ для его прославленія воска, а именно

мѣрены, вслѣдствіе обилія матеріаловъ, написать особую монографію «*Религіозныя воззрѣнія Мордвы*», которая появится сначала на финскомъ языкѣ въ сборникѣ, издаваемомъ Финскимъ Литературнымъ Обществомъ по случаю пятидесятилѣтія Калевалы.

у такого жаднаго хозяина сгаснутъ всѣ пчелы и домъ спалитъ огнемъ; въ силу этого то убѣжденія и не бываетъ повидимому случаевъ, чтобы кто нибудь хитростью уклонился отъ выполненія исконнаго обычая и салтанъ-штатолцъ достигаетъ поэтому огромныхъ размѣровъ. Юный богъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и богъ-воитель, а потому никто лучше его не можетъ защитить человѣка на войнѣ, а такъ какъ мы жили среди Мордвы именно во время турецкой войны 1877—1878 годовъ, то и понятно, что въ это время воздвигались штатолцы особенно колоссальныхъ размѣровъ; такъ напримѣръ, намъ случалось видѣть штатолцы въ 20 и даже 25 пудовъ вѣсомъ чистаго воска, съ фитилемъ въ четверть въ діаметрѣ, что стоило по мѣстнымъ продажнымъ цѣнамъ отъ 250 до 300 р. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ то время, когда «салтанъ-штатолцъ» горитъ, а горитъ онъ иногда недѣлю и даже двѣ недѣли, вѣрующіе снова приносятъ воскъ и бросаютъ его въ кадку поближе къ фитилю, гдѣ вслѣдствіе жара образуется въ этой гигантской свѣчѣ впадина, заполненная горячимъ, расплавленнымъ воскомъ. Въ день такъ называемой «бабань—кши», подобный же штатолцъ, только, конечно, гораздо меньшихъ размѣровъ, устраиваютъ старухи, такъ какъ это ихъ собственный праздникъ; на дѣвичій праздникъ Ведь азыръ авы устраиваютъ штатолцъ въ складчину дѣвушки, а на Пургине Паза зажигаютъ тоже сборный штатолцъ парни. Такіе же штатолцы устраиваются по случаю общественныхъ бѣдствій въ родѣ голода, тифа повальнаго и скотьей чумы; по дошедшимъ до насъ слухамъ, огромный штатолцъ, въ 40 пудовъ воска, горѣлъ во время знаменитаго Самарскаго голода, а когда года три или четыре тому назадъ на хлѣбѣ появился червь, то въ Пензенской губерніи горѣлъ въ Инсарскомъ уѣздѣ такой же штатолцъ, хотя и нѣсколько меньшихъ размѣровъ.

Выше было уже упомянуто о нѣкоторыхъ предпріятіяхъ на артельныхъ началахъ, которыя однако у Мордвы отнюдь не пользуются такимъ распространеніемъ, какъ мы это видимъ въ селахъ съ чисто русскимъ населеніемъ; слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о земледѣльческихъ артеляхъ, которыя чрезвычайно распространены по всему мордовскому краю, а затѣмъ сообщить и объ устройствѣ переселенческихъ артелей, которыя сбиваются все чаще и чаще, благодаря добрымъ вѣстямъ изъ Томской губерніи отъ тѣхъ

кто переселился туда раньше и успѣлъ хорошо устроиться. Уже съ конца іюля по всѣмъ пристанямъ праваго берега Волги можно видѣть болѣе или менѣе значительныя толпы Мордвы, которую привычный глазъ тотчасъ отличитъ отъ великорусса, черемисина, симбирскаго татарина и чуваша, какъ ни сильна племенная нивеллировка, совершаемая совершенно одинаковою жизненною обстановкою; всѣ эти кучки располагаются на берегу въ ожиданіи прихода парохода, по преимуществу американскаго типа, который поднимаетъ огромный грузъ и притомъ беретъ небольшія цѣны; среди ожидающихъ всегда можно замѣтить одного, который видимо хозяинъ кучки: онъ и бойчѣе остальныхъ, хорошо говоритъ по русски,—видимо, человѣкъ бывалый. И дѣйствительно, это никто иной какъ «келломань», избранный еще въ селѣ, дома въ заправилы артели, такъ какъ ему извѣстны по имени и отечеству всѣ пароходные капитаны и агенты, всѣ большія хозяйства за Волгою, гдѣ несомнѣнно потребуется рабочая сила, а также и пути, всегда окольныя, по проселкамъ, а не по большимъ дорогамъ; келломань чуть ли не съ малолѣтства ежегодно ходитъ за Волгу, а потому и нѣтъ ничего мудренаго, что ему хорошо знакомы всѣ порядки и что его опытность полезна для артели; у него на рукахъ всѣ артельныя деньги, въ которыхъ онъ, конечно, обязанъ предъ товарищами отчетомъ, у него въ силу новыхъ стѣснительныхъ мѣръ увольнительные билеты, выданные волостнымъ правленіемъ; онъ дѣйствительно языкъ артели, потому что въ то время, какъ всѣ молчатъ, онъ говоритъ за всѣхъ. Только начнется нагрузка дровъ, какъ келломань уже хлопочетъ подлѣ капитана; для него нѣтъ никакихъ таксъ — онъ не признаетъ ихъ и правъ, потому что всякому капитану пріятно залучить къ себѣ на пароходъ всю эту прорву самой невзыскательной по части размѣщенія публики, хотя бы и со значительною скидкою съ обозначенной въ таксѣ цѣны. Торгъ идетъ упорный, капитанъ нѣсколько разъ гонитъ докучливаго оберегателя артельныхъ выгодъ съ траппа, а тотъ все стоитъ и нѣтъ нѣтъ да и подниметъ предлагаемую цѣну на пятачекъ. Такъ тянется дѣло до свистка, когда побѣжденный капитанъ махаетъ, наконецъ, рукой и вся, ожидавшая конца переговоровъ, толпа хлынетъ по знаку языка на палубу. Добивались иногда скидки съ таксовой цѣны въ 60 и даже въ 75%. Все это движется въ Самару, въ Балаково,

Покровское и другія лѣвобережныя низовыя пристани, гдѣ прихожіе работники расходятся по давно проторенным дорогамъ въ большія помѣщичьи и купеческія хозяйства; намъ не разъ случалось заставать такія артели уже на пути близь Иргиза, а также и по направленію къ Бугуруслану и Уфимской губерніи и тутъ келломань не поступается своими правами, такъ какъ онъ ставитъ на ночлегъ, онъ сговаривается съ хозяевами и расплачивается съ ними, если только не пришлось заночевать гдѣ нибудь въ степи. Уговаривается по приходѣ на мѣсто въ цѣнѣ опять же все тотъ же вожакъ, который получаетъ и деньги отъ хозяевъ и оканчивается его многотрудная служба только тогда, когда вся артель возвратится въ родное село по окончаніи заволжскихъ работъ, не терпящихъ проволочки и не знающихъ овиновъ. Тутъ онъ отдаетъ полный отчетъ въ произведенныхъ имъ въ оба конца и на мѣстѣ расходахъ; всѣ эти расходы дѣлятся между членами артели по ровну, а за тѣмъ уже выводится счетъ и того, что было забрано у вожака каждымъ отдѣльнымъ членомъ артели. Интересно, что если въ артели случаются больные (которыхъ, скажемъ кстати, если только артель составилась изъ новичковъ или первоходовъ, бываетъ очень много), то выработанныя артелью деньги дѣлятся на общее количество рабочихъ артели; такимъ образомъ больные получаютъ также свою долю, а доли умершихъ выдаются на руки вдовамъ и сиротамъ. Никто и не думаетъ, чтобы сбой артели былъ возможенъ по письменному договору, такъ какъ, по мнѣнію народа, это вовсе не укрѣпитъ силы ряды, а между прочимъ поведетъ къ проволочкѣ въ волости и къ уплатѣ нѣкоторой суммы за засвидѣтельствованіе документа; артели ходятъ за Волгу испоконъ вѣка, а волости открылись, сравнительно, недавно, говоритъ Мордва,—такъ какъ же было безъ нихъ-то? Намъ, впрочемъ, ни разу не приходилось слышать, чтобы среди членовъ артели возникали какія бы то ни было недоразумѣнія и смѣна келломаня въ громадномъ большинствѣ случаевъ происходитъ только вслѣдствіе его смерти или же затяжной болѣзни. За весь свой немалый трудъ келломань не остается безъ вознагражденія, такъ какъ, кромѣ своего собственнаго пая, онъ имѣетъ еще «*калдау*» или «*колдамо*» (Эрзя) «*сепэ*», что собственно значитъ, «пострадавшій карманъ, протори»; этотъ калдау—сепэ равняется всегда среднему паю и составляется изъ равныхъ взносовъ

въ него со всѣхъ членовъ артели, даже и съ больныхъ и умершихъ. Для того, чтобы еще яснѣе представить размѣры артельныхъ заработковъ, мы приводимъ здѣсь переводъ бирки Василія Топорова изъ Саранскаго уѣзда села Кочкурова за 1876 годъ; артельщиковъ водилъ въ Николаевскій уѣздъ; работали $1^1/_2$ мѣсяца; рабочихъ было 84 человѣка, умеръ одинъ, больной остался въ Балаковской больницѣ одинъ, хворало, походя, человѣкъ 12 и изъ нихъ одинъ работалъ всего 2 недѣли; выработано всего 6222 р; долей было 87 (языкова, попова и колокольная), доля равнялась 71 р. 57 к., а остальныя 63 к. положены въ кружку краснаго креста въ сельской церкви; болѣвшіе получили: одинъ 30 р. 25 к., одинъ 49 р. 75 к., трое по 52 р. 50 к., двое по 60 р., трое по 62 р. и двое по 70 р.; такимъ образомъ, изъ недобора больныхъ составилась сумма въ 74 р. 62 к., которые со всеобщаго согласія и переданы вдовѣ умершаго на работѣ. Что касается до расходовъ, то они простирались до 11 р. 20 к. на каждую душу, считая тутъ всѣ издержки общія. Слѣдуетъ замѣтить, что 1876 годъ былъ неудаченъ, а въ слѣдующемъ году за Волгу шло народа очень мало, такъ какъ всѣ безсрочные и очередные должны были остаться дома, а нѣкоторыя волости въ пылу особеннаго рвенія и вовсе не выдавали отходныхъ билетовъ и на этотъ разъ кстати, потому что кто-то по ошибкѣ потребовалъ даже одиночекъ. Полныя доли высчитываются обыкновенно соразмѣрно стоявшимъ цѣнамъ и количеству рабочихъ дней, такъ что никакой обиды здѣсь быть не можетъ; впрочемъ, конечно, не обходится и здѣсь безъ недоразумѣній. Если споры возникнутъ между членами артели, то спорящіе обязаны обратиться къ третейскому суду келломаня, рѣшеніе котораго считается въ этомъ случаѣ безапелляціоннымъ; напротивъ того, если возникнетъ какое либо недоразумѣніе между однимъ или нѣсколькими членами артели и келломанемъ, то оно поступаетъ на рѣшеніе всѣхъ членовъ артели, которое опять таки безапелляціонно. Наказаній въ артели нѣтъ никакихъ, кромѣ одного, но зато чрезвычайно чувствительнаго, а именно исключенія изъ артели, которое ведетъ за собою то, что изгнанникъ долженъ будетъ проживать все то, что выработаетъ и не принесетъ домой ничего; конечно, къ такому наказанію прибѣгаетъ артель не часто и сначала лишь стращаетъ строптивыхъ угрозою примѣненія къ нимъ этого

наказанія. Артель, собравшись въ полномъ составѣ своихъ членовъ, можетъ потребовать отъ келломаня во всякое время отчета и учета и въ случаѣ обнаруженія какихъ нибудь нехорошихъ дѣлъ смѣнить его, но такъ какъ должность эта, какъ видно изъ предъидущаго, хорошо оплачивается, то подобныя прорухи на вожаковъ и случаются до чрезвычайности рѣдко, тѣмъ болѣе, что онъ заинтересованъ въ возможно меньшихъ расходахъ артели и напротивъ того, въ возможно большемъ заработкѣ, такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается и «калдау—сепэ», заслуженное имъ вознагражденіе.

Точно такой же келломань избирается и тѣми, которые задумываютъ переселяться на новыя мѣста (преимущественно въ Томскую губернію, гдѣ въ настоящее время образовалось уже нѣсколько мордовскихъ поселковъ); онъ или бывалъ уже въ этихъ мѣстахъ или же нарочито отправляется туда, причемъ тратитъ свои деньги, которыя возмѣщаются ему переселенцами. Облюбовавъ извѣстное мѣсто, онъ ведетъ дѣло съ волостнымъ и инымъ начальствомъ въ качествѣ повѣреннаго, собираетъ съ переселенцевъ деньги на путевые расходы и выступаетъ, наконецъ, во главѣ партіи въ походъ; обыкновенно Мордва направляется на Самару, Оренбургъ и Омскъ и необходимо, чтобы отъ Оренбурга до Омска вожакъ хорошо зналъ и дорогу и постоялые дворы. Во все время пути положеніе его ничѣмъ не отличается отъ артельнаго келломаня съ тою развѣ лишь разницею, что смѣнить его, хотя бы и было желаніе, невозможно, такъ какъ другого знатока пути и мѣстныхъ условій обыкновенно не имѣется. Интересно, что во всѣхъ описаніяхъ бѣдствующаго положенія переселенцевъ по разнымъ промежуточнымъ городамъ намъ ни разу не попадалось упоминаніе о томъ, что страдальцы эти Мордва; да, насколько намъ извѣстны условія мордовскихъ переселеній, такихъ страданій не можетъ и быть, потому что переселяется Мордвинъ чаще всего состоятельный, ради возможности еще болѣе возвысить свое благосостояніе и къ тому Мордва идетъ не на обумъ, а совершенно порѣшивши всѣ дѣла по закону у себя дома и впередъ намѣтивши себѣ мѣсто для поселенія въ Сибири; по этому то, какъ мы полагаемъ, съ Мордвою и не можетъ случаться такихъ бѣдъ, какія случаются съ несчастными русскими крестьянами, ищущими новыхъ сельбищъ вслѣдствіе голода и безденежья.

Таковы правовыя отношенія Мордовскаго народа, сохранившія почти цѣликомъ всю свою оригинальность, несмотря на вѣковое сожительство съ русскими. Да не будетъ намъ поставлено въ вину, если картина эта не полна—мы сдѣлали все отъ насъ зависѣвшее, чтобы дать, по крайней мѣрѣ, хотя этотъ скромный трудъ по юридическому быту мильоннаго народа, для того чтобы возможны были дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи. Мы будемъ вполнѣ счастливы, если эта во многихъ отношеніяхъ неполная и несовершенная работа вызоветъ подобныя же изслѣдованія среди остальныхъ приволжскихъ финскихъ народовъ и поправки и дополненія, въ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, недостатка не будетъ.

В. Майновъ.

Гельсингфорсъ
26-го Октября 1883 г.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*	*Стран.*
находищимся	находящимся	6
нечто	ничто	16
хвалыл.	хвалын.	27
послѣдние	послѣднее	34
вымѣстить	выместить	—
тетюшевской	терюшевской	97
тѣмь	тѣмъ	131
tacitu concensu	tacito consensu	133
бизъ	безъ	136
заработываемыхъ	зароботываемыя	141
пользуется	пользуются	144
126	162	162
сиротѣлыхъ	осиротѣлыхъ	167
восраста	возраста	168
пожлаѣть	пожалѣть	169
безапеляціонно	безапелляціонно	171
сомо	само	—
современно	совершенно	183
право	правъ	190
значенія	значеніе	222
неосилитъ	не осилитъ	224
купли—продажи	купли-продажи	225
да, иасколько	да насколько	266

Къ страницѣ 196:

/ I, II, III *тяпки* — „*тулатъ*“
[лежащій] — „*удаф-тула*“
утки — „*пилятъ*“
солнце — „*ши*“
заячья нога — „*нумилен-пильгэ*“
колодезь — „*лисима*“
журавль — „*карга*“
птица — „*кармынъ*“
гора — „*панда*“
скоба — „*чанджсыма*“
вилы — „*тсянга*“
полсѣдёлки
сѣделка — „*кининге*“
капканъ — „*кундама*“
дуга — „*йонъкcъ*“
журавлиная лапа — „*карганъ-пильгэ*“
коса — „*пеельме*“
человѣкъ — „*ломанъ*“
лошадь — „*лисимэ*“
домъ — „*кудъ*“
береза — „*келу*“
сосна — „*пиче*“
быкъ — „*бука*“
молотъ — „*тсіотмаръ*“
топоръ — „*керъсяфъ*“ и „*ужыръ*“
серпъ — „*тарвасъ*“
костеръ — „*томбамъ*“
вѣтки — „*сюркстъ*“
заборъ — „*пэльтъ*“
колесо — „*шари*“
лодка — „*венисъ*“
дымъ — „*катшамо*“
вода — „*ведъ*“

Къ страницѣ 196:

а — ɰɰɰ : ₽

б — Р

в — Р

Къ страницѣ 197:

г — ⩘

д —

Къ страницѣ 244:

Ψ Ж Ж X))) (||||||||) ✱ ✱ ✱ ⊣ = Ψ

сбоку

† ≡

Къ страницѣ 255:

∩ ◊ ◊ ◊ ΛΛΛ |||||||

КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ А. ИЛЬИНА ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ.

